

ПЕРМСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ

РУССКИЙ ЯЗЫК И ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТИРЫ СОВРЕМЕННОГО МИРА

Сборник материалов
международной
научно-практической конференции

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

РУССКИЙ ЯЗЫК И ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТИРЫ СОВРЕМЕННОГО МИРА

Сборник материалов
международной научно-практической конференции
(Пермь, ПГНИУ 2–3 февраля 2024 г.)

Пермь 2024

УДК 811.161.1
ББК 81.2Рус
Р894

Русский язык и ценностные ориентиры современного
Р894 **мира [Электронный ресурс] : сборник материалов междуна-
родной научно-практической конференции (ПГНИУ,
2–3 февраля 2024 г.). / под общ. ред. Н. В. Данилевской ;
Пермский государственный национальный исследова-
тельский университет. – Электронные данные. –
Пермь, 2024. – 3,48 Мб ; 420 с. – Режим доступа:
[http://www.psu.ru/files/docs/science/books/sborniki/Russkij-
yazyk-i-cennostnye-orientiry-sovremennogo-mira.pdf](http://www.psu.ru/files/docs/science/books/sborniki/Russkij-yazyk-i-cennostnye-orientiry-sovremennogo-mira.pdf). – Загла-
вие с экрана.**

ISBN 978-5-7944-4125-3

Сборник включает результаты лингвистических исследований, представленных на Международной научно-практической конференции «Русский язык и ценностные ориентиры современного мира», которую провела кафедра русского языка и стилистики Пермского государственного национального исследовательского университета. Конференция была посвящена обсуждению вопросов состояния русского языка в современном обществе, проблемам динамики и развития типов коммуникации, а также обсуждению задач школьного и вузовского гуманитарного образования.

Издание адресовано специалистам по русистике, преподавателям, методистам, аспирантам, магистрантам и студентам высших учебных заведений.

УДК 811.161.1
ББК 81.2Рус

*Издается по решению кафедры русского языка и стилистики
Пермского государственного национального исследовательского университета*

Рецензенты: декан филологического факультета Глазовского государственного инженерно-педагогического университета им. В.Г. Короленко, канд. филол. наук, доцент **Е. Ю. Богданова**;

зав. кафедрой русского языка Астраханского государственного университета им. В.Н. Татищева, д-р филол. наук, доцент **М. Л. Лантева**

ISBN 978-5-7944-4125-3

© ПГНИУ, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

I. РУССКИЙ ЯЗЫК В СОВРЕМЕННОМ НАУЧНОМ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Абросимова Е. А. Дискурсивная личность ветеринарного врача в аспекте категории интертекстуальности	7
Базылев В. Н. Школьный литературный канон как идеологический конструкт.....	14
Епифанова В. В. Уникальность предметов и лиц как семантический тип словосочетаний в аспекте РКИ.....	22
Иванов А. Э., Булаш И. Р., Лабкова Я. Н. Структура и прагматика часто задаваемых вопросов в английском и русском языках	28
Котюрова М. П. Актуальные проблемы научного текста (в речеведческом отношении)	36
Краснобаева-Черная Ж. В. Роль аксиофразеологической прагматики в воспитании языковой личности.....	44
Макшанцева Н. В. Формирование духовно-нравственной личности средствами русского языка: идеи и современные подходы.....	52
Полякова И. В. Культура речи в формировании языковой личности	61
Родионова И. Г. Тематика авторских афоризмов К. Г. Паустовского	67
Соловьева М. А. Использование неосоократовского метода в исследовании лингвокультурно маркированных концептов.....	75

II. АКТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ И ЕГО СТИЛИСТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ

Баженов Н. Ю. Наименования человека по критерию <i>опытный/неопытный</i> в русских говорах: семантический аспект (по материалам Словаря русских народных говоров)	85
Бурменкова Ю. А. Концепт «брат» в художественном пространстве романа Ф.М. Достоевского «Бесы»	97
Гришкова Л. В. Активные лексические процессы в русском языке	105

Резников Д. Р. Прецедентные феномены в тексте повести «Кошмар на улице Стачек» А. Кивинова.....	113
Смолина А. Н. Идейные и языковые особенности документальных церковно-религиозных текстов.....	127
Черноусова А. С., Шнейдер В. К. Аббревиатуры в текстах современных СМИ: структурные и тематические особенности.....	147
Чиговская-Назарова Я. А., Калинина Л. А. Функционально-семантическая характеристика глаголов профессионально-трудовой деятельности в русском языке.....	154

III. ДИНАМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Боронникова Н. В., Тульгибаева П. М. Личная сфера говорящего в спонтанных текстах татароязычных билингвов.....	168
Вэнь Фэйфэй Трансформация концепта «любовь» в русской языковой картине мира: на материале текстов современных русских поп-песен.....	180
Ляшенко Е. С. Динамические процессы через призму славянской и английской лингвокультур.....	189
Паршина О. Д. Прецедентный феномен «За МКАДом жизни нет» как пейоративное обозначение провинции.....	197
Федосеева Л. Н. Паремнологические трансформации в русской языковой картине мира.....	208
Федюнина И. Э., Богачев Р. Е. Фразеологизмы с семантикой деловой активности в русской языковой картине мира.....	215
Чучкевич И. В., Иванов А. Э., Крайнова Е. Ю. К вопросу о семантической классификации предикатов в английском и русском языках.....	223
Юрикова К. Ю. Особенности образования фамилий предпринимателей Елабуги XIX–нач. XX века.....	231
Яо Бо Тема семьи в русских рекламных плакатах советского периода.....	238

IV. ЯЗЫК И ПОЛИТИКА. ЯЗЫК ИДЕОЛОГИИ В СОВРЕМЕННЫХ МАССМЕДИА

Абдикадыр И. А. Языковые особенности у репатриантов-казахов в полиязычном Казахстане	246
Басовец И. М. Идеологическо-прагматический потенциал конструкций деавторизации в современных медиатекстах	253
Данилевская Н. В. Язык аргументации в «горячих» текстах современных медиа	261
Кириллова К. И. Роль деструктивной метафоры в формировании современной политической картины мира (на материале идеологемы США в российских газетных массмедиа)	271
Крижановская Е. М. Образ России в телеграмм-канале Д. А. Медведева	281
Смолин Д. Д. Об особенностях аргументации в судебных речах и выступлениях Р. А. Руденко	292
Чжан Боя Реконтекстуализация как механизм порождения поликодовых текстов	311

V. МЕТОДЫ И ФОРМЫ ШКОЛЬНОГО И ВУЗОВСКОГО ОБУЧЕНИЯ В УСЛОВИЯХ МЕНЯЮЩЕГОСЯ МИРА

Журавлева Н. С. Доказательное проектирование школьного языкового курса «Языковая личность через концепты»	323
Кабанова С. А. Пословицы – бессоюзные сложные предложения в практике преподавания русского языка в вузе	329
Лукина Н. В. Особенности стратегии самопрезентации в педагогической коммуникации (на материале видеоуроков по русскому языку на платформе www.youtube.com)	340
Михайлова И. В. Интерактивные технологии при обучении РКИ как средство мотивации иностранных студентов к обучению	349
Мухамбеткалиева К. С. Адаптация студентов-первокурсников к обучению в вузе	355
Сафонова Н. Н. Визуализация учебной информации на уроках русского языка	362

Сидоренко Е. В. Региональный компонент на занятиях по РКИ: Нижегород как концепт русской культуры.....	376
Соловьева Н. В. Лингвокультурологический анализ текста как вид учебно-исследовательской деятельности студентов-гуманитариев.....	384
Тихомирова Л. С., Батуева Е. С. Игровые технологии на уроках английского языка при обучении детей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ)	394
Туманова О. С. Преподавание академического письма в старших классах: опыт лицея ПГНИУ	401
У Цюн Система обучения русскому языку и литературе в китайских университетах	409

I. РУССКИЙ ЯЗЫК В СОВРЕМЕННОМ НАУЧНОМ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

УДК 811.161.1'42

Е. А. Абросимова

*Омский государственный аграрный университет
им. П. А. Столыпина, г. Омск, Россия
к.филол.н., доцент кафедры иностранных языков*

Ekaterina A. Abrosimova

*Omsk State Agrarian University
named after P. A. Stolypin
Omsk, Russia
Ph.D., Associate Professor of the Department
of Foreign Languages*

ДИСКУРСИВНАЯ ЛИЧНОСТЬ ВЕТЕРИНАРНОГО ВРАЧА В АСПЕКТЕ КАТЕГОРИИ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ

DISCURSIVE PERSONALITY OF A VETERINARIAN IN THE ASPECT OF THE CATEGORY INTERTEXTUALITY

Аннотация. Статья посвящена интертекстуальности ветеринарного дискурса, отражающей его понятия и ценности. На материале мемуаров отечественных и зарубежных ветеринарных врачей, а также терминов-эпонимов, фиксирующих в своей внутренней форме различные прецедентные феномены, анализируется интертекстуальное поле ветеринарного дискурса. Полученные данные сравниваются с результатами анкетирования студентов ветеринарного факультета, предлагается корректировка учебных курсов лингвистического блока с целью совершенствования интертекстуального тезауруса дискурсивной личности ветеринарного специалиста.

© Абросимова Е. А., 2024

Ключевые слова: интертекстуальность, ветеринарный дискурс, дискурсивная личность, эпонимы

Abstract. The article is devoted to the intertextuality of veterinary discourse, reflecting its concepts and values. Based on the memoirs of Russian and foreign veterinarians, as well as eponymous terms that capture various precedent phenomena in their internal form, the intertextual field of veterinary discourse is analyzed. The data obtained are compared with the results of a survey of veterinary faculty students, and adjustments to the training courses of the linguistic block are proposed in order to improve the intertextual thesaurus of the discursive personality of a veterinary specialist.

Keywords: intertextuality, veterinary discourse, discursive personality, eponyms.

В настоящее время одним из актуальных направлений лингвоперсонологии становится изучение дискурсивной личности, участвующей и в производстве, и потреблении дискурса [Ревзина 2005] и играющей важную роль «в формировании среды дискурса» [Резанова, Скрипко 2017: 191–192]. В данном докладе под дискурсивной личностью понимается участник определенного дискурса как коллективный субъект – носитель «общих когнитивных установок, складывающихся в пределах того или иного дискурса и соответствующих специфической дискурсивной картине мира» [Михайлова, Михайлова 2021: 24]. При этом дискурсивная личность совмещает в себе индивидуальные и обусловленные определенной коммуникативной сферой обобщенные черты. Разрабатывая типологию дискурсивных личностей для определенного типа дискурса, исследователи анализируют коммуникативную и личностную доминанту [Мальшева 2011], преобладающие ценности, которые находят отражение в речевых практиках участников дискурса, а также в принимаемых профессиональных решениях [Graaf 2005]. Так, в зависимости от того, что именно является основным ценностным ориентиром агента ветеринарного дискурса (здоровье и благополучие животного, интересы фермера, научное знание и т.д.), G. de Graaf выделяет несколько типов ветеринарных вра-

чей, которые могут следовать различным стратегиям в ряде рабочих ситуаций.

Актуальной для лингвоперсонологии является проблема становления языковой личности, что соотносится в дискурсивной парадигме с формированием картины мира специалиста и обретением им профессиональной идентичности: «для успешной, результативной коммуникации необходимо, чтобы говорящие в полной мере владели принятыми в рамках дискурса способами общения» [Михайлова, Михайлова 2021: 26].

Среди различных аспектов анализа дискурсивной языковой личности особое место занимает характеристика ее интертекстуального тезауруса, связанного с когнитивными доминантами, целями и ценностями того или иного дискурса.

Ветеринарный дискурс относится к достаточно закрытым, немедийным, малоисследованным в языковом плане сферам человеческой деятельности. При этом, в связи с развитием ветеринарной этики и деонтологии, переосмыслением таких понятий, как статус, роль, права животного, введением новых экологических стандартов, повышается интерес к ветеринарии как коммуникативному феномену. Однако, если основные концепты, цели, ценности ветеринарного дискурса постепенно находят отражение в исследованиях, то его интертекстуальная специфика остается нерассмотренной. Между тем ветеринарный дискурс, по видимому, располагает определенным набором интертекстуальных знаков, обладающих функцией узнавания «своих», что особенно важно в процессе обучения, при передаче ценностей и академических традиций.

На первом этапе работы мы попытались рассмотреть обобщенный, идеализированный интертекстуальный портрет ветеринарного специалиста. Для этого были проанализированы отсылки к «чужому слову» в опубликованных записках и воспоминаниях известных ветеринарных врачей, как отечественных, так и зарубежных (среди рассматриваемых авторов Дж. Хэрриот, Н. Фитспатрик, Дж. Крэнстон, А. Калиновский, С. Бакатов, А. Худяк и др.), а также ветеринарные термины-эпонимы, мотивированные тем или иным прецедентным феноменом.

В произведениях мемуарного характера, авторами которых являются ветеринары, помимо цитат из текстов, отражающих индивидуальные предпочтения и вкусы, содержится большое количество отсылок, образующих общее интертекстуальное поле: цитаты из Священного Писания и «большой литературы», раскрывающие мысль о ценности всего живого на земле; к детским произведениям о животных; к текстам писателей-натуралистов; знаковым профессиональным текстам (в том числе учебникам, словарям и справочникам); отсылки к медицинским прецедентным текстам и именам; к произведениям других ветеринарных врачей, особенно книгам Дж. Хэрриота, по которым было снято несколько кинофильмов. Такие цитаты, во-видимому, становятся своеобразными формулами, маркирующими «свой» круг, разделяющий ценности ветеринарного дискурса: любовь к животным, уважение к законам природы, научный подход, критическое мышление, коллегиальность, медицинские традиции. Подробно результаты данного исследования изложены в статье «Интертекстуальная специфика ветеринарного дискурса (на материале записок и воспоминаний ветеринарных врачей)» [Абросимова 2023].

Ветеринарная терминология, прошедшая длительный путь формирования, фиксирует множество прецедентных феноменов, связанных с научными открытиями (именами исследователей, врачей и пациентов, географическими названиями, атрибутами эпохи, яркими событиями прошлого). Так, например, номинация *штутгартская болезнь* (одно из названий лептоспироза) отсылает к прецедентной ситуации – выставке собак в городе Штутгарте, после которой многие животные-участники оказались зараженными данной болезнью. Термин *елизаветинский воротник* (ветеринарное приспособление в форме усечённого конуса, служащее для того, чтобы не давать животному повреждать определенные участки тела – обычно после операции) отсылает к детали одежды, модной в эпоху правления королевы Елизаветы I. Один из типов постанова конечностей собак получил название *в стиле чиппендейл* (такой постанова конечностей, когда локти животного разведены в стороны, а пясти сведены, при положе-

нии пальцев наружу, мотивирован номинацией стиля третьей четверти 18 века – «чиппендейл», характерной чертой которого были особые изогнутые ножки мебели). Ряд терминов образован от фамилий ученых, впервые описавших ту или иную структуру тела (*куперовы железы, куперит*) или открывших паразита, вызывающего болезнь (например, *мюллериоз* – заболевание животных, вызываемое возбудителем, названным в честь исследователя Мюллера). Один из ветеринарных терминов получил название, запечатлевшее кличку собаки, у которой впервые была обнаружена патология: *болезнь Спайка*.

Таким образом, терминология ветеринарного дискурса фиксирует множество прецедентных феноменов, и при каждом употреблении термина-эпонима актуализируется определенная культурно-историческая информация. Как известно, статус эпонимов в языке медицины и ветеринарии не вполне определен: ведется дискуссия о целесообразности их использования. Однако несомненно, что эпонимы являются памятниками научных открытий и транслируют такие ценности ветеринарного дискурса, как уважение к традиции, интерес к личности исследователя или пациента, а также особый, творческий взгляд на неизвестный феномен (последнее касается метафорических эпонимов типа *елизаветинский воротник* или *конечности в стиле чиппендейл*).

Далее мы попытались рассмотреть, насколько выделенные ценности осознаются и разделяются дискурсивной личностью на этапе ее формирования. Были проанализированы письменные ответы студентов-первокурсников на вопросы, связанные с этими ценностями (данные были получены с помощью анкетирования, а также устного диалога-обсуждения; опрошено 50 респондентов). В целом, первокурсники продемонстрировали высокую степень согласия с такими ценностями ветеринарного дискурса, как академизм, традиционность, критическое мышление и любовь к животным и природе в целом. Коллегиальность и клиентоориентированность же гораздо в меньшей степени были отмечены в ответах студентов. При этом респонденты редко опознавали интертекстуальные знаки, входящие в интертекстуальное поле ветеринарных врачей – авторов мемуаров, но в

большинстве случаев понимали наличие культурной информации, зафиксированной во внутренней форме терминов, хотя лишь немногие могли ее верно передать.

Третьим этапом работы стала корректировка учебных курсов лингвистического цикла (*Иностранный язык, Латинский язык, Русский язык и деловое общение, Основы межкультурной коммуникации* и др.) с целью максимального знакомства обучающихся с профессиональным интертекстуальным тезаурусом.

Так, например, студенты под руководством преподавателя в рамках внеаудиторной самостоятельной работы и научного кружка по терминологии составляют словарь ветеринарных эпонимов с развернутым культурологическим комментарием к каждому термину. Традиционно курс ветеринарной латыни включает знакомство с афоризмами, которое мы предлагаем дополнять не только изучением исторического и культурного контекста той или иной фразы, но чтением отрывков ветеринарных и медицинских произведений, где она употребляется: в учебниках, статьях, а также в записках и воспоминаниях врачей. Например, высказывание *Vis medicatrix naturae* (*Целительная сила природы*), приписываемое Гиппократу (греч. *Νόσων φύσει ἰητροί*), используется в знаменитых рассказах Дж. Хэрриота, английского ветеринара, автора нескольких известнейших книг: «‘But Mr Herriot, ‘Mrs Westby’ seyeswerewide, ‘how on earth has this happened? How has he got better?’ ‘Vis medicatrix naturae,’ I replied in tones of deep respect. ‘I beg your pardon?’ ‘The healing power of nature. Something no veterinary surgeon can compete with when it decides to act.’» [Herriot 1986: 447].

Также студентам предлагается прочитать отрывки из различных произведений, цитируемых в ветеринарных мемуарах для выражения такой ценности, как любовь к природе и всем живым существам: Священного Писания, «Колокола» Джона Донна, «Маленького принца» А. де Сент-Экзюпери, текстов Э. Сетона-Томпсона, Дж. Даррела, Джой Адамсон и т.д.; полистать старые издания словарей и классических учебников, по которым учились авторы записок и воспоминаний; попытаться найти в интернете фотографию бордер-терьера Спайка, именем которого названо

заболевание, портреты исследователей, именами которых мотивированы термины; посмотреть картины эпохи Елизаветы I, чтобы понимать, как выглядел реальный елизаветинский воротник, в честь которого названо приспособление для животных; зарисовать в тетради ножки мебели в стиле чиппендейл и сравнить их с поставом конечностей собак *в стиле чиппендейл*.

Таким образом, лингвистические дисциплины, входящие в учебный план будущих ветеринаров, могут способствовать развитию интертекстуального тезауруса, помогающего формированию дискурсивной личности ветеринарного врача.

Библиографический список

Абросимова Е. А. Интертекстуальная специфика ветеринарного дискурса (на материале записок и воспоминаний ветеринарных врачей) // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2023. № 2(39). С. 71–77.

Мальшева Е. Г. Русский спортивный дискурс: лингвокогнитивное исследование. Омск: Изд-во Ом. гос. унта, 2011. 324 с.

Михайлова О. А., Михайлова Ю. Н. Дискурсивная личность: опыт лингвоаксиологического анализа // Политическая лингвистика. 2021. № 6 (90). С. 23–31.

Ревзина О. Г. Дискурс и дискурсивные формации // Критика и семиотика. Вып. 8. Новосибирск, 2005. С. 66–78.

Резанова З. И., Скрипко Ю. К. Дискурсивная языковая личность участника виртуального фан-сообщества // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 1. С. 191–196.

Herriot J. Dog stories. New York: St. Martin's Press, 1986. 548 p. [Электронный ресурс] URL:https://books.google.ru/books/about/Dog_stories.html?id=uzstDfHPi_0C&redir_esc=y (дата обращения 20.12.2023).

Graaf G. de. Veterinarians' Discourses on Animals and Clients // Journal of Agricultural and Environmental Ethics. 2005. Vol. 18. Pp. 557–578.

В. Н. Базылев

*ИНОИЦ «Алмавест» – руководитель издательского
направления;
международный научный журнал «Научные доклады
высшей школы. Филологические науки» –
первый заместитель главного редактора, д.филол.н.
г. Москва, Россия*

Vladimir N. Bazylev

*INOIC «Almavest» – head of the publishing direction;
international scientific journal «Scientific reports
of higher education. Philological Sciences» –
First Deputy Editor-in-Chief, Doct. of Phil.
Moscow, Russia*

ШКОЛЬНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ КАНОН КАК ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОНСТРУКТ

THE SCHOOL LITERARY CANON AS AN IDEOLOGICAL CONSTRUCT

Аннотация. В статье анализируется специфика развития российского канона литературного образования в школе и педагогическом вузе; обозначаются проблемы современного преподавания литературы в школе в условиях новых идеологий, сделан вывод о связи между национальной идентичностью, образованием – школьным и вузовским, и литературным канонам.

Ключевые слова: социология литературы; социальный статус литературы; литературный канон; преподавание литературы в школе, идеология.

Abstract. The article analyzes the specifics of the development of the Russian canon of literary education at school and pedagogical university; identifies the problems of modern teaching of literature at school in the con-

text of new ideologies, concludes about the relationship between national identity, education – school and university, and the literary canon.

Keywords: sociology of literature; social status of literature; literary canon; teaching literature at school, ideology.

Связь между национальной идентичностью, образованием – школьным и вузовским, и литературным канонами становится сегодня актуальной как никогда. При этом, как полагает А. И. Вдовин, многие идейные и идеологические конструкции нынешнего времени придают понятию «канон» некий инерционный импульс, который позволяет удерживать ему свои позиции в самых разнообразных лингвокультурах, представленных в Российской Федерации [Вдовин 2013: 160].

Ведь до сих пор, традиционно, главным результатом изучения литературы считается освоение книг, входящих в так называемый «школьный канон». Это касается не только школы, но и педагогических специальностей университетов. При этом «учитывается», и не в последнюю очередь, воспитательный потенциал текстов, которые введены в канон.

Вспомним о том, что на заре советской новой школы, когда работой по созданию программы по литературе руководил литературовед и лингвист Павел Сакулин, в ней отчетливо проглядывались идеи, которые обсуждались в педагогической среде незадолго до революции, в частности в 1916–1917 годах на I Всероссийском съезде преподавателей русского языка и словесности. Павел Сакулин воспроизвел в своей программе многие принципы, сформулированные на этом съезде. Основу программы составляла в основном русская литературная классика XIX столетия. Целью преподавания литературы, так было объявлено, – добиться эмоционального восприятия и самостоятельного осмысления школьниками прочитанного. Однако нестабильность советского общества 20–30-х годов вела к нестабильности системы школьного образования. Это не позволяло устояться ни программам, ни учебникам. За это время сменилось целых три поколения школьных учебников. Лишь к концу

30-х годов была подготовлена программа, которая без особых изменений продержалась до хрущевской оттепели. Она пережила брежневский застой, горбачевскую перестройку, 90-е годы и начало нулевых. В основном своем ядре она дожила до сегодняшнего времени. Что-то менялось, но непоколебимой оставалась концепция школьного курса, которая в полной мере соответствовала словам, сказанным на совещании, посвященном преподаванию литературы в средней школе, 2 марта 1940 года Семеном Гуревичем:

«Прежде всего, одна большая неприятность у нас в преподавании литературы – это то, что преподавание стало трафаретом <...> Трафарет невероятный. Если выкинуть фамилию и начать рассказывать о Пушкине, о Гоголе, о Гончарове, Некрасове и т.д., то все они народные, все они хорошие и гуманные. Кем-то пущенное слово «изнародование» литературы заняло такое место в преподавании литературы, как несколько лет тому назад занимали социологические определения <...> Если несколько лет назад ребята выходили из школы с мнением, что Некрасов – это кающийся дворянин, Толстой – это философствующий либерал и т.д., то сейчас все писатели – такие изумительные люди, с кристальными характерами, с замечательными произведениями, которые только и мечтали, что о социальной революции» [цит. по: Павловец 2016: 39–40].

Колебания маятника педагогических преобразований становятся сегодня все более широкими. Обязательный список меняется на список рекомендательный, а затем все повторяется. То учителю дают право самому выбрать из предложенного перечня имена и произведения с учетом интересов и уровня учеников, то ограничивают его в выборе. Вспомним, как в середине 60-х начинали обсуждать проблему доступности текстов русской классики для современного читателя. Тогда уже находились смельчаки, спорящие с тем, что «Войну и мир» следует обязательно изучать в полном объеме. Сегодня все более укрепляется позиция, что большинство представителей поколения Z неспо-

собны осилить подобный текст. Не говоря уже о том, что массовое распространение получает феномен цифровизации всей русской классики: от аудиокниг до видеоряда различного объема и интерпретации. На первый взгляд, это решает проблему и нечтения, и адаптации сложных или исторически далеких смыслов классических произведений к восприятию их широкими массами. С идейной проблематики переносится акцент на сюжет, чувства героев и их судьбы.

Все это, безусловно, «работает» и «работает» хорошо. **Объективно современные тенденции школьного и вузовского образования по литературе связаны с обеспечением развивающего обучения, формирующего личность обучающегося.** Основным результатом становится освоение обобщенных способов действий. К таковым относятся мыслительные операции (анализ, синтез, обобщение, классификация и т.п.); знаковые языковые средства, в форме которых усваивается знание; фоновые знания, посредством включения в которые структурируется индивидуальный познавательный опыт, тезаурус обучающегося. Следовательно, эволюция эстетических литературных вкусов обучающихся зависит от развития и взаимодействия образного и логического мышления, а также мыслительных операций.

Вспомним, как на рубеже 20-ых годов XX века В. В. Данилов говорил о том, что основное место на уроке литературы должно быть отведено исследованию внешней (язык и стиль) и внутренней (система образов) формы произведения [Данилов 1917: 103]. Об этом же писала М. А. Рыбникова: «Природа литературы раскрывается в понятиях образности, эмоциональности, в сложной системе ее проблем, в ее методе (мышление в образах)» [Рыбникова 1985: 26].

Это в полной мере относится к изучению переводной литературы с/на языки народов России.

Так, Р. З. Хайруллин справедливо полагает, что «посредством художественных произведений учащихся необходимо приобщать к культуре других народов, их традициям, обычаям,

постижению их менталитета, национальной психологии, национальному характеру и т.д., так как любая национальная литература вбирает в себя достижения отечественной и мировой материальной и духовной культуры, культурные реалии современности и прошлого, специфические национальные обряды и обычаи, религиозные представления народа» [Хайруллин 2015: 114].

Хотя, можно встретить мнение, что легче всем читать по-русски, чем заниматься переводами с/на языки народов РФ. Те, кто так думают, не учитывают феномен любви к своему языку и национальной гордости, о чем писали в свое время Г. Гачев и Л. Шейман.

Как писал Г. Гачев: «В общем виде решение проблемы национальных картин мира ясно: интернациональное и национальное находятся в единстве, определяемом единством мирового исторического и литературного процессов <...>Ценности, общие для всех народов, – пишет исследователь, – располагаются в различном соотношении. Эта особая структура общих для всех народов элементов и составляет национальный образ, национальную модель мира» [Гачев 1995: 78].

Переводы с/на языки народов России влияют и на восприятие всего литературного канона конкретной эпохи, и выступают, как это ни покажется парадоксальным, средством установления канонического статуса оригиналов.

Закономерно в связи со сказанным выше возникает вопрос о понимании самого термина «канон». Автор в свое время (в конце 90-х) был участником серии дискуссий, связанных с пониманием канона в культуре, проходивших в Институте языкознания РАН. Вспоминая те дискуссии, можно сказать, что многие идеи, высказанные тогда, в пору «бури и натиска» при решении актуальных национальных проблем, могут быть востребованы сегодня.

Среди этих идей – попытка формального подхода к канону как норме, допускающей сосуществование однотипных феноменов при возможности неограниченного распространения, включающей в себя возможности творчества, допускающая не-

которую самостоятельность и потенциально содержащие процессы трансформации. Канон существует в культуре как некоторая возможность ментальных допущений. Канон задается и отклонение от него вызывает закономерный и объяснимый когнитивный протест. Канон – это системный феномен, включающий в себя прецеденты, стереотипы и эталоны [Канон... 1999а: 24; Канон... 1999б: 12–13].

Возразим условным «охранителям»: необходимость включения в канон переводной литературы с/на языки народов, чьи лингвокультуры органично формируют всю РФ, вне зависимости от того, делались ли переводы из соображений временной целесообразности или в знак самозабвенного почтения к престижному образцу, мало что меняет в их способности изменить представление об общероссийской литературной традиции, канонизируемой в школьной и вузовской программах.

Дело в том, что появление в литературе нового крупного произведения приводит к переоценке большого количества предшествующих произведений, как тесно, так и более отдаленно связанных с ним.

Здесь будет уместным вспомнить культовые имена советской национальной литературы, включенные в школьный канон.

Азербайджанский поэт С. Вургун, башкир М. Карим, белорусы О. Адамович, и П. Бровка, В. Быков и Я. Колас, грузинский прозаик Ф. Искандер, дагестанец Р. Гамзатов, балкарец К. Кулиев, казахи М. Ауэзов и О. Сулейменов, калмык Д. Кугульдинов, киргиз Ч. Айтматов, латыш В. Лацис, литовец Э. Межелайтис, татарин М. Джалиль, украинцы О. Гончар и П. Тычина.

Разумеется, время от времени канонический состав несколько варьировался. Но если мы возьмем в руки Программы восьмилетней и средней школы на 1982/83 учебный год по литературе для 4–10 классов, то найдем там многие перечисленные выше индексальные имена.

Для 8 класса: Чингиз Айтматов – «Джамиля», «Первый учитель»; Василь Быков – «Альпийская баллада», «Дожить до рассвета»; Олесь Гончар – «Человек и оружие»; Савва Дангулов

– «Тропа»; Нодар Думбадзе – «Я вижу солнце»; Максуд Ибрагимбеков – «За все хорошее – смерть!».

Для 9 класса: Алесь Адамович – «Партизаны»; Мухтар Ауэзов – «Абай»; Ион Друцэ – «Степные баллады»; Вилис Лачис – «К новому берегу» [Программы...1982].

Приведенные выше наблюдения показывают, как переводы на русский язык с языков народов России влияли на формирование школьного и, соответственно, вузовского (педагогического вуза) литературного канона. Можно сказать, межнационального, учитывая взаимовлияние перечисленных авторов друг на друга.

Такая подборка произведений для школьного и вузовского канона обладала, что важно с воспитательной точки зрения, значительной способностью влиять на представления об истории страны, представляя собой непосредственное взаимодействие с ее актуально воспринимаемым содержанием.

Очевидно, что переводы с/на языки народов, населяющих сегодня Российскую Федерацию, должны утвердиться как неотъемлемая часть образовательного канона. Формирование корпуса беллетристической классики и национальной поэзии народов РФ имеет межнациональную значимость, так как благодаря переводам и их включению в школьный канон, в первую очередь, каждый гражданин страны получает свободный доступ к шедеврам национальной литературы практически всех народов, населяющих РФ.

Представляется, что наши нынешние размышления приходятся на решающий момент, когда канон, сформированный на рубеже прошлого и нынешнего века, сегодня должен быть подвергнут проверке и подтверждению.

Канон по определению является общественной, а не частной конструкцией. Канон должен соблюдать трехстороннюю связь между произведением, общими принципами его формирования и читателем. Состав канона должен быть направлен на популяризацию не только классических, но и собственных произведений, поскольку классический и современный каноны

формируются каждый в процессе взаимодействия и взаимной критики.

Это замечание в полной мере относится к сегодняшней ситуации: канон должен предлагать читателю часть культурного капитала. Но его создание и признание этого канона зависит от присвоения ему (культурному капиталу каждой лингвокультуры РФ) престижа.

Высказанные выше положения, как представляется автору, имеют важное значение как размышления о взаимоотношениях между поэтической традицией, формированием литературного канона и переводом с/на языки народов РФ.

Библиографический список

Вдовин А. И. Литературный канон и национальная идентичность // Acta Slavica Estonica IV. Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение, IX. Хрестоматийные тексты: русская педагогическая практика XIX в. и поэтический канон / под ред. А. Вдовин, Р. Лейбов. Тарту: Тартуский университет, 2013. С. 139–163.

Гачев Г. Д. Национальные образы мира: Космо-Психологос. М.: Прогресс, 1995. 580 с.

Данилов В. В. Литература как предмет преподавания. М.: Тип. т-ва И.Д. Сытина, 1917. 24 с.

Канон, эталон, стереотип в языковом сознании и дискурсе. Дискуссия первая в Институте языкознания РАН 07.02.1999 // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 8. М.: МГУ, 1999а. С. 4–38.

Канон, эталон, стереотип в языковом сознании и дискурсе. Дискуссия вторая в Институте языкознания РАН 24.04.1999 // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 9. М.: МГУ, 1999б. С. 5–51.

Павловец М. Г. Школьный канон как поле битвы. Часть первая: историческая реконструкция // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2016. № 2. С. 38–57.

Программы восьмилетней и средней школы на 1982/83 учебный год. Литература IV–X классы. М.: Просвещение, 1982. 18 с.

Рыбникова М. А. Очерки по методике литературного чтения. М.: Просвещение, 1985. 260 с.

Хайруллин Р. З. Культуроведческий подход в изучении русской и национальных литератур в общеобразовательных школах // Вестник Марийского государственного университета. 2015. № 4(19). С. 112–116.

В. В. Епифанова

*Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова г. Москва, Россия
к.филол.н., старший преподаватель кафедры
сопоставительного изучения языков*

Valentina V. Epifanova

*Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
Ph.D., Senior Lecturer at the Department of
Comparative Language Studies*

**УНИКАЛЬНОСТЬ ПРЕДМЕТОВ И ЛИЦ
КАК СЕМАНТИЧЕСКИЙ ТИП СЛОВСОЧЕТАНИЙ
В АСПЕКТЕ РКИ**

**UNIQUENESS OF OBJECTS AND PERSONS AS A SEMANTIC
TYPE OF WORD COMBINATIONS IN THE ASPECT OF RFL**

Аннотация. В статье рассматривается ономаσιологический подход к изучению лексической сочетаемости на занятиях РКИ на основе семантических типов словосочетаний, в частности, на примере такого типового (стандартного) значения словосочетаний, как уникальность предметов или лиц. Демонстрируются авторские разработки для представления данного материала в иноязычной аудитории и его закрепления посредством упражнений для рецептивных и продуктивных речевых действий.

Ключевые слова: лексическая сочетаемость, семантический тип, русский язык

Abstract. In the article the onomasiological approach to the study of lexical compatibility in RFL classes on the basis of semantic types of phrases is discussed, in particular, using the example of a typical (standard) meaning of word combinations as the uniqueness of objects or persons. The author's educational materials for presenting this topic in a foreign language

audience and its exercising through receptive and productive speech actions are demonstrated.

Keywords: lexical compatibility, semantic type, Russian language.

Семантический тип словосочетаний представляет собой абстрактное значений, общее для большого количества словосочетаний того или иного языка. Различные исследователи выделяют разное количество семантических типов словосочетаний русского языка. Представители Московской семантической школы, создатели аппарата лексических функций-параметров (ЛФ-П), описывающих синтагматические свойства слов, И. А. Мельчук и А. К. Жолковский выделяют около 60 семантических типов, среди которых «очень, в высшей степени» (ЛФ-П Magn), «такой, как следует» (ЛФ-П Ver), «хороший» (ЛФ-П Bon), «проявиться [в чём-л.], сделаться явным» (ЛФ-П Manif), «ликвидировать» (ЛФ-П Liqu), «каузировать, делать так, что данная ситуация имеет или начинает иметь место» (ЛФ-П Caus) и др. [Мельчук, Жолковский 2016].

И. И. Убин в «Англо-русском и русско-английском словаре сочетаемости» [Убин 2020] выделяет 12 семантических типов словосочетаний: С1 «Создание»: *решение – принимать; поддержка – оказывать; дом – строить; гнев – вызывать*; С2 «Ликвидация»: *решение – отменять; поддержка – лишать; дом – разрушать; гнев – подавлять*; С3 «Использование»: *поддержка – пользоваться; дом – жить в доме, рубашка – носить*; С4 «Воздействие»: *критика – подвергаться критике, болезнь – страдать от болезни*; С5 «Функционирование»: *война – идти, гнев – кипеть, шторм – бушевать, ветер – дуть, туман – лежать*; С6 «Выполнение»: *совет – принимать, следовать, выполнять*; С7 «Начало»: *ветер подымается, дождь пошёл, тишина наступила, дружба завязывается, туман ложится*; С8 «Окончание»: *дождь – заканчивается, гнев – утих, туман – рассеялся, шторм утих, энтузиазм пропал* и др.

Е. Г. Борисова в лингводидактических целях в аспекте РКИ выделяет 11 наиболее употребительных стандартных смыслов словосочетаний, среди которых: 1. действие или состо-

яние главного (активного) участника ситуации (*вести борьбу, нести ответственность, оказывать влияние*); 2. действие или состояние второстепенных участников ситуации (*испытывать влияние*); 3. действие или состояние (независимо от участников ситуации) (*идёт борьба, стоит задача*); 4. начало (*приобретать уважение; конфликт вспыхивает*); 5. конец (*терять уважение*); 6. каузировать (вызывать) (*разжигать вражду*); 7. ликвидировать (прекращать) (*снимать вопрос*); 8. большая степень (*высокий авторитет, сильное влияние*) и др. [Борисова 1995].

Мы предлагаем рассмотреть семантический тип словосочетаний, который не встречается ни в одном из лексикографических и лингводидактических источников, посвященных семантическим типам словосочетаний, однако является весьма употребительным в русском языке. Речь идет о семантическом типе «необычный, отличающийся от других». При работе с данным смыслом прежде всего важно дать студентам информацию теоретического характера, связанную с правилами сочетаемости наиболее частотных русских слов (согласно Новому частотному словарю русского языка [Ляшевская, Шаров 2009]) с соответствующими прилагательными. Частные случаи лексической сочетаемости должны рассматриваться в иноязычной аудитории отдельно с привлечением большого количества примеров их употребления. Например, существительные *способности* и *ум* для выражения данного смысла в русском языке зачастую сочетается с прилагательными *незаурядный, выдающийся, уникальный; идея/ мысль – оригинальная, новаторская; одежда – экстравагантная; внешность – незаурядная, яркая, эффектная; стиль – самобытный* и т.д.:

У этого учёного незаурядный ум и выдающиеся способности.

В музее было очень много оригинальных, необычайных картин.

Сегодня необыкновенный день. У меня выпускной бал в школе.

Эта женщина любит носить экстравагантные шляпы.

*У этого изобретателя очень много **новаторских идей**.*

*У этой девушки **эффектная внешность**.*

Если мы говорим о каком-либо объекте, необыкновенном по форме и размеру, то лучше использовать слово *нестандартный*:

*Зачем мы купили такую **нестандартную кровать**? Её невозможно занести в квартиру. Она не помещается в дверной проём.*

*Мы купили **нестандартную квартиру**, она меньше, чем обычная трёхкомнатная квартира, но просторнее, чем двухкомнатная квартира.*

Если речь идёт не о внешности, а о характере или поступках человека, то возможно использование следующих словосочетаний с одобрительной оценкой: *незаурядный человек, выдающийся человек, другого такого не найти* (фраз.), *единственный и неповторимый* (фраз.), *такого/ такую днём с огнём не сыщешь* (фраз., разг.):

*Он был **выдающимся ученым и экстраординарным человеком**.*

*Муж каждый день говорит своей жене, что она **единственная и неповторимая**.*

*Такого верного друга, как ты, **днём с огнём не сыщешь**.*

При этом важно обратить внимание студентов на то, что наиболее распространенными прилагательными с самым широким рядом сочетаемости являются прилагательные *необычный* и *необыкновенный*, которые могут сочетаться со всеми перечисленными словами русского языка, обозначающими как субъекты, так и объекты (*необычная/ необыкновенная внешность, необычный/ необыкновенный день, необычная/ необыкновенная одежда, необычная/ необыкновенная картина, необычный/ необыкновенный человек, необычная/ необыкновенная идея* и т.д.). Однако владение синонимическими возможностями лексической сочетаемости значительно повышают точность и выразительность речи и позволяют конкретизировать как отношение говорящего к описываемой ситуации (одобрительное или неодобрительное), так и суть уникальности субъекта или объекта.

Что касается отработки рецептивных речевых действий, посвященных анализируемому семантическому типу, иностранным студентам могут быть предложены упражнения на нахождение соответствующих словосочетаний в исходных текстах (на базе Национального корпуса русского языка): ср.

Упражнение 1. Найдите в текстах словосочетания, выражающие идею уникальности субъектов или объектов.

1. *Таня смотрела на него в упор своими наивными голубыми глазами, в которых отражался не только незаурядный ум, но и характер, открытая душа* (Анатолий Мельник. Авторитет, 2000);

2. *Мрачный музыкант, ставший кумиром целого поколения, и экстравагантная вокалистка панк-группы, чей скандальный образ никак не вязался с ее феноменальным уровнем интеллекта, были слишком разными людьми* (Александр Шувалов. Nirvanapanaизнанку // Психология на каждый день, 2011);

3. *Преподаватели отмечали его выдающиеся способности, особенно в области математики и изучения иностранных языков* (Илья Кашницкий. Прыжок через голову // Зеркало мира, 2012);

4. *Сегодня у нас необычный день – к нам приехал Владимир Евгеньевич Фортов* (Наталья Беликова. Визит в МФТИ академика Владимира Фортова // За науку, 2013);

5. *Россия накопила уникальный исторический опыт сосуществования и плодотворного сотрудничества христианства, ислама и других мировых религий* (С.В. Лавров. Выступление на сессии ОИК // Дипломатический вестник, 2004);

6. *... имеет значение только то, что происходит сейчас, в этот миг. Он единственный и неповторимый, и подобного больше не будет* (Д. С. Филлипов. Билет в Катманду (2009) // Волга, 2014) и др.

Упражнения на отработку продуктивных речевых действий могут выглядеть следующим образом:

Упражнение 2. Заполните пропуски подходящими зависимыми словами. В случае затруднений используйте Слова для справок.

1. У этого изобретателя много

2. У моей подруги: все мужчины всегда обращают на неё внимание.
3. Этот мальчик обладает в математике.
4. Моя коллега по работе любит носить
5. Сегодня : к нам приезжают родственники из дальних стран!
6. У этого художника написания картин.
7. Мне нравятся люди с ... умом.
8. Мой друг – прекрасный человек,
9. Не надо покупать ... мебель, трудно занести её в квартиру.
10. У тебя очень внешность: большие глаза, красивые губы, ровный прямой нос.

Слова для справок: выдающимися способностями, выразительная, нестандартную, самобытный стиль, новаторских идей, яркая внешность, необыкновенный день, незаурядным, экстравагантную одежду, другого такого не найти.

Ономасиологический подход к изучению лексической сочетаемости на основе различных семантических типов словосочетаний позволяет иностранным студентам значительно расширить свой словарный запас и повысить языковую компетенцию.

Библиографический список

Борисова Е. Г. Слово в тексте. Словарь коллокаций (устойчивых сочетаний) русского языка с англо-русским словарем ключевых слов. М.: Филология, 1995. 148 с.

Мельчук И. А., Жолковский А. К. Толково-комбинаторный словарь современного русского языка: опыты семантико-синтаксического описания русской лексики. Изд-е 2-е, испр. М.: Глобал Ком; Языки славянской культуры, 2016. 544 с.

Ляшевская О. Н., Шаров С. А. Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). М.: Азбуковник, 2009 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://dict.ruslang.ru/freq_faq.html

НКРЯ – Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: www.ruscorpora.ru (дата обращения 29.03.2023).

Убин И. И. Англо-русский и русско-английский словарь лексической сочетаемости. М.: Р. Валента, 2020. 424 с.

А. Э. Иванов

*Минский государственный лингвистический университет
г. Минск, Беларусь
преподаватель кафедры истории и грамматики
английского языка*

И. Р. Булаш

*Минский государственный лингвистический университет
г. Минск, Беларусь
преподаватель кафедры фонетики и грамматики
английского языка*

Я. Н. Лабкова

*Минский государственный лингвистический университет
г. Минск, Беларусь
студентка переводческого факультета*

Artur E. Ivanou

*Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
Lecturer at the Department of History and Grammar
of the English Language*

Irina R. Bulash

*Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
Lecturer at the Department of Phonetics and Grammar
of the English Language*

Yana N. Labkova

*Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus,
Student of the Faculty of Translation*

СТРУКТУРА И ПРАГМАТИКА ЧАСТО ЗАДАВАЕМЫХ ВОПРОСОВ В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

STRUCTURE AND PRAGMATICS OF FREQUENTLY ASKED QUESTIONS IN ENGLISH AND RUSSIAN

Аннотация. В статье раскрываются основные структурные характеристики англо- и русскоязычных часто задаваемых вопросов как одного из способов актуализации имиджевых стратегий, реализуемых высшими учебными заведениями в Соединенных Штатах Америки, Соединенном Королевстве, Республике Беларусь и Российской Федерации. Выявляются особенности прагматического потенциала рассматриваемого типа вопросов.

Ключевые слова: имидж организации, имиджевые стратегии, часто задаваемые вопросы, коммуникативные типы вопросов, способы репрезентации имиджа.

Abstract. The article highlights major structural characteristics of frequently asked questions in English and Russian which are seen as means of actualizing image-building strategies realized by universities in the United States of America, the United Kingdom, the Republic of Belarus and the Russian Federation. The peculiarities of their pragmatic potential are elucidated.

Keywords: corporate image, image-building strategies, frequently asked questions, communicative types of questions, means of building image.

В настоящее время вопросы формирования имиджа организаций становятся все более актуальными, что ставит новые задачи перед различными отраслями и направлениями науки, например, экономикой, социологией, психологией, а также лингвистикой и теорией коммуникации. Особенно интересным представляется изучение способов и инструментов актуализации имиджа организации того или иного типа, в частности учебного заведения, в сопоставительном аспекте, т.е. на примере учреждений высшего образования (УВО), функционирующих в различных странах. Отдельная роль в данном процессе отво-

дится информированию будущих абитуриентов и их родителей о новейших областях и специальностях, открываемых в университете, а также убеждению в значимости данных направлений для будущего бакалавра/магистра/кандидата наук. В стремлении повысить убедительность своих аргументов, подчеркнуть открытость к коммуникации, а также облегчить поиск необходимой информации университеты вводят раздел часто задаваемых вопросов (англ. *FAQ*) на официальных сайтах, а также разрабатывают специальные чат-боты, способные незамедлительно ответить на любые интересующие студентов и поступающих вопросы. Тем самым при помощи раздела FAQ удается не только достигнуть диалогизации процесса информирования, но также повысить эффективность работы служб университета, наладить связь с лицами, заинтересованными в получении высшего образования, что в итоге позволяет сформировать положительный образ УВО. Важность исследования специфики построения часто задаваемых вопросов при актуализации имиджевых стратегий определяют актуальность настоящего исследования. Цель работы – установить сходные и отличные черты реализации часто задаваемых вопросов на английском и русском языках как способа формирования имиджа УВО из различных стран.

Материалом для исследования послужили часто задаваемые вопросы, отобранные методом сплошной выборки с официальных сайтов следующих университетов: Гарвардский университет, Йельский университет, Колумбийский университет, Принстонский университет, Пенсильванский университет (Соединенные Штаты Америки); Кембриджский университет, Эдинбургский университет, Университет Глазго, Бирмингемский университет, Университет Ньюкасла (Соединенное Королевство); Белорусский государственный университет, Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники, Минский государственный лингвистический университет, Белорусский государственный медицинский университет, Белорусский государственный экономический университет (Республика Беларусь); Московский государственный универси-

тет имени М. В. Ломоносова, Московский государственный технический университет имени Н. Э. Баумана, Московский энергетический институт, Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина, Санкт-Петербургский государственный университет (Российская Федерация). В общей сложности было отобрано 1329 вопросов, а именно 704 – с сайтов американских УВО, 442 – с сайтов британских, 98 – белорусских, 85 – российских.

Прежде чем начать анализ часто задаваемых вопросов в английском и русском языке, следует обратиться к определению понятия имидж УВО, которое в широком смысле трактуется как «искусственный образ, формируемый в общественном и индивидуальном сознании средствами массовой коммуникации и психологического воздействия» [Батракова 2013: 99], а в узком понимании означает «устоявшееся, эмоционально окрашенное мнение о вузе у группы людей по сложившемуся у них образу вуза, возникшее при прямом контакте или на основе опосредованной информации» [Пителинский 2009: 12]. При этом имидж УВО – комплексный феномен, представленный системой, состоящей непосредственно из «имиджа образовательной услуги, потребителей образовательных услуг, внутреннего имиджа вуза, имиджа руководителя, преподавателей и студентов, визуального, социального и бизнес-имиджа университета» [Булгакова 2020: 74]. Имидж университета – значимый фактор, играющий важную роль при определении выбора поступающего, что подтверждается данными научных исследований [Николашкина 2018: 259]. Согласно данной работы 45,5 % абитуриентов отмечают фактор «имидж УВО» как «крайне значим», что является вторым результатов после фактора «большая вероятность дальнейшего трудоустройства» [Николашкина 2018: 259].

Приступая к анализу специфики реализации часто задаваемых вопросов, следует обратиться к коммуникативному типу вопроса. Большая часть вопросов как в английском языке, так и в русском языке представлена двумя разновидностями, а именно

общими (47 % в англоязычном корпусе и 48 % в русскоязычном) и специальными (51 и 52 % соответственно). Единственное отличие реализации часто задаваемых вопросов в двух языках заключается в наличии альтернативных вопросов в англоязычном корпусе (2 %). Если рассматривать вариативность типа вопросов относительно их принадлежности к определенной стране, следует отметить, что в вопросах с сайтов американских и белорусских соблюдается относительная пропорциональность общих и специальных вопросов (55 к 41 % и 57 к 43 % соответственно). Анализ часто задаваемых вопросов, отобранных с сайтов британских и российских университетов, показал доминирование специальных вопросов на общими (66 к 34 % случаев в англоязычном корпусе и 62 к 38 % в русскоязычном).

Основная часть вопросов в двух языках представлена простыми распространенными предложениями. Полипропозитивные конструкции встречаются менее, чем в 5 % случаев в двух корпусах.

Как уже было отмечено, при помощи часто задаваемых вопросов могут реализоваться имиджевые стратегии, направленные на создание позитивного образа учреждения высшего образования. При этом сами по себе вопросы не являются коммуникативными тактиками, но представляют способ или формат их репрезентации [Вершинина 2015: 160]. В целом можно выделить несколько магистральных направлений деятельности УВО, на развитие и репрезентацию которых, как правило, направлены имиджевые стратегии, а именно демонстрация академического превосходства, освещение исследовательской деятельности, повышение международной привлекательности, реализация социальной ответственности перед абитуриентами и их родителями, привлечение талантливой молодежи, поддержка социально уязвимых категорий студентов. Отдельно можно выделить вопросы, касающиеся организации образовательного процесса и поступления. Данная категория реализует стратегию информирования, однако ее развернутость может свидетельствовать об

открытости университета к коммуникации и снятие первоначальных сложностей, возникающих у абитуриентов.

Результаты анализа вопросов с точки зрения стратегии создания имиджа, которые они репрезентируют в английском и русском языках, можно представить следующим образом:

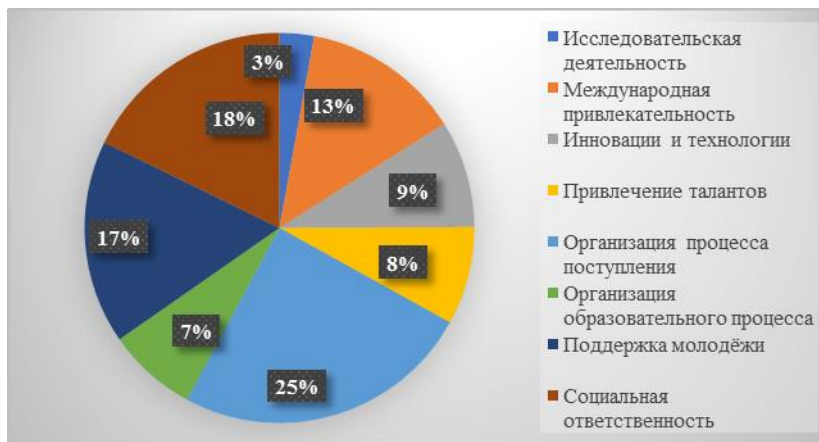

Рис. 1. Частотность реализации имиджевых стратегий часто задаваемыми вопросами в английском языке

Как видно из рисунка, вопросы на английском языке, отобранные с сайтов университетов США и Соединенного Королевства, демонстрируют большую вариативность. Наиболее частотными имиджевыми стратегиями, реализуемыми через вопросы, являются стратегии привлечения талантливой молодежи (*How do students become QuestBridge finalists?* ‘Как студенты становятся финалистами программы КвестБридж?’) и поддержки наиболее уязвимых и особых категорий студентов (*Is there housing for foreign students?* ‘Предоставляется ли жилье иностранным студентам’ *Do I have to take TOEFL?* ‘Следует ли мне сдавать тест TOEFL’). Отдельно можно обозначить стратегию информирования об организации образовательного процесса и поступлении.

Рассмотрим данные, полученные в результате анализа русскоязычных вопросов:

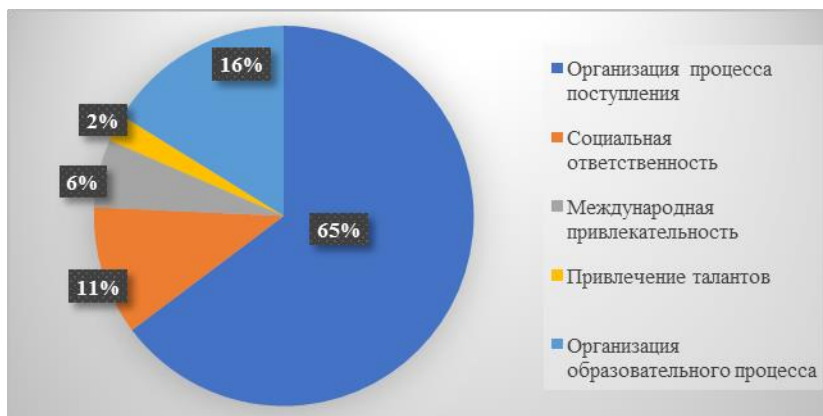

Рис. 2. Частотность реализации имиджевых стратегий часто задаваемыми вопросами в русском языке

Часто задаваемые вопросы на русском языке отличаются низкой вариативностью используемых стратегий. Основная часть вопросов касается процесса поступления и организации образовательного процесса (*Какие документы необходимы для поступления? Дают ли общежитие первокурсникам?*).

Таким образом, можно заключить, что часто задаваемые вопросы в английском и русском языках соответствуют двум глобальным целям – проинформировать заинтересованных лиц об учреждении высшего образования и представить образ университета положительным образом. Данные проведенного исследования свидетельствуют о том, что обе цели успешно достигаются в случае университетов США и Соединенного Королевства. В свою очередь, университеты Республики Беларусь и Российской Федерации не концентрируют внимание на формировании имиджа и лишь стремятся повысить осведомленность абитуриентов о специфике поступления. По своей структуре вопросы в двух языках в основном монопропозитивны

и представлены простыми распространенными предложениями. Коммуникативные типы часто задаваемых вопросов – специальный и общий. Их встречаемость в двух языках одинакова, однако на сайтах университетов Соединенного Королевства и Республики Беларусь преобладает общий вопрос, что, с одной стороны, обеспечивает простоту понимания, однозначность и точность ответа, но, с другой, может препятствовать полноте представляемой информации.

Библиографический список

Батракова Л. Г. Формирование эффективного имиджа образовательного учреждения // Ярославский педагогический вестник. 2013. № 4. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-effektivnogo-imidzha-obrazovatel'nogo-uchrezhdeniy> (дата обращения 09.05.2023).

Булгакова А. А. Инструменты формирования имиджа Гродненского государственного университета им. Янки Купалы на рынке образовательных услуг Беларуси. Вестн. МГПУ им. И. П. Шамякина. 2020. № 2 (56). С. 74–79.

Вершинина Е. Н. Коммуникативные тактики создания имиджа вуза (на материале газеты «Поиск») // Сибирский филологический журнал. 2015. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikativnye-taktiki-sozdaniya-imidzha-vuza-na-materiale-gazety-poisk> (дата обращения 15.05.2023).

Николашкина В. Е. Имидж вуза как социально-ценностная детерминанта профессионального самоопределения студентов // Проблемы современного педагогического образования. 2018. № 59-1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/imidzh-vuza-kak-sotsialno-tsennostnaya-determinanta-professionalnogo-samoopredeleniya-studentov> (дата обращения 08.01.2024).

Пителинский К. В. Взаимосвязь имиджа и образовательного процесса в вузе. Межотраслевая информационная служба. 2009. № 1. С. 12–17.

М. П. Котюрова

*Пермский государственный национальный
исследовательский университет, г. Пермь, Россия
д.филол.н., профессор кафедры русского языка и стилистики*

Maria P. Kotyurova

*Perm State National Research University, Perm, Russia
Doct. of Phil., Professor of the Department of
Russian Language and Stylistics*

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ НАУЧНОГО ТЕКСТА (В РЕЧЕВЕДЧЕСКОМ ОТНОШЕНИИ)

ACTUAL PROBLEMS OF THE SCIENTIFIC TEXT (IN TERMS OF SPEECH)

Аннотация. Речеведческий подход к научному тексту выявил целый ряд актуальных проблем. Первостепенными представляются проблемы разноплановые, однако объединенные «пакетом» дискурсивных факторов: необходимость разработки методологической стороны научного знания о научных текстах, определение контуров и оснований адресатной и адресантной сторон стилистики научного текста, фундаментализация «мелких единиц» языковой системы, синергетическая сущность научного текста, а именно наличие в нем упорядоченных и хаотических текстовых единиц, научно-познавательная актуализация эмерджентности (непредсказуемости, неожиданности) мышления, обуславливающей неизбежную особенность научного текста.

Ключевые слова: социально-научная задача, дифференциация стилистики научного текста и речеведения, эпистемическая ситуация, «пакет» дискурсивных факторов, адресантная и адресатная стилистика, синергетическая сущность стиля, эмерджентность научного текста, экология перевода научного текста.

Abstract. The speech-speech approach to scientific text has revealed a number of pressing problems. The primary problems seem to be diverse, but united by a “package” of discursive factors: the need to develop the methodological side of scientific knowledge about scientific texts, the definition of the contours and foundations of the addressable and addressable aspects of the stylistics of a scientific text, the fundamentalization of “small units” of the language system, the synergetic essence of a scientific text, namely the presence in it of ordered and chaotic text units, scientific-cognitive actualization of emergence (unpredictability, surprise) of thinking, which determines the inevitable feature of a scientific text.

Keywords: socio-scientific task, differentiation of the stylistics of scientific text and speech studies, epistemic situation, “package” of discursive factors, addressative and addressable style, synergetic essence of style, emergence of scientific text, ecology of translation of scientific text.

Современное научное сообщество озабочено не только поиском новых – желательно фундаментальных – идей, но и выявлением актуальных проблем, разработка которых обеспечит развитие, а не только применение научного знания. Эпистемической особенностью научной школы проф. М. Н. Кожиной является пристальное изучение научного текста. Эта трансдисциплинарная *социально-научная задача* высвечивает стремление внести свой национальный вклад в глобальный общенаучный фонд, что возможно только благодаря сохранению и развитию русского языка как родного в качестве одного из важнейших языков современной науки. Ясно, что сохранять национальные традиции получения и фиксации нового знания можно только с учетом индивидуально-личностных характеристик мышления ученого, акцентом на роли таких, например, важнейших экстралингвистических факторов, как общественное научное сознание– наднациональное сознание – национальное сознание – индивидуальное сознание. Востребованность осознаваемых и принятых научным сообществом проблем свидетельствует об актуальности *методологизации* научного знания.

Конкретизируем понятие «методологизация науки» выдвижением некоторых эмерджентных, неизбежно и неожиданно

возникающих актуальных проблем, присущих системе в целом, а не отдельным ее компонентам. С этой целью обратимся к понятию «эпистемическая ситуация», объединяющему онтологический, методологический и аксиологический компоненты целостного знания, вербально выраженного в качестве содержания научных текстов.

Исследование научного текста в речеведческом аспекте, с акцентом на методологических задачах, предполагает разработку следующих актуальных *проблем*.

1. Фундаментальный принцип системного мышления рассматривать явления в разных ракурсах, чтобы понимать их полнее, приводит к мысли о необходимости дифференцировать функциональную стилистику и речеведение [Кожина 2005]. Теорией познания, логикой и опытом установлен порядок научно-познавательной деятельности, граничащий с законом: идея – проблема – гипотеза – аргументы – концепция – теория – закон. Этот порядок организует и создание, и восприятие научного текста, а также лежит в основе ряда смежных научных направлений. Единство предмета исследования препятствовало дифференциации функциональной стилистики научного текста и речеведения. Возникла необходимость ответить на вопрос «На каком основании дифференцировать стилистику научного текста и речеведение?» и предложить гипотезу. Основанием предложенной нами гипотезы служат экстралингвистические факторы, оказывающие воздействие на порождение научного текста. Для аргументации гипотезы потребовалось формирование комплексного, по существу трансдисциплинарного «пакета» экстралингвистических факторов – сильнодействующих дискурсивных (в отличие от сильнодействующих же, но к тому же стилеобразующих).

Дифференциация факторов на стилеобразующие и дискурсивные с учетом разной степени их абстрагирования, “удаления” от субъекта познавательно-коммуникативной деятельности положена в основу эпистемического разграничения стилистики научного текста и речеведения. Что значит «удаленность»

фактора от субъекта познавательной деятельности? Номинация «удаленность» употреблена в значении ‘абстрагирование, отвлеченность’; на этом основании условно можно разграничивать факторы и анализировать не только их структуру, но и функцию – влияние на порождение текста. Задача исследователя состоит в том, чтобы представить «наполнение пакета» дискурсивных сильнодействующих факторов, влияющих на порождение научного текста. Гипотеза вызывает очевидные вопросы. В каких логических отношениях находятся дискурсивные и стилеобразующие факторы? Экстралингвистические факторы научного текста относятся к научному дискурсу, значит, в целом являются дискурсивными. Условно, в рабочем порядке, в целях изучения акцентируем их функцию в познавательном процессе. Из теории функциональной стилистики известно, что экстралингвистические факторы «сфера познания», «вид деятельности», «тип мышления» образуют комплекс стилеобразующих факторов, в трактовке проф. М.Н. Кожинной представляющих собой основание этого лингвистического направления. Установлено, что все другие факторы (какие?) не являются стилеобразующими. Оставим за ними общую, ранее не употребляемую номинацию *дискурсивные* факторы.

2. Комплексный, трансдисциплинарный «пакет» экстралингвистических сильнодействующих дискурсивных факторов можно пояснить характером не случайной, внешней (как, например, в списке), а комплементарной, восполняющей связи факторов: субъект – его когнитивные свойства; субъект – объект; объект – научный текст; научный текст – естественнонаучный текст, текст по философии, лингвистике, литературоведению и др. гуманитарным наукам; стандартизованный текст учебника по математике – индивидуальный текст монографии, например, талантливого геолога А. Е. Ферсмана и т.д. Все названные факторы, несомненно, оказывают влияние на определенные стороны (нюансы) текстов, способствуя созданию текстов-«синонимов». Лингвистический анализ научных текстов позволил определить влияние таких факторов, как объектные, объединенные дискурсивными смыслами ‘жанр текста’, ‘эмпи-

рическая или теоретическая направленность изложения’, ‘характер содержания’, относящегося, по В. С. Стёпину, к науке переднего края, ядру науки либо архиву (истории науки), а также факторы субъектные – ‘стиль мышления ученого’, доминирующие психологические особенности (вроде интроверсии или экстраверсии, толерантной либо интолерантной манеры речи субъекта коммуникативно-познавательной деятельности) и др. На материале имеющихся исследований даже только в пределах Пермской стилистической школы проф. М. Н. Кожиной можно утверждать, что дискурсивные субъектные факторы проявляют влияние комплексно, во взаимодействии, причем «в пакете» с объектными факторами.

3. Актуализация субъектных факторов – адресанта и адресата. В связи с постановкой М. Н. Кожиной и Т. В. Шмелевой вопроса о разработке разных *сторон стилистики* – адресантной и адресатной – в соответствии с трактовкой важнейшего научного понятия *стиль как гуманистическая структура* (термин Ст. Гайды) следует подчеркнуть актуальность речеведческого аспекта в каждой из них. Ясно, что это проблема трансдисциплинарная, поскольку не может быть решена только лингвистическими «силами». В данном контексте уместно сказать об особой значимости когнитивной семантики – «многоуровневой теории значения, специфика которой заключается в том, что значения языковых единиц в ней анализируются в контексте всех знаний и опыта человека, а не только языковых знаний» [Болдырев 2014: 33]. Изучение научного текста как гуманистической структуры в речеведческом аспекте предполагает учет воздействия на его порождение прежде всего существенных дискурсивных факторов, соотносимых с субъектом познавательно-коммуникативной деятельности, обуславливающих поиск и употребление необходимых для этого языковых / речевых единиц. К таким факторам, несомненно, относится симбиоз рационально-логического и интуитивного мышления. Интуитивное понимание – один из необходимых моментов интуитивного мышления, неизбежно требующий от автора вербального выра-

жения, особенно необходимого в связи с активной разработкой *искусственного интеллекта*, расширением *роботизации* в сфере устной и письменной коммуникации.

Кстати, представляется актуальным задать абстрактному «познающему разуму» вопросы, возникающие «здесь и сейчас». *Первый вопрос* заключается в том, доступны ли (если доступны, то в какой степени) искусственному интеллекту робота ассоциативность и интуиция, интуитивное знание, а при восприятии научного текста – интуитивное понимание как номинация свойства познающей личности, функционирующее в качестве дискурсивного фактора (существенного обстоятельства, условия) когнитивной сферы ученого. Кроме того, возникает и такой, второй, *вопрос*: доступна ли роботу интерпретация как субъективное мнение о высказывании/ фрагменте текста/ целом тексте?

Здесь большое значение имеет «пакетность» (связанность) факторов: действительно, нельзя даже представить изолированное, в отрыве друг от друга влияние субъектных, особенно когнитивных, и объектных факторов. Например, в плане адресантной стороны стилистики: автор/ адресант (либо молодой ученый в качестве субъекта познавательной деятельности, либо специалист в данной области науки, он же интроверт/ экстраверт, предпочитающий толерантную манеру речи либо допускающий отклонения от нее, освоивший эталонный научный стиль и усвоивший стандартизованную/ письменную речь/ академическое письмо и т.д.), влияние таких объектных факторов, как жанр целого текста, эмпирический/ теоретический/ историографический и т.д. характер содержания, и др. В плане адресатной стилистики: фактор адресата соотносится с читателем, обладающим компетенцией определенного уровня, обуславливающей целевую установку читателя, связанную с пониманием текста (установлением последовательности или логических отношений между высказываниями), а также интерпретацией, рецензированием и т.д.

4. *Фундаментализация* единиц исследования. Не отрицая концептуальной роли терминосистемы научного текста, акцентируем значимость «мелких единиц» языковой системы. Мы имеем в виду союзы, предлоги, частицы и др. служебные части речи, периферийные в языковой системе, но функционально значимые в качестве строевых компонентов текста. Несмотря на то, что они периодически привлекают внимание исследователей, но рассматриваются лишь «на фоне» знаменательных частей речи.

Потому заслуживают благодарной оценки статьи и монографии, посвященные именно «*мелким единицам*» языковой системы. История лингвистических учений хранит высказывания ученых о роли таких единиц. Еще великий русский ученый М. В. Ломоносов говорил о роли союзов, «которыми идеи соединяются; при построении периодов, т.е. при сочетании предложений, «союзы подобны гвоздям или клею» [Ломоносов 1952, т. 7, 376–377]. По нашим наблюдениям, после такого всем понятного объяснения М. В. Ломоносова в традиционном русском языкознании интерес к таким единицам поддерживался наличием заметной, очевидной, яркой контекстуальной функции, проявляющейся в процессе коммуникации с учетом позиции пишущего/ адресанта и читающего/ адресата.

5. Общеизвестна *синергетическая сущность* текста. Синергия предполагает неизбежное наличие разнопорядковых явлений – упорядоченных и хаотических, что косвенно свидетельствует, по-видимому, о непредсказуемых последствиях действий как естественного интеллекта человека, так и искусственного интеллекта робота. Дело здесь, на наш взгляд, не в интуитивной компоненте естественного интеллекта, а в возможности непредсказуемых, неожиданных для человека путей когнитивной деятельности искусственного интеллекта.

6. Системное мышление проявляется в совокупности таких свойств, как целостность, устойчивость, эластичность, динамичность, открытость. Именно совокупность свойств обу-

словливает такую особенность, как неожиданность, непредсказуемость появления нового в системе. Эмерджентность отнюдь не тождественна гармоничному «сосуществованию» названных свойств научного стиля речи. Возможный акцент (со стороны либо адресанта, либо адресата) на каком-либо свойстве, «нажим» на него отражается на функционировании системы в целом, способствуя эмерджентности, попутному возникновению неожиданных, непредсказуемых последствий. «Имея дело с системами, формальной логикой не обойдешься» [О'Коннор, Макдермотт 2006: 127]. Подчеркнем, что эмерджентность системы как ее важнейшая особенность выступает логическим основанием внимания к разработке двух разных сторон стилистики – адресантной и адресатной.

Завершая статью, важно подчеркнуть уверенность в том, что и проблема эмерджентности как порождаемого, так и воспринимаемого текста, по существу также речеведческая, будет решена. Именно с такой целью принят научным социумом трансдисциплинарный подход в качестве продуктивного при изучении научного текста. Так что продолжаем изучать научный текст.

Библиографический список

Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций. Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2014. 236 с.

Кожина М. Н. Речеведение и функциональная стилистика: вопросы теории. Избранные труды / Перм. ун-т, ПСИ, ПССГК, 2002. 475 с.

Комарова З. И., Ширшикова А. А. Функционально-синтаксическая омонимия первичного простого предлога в категориальном освещении: монография / З. И. Комарова, А. А. Ширшикова. Москва: ФЛИНТА, 2024. 272 с.

О'Коннор Дж. и Макдермотт Иан. Искусство системного мышления: Необходимые знания о системах и творческом подходе к решению проблем. М.: Альпина Бизнес Букс, 2006. 256 с.

Штайн К. Э. Призвание. Книга воспоминаний / Под ред. д-ра филол. наук Д. И. Петренко. Ростов-на-Дону: ИП К. Р. Попов «Полиграф-Сервис», 2019. 608 с.

Ж. В. Краснобаева-Черная
Приазовский государственный технический университет
г. Мариуполь, Россия
д.филол.н., профессор кафедры языковой подготовки
и профессиональной коммуникации

Zhanna V. Krasnobaeva-Chornaya
Azov State Technical University, Mariupol, Russia
Doct. of Phil., Professor of the Department of Language Training
and Professional Communication

РОЛЬ АКСИОФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ ПРАГМАТИКИ В ВОСПИТАНИИ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

THE ROLE OF AXIOPHRASEOLOGICAL PRAGMATICS IN THE EDUCATIONAL OF A LANGUAGE PERSONALITY

Аннотация. В исследовании определяются задачи аксиофразеологической прагматики в формировании языковой личности. Актуальность работы обусловлена появлением нового направления в языкознании, которое имеет целью создание целостной и объективной модели функционирования оценки во фразеологии одно- и разносистемных языков.

Ключевые слова: аксиофразеологическая прагматика, оценка, фразеология, языковая личность, языкознание.

Abstract. The study defines the tasks of axiophraseological pragmatics in the formation of a language personality. The relevance of the work is determined by the emergence of a new direction in linguistics, which aims to create a holistic and objective model of the functioning of assessment in phraseology of single-structured and multi-structured languages.

Keywords: axiophraseological pragmatics; evaluation; phraseology; language personality; linguistics.

Термин «языковая личность» активно функционирует в антропоцентрической лингвистике [Туранова, Иванова 2016], а также в современной гуманитарной парадигме с актуализацией лингвистического, социолингвистического, психолингвистического, лингвокультурологического, лингвокогнитивного, лингводидактического, литературоведческого подходов [Лутовинова 2017: 86–87]. Ю. Г. Момотова акцентирует внимание на том, что основными являются два направления: лингводидактическое (языковая личность как совокупность речевых способностей) и лингвокультурологическое (языковая личность как собирательный образ носителя определенного языка и национально-культурных традиций), в рамках которых исследуются когнитивный, прагматический (прагмалингвистический), коммуникативный; национальный, гендерный, жанровый, психолингвистический, социолингвистический подходы [Момотова 2009: 102].

Актуальность работы обусловлена появлением новых направлений в языкознании и необходимостью установления роли аксиофразеологической прагматики в воспитании языковой личности.

Цель: определить задачи аксиофразеологической прагматики в формировании языковой личности.

Термин «языковая личность» связан непосредственно с работами Ю. Н. Караулова [Караулов 1987; Караулов 1989; Караулов 2010], а термин «вторичная языковая личность» – с работами И. И. Халеевой [Халеева 1989; Халеева 1995], которая адаптировала понятие языковой личности Ю. Н. Караулова к методике преподавания иностранных языков в целом и переводческой деятельности в частности. Таким образом, *теоретическую базу исследования* составляют:

1) концепция языковой личности Ю. Н. Караулова, который определяет **языковую личность** как «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов), которые различаются степенью структурно-языковой сложности, глубиной и

точностью отражения действительности, определённой целевой направленностью» [Караулов 1987: 104] и разрабатывает трёхуровневую структуру языковой личности и комплекс соответствующих единиц;

2) модель *вторичной языковой личности*, предложенная **И. И. Халеевой** и интерпретируемая как «способность человека к общению на межкультурном уровне. ... Данная способность складывается из овладения вербально-семантическим кодом изучаемого языка, т.е. «языковой картиной мира» носителей этого языка (формирование **вторичного языкового сознания**) и «глобальной (концептуальной) картины мира» [Халеева 1989: 66–69];

3) теория и практика *аксиофразеологической прагматики* – нового направления современного языкознания, которое имеет целью создание целостной и объективной модели функционирования оценки во фразеологии одно- и разносистемных языков [Краснобаева-Черная 2023]. Объектом данного направления выступают фразеологическая оценка и ценность как лингвофилософская и лингвокультурологическая категория, а предметом – фразеологические единицы с оценочной семантикой. В качестве основного метода аксиофразеологическая прагматика использует метод параметрического (макрокомпонентного) анализа семантической структуры фразеологической единицы (см. [Зимин 2005; Краснобаева-Черная 2018]), который предполагает выделение в структуре фразеологического значения шести макрокомпонентов-типов передаваемой информации (денотативный, грамматический, оценочный, мотивационный, эмотивный и стилистический).

Терминологическую базу аксиофразеологической прагматики формируют термины: аксиологическая оппозиция; аксиологическая структура; аксиологический ориентир; аксиологическое моделирование; аксиологическое поле; антиномия «ценность – неценность»; ментальная структура; ментальный тип; национальный менталитет; оценка; оценка лингвистическая; оценка логичная; оценочная категоризация; оценочная шкала; оценочное осмысление; оценочное суждение; ценностная доми-

нанта; ценностная парадигма культуры; ценностная парадигма социума; ценность; эмоционально-оценочное значение; эмоционально-оценочное осмысление и т.д.

Комплекс задач аксиофразеологической прагматики в структуре языковой личности распределим по трем уровням, выделенным Ю. Н. Карауловым.

1. *Вербально-семантический уровень* опирается на стереотипные слова, клише, воспринимаемые языковой личностью как данность и предполагает для носителя нормальное владение естественным языком, а для исследователя – традиционное описание формальных средств выражения определенных значений. В рамках аксиофразеологической прагматики актуальным является:

1) создание целостной и объективной модели функционирования оценки во фразеологии;

2) формирование лингвистического профиля оценки в аксиологической парадигме с описанием оценочного компонента фразеологического значения;

3) разработка аксиологической классификации фразеологизмов с опорой на оценочную шкалу ‘хорошо – нейтрально – плохо’ и прослеживанием специфики различных семантических полей (‘хороший/ плохой’, ‘одобрять/ не одобрять’, ‘удовлетворять/ не удовлетворять’, ‘ценный/ неценный’, ‘интересовать/ не интересоваться’, ‘согласен/ не согласен’, ‘рекомендовать/ запрещать’, ‘поддерживать/ отказывать’ и др.);

4) описание конституционных признаков ценности и ценностной картины мира во фразеологии.

На данном уровне можно использовать основные тезисы аксиофразеологической прагматики об оценочном компоненте фразеологического значения, ценностной картине мира (далее ЦКМ) и ее основной единице – ценности.

Квалификационными признаками *оценочного компонента фразеологического значения* выступают: **а)** возможность выделения в денотативном и в коннотативном компонентах фразеологического значения (И. В. Чобот); **б)** обусловленность внеязыковыми факторами (логическая категория оценки, социальная

оценка, деонтическая картина мира, ценностные ориентации общества, национально-культурные особенности) и **в)** рематическая часть (ср.: денотат выступает темой для оценочно-эмотивного отношения) (А. М. Яхина); **г)** обусловленность образностью и экспрессивностью и **д)** показатель семантической целостности, устойчивости и воспроизводимости (О. Г. Хабарова); **е)** важнейший компонент, вместе с эмотивным, в семантической структуре фразеологизма и **ж)** наслаивается на денотативное содержание, располагается над ним и играет роль сильного характеризующего элемента (А. П. Василенко); **з)** следствие, атрибут образного переосмысления (Е. И. Диброва); **и)** основная «причина» фразеологической номинации и выбора образа и **к)** управляет эмотивно-экспрессивным компонентом значения фразеологизма (З. М. Габуня и Р. Б. Каирова).

Ценностная картина мира является осмыслением мира человеком, фрагментов этого мира и статуса человеческой личности в этом мире через оценочную категоризацию в оппозиции ценностей и неценностей. Конститутивные признаки ЦКМ можно обобщить и сформулировать так: **а)** доминирующую роль в создании ЦКМ играет оценочная категоризация – формирование ценностей вследствие оценочного осмысления объектов окружающей среды; **б)** ЦКМ предстает как ментальная структура, сформированная блоками оценочных категорий; **в)** ЦКМ характеризуется уровневой структурой: ценности расположены по уровням, основой формирования которых являются типологические параметры ценности в смежных науках (философии, социологии, аксиологии и т.п.); **г)** базовым компонентом ЦКС является ценность.

Ценность – это лингвофилософская и лингвокультурологическая категория с присущими ей значимостью, интенциональностью и биполярностью, которые предполагают обязательное апеллирование к антиномии «ценность – неценность» (например, мир – война, здоровье – болезнь, честность – обман и т.д.): **а)** ценность измеряется в системе «возможных оценок» на разных уровнях языка; **б)** ценность имеет релятивный характер,

определяемый через связь с неценностью, т.е. раскрытие содержания ценности, ее структурной организации зависит от оппозиционной единицы: понятия «хорошо» и «плохо» имплицитно имеют друг друга и формируют вокруг себя семантическое пространство, представленное фразеологическими единицами.

2. *Когнитивный уровень* опирается на понятия, идеи, концепты, «складывающиеся у каждой языковой индивидуальности в более или менее упорядоченную, более или менее систематизированную «картину мира», отражающую иерархию ценностей» и «предполагает расширение значения и переход к знаниям, а значит, охватывает интеллектуальную сферу личности, давая исследователю выход через язык, через процессы говорения и понимания – к знанию, сознанию, процессам познания человека» [Караулов1989: 5–6]. Таким образом, на тезаурусном уровне происходит выявление и установление иерархии смыслов и ценностей в картине мира языковой личности, её интеллектуальная составляющая выходит на передний план. Стереотипам на этом уровне соответствуют устойчивые стандартные связи между дескрипторами, находящими своё выражение в генерализованных высказываниях, дефинициях, крылатых выражениях и т.д., из всего многообразия которых языковая личность выбирает именно те, что соответствуют связям между понятиями в её тезаурусе. В рамках аксиофразеологической прагматики актуальным является:

- 1) структурирование ЦКМ во фразеологии;
- 2) реконструкция фразеологического уровня ЦКМ и установление структурной организации ценности во фразеологии;
- 3) описание номенклатуры общечеловеческих ценностей на основании исходных знаний о конкретных ценностях и верификация в виде проявлений этнических форм ценностей во фразеологии с проекцией на установление степени схожести/ различия аксиологических систем в различных языках.

На данном уровне ЦКМ можно представить шестью уровнями: социальным, витальным, материальным, этическим, правовым, эстетическим и общечеловеческими ценностями, напри-

мер: деньги, дружба, жизнь, закон, здоровье, красота, любовь, мир, свобода, семья, справедливость, успех, честность и др.

3. *Прагматический уровень* опирается на цели, мотивы, интересы, установки и интенциональности и обеспечивает в анализе языковой личности закономерный и обусловленный переход от оценок ее речевой деятельности к осмыслению реальной деятельности в мире [Караулов 1989: 7]. В рамках аксиофразеологической прагматики актуальным является: определение особенностей языковой презентации ценностей на фразеологическом уровне ЦКМ с опорой на ассоциативный анализ, анализ вторичной семиотической системы и под. Так, практические разработки аксиофразеологической прагматики, доказывают, что «фразеологические универсалии структуры ЦКМ характеризуются ассоциативным характером человеческого мышления и связаны: 1) с психофизиологическими особенностями человека (строением и функционированием человеческого организма; одинаковыми или подобными невербальными элементами и их типичной интерпретацией в лингвокультурологии, коммуникативной лингвистике; механизмами эмоциональной и когнитивной деятельности человека и под.); 2) категориями пространства ('верх – низ', 'правый – левый', 'вперед – сзади', 'близко – далеко' и др.) и членением времени (суточный, недельный, годовой циклы, жизненный цикл человека и др.); 3) внешним видом, поведением и повадками животных; 4) чувственным образом цвета и символическими значениями цвета, закрепленными в мировой практике; 5) типичными характеристиками явлений и состояний природы. Различия в ЦКМ обусловлены национальной спецификой культуры (образом жизни, восприятием окружающей среды и под.) носителей рассматриваемых языков» [Краснобаева-Черная 2018: 112].

Таким образом, задачи аксиофразеологической прагматики в формировании языковой личности, адаптированные к трехуровневой структуре языковой личности: 1) являются стратегическими в процессе обучения русскому и иностранному языкам и рассматриваются как один из критериев эффективности такого обучения; 2) находятся в плоскости лингвокультуроло-

логической теории языковой личности; 3) обеспечивают возможность принимать полноценное участие в межкультурной коммуникации.

Библиографический список

Зимин В. И. Оценочно-эмотивная амбивалентность фразеологических единиц в современном русском языке // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах: Языкознание. 2005. Вып. 3. С. 5–9.

Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 264 с.

Караулов Ю. Н. Вступительная статья // Язык и личность. М.: Наука, 1989. С. 3–8.

Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. 7-е изд. М.: Изд-во ЛКИ, 2010. 264 с.

Краснобаева-Черная Ж. В. Опыт осмысления ценностной картины мира во фразеологии: структурная организация (на материале русского, украинского, английского и немецкого языков) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2018. № 54. С. 98–116.

Краснобаева-Черная Ж. В. Аксиофразеологическая прагматика как новое направление современного языкознания // Инновационные перспективы развития Приазовья: сб. тезисов докладов Региональной научно-практической конференции (г. Мариуполь, 29–30 мая 2023 г.): в 2 томах. Мариуполь: ПГТУ, 2023. Т. 1. С. 283–286.

Лутовинова О. В. Становление понятия «языковая личность»: от «языка в человеке» до «человека в языке» // Известия ВГПУ. Филологические науки. 2017. № 1(114). С. 82–89.

Момотова Ю. Г. Представления о языковой и вторичной языковой личности в гуманитарных науках // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2009. № 4(3). С. 99–104.

Туранова А. Ю., Иванова А. Г. Феномен языковой личности в антропоцентрической лингвистике: истоки, структура, перспективы развития // Вестник Таганрогского института имени А. П. Чехова. 2016. № 2. С. 34–38

Халева И. И. Основы теории обучения восприятию иноязычной речи (подготовка переводчиков). М.: Высшая школа, 1989. 238 с.

Халева И. И. Вторичная языковая личность как реципиент инофонного текста // Язык – система. Язык – текст. Язык – способность: к 60-летию члена-корреспондента РАН Ю. Н. Караулова / ред. Ю. С. Степанов, Е. А. Земская, А. М. Молдован. М.: Институт русского языка РАН, 1995. С. 277–285.

Н. В. Макшанцева

*Нижегородский государственный лингвистический
университет им. Н. А. Добролюбова,
г. Нижний Новгород, Россия*

*д.пед.н., профессор кафедры преподавания русского языка
как родного и иностранного*

Nataliya V. Makshantseva

*Nizhny Novgorod State Linguistic University
named after N. A. Dobrolyubov, Nizhny Novgorod, Russia
Doct. of Ped., Professor of the Department of Teaching Russian
asa Native Language and foreign*

ФОРМИРОВАНИЕ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОЙ ЛИЧНОСТИ СРЕДСТВАМИ РУССКОГО ЯЗЫКА: ИДЕИ И СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ

FORMATION OF A SPIRITUAL AND MORAL PERSONALITY BY MEANS OF THE RUSSIAN LANGUAGE: IDEAS AND MODERN APPROACHES

Аннотация. Статья посвящена актуальной для современного общества проблеме – формированию духовно-нравственной личности средствами русского языка. Отмечаются истоки методики изучения родного языка, заложенные Ф. И. Буслаевым, создавшим «систему филологического образования высокодуховной личности» (О. В. Никитин). Обоснована доминантная культуруобразующая концепция языкового образования, реализация которой требует выбора подходов обучения. Предложена совокупность подходов – историко-культурного, лингвокультурологического, аксиологического, концептуального – гармоничное взаимодействие которых способствует восхождению языковой личности к духовно-нравственным ценностям.

Ключевые слова: русский язык, духовность, нравственность, историко-культурный, лингвокультурологический, аксиологический, концептуальный подходы.

Abstract. The article is devoted to the problem of the formation of a spiritual and moral personality by means of the Russian language, which is relevant for modern society. The origins of the methodology of studying the native language, laid down by F. I. Buslaev, who created the «system of philosophical education of a highly spiritual personality» (O. V. Nikitin), are noted. The dominant culture-forming concept of language education is substantiated, the implementation of which requires a choice of teaching approaches. A set of approaches is proposed – historical, cultural, linguistic, cultural, axiological, conceptual – the harmonious interaction of which contributes to the ascent of a linguistic personality to spiritual and moral values.

Keywords: the Russian language, spirituality, morality, historical and cultural, linguistic and cultural, axiological, conceptual approaches.

Русский язык многогранен и сложен, необыкновенно глубок, что делает его неисчерпаемым в выборе аспектов описания. Язык рассматривается и как система знаков, и как инструмент познания, и как средство трансляции культуры, и как духовная сущность. В. фон Гумбольдт отмечал, что с помощью языка возможна любая деятельность и в первую очередь духовная. Такое понимание («язык – дом духа») определило культурно-философский подход к языку в отличие от традиционно-инструментального. В связи с этим, как результат обучения рассматривается лингвокультурологическая компетенция, детерминированная кумулятивной функцией языка и диалектической взаимосвязью языка и культуры. Вот почему глобальной целью российского образования является духовно-нравственное развитие личности, что, в свою очередь, предполагает формирование ее ценностного сознания.

Согласимся с проф. В. Ю. Троицким в том, что «одухотворенный русский язык – душа России, ее святыня, предметное воплощение высших духовных ценностей нерушимое духовное достояние, без которого человек (и народ!) теряет свое лицо <...> становится уязвимым и духовно бессильным» [<https://azbyka.ru/fiction/tajna-russkogo-slova-zametki-nerusskogo-cheloveka/>].

Духовно-нравственное формирование личности средствами родного языка подчеркивал Ф. И. Буслаев. Положения, высказанные ученым, остаются сегодня методически значимыми и авторитетными, ибо Буслаев «создал <...>систему филологического образования высокодуховной личности» [Никитин 2018: 80].

Сегодня методисты развивают личностно-ориентированное направление в обучении родному языку. И здесь тоже сказывается буслаевское влияние. Представляется, что антропологический вектор в педагогическом образовании, о котором так много говорят сегодня, был обозначен в трудах Ф. И. Буслаева, благодаря его творческим прозрениям.

Традиция в приоритете идей, заложенных Буслаевым, требует внимания к духовному развитию и нравственному совершенству: без этих составляющих нет личности.

Актуализированный настоящим моментом социума вопрос о духовных смыслах и нравственных ценностях требует выбора подходов, принципов, методов обучения русскому языку.

Доминантным принципом современного языкового образования признан принцип культуросообразности (А. Дистерверг). Термин «культура» чрезвычайно востребован в лингводидактике. Обучение языку вне культуры невысказимо. Язык – органическая часть культуры. Сущность такой взаимосвязи известный отечественный методист Е. И. Пассов обозначил в терминосочетании «языкультура».

Реализация культуuroобразующей концепции обучения идет разными путями. Наш опыт показывает, что в условиях актуализации мировоззренческих основ образования, обеспечение его ценности – с одной стороны, а также повышение значимости субъектных позиций личности преподавателя и студента – с другой, наиболее эффективным является позиционирование в русле следующих подходов:

- 1) историко-культурный подход (ИКП);
- 2) лингвокультурологический подход;

- 3) аксиологический подход;
- 4) концептуальный подход.

1. ИКП в преподавании русского языка предполагает внимание к языку как сокровищнице народной мудрости, накопленной за длительную культурную историю. Соответственно историко-культурный компонент должен быть включен в программу. Это, в свою очередь, требует внимания обучаемых к языковым единицам с национально-культурным компонентом семантики. Важна фиксация культурно-исторических изменений лексики, переосмысление значений слов. Необходимо актуализировать следование нормам, сложившимся исторически, осмысление новой лексики и ее функционирования.

Следует учесть, что настоящее и прошлое, настоящее и будущее определяются словом, и через слово становятся очевидными духовные и нравственные скрепы нации [Дейкина 2019]. Наша сокровенная суть проявляется в родном языке, в русском слове. По образному выражению В. Ю. Троицкого, «мир расцветает словом, как до некоторых пор не выявившийся бутон, вдруг оказывается цветком, восхищающим своей красотой» [Троицкий 2009: 21]. Слово обретает полноту бытия в сознании по мере того, как наполняется смыслами. Л. С. Выготский видел в осмыслении слова «микрокосм человеческого сознания». Слово обладает ресурсами, которые создают духовный потенциал личности. Формировать и творить духовность слово способно в том случае, если оно носитель силы и энергии. Слово обладает не только смыслом, но и являетсяместилищем энергии (Сергей Булгаков). Силу слова подчеркивал М. Ю. Лермонтов: «Есть сила благодатная в созвучьи слов живых. И дышит непонятная святая прелесть в них» [<https://www.culture.ru/poems/37093/molitva>]. Многие русские слова вбирают в себя православные смыслы и хранят их, передавая из поколения в поколение. Как мы относимся к этому наследию? Как употребляем слова, в каком смысле?

- Озлобленный потеряло значение «претерпевший зло», употребляется в значении «озлобившийся», являющийся носителем зла.

- В смысле – в значении «то есть», обесценивается слово смысл.

- «Соборность» понимается как «коллективизм», «честь» как «престиж», «совесть» как «сознательность».

Во всех приведенных примерах теряется смысл слов. Старец Иосиф сказал, что уход слова не трагедия, но всегда потеря смысла и некоторого особенного взгляда на мир [Иосиф 1998: 17].

2. Лингвокультурологический подход (А. Д. Дейкина, Е. В. Любичева, Н. Л. Мишатина, Т. К. Донская) – совокупность методов, позволяющих в процессе обучения русскому языку формировать языковую личность обучаемых в контексте культуры. Особенно важным аргументом в пользу лингвокультурологического подхода видится изучение духовных ценностей и опыта языковой личности данной национально-культурной общности. Доминантные категории обозначенного подхода:

- человек как языковая личность;
- язык как воплощение культурных ценностей;
- культура как наивысший уровень языка.

В центре дидактической системы в контексте лингвокультурологического подхода поставлен текст. Духовно-культурный потенциал текста позволяет решать проблему формирования ценностного сознания. Приобщение обучаемых к культурным ценностям, нравственным идеалам способствует формированию культурно-языковой личности. Слова текста выступают ценностными объектами. Понять многоцветный мир слова можно с помощью морфемного анализа, лексического, в ходе которого осознаются концептуальные значения, морфологического, выявляющего функциональные особенности. Этапы текстового анализа решают герменевтическую задачу понимания смысла.

3. Аксиологический подход. Мироззренческая категория ценности привлекает сегодня особое внимание исследователей и педагогов. К настоящему моменту общество подошло с

ощущением духовного кризиса, проявлением которого в частности, являются:

- смена ценностных ориентиров;
- исчезающая духовность;
- разбалансированность информационно-ценностного пространства;
- филологическое невежество, которое неизбежно влечет за собой утрату культуры;
- потеря нравственной и культурной преемственности поколений.

Именно поэтому в образовании особенно востребован аксиологический подход, а ценностно-ориентированное обучение русскому языку является одной из современных педагогических технологий.

Ценность в методике понимается широко: как понятие, как категория, как универсалия, как концепт. В любом случае теоретическая сторона проблемы заключается в признании русского языка как национально-культурного феномена. Практическая сторона состоит в особенностях реализации идеи восприятия и отражения культурных смыслов, связанных с русским языком. Для решения этой задачи применяется текстоориентированное обучение. Текст выступает как «ментально-ценностный ориентир» (А. Д. Дейкина) и содержит аксиологические измерения: особенности менталитета, духовных ценностей, морали, нравственности.

Художественный текст является «трижды культурным объектом», поскольку в нем отражена жизнь народа и культура как важнейшая её составляющая. В тексте присутствуют компоненты культуры, несущие национально-специфическую окраску.

Е. И. Пассов, с учетом образовательных целей, понимает культуру как «систему духовных ценностей, которые созданы и накоплены обществом во всех сферах бытия. Среди этих ценностей есть общечеловеческие, присущие всем народам, а также национально-специфические, присущие одному народу».

Методика анализа художественного текста как дидактической единицы при изучении русского языка должна учитывать иерархичность языковой системы, символику, образность. «Через соотношение разных сторон анализа будут проступать ориентиры ментально-ценностного характера» [Дейкина 2019: 107].

Профессор Т. Б. Радбиль отмечает четыре уровня языкового менталитета: вербально-семантический (системно-языковой), уровень знаний о мире (лингвокогнитивный), уровень системы ценностей (аксиологический), мотивационно-прагматический (поведенческий уровень), которые тесно связаны между собой [Радбиль 2011].

Работы с текстом на уроке русского языка – неиссякаемый источник для формирования духовно-ценностных представлений личности.

4. Концептуальный подход.

Своеобразие предложенного подхода является то, что он базируется на основных тенденциях высшего образования, а именно:

- тенденции расширения поля языка не только как важнейшего средства общения, но и феноменом духовной культуры;
- признании основополагающего принципа «человек в языке».

Новые возможности концептуального подхода связаны с глубоким ментальным погружением в концептосферу языка и культуры, результатом которого становится расшифровка культурных смыслов.

Концептуальный подход актуализирует понятие концепта как дидактической единицы обучения. Концепты обладают необходимыми признаками, определяющими ценностно-смысловой потенциал процесса обучения русскому языку:

- ментальная природа;
- воплощение культурного смысла;
- ценностность;
- этноспецифичность.

Подчеркнем, что концепт – «архиватор культурных смыслов» (С. Г. Воркачев). Термины концепт и смысл нередко воспринимаются как синонимы. Видимо, такое понимание задано работами С. А. Аскольдова-Алексеева: «Концепты – это точки сложнейших соцветий мыслительных конкретностей», то есть в сущности «соцветий смыслов». По утверждению Ж. Делёза, «человек мыслит концептами».

Специфика методологии, однако, связана не столько с теорией концепта, сколько с разработкой методики применения этой теории в сфере преподавания русского языка.

Концептуальный подход уточняет три важных пункта:

1) за словом может стоять не просто понятие и коннотативные (оценочные) значения, но и целый комплекс заданных в культуре эмоционально-чувственных образов;

2) слово может обозначать такое ментальное явление (т.е. явление коллективного сознания носителей лингвокультуры), которое укоренено, проявлено в культуре самыми разными способами;

3) в соответствии с первыми двумя пунктами следует выработать особую методику освоения слова не слова так такового, а как наименования концепта [Макшанцева, Королева 2019].

Считаем, что именно совокупность названных подходов к преподаванию русского языка может обеспечить формирование духовно-нравственного мира языковой личности. Т.е. речь идет о полифонии подходов, когда они звучат не как многоголосье разных методических усилий, а как гармония равнонаправленных усилий в учебном процессе. Методическая поддержка может быть оказана нескольким подходам с содержательным основанием для взаимодействия: мировоззренческим, культурным, ценностным, духовным. Гармоничная реализация взаимодействия будет способствовать выполнению образовательных, развивающих, воспитательных, интеллектуальных задач обучения, присвоению духовно-нравственных ценностей, хранимых языком.

Библиографический список

Дейкина А. Д. Аксиологическая методика преподавания русского языка // МПГУ, 2019. С. 57.

Иосиф (Коттис), прп. изложение монастырского опыта // Сергиев Посад: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1998, с. 17.

Макшанцева Н. В., Королева С. Б. Преподавание РКИ сквозь призму теории концепта: культура, ментальность, аспекты языка // Язык и культура. 2019. № 47. С. 231–244.

Никитин О. В. «Филология духа». Федор Иванович Буслаев как языковая личность (к 200-летию со дня рождения ...) // Русский язык в школе. 2018. № 5. С. 79–86.

Радбиль Т. Б. О концепции изучения русского языкового менталитета // Русский язык в школе – 2011, № 3. С. 54–60.

Троицкий В. Ю. Русское слово как наследие // Литература в школе. 2009. № 9. С. 20–22.

«Азбука веры» [Электр. ресурс] URL: <https://azbyka.ru/fiction/tajna-russkogo-slova-zametki-nerusskogo-cheloveka/> (дата обращения: 31.01.2024).

«Культура.РФ» [Электр. ресурс] URL: <https://www.culture.ru/poems/37093/molitva> (дата обращения: 31.01.2024).

И. В. Полякова
Казанский (Приволжский) федеральный университет
г. Казань, Россия
ассистент кафедры русского языка
и методики его преподавания

Irina V. Polyakova
Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia
Assistant of the Department of Russian Language
and Teaching Methods

КУЛЬТУРА РЕЧИ В ФОРМИРОВАНИИ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

THE CULTURE OF SPEECH IN THE FORMATION OF A LINGUISTIC PERSONALITY

Аннотация. В статье анализируются проблемы русского языка в области культуры речи, исследуются заимствованные слова в русском языке и возможность избавления современного русского языка от иностранных слов, раскрываются причины низкой коммуникативной грамотности молодежи, анализируются варианты повышения грамотности письменной и устной речи.

Ключевые слова: языковая личность; грамотность; культура речи; лексикон; литература.

Annotation. Russian language problems in the field of speech culture are analyzed in the article, borrowed words in the Russian language and the possibility of getting rid of foreign words in the modern Russian language are investigated, the reasons for low communicative literacy of young people are revealed, options for improving literacy of written and oral speech are analyzed.

Keywords: linguistic personality; literacy; culture of speech; lexicon; literature.

В настоящее время в российском обществе наблюдается тенденция к проведению дискуссий о проблемах русского языка. Безусловно, различные явления, встречающиеся в русском языке, уже огромное количество раз становились предметом обсуждений. Но в последнее время обращение к проблемам русского языка, а если говорить правильно, к проблемам культуры речи, происходит всё чаще и чаще, в том числе и на уровне правительства Российской Федерации.

22 июня 2022 года председатель Совета Федерации Валентина Матвиенко призвала законодательно избавить русский язык от заимствованных иностранных слов. Она подчеркнула, что иностранные слова произносятся и на правительственном уровне, что, по ее мнению, недопустимо, и следует заменять иностранные слова аналогами русских слов. Несомненно, чтобы решить эту проблему, потребуется большое количество времени, ведь невозможно просто запретить населению использовать в своей речи иностранные слова. Я думаю, что избавление русского языка от англицизмов – это сложный вопрос, и проработать его можно, например, если на законодательном уровне запретить иностранные слова в деловой речи. Но и в таком случае могут возникнуть трудности, поскольку некоторые слова, допустим, «компьютер», «менеджер» уже прочно вошли в нашу речь, используются как и в официально-деловом стиле речи, так и в других стилях речи. Поэтому я полагаю, что устранить эти слова будет достаточно тяжело, даже невозможно.

Как же возможно справиться с этой задачей? Я считаю, что для этого требуется четкое понимание того, какие слова можно заменить русскими словами, а какие должны остаться в иноязычном варианте. На мой взгляд, это процесс достаточно сложный, трудоемкий, поэтому потребуется время для его осуществления.

Нельзя не согласиться со знаменитым литературным критиком В. Г. Белинским, сказавшем о русском языке следующее: «Употреблять иностранное слово, когда есть равносильное ему

русское слово, – значит оскорблять и здравый смысл, и здравый вкус». Тогда почему же замена иностранных слов может быть проблематичной? Я полагаю, это связано с тем, что некоторые иноязычные слова в русском варианте имеют слишком длинное толкование, поэтому проще употребить именно иноязычный вариант. К примеру, слово «инициатор» в русском варианте можно использовать как «зачинатель», но в таком озвучивании в лексиконе россиян это слово встречается редко; скорее, можно услышать «зачинщик», которое все-таки больше употребляется в отрицательном значении, а «инициатор», по моему мнению, имеет больше положительный оттенок.

Аналогичный пример можно наблюдать и со словом «инаугурация». В русском варианте это слово имеет довольно-таки длинное толкование: торжественная процедура вступления в должность главы государства и ряда других выборных лиц. Возможно, именно поэтому чаще всего мы употребляем иноязычный вариант этого толкования. По моим наблюдениям, корреспонденты телевизионных каналов в основном используют слово «инаугурация» во время освещения этого события.

Как мне кажется, слово «саммит» в современном русском языке вполне возможно заменить на русский вариант этого слова «встреча». То слово лексически нейтрально, поэтому его можно использовать и в деловой речи в ходе освещения дипломатических новостей.

В своем желании избавить русскую речь от заимствованных слов мы забываем один интересный момент. Ведь такие слова как «дрейф, лоцман, парад, флаг, пельмени, кинжал, пурга» и др. мы употребляем очень часто, порой даже не задумываясь о том, что некоторое количество лет назад эти слова тоже появились в нашей речи из других языков: французского, немецкого, голландского, финно-угорского, тюркского и других. Я склоняюсь к мнению, что когда-нибудь и современные заимствованные слова не будут казаться нам столь «дикими», так как большинство таких слов пришло к нам из английского языка, а

английский язык – это международный язык, язык науки, информационных технологий, интернета и многого другого, так что современная языковая личность обойтись без использования английских слов в своей речи никак не может. Особенно это касается слов на *-ция*: коллекция, инструкция, традиция, информация. Безусловно, и без использования таких слов как «маркер, компьютер, принтер» мы свою речь тоже представить не сможем.

С моей точки зрения, в современном обществе есть другая проблема, имеющая непосредственное отношение к культуре речи современной языковой личности, а именно: низкий уровень коммуникативной грамотности людей, большей частью молодежи [Гончарова 2011: 10]. Наблюдая за речью студентов во время проведения занятий, я сделала следующий вывод: современному студенту часто бывает сложно объяснить какое-либо понятие или пересказать текст без использования жаргонных слов, без слов-паразитов (например, «типа»). О чем это может говорить?

Думаю, что ответ на данный вопрос вполне очевиден: современная молодежь не имеет богатый лексический запас слов, и с этим сложно не согласиться. С каждым годом эта проблема усугубляется, а ее истоки уходят еще в школьный период будущего студента. В данном случае я имею в виду отношение школьников к урокам литературы в школе. Проанализировав замечания многих школьных учителей начальных классов, я поняла, что подготовить пересказ заданного произведения удастся далеко не всем ученикам даже четвертого класса. Ребенок порой не в состоянии запомнить текст в одну страницу; некоторые дети в четвертом классе все еще плохо читают, и я говорю о ребятах, у которых русский язык является родным языком. Аналогичная ситуация происходит и с заучиванием стихотворений наизусть. Я считаю, что такая проблема возникает по одной простой причине: до поступления в первый класс ребенок мало читал или почти не читал детскую художественную литературу

вместе с родителями или без них. Без сомнения, детей мы воспитываем своим примером, и если каждый раз родитель занимает свое свободное время только использованием гаджета, то и ребенок вместо прочтения книги возьмет в руки гаджет. К слову говоря, если посмотреть некоторые анкеты пользователей социальной сети «VK» в возрасте от тридцати до сорока – сорока пяти лет, то можно заметить, что в шести анкетах из десяти ответ на вопрос «любимые книги» звучит вот так: я не люблю читать. Таким образом, нам становится понятно нежелание их детей читать художественную литературу. Если ребенок с трудом воспринимает информацию из текстов начальной школы, то в старших классах ему будет гораздо сложнее понимать и объяснять предлагаемые произведения. На мой взгляд, начиная приблизительно с восьмого класса, учителя русского языка и литературы больше внимания уделяют подготовке к ЕГЭ, что, конечно, очень важно, но тем самым уроки литературы отходят на второй план.

Давно известно, что чтение книг не только обогащает речь языковой личности, но и развивает память, в том числе и орфографическую. Во время проведения практических занятий я замечаю, что очень многие студенты не знают, как пишутся и произносятся слова «желоб» и «жернов», потому что не знают значения этих слов. Не все понимают слово «афера», «недоуменный», не отличают «колоса» от «колосса»; не многие знают автора фразы «Государство – это я», «а все-таки она вертится», что может говорить и о невысокой эрудиции современных студентов.

Следовательно, на формирование языковой личности не может влиять только присутствие заимствованных слов в речи. Появление новых слов в русском языке – это неизбежное историческое явление. Задача языковой личности – уметь правильно использовать эти слова, выражаясь ясно и точно. Я считаю, что нужно обращать внимание именно на умение современной молодежи четко, понятно выражать свои мысли, грамотно гово-

рить и писать на русском языке. Для достижения отличного результата в этом направлении необходимо донести до молодежи то, что без постоянного развития своей личности путем чтения классических произведений, без стремления обогатить свои знания невозможно усовершенствовать свою речь. Человека встречают не только «по одежке», но и исходя из того, насколько грамотна его речь, например, при проведении деловых переговоров, при публичных выступлениях. Подобно тому, как язык народа является показателем его культуры, так и язык отдельного человека можно рассматривать как показатель его культурного уровня [Гончарова 2011: 13].

Библиографический список

Гончарова Т. В., Плеханова Л. П. Речевая культура личности. Нормативный, этический, коммуникативный аспекты. Гуманитарная составляющая культуры языковой личности. Липецк: ЛГГТУ, 2011. 291 с.

И. Г. Родионова

*Пензенский государственный университет, г. Пенза, Россия
д. филол. н., заведующий кафедрой русского языка
и методики преподавания русского языка*

Inessa G. Rodionova

*Penza State University, Penza, Russia
Doct. of Phil., Head of the Department of Russian Language
and Methods of Teaching the Russian Language*

**ТЕМАТИКА АВТОРСКИХ АФОРИЗМОВ
К. Г. ПАУСТОВСКОГО**

**THE SUBJECT OF THE AUTHOR'S APHORISMS
K.G. PAUSTOVSKY**

Аннотация. Рассматриваются афоризмы, извлечённые из произведений К. Г. Паустовского. Называются ключевые слова, послужившие основой для создания изречений и выделения их тематических групп. Делается вывод о том, что любовь писателя к родной земле, к жизни, к человеку, отражённая в его творчестве, нашла воплощение в афористических высказываниях, включение которых в речь автора-рассказчика и персонажей усиливает воздействие произведений на читателя.

Ключевые слова: афоризм; К. Г. Паустовский; ключевое слово; тематическая группа; автор-рассказчик; персонаж.

Abstract. The aphorisms highlighted in the works of K.G. Paustovsky are considered. Key words are named that serve as the basis for creating thematic groups of aphorisms. It is concluded that the writer's love for his native land, for life, for man, reflected in his work, was embodied in aphoristic statements, the inclusion of which in the speech of the author-narrator and characters enhances the impact of the works on the reader.

Keywords: aphorism; K. G. Paustovsky; keyword; thematic group; author-narrator; character.

Особенностью языка прозы русского советского писателя К. Г. Паустовского является её афористический характер. «Афоризм – это обобщённая глубокая мысль определённого автора, выраженная в лаконичной, отточенной форме, отличающаяся выразительностью и явной неожиданностью суждения. Как и пословица, афоризм не доказывает, не аргументирует, а воздействует на сознание оригинальной формулировкой мысли» [Словарь литературоведческих терминов 1974: 23–24]. По мнению О. М. Холмоенко и А. И. Квитко, афоризм, включённый в художественный текст, интересен и привлекателен для читателя «своей новизной и парадоксальностью содержания, выраженного в краткой форме. Он уместен и как отдельное, не связанное с текстом высказывание и в контексте художественного произведения» [Холмоенко, Квитко 2020: 1134].

В центре внимания в настоящей статье находятся афористические высказывания, извлечённые из рассказов, сказок и очерков К. Г. Паустовского, а также из его автобиографического произведения «Повесть о жизни». Авторские афоризмы писателя не являются самостоятельными текстами – они представляют собой рассуждения, гармонично вплетённые в канву повествования, поэтому воспринимаются не как нравоучения, а как размышления мудрого человека, который делится с читателем тем, что для него особенно важно и дорого.

В ходе анализа языкового материала выявлено, что афоризмы включены как в авторский текст, так и в речь персонажей: *На пересечении сотен дорог случайно сталкиваются люди, не зная, что вся их прошлая жизнь была подготовкой к этой встрече* (автор-рассказчик, «Золотая роза»); *Дуракам всё смех, а умному всё в соображение* (пожилой пильщик, «Маша»).

«Основой любого афоризма является ключевое слово <...>. Вокруг ключевого слова, фиксирующего тему афоризма,

строится всё изречение», – утверждает А. В. Королькова [Королькова 2023: 205].

Афористические высказывания К. Г. Паустовского строятся вокруг следующих ключевых слов: *человек, жизнь, мастер (мастерство), родина (родная земля, своя страна), природа, писатель, русский язык*. Данные ключевые слова обусловили тематику афоризмов писателя.

Значительная часть высказываний посвящена описанию **душевных качеств человека, свойств его характера**. Как правило, такие изречения содержат ключевое слово *человек*. К. Г. Паустовский рассуждает о душевной чуткости человека: *Нету хуже, когда у человека душа сухая. Вянет от таких жизнь, как трава от осенней росы* (старик Федосьев, «Колотый сахар»); о его душевных и эмоциональных состояниях: **Человек никогда не должен терять способность удивляться. Ежели он настоящий человек, а не портфель, набитый казёнными отчётами** (Тихон Петрович, «Маша»). Отметим, что лексема *человек* может отсутствовать в афористических высказываниях – она как бы «компенсируется» использованием слов, называющих состояния или свойства характера, присущих именно человеку: *А когда слишком долго ждёшь, то радость превращается в некоторую печаль* (автор-рассказчик, «Повесть о жизни»); *Так вот, запомни: добротой можно добиться всего* (Черпунов, «Повесть о жизни»); *Бессильное сожаление о том, что мы могли бы сделать и чего мы не сделали по лености, по нашему удивительному умению убивать время на малые житейские необходимости и заботы, приходит к нам, как правило, слишком поздно* (автор-рассказчик, «Повесть о жизни»); *Я догадался, что гардемарин меня пожалел, и впервые узнал, что жалость оставляет в душе горький осадок* (автор-рассказчик, «Повесть о жизни»); **Талант – он, брат, землю ворочает** (боец Капустин, «Приказ по военной школе»); *Я подумал: как мало, в конце концов, нужно человеку для счастья, когда счастья нет, и как много нуж-*

но, как только оно появляется (автор-рассказчик, «Повесть о жизни»).

В своих произведениях К. Г. Паустовский рассуждает о **взаимоотношениях между людьми**: *Без примера нельзя жить. Хороший пример каждому нужен, как кружка воды в жаркий день* (боец Петренко в роли рассказчика, «Рассказ бойца Петренко»); *И ещё надо знать один золотой закон: никого не осуждать сгоряча. Иначе ты всегда попадёшь в глупое положение* (отец, «Повесть о жизни»); *Я подумал, что нет в мире ничего более счастливого, чем согласие между разными людьми, и ничего страшнее умирания любви, – никем из любящих не заслуженного, необъяснимого, вползающего в жизнь с незаметным упорством* (автор-рассказчик, «Повесть о жизни»); *Лучше одиночество, чем жизнь в клубке взаимных обид, утомительных и непонятных* (автор-рассказчик, «Повесть о жизни»); *Одиночество, знаете, – вещь полезная, но в маленьких дозах* (старик-винодел Пётр Петрович, «Встреча»); *Люди любят рассуждать о счастье. Но никто не знает, что самое большое счастье – в понимании* (автор-рассказчик, «Равнина под снегом»); *Командир слушал и думал, что ничто не даёт такого расцвета таланту, как дружба и простое товарищеское внимание* (автор-рассказчик, «Музыка Верди»).

В афоризмах К. Г. Паустовского нашло отражение **понимание человеком жизни во всём её многообразии**. Высказывания данной группы строятся вокруг ключевого слова *жизнь* и его однокоренных слов: *Я догадывался, что в жизни хорошее и плохое лежат рядом. Часто хорошее просвечивает через толщу лжи, нищеты и страданий. Так иногда в конце ненастного дня серые тучи вдруг насквозь просветятся огнём заходящего солнца* (автор-рассказчик, «Повесть о жизни»); *Чем больше мы знаем, тем сильнее желание **жить*** (автор-рассказчик, «Потерянный день»). Писатель считает, что умению видеть жизнь в её многообразии необходимо учиться: *Для того чтобы прозреть, нужно не только смотреть по сторонам. Нужно научиться*

видеть (автор-рассказчик, «Искусство видеть мир»). В творческом наследии К. Г. Паустовского имеются изречения, отражающие особенности восприятия человеком такого периода его жизни, как детство: *Очень жаль, что всю прелесть детства мы начинаем понимать, когда делаемся взрослыми* (автор-рассказчик, «Повесть о жизни»).

Отдельную группу афоризмов составляют высказывания **об отношении человека к труду, о мастерстве**; они включают лексемы *мастер, мастерство*. Писатель показывает своё уважение к людям, которых называют мастерами своего дела: *У каждого мастера<...> лежит на душе мечтанье сделать такую великолепную вещь, какую никто до него не делал. На то он и мастер!* (стекольный мастер Вася, «Стекольный мастер»); *Каждое искусство требует преемственности. Преемственности! Понимаете? Мастер должен передавать своё искусство ученикам. В любой области – и в вашей, писательской, и в моей, винодельческой* (старик-винодел Пётр Петрович, «Встреча»); *Как-никак, а это не малость, ежели каждый в своей области мастер* (плотник Семён, «Беспокойство»); *Наши мужики только и знают, что пахать, да скородить, да косить, а этого для человека мало. Он обязан знать ещё и какое ни на есть мастерство* (бабка Ганя, «Стекольный мастер»).

В афористическом наследии К. Г. Паустовского значительное место занимает **тема Родины и патриотизма**. Высказывания данной группы содержат ключевые слова и словосочетания *родина, своя страна, родная земля*: *Нет! Человеку никак нельзя жить без родины, как нельзя жить без сердца* (автор-рассказчик, «Ильинский омут»); *Без чувства своей страны – особенной, очень дорогой и милой в каждой её мелочи – нет настоящего человеческого характера. Это чувство бескорыстно и наполняет нас великим интересом ко всему* (автор-рассказчик, «Повесть о жизни»). Отношение к Родине К. Г. Паустовский описывает через любовь в широком понимании этого слова: *...нет ничего человечнее слёз от любви, нет*

ничего, что бы так сильно и сладко разрывало сердце. И нет ничего омерзительнее, чем равнодушие человека к своей стране, её прошлому, настоящему и будущему, к её лесам и полям, к её селениям и людям, будь они гении или деревенские сапожники (автор-рассказчик, «Повесть о жизни»). К. Г. Паустовский говорит о необходимости каждого человека беречь родную землю: *...родная земля – самое великопепное, что нам дано для жизни. Её мы должны возделывать, беречь и охранять всеми силами своего существования* (автор-рассказчик, «Повесть о жизни»).

В афоризмах К. Г. Паустовского, который, по словам А. В. Канафьевой и Г. Г. Белоусова, «растворился» в окружающем его мире природной стихии» [Канафьева, Белоусов 2020: 218], нашла отражение тема взаимосвязи человека и природы: *Проце говоря – природу надо любить, и эта любовь, как и всякая любовь, найдёт верные пути, чтобы себя выразить с наибольшей силой* (автор-рассказчик, «В кузове грузовой машины»).

Г. П. Трефилова отмечает: «Образ художника и место искусства в обществе – сквозная тема в книгах Паустовского. Она входит в комплекс лейтмотивов, затрагивающих вопросы творческой способности как проявления человеческой природы» [Трефилова 1983: 39]. Роль искусства в формировании характера человека, восприятие искусства человеком отражена в афористике писателя. Изречения данной тематической группы включают лексемы, называющие разные виды искусства: *Сила жизни такова, что переламывает самых фальшивых людей, если в них живёт хотя бы капля поэзии* (автор-рассказчик, «Повесть о жизни»); *...иной человек не может получить от музыки впечатления, ежели видит, как она происходит* (стекольный мастер Вася, «Стекольный мастер»); *Невозможно, конечно, передать музыку словами, как бы ни был богат наш язык* (автор-рассказчик, «Корзина с еловыми шишками»).

Решивший в юном возрасте стать писателем, К. Г. Паустовский, будучи уже настоящим мастером слова, показывает осмысленное понимание **сущности писательского труда и предназначения писателя**: *Тот не писатель, кто не прибавил к зрению человека хотя бы немного зоркости* (автор-рассказчик, «Золотая роза»); *Писатель, выражая себя, тем самым выражает и свою эпоху* (автор-рассказчик, «Повесть о жизни»); *Может быть, только одну сотую нашей жизни мы вводим в тесные рамки наших книг, а девяносто девять сотых остаются вне книг и сохраняются только в нашей памяти бесплодным, но, несмотря на это, всё же значительным и драгоценным грузом* (автор-рассказчик, «Повесть о жизни») – в данном высказывании словоформа *писатели* замещается личным местоимением *мы*. По мнению Паустовского, настоящим писателем может стать только человек активный, стремящийся познать жизнь: *Надо входить в жизнь, не брезгать ничем, – только так может накопиться жизненный опыт, создаться та кладовая, откуда я буду брать пригоршнями мысли, сюжеты, образы и слова* (автор-рассказчик, «Повесть о жизни»). Писатель не обходит стороной и тему влияния литературы на состояние человека: *От сказки не только ребятам, а даже бойцам одно удовольствие* (боец Пётр Терентьев, «Похождения жука-носорога»).

В автобиографическом произведении «Повесть о жизни» Паустовский рассуждает об особенностях жанра автобиографии: *Для всех книг, в особенности для книг автобиографических, есть одно святое правило – их следует писать только до тех пор, пока автор может говорить правду. По существу, творчество каждого писателя есть вместе с тем и его автобиография, в той или иной мере преображённая воображением. Так бывает почти всегда* (автор-рассказчик, «Повесть о жизни»).

Афористическое высказывание К. Г. Паустовского **о русском языке** отражает, с одной стороны, неисчерпаемые богатства языка, с другой – способность человека сотворить с его по-

мощью чудо – передать любую мысль, сформированную в сознании: *С русским языком можно творить чудеса. Нет ничего такого в жизни и в нашем сознании, чего нельзя было бы передать русским словом* (автор-рассказчик, «Повесть о жизни»).

«Книги Паустовского полны радостного доброжелательства к людям», – справедливо отмечает Г. П. Трефилова [Трефилова 1983: 54]. «Хорошо может видеть людей и землю только тот, кто их любит», – утверждает К. Г. Паустовский в очерке «Искусство видеть мир» из цикла «Золотая роза». И эта любовь к земле, к жизни, к человеку отражена в творчестве писателя, воплотившись в емкие по содержанию изречения – афоризмы. Включение этих высказываний в речь не только автора-рассказчика, но и персонажей делает их более убедительными, что, несомненно, усиливает воздействующий потенциал произведений К. Г. Паустовского на читателя.

Библиографический список

Канафьева А. В., Белоусов Г. Г. Отрицательная модальность некоторых типов односоставных глагольных предложений в рассказах К. Паустовского // *Русский язык: история, диалекты, современность: сб. науч. статей, посвященный 80-летию юбилею профессора Льва Феодосьевича Копосова* / сост.: Л. Ф. Копосов, Ю. В. Коренева, О. В. Ряховская; МГОУ. Вып. XIX. М.: Принтика, 2020. С. 216–221.

Королькова А. В. Афористика Бориса Пастернака // *Слово – фразеологизм – дискурс: актуальные проблемы исследования в современном гуманитарном знании: сб. статей, посвященный 85-летию со дня рождения заслуженного работника высшей школы, доктора филологических наук, профессора Костромского государственного университета Алины Михайловны Мелерович* / под ред. И. Ю. Третьяковой, М. А. Фокиной. Кострома, 2023. С. 203–211.

Словарь литературоведческих терминов / ред.-сост. Л. И. Тимофеев и С. В. Тураев. М.: Просвещение, 1974. 509 с.

Трефилова Г. П. К. Паустовский, мастер прозы. М.: Худож. лит., 1983. 128 с.

Холомеевко О. М., Квитко А. И. Афоризмы Сергея Довлатова: структурно-семантические особенности // *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2020. Т. 22. № 4. С. 1134–1142.

М. А. Соловьёва

Минский государственный лингвистический университет

г. Минск, Беларусь

*к.филол.н., доцент кафедры истории
и грамматики английского языка*

Marija A. Soloviova

Minsk State Linguistic University

Minsk, Belarus

*Ph.D., Associate Professor of the Department of History
and Grammar of the English Language*

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ НЕОСОКРАТОВСКОГО МЕТОДА В ИССЛЕДОВАНИИ ЛИНГВОКУЛЬТУРНО МАРКИРОВАННЫХ КОНЦЕПТОВ

USING NEO-SOCRATIC METHOD IN THE INVESTIGATION OF LINGVO-CULTURALLY MARKED CONCEPTS

Аннотация. В статье анализируется опыт применения неосократовского метода в исследовании лингвокультурно маркированных концептов, в частности, концепта «толерантность». Показывается, как метод регрессивного абстрагирования путем групповой коммуникации позволяет выявить смысловую специфику употребления относительно универсальных концептов в когнитивно-коммуникативном пространстве отдельной лингвокультуры с учетом условий двуязычия. Указывается на возможности использования неосократовского метода в обучении иностранному языку и изучении концептов соответствующей лингвокультуры.

Ключевые слова: неосократовский метод, метод регрессивного абстрагирования, лингвокультурно маркированный концепт, групповая коммуникация, толерантность, смысловая специфика.

Abstract. The article presents an analysis of the experience of applying the Neo-Socratic method in investigating lingvo-culturally marked con-

cepts, in particular, that of "tolerance". It is demonstrated how a method of regressive abstraction by means of group communication allows to identify sense specificity in the use of relatively universal concepts in the cognitive and communicative space of a certain culture, considering the bilingual environment. It is indicated how the Neo-Socratic method could be used in teaching a foreign language and studying the concepts of the corresponding linguistic culture.

Keywords: the Neo-Socratic method, a method of regressive abstraction, lingvo-culturally marked concepts, group communication, tolerance, sense specificity.

Данная статья посвящена обобщению опыта применения неосократовского метода философии в контексте обучения иностранному языку студентов лингвистического вуза и повышения квалификации преподавателей иностранного языка на базе Минского государственного лингвистического университета. Материалом исследования послужили беседы по неосократовскому методу на русском и английском языках, посвященные онтологическим вопросам «Что такое толерантность?» и «Каковы границы толерантности?».

Для начала определим основные термины, использованные в статье: «неосократовский метод» и «лингвокультурно маркированный концепт».

Неосократовский метод представляет собой способ исследования абстрактных понятий в групповой коммуникации, осуществляемой по модели, разработанной немецкими философами и педагогами XX века Л. Нельсоном и Г. Хекманом [Нельсон 1992: 37–70; Хекман 1993: 45–70]. Это метод регрессивного абстрагирования, который заключается в анализе отвлеченных понятий на основе индивидуально пережитого коммуникативного опыта. Суть неосократовской беседы состоит в том, что ее участники, исследуя конкретный прецедент общения, иллюстрирующий абстрактный концепт, использованный в исходном вопросе, устанавливают обстоятельства, в которых разворачивается ситуация, выделяют в письменно зафиксированной ситуа-

ции смысловые компоненты анализируемого концепта и постепенно через консенсус формулируют ответ на поставленный вопрос – в случае отнولوجического характера последнего это дефиниция концепта.

Лингвокультурно маркированные концепты по-разному определяются в современной лингвистике. Это могут быть ключевые слова, являющиеся значимыми для определенной лингвокультуры, концепты, обладающие номинативной плотностью, дублетные концепты, концепты, не имеющие полных эквивалентов в иных языках [Вежбицкая 1999: 282; Воркачев 2005: 12; Зализняк 2012: 12]. Если же обратиться к самому определению концепта в лингвокультурологии, то можно заключить, что любой лингвокультурный концепт является лингвоспецифичным, потому что он представляет собой формируемый результат эмоционально-логического осмысления реальности, общую, максимально абстрагированную идею предмета, которая обладает ингерентно присущей ей аксиологией и взята в совокупности всех валентных связей, отмеченных национально-культурной маркированностью [Красных 2016: 134, 332].

Мы выбрали для анализа концепт «толерантность», поскольку в релевантных для нашего исследования языках (русском, белорусском и английском) он вербализован заимствованной лексемой, не являющейся «ложным другом переводчика», т.е. отражающей, как мы предполагаем, достаточно универсально используемое в указанных языках понятие. При этом в обиходном общении, в стереотипных представлениях белорусы считаются «толерантной нацией». Поэтому наша задача заключалась в том, чтобы выяснить при помощи неосократовского метода, что подразумевается под толерантностью для русскоговорящего двуязычного белоруса, в частном случае, изучающего английский язык или использующего его в профессиональной педагогической деятельности. Наша цель состояла в том, чтобы выявить возможную специфику функционирования концепта «толерантность» в контексте русскоязычной коммуникации бе-

лорусов и сравнить ее с использованием английского концепта той же социокультурной группой людей.

В словаре иностранных слов толерантность возводится к латинскому слову *tolerantia* ‘терпение’ и трактуется как «терпимость к чужим мнениям и верованиям» [Словарь иностранных слов 1964: 644]. С точки зрения социологической специфики, толерантность определяется как «терпимость к чужому образу жизни, поведению, обычаям, чувствам, мнениям» [Большой толковый социологический словарь: толерантность]. Мы видим, что здесь дефиниция включает не только интеллектуальный и духовный аспекты терпимости, но и культурологический, эмоциональный, что, вероятно, обусловлено специализацией словаря. Поскольку белорусское общество существует в культурном поле двуязычия (русский и белорусский языки как государственные), рассмотрим и толкование этого понятия на белорусском языке. «Талерантнасць – цярпімасць да чужых поглядаў, паводзін, вера вызнання; цярпімасць асобнага індывіда да якой-небудзь супольнасці людзей, да прадстаўні коўіншых канфесій, палітычных партый.» (‘Толерантность – терпимость к чужим взглядам, поведению, вероисповеданию; терпимость отдельного индивида к какому-нибудь сообществу людей, к представителям других конфессий, политических партий’. Перевод наш. – М.С.) [Глумачальны слоўнік беларускай мовы: талерантнасць]. В представленном определении понятия на белорусском языке фигурируют, помимо упомянутых выше, социальный и политический аспекты. Мы предполагаем, что участники проведенных нами несократовских бесед, носители русского и белорусского языков, достаточно осознанно употребляют анализируемое понятие, оно является для них достаточно прозрачным, не затемненным заимствованным словом, которое вполне уместно используется в обыденной речи образованного человека.

В начале обсуждения руководитель может привести интерпретацию того понятия, которое используется в вопросе, особенно если это многозначное, заимствованное, эмоционально или лингвокультурно маркированное слово. Если беседа прово-

дится на иностранном языке, такой ход видится нам обязательным для того, чтобы анализ концепта изначально не пошел в ложном направлении. Поскольку в статье обобщаются результаты групповой работы на русском и английском языках, уточним, что в последнем случае нами вводилось словарное определение английской лексики *tolerance*: the quality of allowing people to do what they want although you do not agree with it ('способность позволять людям делать то, что они хотят, или верить в то, во что они хотят, хотя вы не согласны с ними'. Перевод наш. – М.А.) [Cambridge dictionary: tolerance]. Обратим внимание на то, что английское определение позиционирует толерантность как способность, подчеркивает волевой компонент в ее проявлении и указывает на противоречие в своем и чужом восприятии физической, интеллектуальной или духовной деятельности.

Учитывая обиходное употребление исследуемого понятия на родном языке и дав его словарное определение на иностранном языке, руководитель несократовской беседы может спрогнозировать возможные ответы на вопрос, содержащий это понятие. Однако участникам беседы предлагается перед началом обсуждения вопроса в течение 5–7 минут написать спонтанный ответ на него. Таким образом достигаются несколько целей: 1) осуществляется индивидуальная рефлексия, 2) при последующем зачитывании ответов (по желанию) участники и руководитель могут ознакомиться с личным мнением каждого, которое может содержать некоторые не упомянутые в дефинициях нюансы, представлять новый или неожиданный ракурс толкования концепта, 3) в конце беседы, когда выводится общая для группы интерпретация понятия, появляется возможность сравнить исходное индивидуальное толкование и результат групповой работы, что позволяет установить случаи выявления ранее не очевидных семантических, прагматических, лингвокультурных коннотаций в использовании концепта.

Обратимся к определениям толерантности, спонтанно представленным участниками несократовских бесед по просьбе руководителя. Анализируемый концепт и на русском и на английском языках в ответах обозначается как индивидуальное качество: «способность» ‘ability’/ ‘quality’, «готовность» ‘readiness’ позволять людям существовать в ином ценностном поле, мириться с различиями. Некоторые участники более склонны интерпретировать толерантность через синонимы: «терпение» ‘patience’, «сочувствие» ‘sympathy’, «принятие» ‘acceptance’, «уважительное отношение» ‘respectful attitude’, «состояние ума, исключающее злость или критику» ‘a state of mind when you are not angry or critical’. Отметим, не все эти лексемы включаются в ряд синонимов к анализируемому понятию [Thesaurus: tolerance]. Данный факт может быть интерпретирован как лингвокультурная специфика картины мира русскоговорящих белорусов и соответствующих участников, владеющих английским языком как иностранным. Также в этой связи встает вопрос, насколько глубока саморефлексия при таких толкованиях, поскольку толерантность по определению предполагает осознание различий, несогласие с ними, но включает волевой и интеллектуальный компоненты их принятия. На метауровне мы могли бы выдвинуть здесь следующие вопросы: «Действительно ли участники говорят о толерантности или о некоем другом явлении? Если это толерантность, то как можно обосновать это утверждение и какие смысловые, лингвокультурные компоненты должны быть учтены при ее определении? Если это не толерантность, то как вербально обозначить описываемое явление?» Специфика несократовской беседы такова, что ее участники должны сами прийти к распознаванию подобных нюансов или противоречий, либо руководитель на метабеседе (во время обсуждения стратегии дальнейшей дискуссии) может поинтересоваться у группы, нет ли в их дефинициях каких-то семантико-прагматических, логических нюансов, которые требуют уточнения или доработки.

В личностном аспекте толерантность ассоциируется с мудростью, зрелостью, опытом. Толерантность преимущественно трактуется как социальный, а не индивидуально-личностный концепт, поскольку связывается с областью социального взаимодействия. Следует признать, что нами были зафиксированы утверждения о том, что толерантность – это «интимное» понятие, потому что человек должен слишком «открываться» в отношении своих ценностей, предпочтений и реакций. Видимо, здесь имелось в виду обсуждение концепта, а не сама его суть.

В социокультурном плане толерантность соотносится со способностью мирного взаимодействия с носителями иных ценностей, без необходимости менять других людей или оказывать на них какое-то влияние. Некоторые участники определяли толерантность как социокультурную инкорпорацию, что, конечно же, требует дополнительного обоснования. В то же время в некоторых случаях уточняется, что проявление толерантности может быть продиктовано безразличием, страхом быть наказанным или обиженным другими людьми, относящимися как к своей, так и иной лингвокультуре. Это достаточно серьезные психологические мотивы, которые не упоминаются в словарных дефинициях, но имеют место в реальной коммуникации. Такие факторы не входят в лексико-семантическое поле толерантности, предполагающей некоторую духовную щедрость и широту взглядов. Тем не менее, участники бесед приводят примеры ситуаций общения, когда они, по их мнению, проявляли толерантность именно по этой причине. В таком случае, если толерантность как лингвокультурный концепт должна включать упомянутые фреймовые компоненты, это следует обосновать либо доказать, что страх и безразличие не могут входить во фрейм «толерантность», а являются мотивами иных явлений, вербализованных иными лингвокультурными концептами.

Толерантность достаточно часто трактовалась участниками бесед как политический феномен, в частности, способ политической манипуляции. В основном в качестве примеров упо-

минались тенденции западного общества, связанные с гендерной и миграционной политикой, однако, поскольку участники бесед не были непосредственно вовлечены в подобные ситуации, эти явления не обсуждались. В качестве лично пережитых случаев приводились, скорее, казусы не-толерантности со стороны представителей иных культур во время путешествий или учебы за границей: например, явная негативная реакция на не-европейский паспорт.

В этой связи заметим, что вопросом, вытекающим из определения толерантности как лингвокультурного концепта, является уточнение ее границ. Данный вопрос в какой-то мере позволяет размежевать понятия не-толерантности и толерантности и очертить границы последней. Анализ неосократовских бесед позволяет заключить, что предел толерантности зависит от индивидуального восприятия и социокультурных норм. Для участников бесед границы толерантности определяются их представлениями о личной и общественной безопасности. Мемой здесь выступает вероятность грубого нарушения личного пространства, угрозы обществу, морали, нравственности. В таких случаях, по мнению участников бесед, нельзя проявлять толерантность – она может быть вредна – следует реагировать, проявлять четкую личностную и гражданскую позицию. Границы толерантности, которая выступает при таком ракурсе взаимонаправленным феноменом, очерчиваются интеллектуальной гибкостью и внутренней культурой человека. В качестве возможных способов реакции при нарушении их границ толерантности участники бесед называли поддержание физической дистанции, прекращение коммуникации, вербализацию своего неприятия в открытом диалоге, использование различных интеллектуальных ходов.

Интересно заметить, что участники бесед, готовые сносить неприятное для них поведение, которое они оценивают как специфичное для иных социокультурных сообществ, не согласны терпеть (в английском языке ‘tolerate’) вербальное и невербальное

поведение, которое они считают не соответствующим нормам культуры и морали в своем родном обществе. При этом они признают, что вынуждены следовать многим противоречащим их личным и общественным воззрениям правилам и требованиям, будучи в подчиненной, зависимой позиции, что также определяется как толерантность, обусловленная собственной культурной традицией. Иными словами, отношение к толерантности и готовность демонстрировать ее детерминированы социальной ролью человека, которая может варьироваться в различных ситуациях общения (например, преподаватель в коммуникации со студентами-иностранцами, преподаватель в коммуникации с администрацией университета и преподаватель в роли родителя в классном чате или на родительском собрании). Такой ракурс был признан участниками бесед новым для них в определении толерантности, тем не менее, он был охарактеризован как объективно присущий данному феномену. Уточнение того, следует ли включать подобный компонент социокультурного взаимодействия в рамках одной лингвокультуры во фрейм «толерантность», требует дополнительного исследования как посредством неосократовского метода, так и при помощи, например, психолингвистического эксперимента или социологического опроса.

В заключение подытожим, что неосократовская беседа как метод регрессивного абстрагирования позволяет исследовать универсальные и лингвоспецифичные концепты в групповой коммуникации. Методика проведения неосократовских бесед, основанная на анализе сложных понятий через погружение в конкретный коммуникативный опыт, посредством саморефлексии, совместной групповой рефлексии, аргументации и стремления к консенсусу дает возможность изучить ситуативно и культурно обусловленные семантико-прагматические элементы концепта родного и иностранного языков, постепенно выкристаллизовав универсальные смыслы.

Исследованный нами в неосократовских беседах концепт «толерантность», будучи заимствованной лексемой, обладающей социокультурной и политической значимостью, проявляет универсальные смыслы как в коммуникации на русском языке

в условиях двуязычия, так и на английском языке, изучаемом как иностранный. В лингвокультурном поле двуязычного когнитивного и коммуникативного пространства концепт «толерантность» включает в себя фреймовые компоненты, не зафиксированные в толковых и энциклопедических словарях, обусловленные социокультурной спецификой общественного взаимодействия.

Библиографический список

Большой толковый социологический словарь. [Электронный ресурс] URL: <https://ozhegov.slovaronline.com/search?s=толерантность> (дата обращения 20.12.2023).

Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М.: Языки русской культуры, 1999. 780 с.

Воркачев С. Г. Постулаты лингвоконцептологии // Антология концептов. Под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. Волгоград, 2005. Т.1. 282 с.

Зализняк А. А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Константы и переменные русской языковой картины мира. М.: Языки славянских культур, 2012. 696 с.

Красных В. В. Словарь и грамматика лингвокультуры; Основы психолингвокультурологии. М.: Гнозис, 2016. 496 с.

Словарь иностранных слов. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Советская энциклопедия, 1964. 784 с.

Глумачальны слоўнік беларускай мовы. [Электронный ресурс] URL: <https://slounik.org> (дата обращения 20.12.2023).

Cambridge dictionary. [Электронный ресурс] URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english-russian/tolerance> (дата обращения 20.12.2023).

Heckmann G. Das sokratische Gespräch. Frankfurt am Main: Dipa-Verl., 1993. 153 P.

Nelson L. Ausgewählte Schriften. Frankfurt am Main Dipa-Verl., 1992. 200 P.

Thesaurus. [Электронный ресурс] URL: <https://www.thesaurus.com/browse/tolerance> (дата обращения 20.12.2023).

II. АКТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ И ЕГО СТИЛИСТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ

УДК 81'282.2

Н. Ю. Баженов

*Казахстанский университет инновационных
и телекоммуникационных систем, г. Уральск, Казахстан
к.филол.н., ст. преподаватель кафедры
общественно-гуманитарных дисциплин*

N. Y. Bazhenov

*Kazakhstan University of Innovative and Telecommunication Systems
Uralsk, Kazakhstan
Ph.D., Senior Lecturer at the Department of Social Sciences
and Humanities*

НАИМЕНОВАНИЯ ЧЕЛОВЕКА ПО КРИТЕРИЮ ОПЫТНЫЙ / НЕОПЫТНЫЙ В РУССКИХ ГОВОРАХ: СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ (ПО МАТЕРИАЛАМ СЛОВАРЯ РУССКИХ НАРОДНЫХ ГОВОРОВ)

NAMES OF A PERSON BY CRITERION *EXPERIENCED / INEXPERIENCED* IN RUSSIAN DIALECTS: SEMANTIC ASPECT (BASED ON MATERIALS FROM THE DICTIONARY OF RUSSIAN FOLK DIALECTS)

***Аннотация.** Статья посвящена лексико-семантическому описанию лексических единиц, обозначающих человека по критерию «опытный / неопытный». Оценивается репрезентативность выборки лексического материала с целью его дальнейшего описания из сводного диалектологического словаря. Обосновывается правомерность использования понятия «поле» применительно к лексическим единицам*

© Баженов Н. Ю., 2024

общей семантики в пространстве всего диалектного массива русского языка. Определяется количественный состав лексико-семантических полей «опытный человек» и «неопытный человек». Приводится семантическая классификация наименований человека на основании частных признаков, уточняющим основную характеристику «опытный» или «неопытный». Выявлено, что наиболее частотным уточняющим признаком является 'умелый' для поля «опытный» и 'неумелый' для «неопытный», что обуславливается прикладным характером знаний и умений носителя диалекта, крестьянина из сельской местности, занятого физическим трудом.

Ключевые слова: русские диалекты, диалектная лексика, диалектный словарь, семантическое поле, опыт.

Abstract. The article is devoted to the lexical-semantic description of lexical units denoting a person according to the criterion “experienced / inexperienced”. The representativeness of a sample of lexical material is assessed for the purpose of its further description from the consolidated dialectological dictionary. The legitimacy of using the concept “field” in relation to lexical units of general semantics in the space of the entire dialect array of the Russian language is substantiated. The quantitative composition of the lexical-semantic fields “experienced person” and “inexperienced person” is determined. A semantic classification of the names of a person is given based on private characteristics, clarifying the main characteristic “experienced” or “inexperienced”. It was revealed that the most frequent qualifying feature is 'skillful' for the field 'experienced' and 'incompetent' for 'inexperienced', which is determined by the applied nature of the knowledge and skills of the dialect speaker, a peasant from a rural area engaged in manual labor.

Keywords: Russian dialects, dialect vocabulary, dialect dictionary, semantic field, experience.

Основным источником изучения языкового моделирования, в том числе образа человека, является диалектная лексика, а важнейшим источником материала исследования служат диалектологические словари. Однако лексикографический источник, каким бы объёмным ни были его словник и охватываемая территория, разумеется, не может считаться исчерпывающими

для решения такой масштабной задачи, как описание образа человека в языковом сознании, как индивидуальном, так и коллективном (впрочем, сказанное применимо также и к другим видам источников, в частности, к лексической картотеке и текстовому корпусу, взятым в отдельности). В то же время нельзя не учитывать важную систематизирующую функцию словаря при отборе лексического материала с целью его описательного исследования, позволяющего показать сложность системных отношений в лексике разных говоров, рассмотренных вместе в пространстве «диалектного языка» во всём его многообразии, – как в границах семантического поля, так и отдельной лексемы, семантика которой может варьироваться в зависимости от места её фиксации. А широкий охват лексики разных говоров обеспечивает наибольшую достоверность этих выводов применительно к диалектной и общезыковой картине мира. Поэтому результаты, полученные на материале сводного диалектологического словаря, могут быть использованы для сопоставления с данными другого исследования, например, выполненного с применением недифференциального подхода на материале конкретного говора.

В качестве источника выборки мы избрали «Словарь русских народных говоров» – многотомный сводный и преимущественно дифференциальный словарь, включающий лексику и фразеологию, зафиксированную в масштабах «диалектного языка» как макросистемы русских говоров с XIX по начало XXI века. Такой ракурс не может отобразить живую речевую систему, особенно в динамике её развития, однако даёт возможность проследить логику номинации и характеристики человека по важнейшим для диалектоносителей параметрам, способствуя дальнейшему этнографическому изучению коммуникативной культуры русского народа, в частности носителей говоров.

Объектом исследования являются два лексико-семантические поля, центрируемые полярными характеристиками человека с точки зрения его опытности с одной стороны и неопытности с другой. В названии полей вынесены качественные имена прилагательные «опытный» и «неопытный», производные от общерусского *опыт* – 2) ‘совокупность практически усвоенных знаний, навыков, умения’ [БАС, т. 14: 68].

Лексико-семантические поля наименований, характеризующих человека по параметру «опытный» и «неопытный» соответственно, включают в сумме 310 слов. Это преимущественно имена прилагательные (169 единиц), а также имена существительные (126 единиц). На периферии поля «неопытный» находятся глаголы в количестве 15 единиц, называющие определённое умелое или неумелое действие. Наименования, относящиеся к полюсу «опытный», представлены 160 словами; вокруг полюса «неопытный» сосредоточено 150 слов.

Актуальность указанного критерия для языкового сознания диалектоносителей очевидна. Несмотря на это, очерченные нами поля остаются малоизученными. Во-первых, каждое из них объединяет целый комплекс частных характеристик человека. Во-вторых, оба поля характеризуются высокой семантической диффузностью конститuentов. На словарном материале это отражается в использовании в метаязыке дефиниций, уточняющих семантический компонент ‘(не)опытный’, что отражено на схемах, на которых приведены уточняющие компоненты и указано количество их фиксаций в СРНГ.

Рис. 1. Линии уточнения характеристики «опытный» с указанием количества уточняющих компонентов в словарных дефинициях

Проведённое исследование показало, что расширенный охват лексики макросистемы говоров русского языка отображает единство линий семантической дифференциации лексики, механизмов развития вторичных значений полисемантов, что обосновывает использование термина «поле» для системного описания лексики.

Рис. 2. Линии уточнения характеристики «неопытный» с указанием количества уточняющих компонентов в словарных дефинициях

Компонентный анализ словарных определений позволил выявить следующие аспекты параметров «опытный» – «неопытный», значимых для номинации:

– опытный – основной, главный: **голови́й** (сущ. и прил.) ‘самый опытный старый рыбак в рыболовной артели’ (Беломор.) [СРНГ, вып. 6: 310]; **же́рдник** – 1) ‘опытный член рыболовецкой артели – распорядитель ловли рыбы’ (Пск.) [СРНГ, вып. 9: 132], **заво́зчик** ‘второй лодман; опытный бурлак, управляющий завознею (лодкой) и якорем’ (Волж., Даль) [СРНГ, вып. 9: 331]; **пода́тчик** ‘опытный бурлак по проводке судна подачей’ (Волж., Даль) [СРНГ, вып. 27: 333];

– опытный – бывалый: **быва́личный** (Пск., Смол.), **быва́лошний** (*Бывалошни-то люди сказывают. Барнаул. Он человек бывалошний, опытнее нас. Иван.*) – ‘бывалый, опытный, знающий’ [СРНГ, вып. 3: 336]; **вида́лый** ‘много видевший в своей жизни, бывалый, опытный’ (*Вы люди видалые. Барнаул. Том.; Осташк. Твер., Олон., Иссык-Кульск.*) [СРНГ, вып. 4: 273];

– опытный – умелый, ловкий, способный, предприимчивый: **бры́дкость** ‘способность, рвение к работе; умение работать’ (*Большую брыдкость имеет к работе. Смол.*) [СРНГ, вып. 3: 213]; **заде́листый** – 1) ‘деловой, предприимчивый; способный ко всякому делу, мастерству’ (*Малороссы – заделистый народ. Влад.*) [СРНГ, вып. 10: 50]; **могу́тнóй** ‘деятельный, расторопный’ (*Этот малый все обделаёт в два счёта – могутной. Бобров. Ворон., Южн. р-ны Краснояр.)* // ‘опытный’ (русск. гов. Арм. ССР) [СРНГ, вып. 18: 194]; **норови́стый** – 1) ‘расторопный, умелый’ (*Норовистый в работе — значит, умелый, всё делает быстро, хорошо. Амур.*) [СРНГ, вып. 21: 282]; **ручи́й** – 7) ‘способный, знающий, умелый’ (Симб.) [СРНГ, вып. 35: 287]; **уда́лый** (*Если в работе хорои, говорят удалый. Арх. Один из них, удалый, соорил струмяно [струнный музыкальный инструмент]. Р. Урал. Тятя с войны без ноги пришел. Но удалый был, все по хозяйству сам делал. Дрова рубил — дак быстрей, чем ины на двух ногах. Бурят. Шибко она уж удалая: и вяжет, и*

прядет. Амур.; Якут., Глубок. Вост.-Казах. *Я удала была косить.* Кемер. Кемер. *Котора удала прясть, то все ровно сделает.* Туган. Том. *Иван-то удалый на гармошке играть. Сходи до баушки Наси, она удалая рассказывать.* Белогор. Амур. *Бойкий, на всё удалый, мужик. На всё удалый, на всё мастер.* Волж.-Свияж. *Ох, и удалые были китайцы на работу.* Белогор. Амур.) – ‘ловкий, сноровистый, умелый; работающий’ [СРНГ, вып. 46: 270–271];

– опытный – умелый, хозяйственный: **обиходник** – 1) ‘рачительный хозяин; опытный, старательный работник’ (диал., Даль) [СРНГ, вып. 22: 69]; **удельный** ‘умелый, дельный’ (*Муж мой был такой удельный, хозяин хороший, всё бывало мне переделает.* Тул.; Арх., Ряз.) // ‘работающий, старательный’ (*Удельный – это который работага.* Тул.; Калуж., Арх.) [СРНГ, вып. 46: 290]; **укобный** ‘хозяйственный, умелый, ловкий’ (*Укобная была ране.* Орл.) [СРНГ, вып. 47: 72];

– опытный – осторожный: **бывалый** (*За сыновьев не бойся, вожак у них с большим береженьем, бывалый.* Петров. Саратов.) [СРНГ, вып. 2: 248]; **отыковатый** ‘опытный; осторожный, разборчивый’ (*Отыковат мужик-от: не вдруг купит.* Волог.; Верховаж. Волог.) [СРНГ, вып. 25: 15];

– неопытный – неумелый, неспособный: **беспонорбный** ‘неспособный, недогадливый и поэтому плохо выполняющий работу’ (Покр. Влад.) [СРНГ, вып. 2: 273]; **беспрóкий** ‘неумелый, бестолковый, ни на что не способный’ (Пск. Пск., Крестец., Валд. Новг., Охан. Перм.), **беспрóчина** ‘неспособность’ (Пск.) [СРНГ, вып. 2: 275]; **неумéка** ‘неумелый, неспособный человек, неумеха’ (*Эх ты, неумека. Дай-ка я сделаю.* Осташк. Твер.; Дон.) [СРНГ, вып. 193: 21.];

– неопытный – неловкий, неуклюжий, нерасторопный: **ковырялка** – 4) ‘о человеке, который делает все слишком медленно или неумело’ (Арзам. Горьк., Моск.) [СРНГ, вып. 14: 39]; **никудыка** – 1) ‘медлительный, нерасторопный человек’ (Глубок. Вост.-Казах.), 2) ‘неумелый, неловкий человек’ (Глубок. Вост.-Казах.) [СРНГ, вып. 21: 235];

– неопытный – молодой, незрелый: **сопáтный** – 4) (бран.) ‘малолетний, очень молодой, неопытный’ (Ещё сопатый мальчишка, а туда же лезет. Ворон. Р. Урал; *Найдут какого-нибудь сопатого и выдадут [замуж].* Брян. *Я вылезла вперед в числе сопатых и всё вижу.* Р. Урал.) [СРНГ, вып. 39: 329], **сопле-но́сый**– 3) (пренебр., бран.) ‘малолетний, очень молодой, неопытный’ (*Нас хотели просмеять Девки сопленосые.* – Частушка. Костром. *Молодой говорят: – Смотри-ты, давно ли была сопленосая девчонка, а нынче – невеста.* Вашкин. Волог. Сольвыч. Волог., Пск.; Перм.) [СРНГ, вып. 39: 335];

– неумелый – бесхозяйственный: **беспелю́ха** – 1) ‘неумелая, бесхозяйственная женщина’ (*К нам медведицу ведут, Людодину ведут. К нам не ткаху ведут, К нам не пряху ведут, Беспелюху ведут.* – Свад. песня. Шенк. Арх. *Беспелюха делать ничё не может.* Том.) // ‘нерадивая женщина’ (Охан. Перм.) // ‘нерасторопная женщина’ (Холмог. Арх.), **беспелю́га** – 1) ‘неумелая, бесхозяйственная женщина’ (*Беспелюга, ничего не умеет.* Пинеж. Арх.) [СРНГ, вып. 2: 270–271]; **неде́листый** ‘бесхозяйственный, неумелый’ (*Эта девка неделиста была, ничего не умела делать. Теперь до двадцати годов учатся, так все неделиста.* Пинеж. Арх.) [СРНГ, вып. 21: 10];

– неопытный, неумелый – болтливый: **блажнóй** ‘отличающийся большими претензиями, непомерно высоким мнением о себе, своих способностях’ (*У него, вишь, морж – второе дело, мне бы, говорит, денег, да китов ловить: из кита-де я 30 бочек сала-то выгоню, а морж и большой-от дает-де много пуд десять. Вот ведь он у нас блажной какой!* Пустозерск. Арх.; Печор.) [СРНГ, вып. 2: 312]; **боронá** ‘человек неумный, часто говорящий вздор с видом знатока’ (Судж. Курск.) [СРНГ, вып. 3: 115].

Выборка полисемантических лексем выявила ряд типичных сочетаний отдельных семантических признаков, центрирующих отдельные значения многозначного слова:

– опытный – умный, толковый: **мозголо́вный** – 1) ‘понятливый, толковый, сообразительный’ (*Мой родня очень мозголо́вный*. Мещов. Калуж., Ряз., Моск., Влад.) // ‘способный к учению, грамотный, образованный; знающий’ (*Мозголо́вный человек своими мозгами работает, любую бумагу напишет, соображает хорошо*. Моск.; Ряз., Тул., Покр. Влад.) // ‘искусный в работе, опытный’ (*Кто хорошо занимается по-плотни́чки или ещё как, это мозголо́вный человек, всё знает сделать*. Ряз. Ряз. *И на работу он мозголо́вный, и всё он знает, что сделать и травы накосить*. Ряз. Ряз.), то же **мозголо́вый** (*Кто больно умён да смышлён, и называют мозголо́вый, мозговитый*. Калинин. Тул., Перм., Урал., Симб., Ростов. Ярослав.) [СРНГ, вып. 18: 203]; **прокура́т** – 2) ‘смышлёный, находчивый, бойкий человек’ (*Находчивый такой парень, нигде не пропадет, он ведь прокурат*. Забайкалье, Амур., Якут., Вост. Сиб., Тамб.), 3) ‘умный, опытный, знающий человек’ (*Уж насчёт этих делав ты обратись к моему соседу: он большой прокурат тут*. Ворон.; *Был у нас дядя – ох и прокурат, за словом в карман не полезет, умный человек*. Амур.; Якут., Ряз., Смол., Саратов.) [СРНГ, вып. 32: 167];

– опытный – грамотный: **письме́нный** – 1) ‘опытный, учёный’ (Сиб.) // ‘грамотный’ (Башк., Мещов. Калуж.) // ‘умеющий писать документы, деловые бумаги’ (Р. Урал); **письме́нный** ‘грамотный’ (Брян.), **письме́нный** ‘грамотный’ (Дон.) **письме́нный** ‘опытный, учёный’ (*Мене, брат, не учи – я письме́нный*. Нижегород. Ворон.) // ‘грамотный’ (Курск., Ворон., Тамб., Орл., Калуж., Брян., Смол., Дон., Казаки-некрасовцы) [СРНГ, вып. 27: 51];

– опытный – настойчивый: **дото́шник** – 1) ‘искусный человек, искусник’ (*Какой он дото́шник*. Городищ. Пенз.; Свердлов.), 2) ‘способный ко всему, дельный человек’ (Покр., Юрьев. Влад.), 3) ‘скорый человек’ (Ставроп. Самар.), 4) ‘настойчивый человек’ (Верхот. Перм.), **дото́шница** – женск. к **дото́шник** (*Какие дото́шницы, какие мастерицы на всё*. Юрьев. Влад.) [СРНГ, вып. 8: 155]; **до́шлый** – 4) ‘способный, настойчивый, изобретательный’ (Яросл.) // ‘бывалый, опытный, смышлёный; в

насмешливом смысле: продувной’ (*Прокоп мне николи не запла-тит, а ты дюже дошлая, отвливаешь*. Смол.; Арх., Волог., Новг., Пск.) // ‘многое умеющий делать и научившийся этому самостоятельно, дошедший до всего сам’ (Калуж., Тамб., Ряз., Дон.) [СРНГ, вып. 8: 165];

– опытный – плут, обманщик: **до́нный** – 1) ‘продувной, хитрый, плутоватый’ (*Донный парень*. Арх.; Волог.), 2) ‘знаю-щий, способный’ (Помор. Арх.) [СРНГ, вып. 8: 125]; **прожо́га** – 1) ‘хитрый, изворотливый человек, обманщик, плут’ (*Прожога, ну такой хитрый изворотливый*. Пск. *Прожогу и на порог не пускай*. Забайкалье; Арх.), 2) ‘бойкий, смелый, бывалый человек’ (Ворон.); 3) ‘сведующий, опытный человек’ (Яросл., Ворон.) [СРНГ, вып. 32: 137]; **самодо́шный** – 1) ‘тот, кто выучился чему-либо самостоятельно, самоучка’ (диал., Даль), 2) ‘хитрый, опы-тный’ (*Старик-то мой самодошный был. Нынче все народ само-дошный пошёл, че ни скажем, у их своё мнение*. Баргузин. Бу-рят.) [СРНГ, вып. 36: 85];

– неопытный – глупый, бестолковый: **нечуна́й** – 2) ‘непонятливый, бестолковый человек’ (Камышл. Перм.) // ‘неопытный, неумелый человек’ (Нерч. Забайкал.) // ‘несведу-щий, глупый человек’ (*Грубьянка-нечунай, Переменимся давай: Ты владей кольцом моим, Я – миленочком твоим*. Заурал.; Кур-ган.), **нечуна́йка** ‘неопытный, неумелый человек’ (Нерч. Забай-кал.) [СРНГ, вып. 21: 209];

– неопытный – грязный, неряшливый: **необря́дный**– 1) ‘неопрятный, неряшливый, нечистоплотный’ (Балахн. Нижегород. *Улешего есть жена-лешевца – некрасива и необрядна*. Арх. *Необрядной другой такой не было*. Соликам. Перм.; Ср. Урал, Бараб. Новосиб., Верхне-Кет. Том., Тунк. Бурят., Сев.-Двин., Во-хом. Костром.), 2) ‘неопытный, неумелый’ (*Шо с его взять, он ещё необрядный*. Ср. Урал.; Вохом. Костром.) [СРНГ, вып. 21: 100]; **росома́ха** – 1) ‘неаккуратная нечистоплотная женщина, неряха; растрёпа’ (Павл. Ворон., Тамб., Пенз., Курск., Ряз., Ка-луж., Твер., Новг., Волог., Симб. *Вот это так росомаха, из её*

рук и есть противно, а приходится. Ульянов.; Свердлов., р. Урал. *Росомаха зарастёт грязью.* Краснояр.), 2) 'неумелый, трудно постигающий дело человек' (Мещов. Калуж., Пск.) // 'медлительный, нерасторопный, неловкий человек; разиня, растяпа' (*Вот росомаха: как-то поворотится, пока возьмётся за дело.* Курск., Тамб., Ряз., Твер., Влад., Яросл., Симб., Пск., Новг., КАССР) [СРНГ, вып. 35: 188];

– неопытный – слабый здоровьем, увечный: кривопёрстый 'имеющий кривые пальцы' (*Толстопёрсты, кривопёрсты Шпыловские мужики.* – Песня. Кадн. Волог.) // (бранно) 'неловкий, неумелый' (*Кривопёрстой некакой – всё у его из рук валится.* Костром., Слов. Акад.) [СРНГ, вып. 15: 247]; культяный – 1) 'беспалый' (Судог. Влад., Курск., Орл., Куйбыш., Пск., Смол., Уральск., Том., Еннс., Сиб.), 2) 'хромой или кривоногий' (Судог. Влад.) // 'косопалый' (Курск.), 3) 'неловкий, неумелый' (Илим. Иркут.) [СРНГ, вып. 16: 76]; недолугий – 1) 'больной, нездоровый, хилый' (Опоч., Великолук. Пск., Верхне-Тавд. Свердлов.) // 'невыносливый, слабый' (Новг., Пск., Даль), 2) 'неразвитый (о ребёнке)' (Опоч. Пск.), 3) 'нерасторопный, неумелый' (*Парень не умеет и лаптей сплести, такой недолугий!* Тихв. Новг.; Пск., Яросл., Арх., Костром., Волог. *Такой уж недолугий, никогда до конца не дойдёт.* Йонав. Лит. ССР, Прейл. Латв. ССР, Йыгев., Тарт. Эст. ССР) [СРНГ, вып. 21: 24].

Проведённый количественный и компонентный анализ лексических единиц, характеризующих человека по критерию опытности / неопытности, показал высокую семантическую дифференциацию лексического состава исследованного поля, что свидетельствует о том, что оно глубоко проработано в языковом сознании диалектного социума и как следствие, имеет высокую значимость. Кроме того, выявлено, что в количественном отношении преобладают характеристики опытного / неопытного человека исходя из наличия или отсутствия у него определённых практических навыков, необходимых в повседневной жизни. Наиболее частотным смысловым компонентом выступает

‘(не)умелый’, так же, как и ‘(не)опытный’, связанный с практическими знаниями и умениями человека. В то же время интеллектуальные способности и возраст (молодость) также дополняют оценку по критерию опытности / неопытности, но в меньшем количестве номинаций. Это может быть обусловлено консервативным, патриархальным типом мировоззрения диалектного социума, предполагающим жёсткую стратификацию, в числе прочего, по возрасту и трудовым навыкам, относящимся к хозяйству и ремёслам.

Представляется перспективным дальнейшее исследование диалектных наименований опытного / неопытного человека, в частности в мотивационном и когнитивно-семасиологическом аспектах.

Библиографический список

БАС – Большой академический словарь русского языка: т. 14 / гл. ред. А. С. Герд / Ин-т лингв. исслед. РАН. М.: Наука, 2010. 655 с.

СРНГ – Словарь русских народных говоров / под ред. Ф. П. Филина, Ф. П. Сороколетова, О. Д. Кузнецовой, С. А. Мызникова. Вып. 1–51. М.–Л., СПб.: Наука, 1965–2019.

Ю. А. Бурменкова

*Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет
имени Н.И. Лобачевского,
г. Нижний Новгород, Россия
учитель русского языка и литературы, МБОУ «Школа № 110»*

Yuliya A. Burmenkova

*National Research Institute Nizhny Novgorod State University
named after N. I. Lobachevsky,
Nizhny Novgorod, Russia
Teacher of Russian language and literature,
MBOU «School No. 110»*

**КОНЦЕПТ «БРАТ»
В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПРОСТРАНСТВЕ
РОМАНА Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «БЕСЫ»**

**THE CONCEPT 'BROTHER' IN THE ART SPACE
OF THE NOVEL BY F.M. DOSTOEVSKY 'DEMONS'**

Аннотация. Выделяются когнитивные признаки концепта «брат» в романе Ф. М. Достоевского «Бесы». Выявляется специфика обращения «брат». Показано, что в романе «Бесы» концепт «брат» получает иное, нежели в других произведениях писателя, когнитивное наполнение.

Ключевые слова: концепт, когнитивный признак, обращение, брат, братство.

Abstract. The cognitive features of the concept 'brother' in the novel by F. M. Dostoevsky 'Demons' are highlighted. It is shown that in the novel 'Demons' the concept 'brother' receives a different cognitive content than in other works of the writer.

Keywords: concept, cognitive sign, brother, brotherhood.

Идея братства красной нитью проходит через все творчество Ф. М. Достоевского. Это и монашеское братство («Братья Карамазовы»), и истинные братско-сестринские («Преступление и наказание»), и братские отношения («Братья Карамазовы»), и братство духовное, славянское («Дневник писателя»).

В этом отношении роман Ф. М. Достоевского «Бесы» стоит особняком. Рассмотрим когнитивные признаки концепта «брат» в романе.

Брат – ‘сын тех же родителей или одного из них по отношению к другим их детям’, то есть кровный близкий родственник. Данное лексическое значение слова «брат» в толковых словарях русского языка не осложнено оценочно-характеристическими смысловыми оттенками, в лексикографических источниках не зафиксированы должные или традиционные отношения между членами семьи, не указана степень их близости.

Однако в русском языковом сознании брат – это человек, близкий не только по крови, но и по убеждениям, мировоззрению, социальному положению и др., что подтверждается паремнологическим фондом русского языка: *Братская любовь пуще (лучше) каменных стен; Один брат, один свет милый; Брат брату сосед*. В указанных паремиях зафиксирован народный нравственный идеал гармоничных отношений между братьями и сестрами. Но при этом ряд пословиц и поговорок отражает ущербные, противоестественные отношения в семье: между родными братьями может существовать вражда, зависть и соперничество: *Отец сына умнее – радость, а брат брата умнее – зависть; Брат на брата – пуще супостата (т.е. если враждуют)*. В паремиях чаще всего фиксируется антиидеал братских отношений (гораздо реже – братско-сестринских).

Обратимся к языковому материалу романа «Бесы». О своем старшем брате упоминает один из героев романа – Кириллов: *...вы на моего брата очень похожи, много, чрезвычайно, ... он семь лет умер; старший, очень, очень много. – Должно быть,*

имел большое влияние на ваш образ мыслей. – Н-нет, он мало говорил; он ничего не говорил [Достоевский 2007а: 110].

Две семьи в романе представлены парой «брат – сестра»: это Шатовы и Лебядкины, и обе семьи являются таковыми лишь формально.

Иван Шатов «с сестрою своею Дашей ... имел самые редкие и отдаленные сношения» [Достоевский 2007а: 29]. Это совершенно разные люди: *Давно уже Варвара Петровна решила раз навсегда, что «Дарьин характер не похож на брата» (то есть на характер брата ее, Ивана Шатова), что она тиха и кротка, способна к большому самопожертвованию, отличается преданностью, необыкновенною скромностью, редкою рассудительностью и, главное, благодарностью* [Достоевский 2007а: 66].

В набросках к роману Ф. М. Достоевский называл Шатова «новым человеком», однако для героев романа «брат Дарьи» – это чуть ли не единственная его характеристика: *...слушайте, что такое Шатов? – Шатов? Это брат Дарьи Павловны... – Знаю, что брат, какой вы, право! Я хочу знать, что он такое, какой человек?* [Достоевский 2007а: 104]. Варвара Петровна обещалась позвать Шатова, как брата Дарьи Павловны [Достоевский 2007а: 113].

Схожим образом характеризуется и Шигалев: *К удивлению моему, у него сидели гости – Алексей Нилыч и еще один полужнакомый мне господин, некто Шигалев, родной брат жены Виргинского* [Достоевский 2007а: 127].

Гораздо больший интерес представляют братско-сестринские отношения между капитаном Лебядкиным и Марьей: *Капитан Лебядкин ежедневно свою прекрасную сестрицу, помешанную, нагайкой стегает, настоящей казацкой-с, по утрам и по вечерам* [Достоевский 2007а: 90], *он-то ее «в порядок приводит» нагайкой* [Достоевский 2007а: 91], *Он, говорят, ее тиранит, правда это?* [Достоевский 2007а: 124], *Он придет, так избьет ее, коли узнает, что мы приходили* [Достоевский

2007а: 131], *Здесь он ее не кормит, бьет, тиранит...* [Достоевский 2007а: 179], *Я слышал, вам с братом худо было жить без меня?* [Достоевский 2007а: 253].

Примечательно, что Марья ни разу не называет капитана братом. Когда Шатов задает ей вопрос, весело ли ей с братцем, она с удивлением переспрашивает: *Это ты про Лебядкина? Он мой лакей. И совсем мне все равно, тут он или нет* [Достоевский 2007а: 134]. «Лакей», «мой», «Лебядкин» – вот типичные номинации для родного брата: *А что мой лакей бранится, так ведь возможно ли, чтобы вы у него деньги взяли, такая воспитанная и милая?* [Достоевский 2007а: 155], *Нет, голубчик, плохой ты актер, хуже даже Лебядкина* [Достоевский 2007а: 256], *Давеча пришел это сюда этот Нилыч с Филипповым, с хозяином, рыжая борода, а мой-то на ту пору на меня налетел. Как хозяин-то схватит его, как дернет по комнате, а мой-то кричит: «Не виноват, за чужую вину терплю!»* [Достоевский 2007а: 138], *Как же мой-то такую прелесть крепостною девкой Дашкой зовет!* [Достоевский 2007а: 154].

Отношение капитана Лебядкина к сестре – антибратское, аномальное, настолько противоестественное, что возникает вопрос: может ли родной брат так беспричинно жестоко относиться к собственной сестре? Следует обратить внимание на два эпизода в романе. Когда Варвара Петровна спрашивает у Марьи, является ли она госпожой Лебядкиной, она отвечает: *Нет, я не Лебядкина. ... Брат мой Лебядкин* [Достоевский 2007а: 146]. Почему Марья отрицает свою фамилию? По нашему мнению, основная причина заключается в ее нежелании признать родство с братом, в стремлении отделиться от него. Она также не желает, чтобы Варвара Петровна знала, что Марья, как и она, теперь Ставрогина.

Точно так же сам Лебядкин называет сестру Марией Неизвестной *только пока, ибо навечно не допустит сам Бог!* [Достоевский 2007а: 161]. Неизвестная она, конечно, все для той же

Варвары Петровны, еще не ведающей, что ее сын – законный муж Марьи Тимофеевны.

Наконец, обратимся еще к одному эпизоду, когда Варвара Петровна уточняет уже у капитана, приходится ли «жалкая особа» ему сестрой. Лебядкин отвечает: *...родной брат не станет марать... в таком положении [при помешательстве ума] – это значит не в таком положении... в смысле, пятнающем репутацию... на последних порах...* [Достоевский 2007а: 160]. В соответствии со словами Лебядкина, родной брат не может издеваться над сумасшедшей сестрой. Тогда снова возникает ряд вопросов: действительно ли Марья ему родная сестра? или же Лебядкин пытается себя обелить перед Варварой Петровной?

Сестра для Лебядкина – *оброчная статья*, по словам Петра Верховенского [Достоевский 2007а: 179], то, что можно сдать внаем, на откуп; это вещь, которой можно распоряжаться, над которой можно издеваться.

Таким образом, второй когнитивный признак концепта «брат» в романе «Бесы» – ‘тиран, абьюзер, мучитель’.

Третий когнитивный признак концепта «брат» – ‘близкий человек’.

В романе каторжник Федька обращается к Николаю Верховенскому: *Я, сударь, вам как отцу али **родному брату**, потому Петр Степаныч никогда того от меня не знают и даже ни единая душа. Так три-то рублика, ваше сиятельство, соблаговолите аль нет-с?* [Достоевский 2007а: 259]. Однако это обращение неискреннее: это попытка подобрать ключ к Верховенскому и получить от него деньги.

Капитан Лебядкин приезжает к Варваре Петровне *отблагодарить за выказанное на паперти великодушие* [к Марье Тимофеевне] *по-русски, по-братски...* [Достоевский 2007а: 160]. После изумленного переспроса Варвары Петровны «по-братски?» Лебядкин уточняет: *То есть не по-братски, а единственно в том смысле, что я брат моей сестре...* [Достоевский 2007а: 160].

Еще один когнитивный признак концепта «брат» в романе – ‘фамильярное или дружеское обращение к лицу мужского пола’. «Брат» как обращение к лицу мужского пола встречается практически в каждом произведении писателя: *Иван Ильич недалеке от себя заметил городского и подошел к нему: «Чей это, братец, дом?»* [Достоевский 2007в: 243]; *Сам-то я, брат, ничего не знаю... А ты знаешь, сколько до солнца-то?»* [Достоевский 1981: 43], *«А ну, брат, посмотрим, как-то ты меня теперь надуешь»* [Достоевский 2007б: 196–197].

В романе «Бесы» «брат» как обращение практически не используется. Наиболее распространены обращения или по имени, или на французском языке: *excellent ami*¹, *cecher homme*² (Кармазинов – Степану Трофимовичу), *moncher*³ (Степан Трофимович – сыну), *друг мой, топ ами*⁴ (Степан Трофимович – рассказчику) и др. Только в моменты страха или жалости герои забывают о своем «благородном» положении: *Подожди, Степан Трофимович, подожди, голубчик! ... Ах, Боже мой, хозяйка, хозяйка, приди хоть ты, матушка!* [Достоевский 2007а: 587].

Степан Трофимович в разговоре со своим сыном обращается к нему на «вы»: *И она сама, сама велела передать это мне через... вас?* [Достоевский 2007а: 279]. А сын к нему – панибратски: *Она мне много, брат, рассказала; фу, какую лакейскую должность исполнял ты все время. Даже я краснел за тебя* [Достоевский 2007а: 279-280]; *Ну, брат, как я хохотал над твоими письмами к ней; совестно и гадко* [Достоевский 2007а: 280]; *Ну, брат, кстати, какое, однако, у тебя самолюбие!* [Достоевский 2007а: 280].

Обратим внимание, что Петр Верховенский употребляет по отношению к отцу обращение «брат» в наиболее оскорбительных и унижительных высказываниях. И в таком случае концепт «брат» получает новый когнитивный признак – ‘унизи-

¹ Добрейший друг (франц.)

² Драйжайший (франц.)

³ Мой милый (франц.)

⁴ Мой друг (франц.)

тельное обращение к лицу мужского пола¹, а не просто фамильярное.

Всего лишь дважды в романе «брат» употребляется как дружеское обращение и оба раза – в речи мещан: *Братицы, что же это? Да неужто так и будет?* [Достоевский 2007а: 466], *Потому, если, братец ты мой, их высокоблагородию, конечно, на праходе через озеро ближе будет...* [Достоевский 2007а: 573].

В самом начале романа либерал-западник, считающий себя русским, Степан Трофимович считал: *Притом же все эти всеславянства и национальности – все это слишком старо, чтобы быть новым* [Достоевский 2007а: 35]. Очевидно, что под всеславянством Верховенский имеет в виду славянское братство, идея которого изложена Ф. М. Достоевским в его «Дневнике писателя».

В тексте романа дважды упоминается девиз времен Великой французской революции «Свобода, равенство, братство». В первый раз – в стихотворении-пародии «Светлая личность», авторство которого в «Бесах» приписывается Герцену:

*Он обрек себя страданью,
Казням, пыткам, истязанью
И пошел вещать народу*

Братство, равенство, свободу [Достоевский 2007а: 320].

Второй раз – в предсмертном письме Кириллова: *Liberté, égalité, fraternité ou la mort!*¹ [Достоевский 2007а: 554].

Члены революционной группы не имеют единой цели, каждый из них решает свои задачи, поэтому говорить о них как о некоем «братстве» нельзя, по этой же причине и лозунг «свобода, равенство, братство» остается в романе лишь написанным на бумаге. В «Зимних заметках о летних рассуждениях» Ф. М. Достоевский писал о неприменимости данного лозунга к западному человеку, а особенно такого компонента, как «братство». По мнению писателя, на Западе братство пытаются «сделать» искусственно, в то время как сделать братства нельзя, по-

¹ Свобода, равенство, братство или смерть! (франц.)

тому что оно само делается, дается, в природе находится. ... в братстве, в настоящем братстве, не отдельная личность, не Я должна хлопотать о праве своей равноценности и равновесности со всем *остальным*, а все-то это *остальное* должно бы было *само* прийти к этой требующей права личности, к этому отдельному Я, и само, без его просьбы должно бы было признать его равноценным и равноправным себе, то есть всему остальному, что есть на свете» [Достоевский 2023: 428].

Таким образом, в романе Ф. М. Достоевского «Бесы» концепт «брат» получает кардинально иное когнитивное наполнение, нежели в других его произведениях. Братская любовь подменяется ненавистью, обращение «брат», всегда являвшееся «сигналом» дружеского расположения, становится маркером последующего унижения, а пропагандируемое братство по факту оказывается сосредоточением личностей, преследующих свои корыстные цели.

Библиографический список

Достоевский Ф. М. Бесы: Роман. М.: Эксмо, 2007а. 608 с.

Достоевский Ф. М. Дневник писателя: Книга очерков. М.: Эксмо, 2007б. 672 с.

Достоевский Ф. М. Село Степанчиково и его обитатели: Из записок неизвестного. Петрозаводск: Карелия, 1981. 214 с.

Достоевский Ф. М. Собр. соч.: в 15 т. Т. 4. Зимние заметки о летних впечатлениях. [Электронный ресурс]. URL: Ф.М. Достоевский. Зимние заметки о летних впечатлениях (rvb.ru) (дата обращения 10.12.2023).

Достоевский Ф. М. Чужая жена и муж под кроватью: Избранная проза. СПб.: Издательский Дом «Азбука-классика», 2007в. 368 с.

Л. В. Гришкова

*Российский университет дружбы народов
имени Патриса Лумумбы, г. Москва, Россия
аспирант кафедры теории и методики
обучения и воспитания (РКИ)*

Liudmila V. Grishkova

*Patrice Lumumba Peoples Friendship University of Russia,
Moscow, Russia*

*Postgraduate student of the Department of Theory
and Methodology of Education and Upbringing (RCT)*

АКТИВНЫЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

ACTIVE LEXICAL PROCESSES IN RUSSIAN

Аннотация. Активные процессы в русском языке являются актуальной темой для исследования. В быстро меняющемся мире происходят изменения в языке, которые находят свое отражение в речи. Все аспекты языка подвержены активным процессам. Изменения наблюдаются в фонетике, грамматике, лексике, словообразовании. Наибольшее количество изменений происходит в лексическом составе русского языка. Следует заметить, что в русском языке постоянно происходит активное пополнение словарного запаса. Лексика активно реагирует на изменения, происходящие в жизни общества во всех сферах жизнедеятельности. Появляются новые слова для обозначения современных реалий. Современные русские словари наглядно демонстрируют, что за последние несколько лет лексика русского языка обогатилась новыми словами, связанными с миром компьютерных технологий, моды, распространением новой вирусной инфекции, развитием социальных сетей. Поскольку язык является средством общения, то для успешной коммуникации иностранным студентам необходимо знать современную лексику для понимания текстов и употребления ее в своей речи. В учебниках по русскому языку как иностранному

(РКИ) редко можно встретить новейшие слова. Для решения этой проблемы преподавателям важно познакомить иностранных обучающихся с актуальными тенденциями обогащения лексического состава русского языка и научить их работать с современными печатными словарями и онлайн-ресурсами.

В статье рассматриваются активные процессы в лексике, происходящие в русском языке. Представлены наиболее активные способы пополнения словарного запаса, которые иллюстрируются примерами из современных популярных словарей. Приведен обзор электронных ресурсов, которые можно использовать на занятиях для изучения новых лексических единиц.

Ключевые слова: лексика; активные процессы; русский язык; неологизация; метафоризация; архаизмы; иноязычные заимствования.

Abstract. Active processes in the Russian language are a relevant topic for research. In a rapidly changing world, changes occur in language, which are reflected in speech. All aspects of language are subject to active processes. Changes are observed in phonetics, grammar, vocabulary, and word formation. The greatest number of changes occurs in the lexical composition of the Russian language. It should be noted that the Russian language is constantly actively expanding its vocabulary. Vocabulary actively responds to changes occurring in the life of society in all spheres of life. New words are appearing to describe today's realities. Modern Russian dictionaries clearly demonstrate that over the past few years, the vocabulary of the Russian language has been enriched with new words related to the world of computer technology, fashion, the spread of a new viral infection, and the development of social networks. Since language is a means of communication, for successful communication foreign students need to know modern vocabulary to understand texts and use it in their speech. You can rarely find the latest words in textbooks on Russian as a foreign language (RFL). To solve this problem, it is important for teachers to acquaint foreign students with current trends in enriching the lexical composition of the Russian language and teach them to work with modern printed dictionaries and online resources.

The article examines active processes in vocabulary occurring in the Russian language. The most active ways to replenish your vocabulary are presented, which are illustrated with examples from modern popular dic-

tionaries. An overview of electronic resources is provided that can be used in the classroom to learn new lexical items.

Keywords: vocabulary; active processes; Russian language; neologization; metaphorization; archaisms; foreign language borrowings.

Русский язык – это живой организм, который, как и любой другой язык, подвержен изменениям. Изменения затрагивают все аспекты языка. Они происходят на фонетическом, грамматическом, лексических уровнях, на письме и в словообразовании. Происходят и преобразования в пунктуационной системе русского языка. Для студентов, изучающих русский язык как иностранный (РКИ), любые изменения, происходящие в русском языке, вызывают определенные сложности, что, в свою очередь, может привести к затруднениям в коммуникации. Для поиска необходимой информации в Интернете, чтения блогов, форумов, чатов, публицистических и общественно-политических текстов иностранным студентам просто необходимо знать и уметь употреблять в своей речи новые лексические единицы. Лексический состав языка иностранных обучающихся следует пополнять современными словами, для того чтобы их речь была живой и приближена к носителям русского языка. В рамках данной статьи мы рассмотрим активные процессы в лексической системе языка, в которой на сегодняшний день происходят наиболее значительные изменения.

Лексика является важной и подвижной частью единой языковой системы, поэтому именно в лексике мы можем наблюдать те изменения, которые происходят в жизни общества. Язык постоянно развивается, вследствие чего старые слова уходят в пассивное употребление или вовсе выходят из употребления, на смену им появляются новые слова, а также происходит переосмысление уже существующих в языке слов.

В последние десятилетия наблюдаются активные изменения в лексическом составе языка. К наиболее активным процессам, которые приводят к пополнению и изменению лексического состава языка следует отнести: 1) заимствования; 2) неологи-

зацию; 3) метафоризацию; 4) возврат архаизмов; 5) новую сочетаемость слов.

Рассмотрим каждый из этих процессов более подробно. Заимствования являются элементами чужого языка. Это слова, морфемы, синтаксические конструкции, которые были перенесены из одного языка в другой вследствие языковых контактов, а также это сам процесс перехода элементов одного языка в другой [Ярцева 2002: 158]. В последнее время наблюдается процесс активизации употребления иноязычной лексики. В русском языке мы можем встретить большое количество иноязычных слов в области спорта, моды, образования и культуры, информационных технологий, политики и деловых отношений. К числу таких слов следует отнести *худи, гламур (гламурный), свитшот, аутфит, боксеры, каршеринг, ритейлер, холдинг, лизинг, подкаст, зумер, дедлайн, допинг, хакер, спикер, коворкинг, фуд-корт, смузи, скриншот, коммьюнити, воркаут, аватар* и многие другие [Шагалова 2020], [Инглекс].

В связи с бурным развитием науки и техники, компьютерных технологий, социальных сетей в последнее время в русский язык все чаще проникают иноязычные заимствования. В повседневной речи мы можем часто слышать такие слова, как *селфи, блогер, девайс, лайк, чат, подписчик, твит, репост, стрим (стримить), хайп (хайпить, хайповый), чилл (чилить), хейтить (хейт), челлендж, вайп, муд, краш, мессенджер, виджет* и др. [Шагалова 2020]. Главным образом, данное употребление лексических единиц популярно среди представителей молодого поколения. Зачастую такие слова можно услышать в современных популярных песнях, а также на телевидении и на просторах Интернета.

Неологизация представляет собой процесс появления и введения новых слов (неологизмов) в речи. В связи с распространением коронавирусной инфекции в русский язык вошло много слов, связанных с эпохой коронавируса. Примерами таких слов служат *безмасочный, голоносик, дачаизоляция, дивановирус, докороновиральный, докоронный, ковид-паспорт, самоизо-*

ляция, самоудалёнка, санитайзер и т.д. Для упорядочивания слов ковидной тематики был даже разработан «Словарь русского языка коронавирусной эпохи» [Громенко 2021]. В 2023 году словарный состав русского языка пополнили такие слова, как *коптер*, *почтомат*, *фотовидеофиксация*.

Важную роль для развития языка играет процесс метафоризации. «Метафора – это перенос названия с одного предмета на другой на основании какого-либо сходства их признаков» [Розенталь 2010: 26]. Метафоризация представляет собой образование и переосмысление новых значений у слов, уже существующих в русском языке. Новые лексические единицы возникают для обозначения новых реалий и явлений, происходящих в обществе. Примерами метафоризации могут служить такие слова, как *динозавр* (представитель старшего поколения), *бомбить* (заниматься частным извозом), *кинуть* (мошеннически обмануть), *крутой* (отличающийся энергичностью, решительностью, хваткостью, самоуверенностью), *медведь* (биржевой игрок, работающий на понижение курсов, ценных бумаг, валюты, цен товаров), *карман* (значительное расширение дороги, тупиковое ответвление от нее, предназначенные для стоянки автомашин, остановок и т.п. [Буцева 2009], [Левашов 1997]).

Процесс архаизации представляет собой переход слов из активного употребления в разряд устаревших. Это слова, вышедшие из активного употребления в силу экономических, политических, религиозных причин. Архаизмы – это слова, которые стали устаревшими только с течением времени под влиянием экстралингвистических факторов и перешли из активного запаса языка в пассивный [Кожина 2011: 562]. К пассивной лексике относят устаревшие слова, значения слов и словосочетания, которые вышли из активного употребления по причине утраты реалий [Кожина 2011: 114].

Устаревшие слова могут возвращаться в активное употребление в русский язык, но с другими обозначениями реалий. Примерами таких слов являются такие лексические единицы,

как *ректор, департамент, офицер, гимназия, медалист, биржа, аттестат, министр, предприниматель, акционер*. Сегодня эти слова активно используются в русском языке. Много слов по религиозной тематике вернулось в активный состав языка. Это такие слова, как *исповедь, благотворительность, патриарх, милосердие, вера*.

Сочетаемость слов означает свойство языковых единиц связываться с друг другом. Это свойство языковых единиц сочетаться друг с другом при образовании единиц более высокого уровня – одно из фундаментальных свойств единиц языка, отражающее синтагматические отношения между ними [Ярцева 2002: 483]. К новой сочетаемости слов мы можем отнести словосочетания, связанные с компьютерными и мобильными технологиями, такие как *заливать видео, облачное хранилище, виртуальный канал, отзывчивый веб-дизайн, компьютерная память, сквозная аналитика, кинуть в облако*.

В современных учебниках по РКИ современная лексика практически не представлена. Для пополнения лексического запаса русского языка наряду с печатными словарями рекомендуется использовать электронные ресурсы. Мы предлагаем использовать Орфографический академический ресурс «АКАДЕМОС» (<https://orfo.ruslang.ru>). Данный электронный словарь постоянно пополняется новой лексикой. Словари на основе национального корпуса русского языка (<http://dict.ruslang.ru/freq.php>) [Ляшевская] содержат новый частотный словарь русских слов. В данном словаре представлена наиболее употребительная лексика. На сайте wordsonline.ru (<https://wordsonline.ru/>) можно найти неологизмы и устаревшие слова. Словарь компьютерных терминов и Интернет-сленга (<https://www.proacton.ru/about-internet/terms-glossary>) поможет в овладении лексическими единицами, связанными с миром компьютерных технологий и Интернета.

Таким образом, в данной статье мы рассмотрели наиболее активные процессы пополнения и изменения лексики в русском

языке. К ним следует отнести иноязычные заимствования, появление неологизмов, метафоризацию, возвращение архаизмов, новую сочетаемость слов. Для успешной коммуникации на русском языке иностранцам необходимо использовать в речи современные лексические единицы. Для пополнения лексического запаса обучающихся преподавателю на занятиях по РКИ необходимо работать со словарями, где представлены новейшие слова и термины. Также для этой цели мы рекомендуем использовать электронные ресурсы, содержащие актуальную лексику русского языка.

Библиографический список

Буцева Т. Н., Левашов Е. А., Денисенко Ю. Ф., Стулова Н. Г., Козулина Н. А., Гонобоблева С. Л. Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века: в 3 т. Ин-т лингвистических исследований РАН. СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. 816 с.

Громенко Е. С., Кожевников А. Ю., Козловская Н. В., Козулина Н. А., Левина С. Д., Мокиенко В. М., Павлова А. С., Приемьева М. Н., Ридецкая Ю. С. Словарь русского языка коронавирусной эпохи. Сост. СПб.: Институт лингвистических исследований РАН, 2021. 550 с.

Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной; члены редколлегии: Е. А. Баженова, М. П. Котурова, А. П. Сковородников. 2-е изд., стереотип. М.: Флинта: Наука, 2011. 696 с.

Левашов Е. А. Новые слова и значения: Словарь справочник по материалам прессы и литературы 80-х годов. СПб.: Дмитрий Буланин, 1997. 904 с.

Ляшевская О. Н., Шаров С. А. Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка) [Электронный ресурс] URL: <http://dict.ruslang.ru/freq.php> (дата обращения 11.11.2023).

Розенталь Д. Э., Голуб И. Б., Теленкова М. А. Современный русский язык. Москва, 2010. 446 с.

Шагалова Е. Н. Словарь новейших иностранных слов: ок. 3500 слов. М.: АСТ-Пресс, 2020. 576 с.

Ярцева В. Н. Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия, 2002. 709 с.

Инглекс [Электронный ресурс] URL: <https://englex.ru/english-borrowings-in-russian/>(дата обращения 11.11.2023).

Орфографический академический ресурс «АКАДЕМОС» [Электронный ресурс] URL: <https://orfo.ruslang.ru/>(дата обращения 11.11.2023).

Слова русского языка [Электронный ресурс] URL: <https://wordsonline.ru/>(дата обращения 11.11.2023).

Словарь компьютерных терминов и Интернет-сленга [Электронный ресурс] URL: <https://www.proacton.ru/about-internet/terms-glossary>(дата обращения 11.11.2023).

Д. Р. Резников

*Тольяттинский государственный университет
г. Тольятти, Россия
ассистент кафедры русского языка, литературы
и лингвокриминалистики*

D. R. Reznikov

*Tolyatti State University, Tolyatti, Russia
Assistant Professor of the Department of Russian Language,
Literature and Linguocriminalism*

**ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ В ТЕКСТЕ ПОВЕСТИ
«КОШМАР НА УЛИЦЕ СТАЧЕК» А. КИВИНОВА**

**PRECEDENTIAL PHENOMENA
IN THE PROSAIC TEXT OF A. KIVINOV
(BASED ON THE DETECTIVE NOVEL
«NIGHTMARE ON STACHEK STREET»)**

Аннотация. В предлагаемой статье рассматривается ряд аспектов, касающихся функционирования прецедентных феноменов в повести А. В. Кивинова «Кошмар на улице Стачек», источниками которых послужили произведения литературы, кинематографа и других проявлений массовой культуры. Рассмотрены различные версии их применения и реализации, которые базируются на примерах из произведения автора. Сделана попытка проследить тенденции использования таких феноменов в различных контекстах с опорой на особенности жанровой составляющей повести. Проведена систематизация выявленных прецедентных феноменов, установлено процентное соотношение различных их типов, уточнены конкретные источники прецедентных имен, встречающихся в тексте. Представлен краткий экскурс по истории вопроса в целом.

Ключевые слова: детектив; прецедентность; жанр; языковая картина мира; прецедентный феномен.

Abstract. The article considers a number of aspects related to the functioning of precedent phenomena in the novel «A Nightmare on Stachek Street» by A. V. Kivinov, the sources of which are a number of literary works, cinema, and mass culture. Various versions of their application and implementation, based on examples from the author's work, are considered. An attempt has been made to trace the trends in the use of such phenomena in different contexts, relying on the features of the genre component of the novel. The systematization of the identified precedent phenomena has been carried out, the percentage ratio of their various types has been established, and the specific sources of precedent names found in the text have been clarified. An overview of the history of the issue as a whole is presented.

Keywords: detective; precedent; genre; language worldview; precedent phenomenon.

Текст современного детектива представляет интерес как для литературоведческих, так и для языковых исследований. Во-первых, в той или иной степени значительная часть современной художественной литературы и публицистики, кинематограф и телевидение пересекаются и взаимодействуют. Произведения детективного жанра, с одной стороны, считаются «низкопробным чтивом для непросвещенной публики» [Зацарина 2010: 43], с другой – интерес к ним стабилен начиная с XIX века, со времен Артура Конана Дойла, Эдгара По и неназванного до сегодняшнего дня автора, создавшего произведение о Нате Пинкертоне. Несмотря на неоднозначную репутацию, популярность детектива как жанра, не может говорить ни о его компрометации, ни о его достоинствах [Кестхейи 1989: 25, Зацарина 2010: 44]. Детектив представляет собой «не столько литературный, сколько социальный и культурный феномен» [Зацарина 2010: 45]. Согласно мнению Е. В. Зацариной, которое она представила в работе «Жанр детектива в отечественном литературоведении» (2010), традиция изучения детективов восходит к работе В. Б. Шкловского «О теории прозы» (1925), также следует отметить литературоведческие работы С. Н. Филюшкина,

Г. А. Анджапаридзе, Е. В. Жаринова, М. П. Тугушева, В. А. Скороденко и ряда других авторов, исследования которых оказывают влияние на литературоведческое осмысление жанра [Зацаринина 2010: 40].

Лингвистическая сторона вопроса затрагивается в работах З. М. Чемодуровой «Игра в посмодернистском детективе» (2014), Т. Г. Ватолиной «Когнитивная модель детективного дискурса»(2011), С. В. Лескова «Лексические и структурно-композиционные особенности психологического детектива»(2005), Е. А. Александровой «Детектив в истории культуры: свет и тень в массовом искусстве»(2014) и ряда других исследователей.

На сегодняшний день выделяется ряд поджанров детективного жанра: «исторический; социальный; классический; полицейская история; сюрреалистический; реалистический; жесткая школа; натуралистический; литературный; шпионская история; политический; крутой; истории, построенные на психологическом напряжении; триллер; криминальная история» [Кестхейи 1989: 23]

В контексте отечественной «детективной» литературной традиции следует упомянуть, что говорить о некоей однозначной точке отсчета было бы неправильно, т.к. черты детектива можно найти, например, и в «Преступлении и наказании» Ф. М. Достоевского, и в произведениях М. А. Булгакова [Анджапаридзе 1989: 9–10]. В то же время, в Советском Союзе был достаточно развит жанр «полицейская история», который Г. А. Анджапаридзе называет «милицейским детективом» [Анджапаридзе 1989: 9–10]. Произведения Аркадия Адамова «Дело «пёстрых»(1956), братьев Вайнеров «Я следователь...» (1968), «Гонки по вертикали»(1971) и Юлиана Семенова «Петровка, 38» (1963), «Огарёва, 6» (1972), «Противостояние» (1979) приобрели широкую популярность среди читательской аудитории, получили высокие оценки профессионалов и были экранизированы, став, тем самым, важным социокультурным явлением.

После распада СССР в центре внимания оказались произведения других авторов, в частности, Андрея Кивинова (настоящее имя Андрей Владимирович Пименов). Будучи на момент создания первых своих произведений действующим сотрудником милиции в г. Санкт-Петербурге, он на рубеже XX–XXI вв. создал целый ряд детективных произведений, в сюжете которых описывается работа российской милиции на фоне исторической эпохи 1990-х годов, тем самым, с одной стороны, продолжив традицию своих советских предшественников, с другой – привнеся в жанр свое авторское видение вопроса, базирующегося на личном опыте. Произведения Кивинова также послужили материалом для экранизации. Так, первые 25 серий первого сезона телевизионного сериала «Улицы разбитых фонарей» не просто основаны на его произведениях, но Кивинов сам выступил для них сценаристом.

В этом контексте представляется интересным рассмотрение с языковедческой точки зрения творчества Андрея Кивинова, вобравшего в себя ряд социокультурных феноменов 1990-х годов XX века в сочетании со специфическими чертами детективного жанра. Выдвинем предположение, что в произведениях автора присутствует ряд феноменов, которые можно классифицировать как прецедентные: «1) обладающие значимостью в эмоциональном и познавательном аспектах; 2) обладающие широкой сферой бытования и общеизвестные; 3) неоднократно воспроизводимые; 4) реинтерпретируемые; 5) принадлежащие к определенной культуре и эпохе; 6) взаимодействующие с различными пластами языка и культуры» [Назарова, Золотарев 2015:18].

Задачами предлагаемого исследования являются: 1) обнаружение и классификация текстов, которые могут быть прецедентными; 2) рассмотрение первоисточников таких текстов; 3) установление их функций в произведении; 4) рассмотрение трансформации используемого автором варианта по срав-

нению с исходным содержащимся в первоисточнике. Материалом выступает повесть А. Кивинова «Кошмар на улице Стачек».

Прежде чем перейти к рассмотрению произведения с точки зрения поиска в нем текстов, которые можно классифицировать как прецедентные, следует уточнить к какому из поджанров детективов относится «Кошмар на улице Стачек». Детектив, как жанр, представляет из себя «литературное произведение или фильм, изображающее раскрытие запутанных преступлений» [Захаренко 2008: 386]. Полицейский детектив по сравнению с «классическим» детективом содержит в себе следующие черты: 1) социально-криминальный характер; 2) рациональность; 3) отсутствие гротеска; 4) отсутствие «игрового взаимодействия»; 5) сюжетное расследование; 6) зачастую содержит параллельный сюжет; 7) описание быта героев; 8) определенное отношение к профессии в целом, преступлению в частности и ряд других черт [Кириленко 2010: 17–32]. Иронический детектив «представляет собой смешение жанров, обусловленное наличием иронического контекста, органично вписывающегося в повествование. Зачастую ироническая сторона является одним из решающих факторов в поисках преступника и оказывает влияние на ход всего повествования» [Леонов 2013: 223].

Повесть «Кошмар на улице Стачек» А. Кивинова, с одной стороны, содержит в себе черты типичного «полицейского детектива», перечисленные выше, с другой – черты иронического детектива, выражающиеся в:

а) репликах персонажей, например, в сцене опроса потерпевшего: *«Клубникин тем временем отгонял от машины любопытных, взявшихся как из-под земли. – Позвольте мне оказать водителю первую помощь! – не унимался какой-то старичок интеллигентного вида. – Вы кто? – спросил Клубникин. – Терапевт. – Ему прозектор нужен, а вы бы лучше оказали помощь гражданочке, у нее вот тут рвотные процессы начинаются, сейчас риголетто отпляшет. И вообще, товарищи, расходились бы вы лучше отсюда, ну умер человек, скорее все-*

го сам, ничего особенного, каждый день бывает» [Кивинов 2020: 11];

б) иронических комментариях к происходящему, например, в сцене выезда на место происшествия: *«Спустя полчаса во двор под рев сирены влетели «Жигули» райуправления, доставившие к месту происшествия начальника угрозыска района Василия Григорьевича Петренко и его зама – руководство прибывало согласно иерархической лестнице»* [Кивинов 2020: 12].

Однозначно трактовать и отнести произведение «в чистом виде» к какому-то из этих поджанров сложно, предположительно, повесть является ироническим детективом.

Кроме того, перед анализом непосредственно прецедентных феноменов (ПФ), следует определиться с их типологией. Выделяются четыре вида: прецедентные имена, прецедентные ситуации, прецедентные тексты и прецедентные высказывания [Гудков 2020: 71–72].

Е. А. Нахимова относит к функциям прецедентных феноменов «оценочную, поэтическую (эстетическую и декоративную), консолидирующую (парольную и опознавательную), номинативную, коммуникативную, людическую (связанную с языковой игрой), прагматическую, референтивную (референционную)» [Нахимова 2007: 102, а также Резников 2023: 65]. На основании полученных представлений о жанровой специфике произведения и руководствуясь упомянутыми классификации, можно приступать непосредственно к работе с языковой составляющей повести.

Обратимся к анализу. Само название произведения *«Кошмар на улице Стачек»* представляет собой субститут прецедентного имени (фильмонима), первоисточником которого выступает фильм Уэса Крэйвена «Кошмар на улице Вязов». Выполняет референтивную (ассоциативно связывает с кинопроизведением), номинативную (озаглавливает происходящие в повести события) и людическую функции (языковая игра заключается в

трансформации названия путем замены годонима «*Вязов*» на «*Стачек*»).

По характеру проявленности основных признаков прецедентных феноменов представляется возможным выделить (см., например, [Паршина 2020: 89]):

1) прецедентные феномены, обусловленные определенным ограничением в функционировании среди носителей лингвокультуры определённого возраста, например: в контексте описания пейзажа: «*Грохот трамвая, песни Богдана Титомира, доносившиеся из окон общежития напротив...*» [Кивинов 2020: 3]. Для современной читательской аудитории именем *Богдан Титомир* может быть не столь узнаваемым. Напомним, что феномен является прецедентным в том случае, когда он широко известен широкому кругу предшественников и современников, окружающих языковую личность [Караулов 2020: 11–12]. С другой стороны, для читателей Кивинова в 1990-х годах, имя *Богдан Титомир* (певец, солист группы «Кармэн») являлся отражением их повседневной реальности;

2) прецедентные феномены, широко представленные в русскоязычной лингвокультуре: «*...а больше всего Клубникин любил изображать из себя Глеба Жеглова и старого милиционерского волка, хотя и работал в уголовном розыске не так давно...*» [Кивинов 2020: 5]. В данном случае оным *Глеб Жиглов* можно квалифицировать как прецедентный, так как на момент создания произведения, имя *Жеглов* как персонажа, не столько произведения Вайнеров «Эра милосердия», сколько телевизионного фильма «Место встречи изменить нельзя» стало нарицательным, содержащим в себе черты «настоящего милиционера» и примера для подражания. Трансформация по сравнению с первоисточником отсутствует. Прецедентное имя выполняет номинативную (называет «стиль поведения»), референтивную (отсылает к телефильму).

К этой группе можно отнести еще два примера: «*...Выходя на территорию, они представляли собой великолепное зрелище,*

прямо как *Тарапунька со Штепселем* – длинный Кивинов в короткой куртке с короткими рукавами и маленький Клубникин в своем вечно мятом, как у комиссара Каттани, пиджаке...» [Кивинов 2020: 5]. Онимы *Тарапунька со Штепселем* и комиссар Каттани являются прецедентными. Первый отсылает к советскому комедийному дуэту Е. Березина и Ю. Тимошенко, второй к персонажу многосерийного фильма «Спрут» Коррадо Каттани (в исполнении Микеле Плачидо).

Оним «*Дунька Кулачкова*» в контексте «*Вышла я, значить, во двор с Дунькой Кулачковой поболтать-встретиться, а тут машина тарахтит, а дверь открыта*» [Кивинов 2020: 13] отсылает к сленговому выражению *Дунька Кулакова*, шутивно-иронически на жаргоне обозначающим процесс онанизма [Елистратов 1994: 121]. Трансформация по сравнению с исходным вариантом отсутствует, выполняются консолидирующая («своя» аудитория распознает) и людическая функции.

Выражение «*тень отца Гамлета*» в контексте «*В дверях, словно тень отца Гамлета, мелькнул длинный Кивинов, затем в кабинет заглянула борода Волкова, и закончил утренние визиты опер Таранкин, которого Клубникин видел уже сквозь пелену*» [Кивинов 2020: 17] представляет собой прецедентный оним, отсылающий реципиентов авторской речи к персонажу трагедии У. Шекспира «Гамлет». Трансформация имени по сравнению с исходным вариантом отсутствует, выполняются: референтивную, эстетическая и экспрессивная функции.

Прецедентное высказывание «*...вихри враждебные веют над нами...*», представленное в контексте «*...Кроме татуировки на ладонях, повествующей, что «вихри враждебные веют над нами...*» [Кивинов 2020: 29]. Первоисточником является песня «Варшавянка» в переводе Г. М. Кржижановского. Функции референтивная и людическая. Стоит отметить, что в высказывании имплицитно представлен смысл, понятный читательской аудитории, близкой к «лагерной культуре» или правоохранительным

органам. Таким образом, здесь выполняется консолидирующая (парольная) функция.

Прецедентные онимы *Шекспир* и *Пол Маккартни* в контексте «*Если бы сейчас в зал Мутного глаза вошел сам Пол Маккартни или же Газонский начал бы декламировать Шекспира, Кивинов и то бы меньше удивился*» [Кивинов 2020: 29]. Первоисточниками служат имена английского драматурга Уильяма Шекспира (и его произведения) и музыканта Пола Маккартни. Имена по сравнению с первоисточниками не претерпели изменений. Оба прецедентных имени выполняют референтивную, экспрессивную и поэтическую функции.

Прецедентный феномен представлен в следующем примере: «– Ты что, начальник, **чтобы я приговор свой с пола поднял?** – процитировал Зубр реплику уголовного из одного известного фильма. – Это ж двести восемнадцатая» [Кивинов 2020: 29] можно трактовать и как прецедентное высказывание, и как прецедентную ситуацию. Первоисточником выступает сцена из многосерийного фильма «Место встречи изменить нельзя», где уголовник Кирпич в исполнении Станислава Садальского, реагируя на требование поднять с пола кошелек, заявляет: «... *Чтоб я себе с пола срок поднял?*». Трансформация варианта в повести по сравнению с исходным заключается в замене слова *срок* на контекстуальный синоним *приговор*. Выполняются людическая и референтивная функции.

Еще одно прецедентное высказывание представлено во 2 части: «– **Вечером цепочка – утром деньги**, – сказал он и весело подмигнул ей» [Кивинов 2020: 53]. Это трансформ фразы «*Утром – деньги, вечером – стулья*» из романа И. Ильфа и Е. Петрова «12 стульев». Трансформ по сравнению с исходным выражением заключается в замене слова *стулья* на слово *цепочка* и перемены мест «*утра*» и «*вечера*». Такой тип замены является достаточно распространенным для прецедентных выражений (см., например [Паршина 2022: 166]). Выполняются люди-

ческая и референтивная функции. Далее по тексту присутствует артионим «Последний день Помпеи» в контексте: *«Произошедшие за этим события можно было бы описать в отдельной книге. Определенно было ясно одно: живи великий живописец Карл Брюллов в конце двадцатого века – картина **«Последний день Помпеи»** была бы писана с натуры, с кивиновского кабинета»* [Кивинов 2020: 55]. В восприятии реципиентами авторской речи возникает четкий ассоциативный образ картины Карла Брюллова, изображающей стихийное бедствие – извержение вулкана Везувий. Выполняются поэтическая, экспрессивная, людическая и референтивная функции.

Другое высказывание: *Ну да. Вот они тебя и приведут на Говорова, 38*, которое можно классифицировать как прецедентное, отсылает к фильму «Место встречи...» в контексте: – *Ну да. Вот они тебя и приведут на Говорова, 38, в прокуратуру, или глухарей навозбуждают* [Кивинов 2020: 71]. Трансформация по сравнению с исходным вариантом заключается, в основном, в замене годонима *Петровка 38* (один из наиболее известных адресов, ассоциирующийся с правоохранительными органами) на *Говорова, 38*. Прецедентное высказывание выполняет референтивную и людическую функции.

Выражение *шекспировский Отелло* в контексте *...взору Клубника предстала живая иллюстрация к шекспировскому **Отелло*** [Кивинов 2020: 75]. Оно представляет собой прецедентный текст (в узком смысле), отсылающий реципиентов авторской речи к трагедии У. Шекспира «Отелло». Трансформация имени по сравнению с исходным вариантом отсутствует, выполняются: референтивная, эстетическая и экспрессивная функции. Далее по тексту в одном абзаце встречаются еще два примера: *Шерлок Холмс* и *Акела*, представленных в контексте *...Володя, в отличие от **Шерлока Холмса**, не знал приемов смертоносной борьбы борщом, поэтому он, как **Акела**, прыгнул на руки парню, пытаясь ослабить его хват на горле посинев-*

шей жертвы... [Кивинов 2020: 76]. Оба они являются прецедентными. Первый отсылает к главному герою произведений Артура Конана Дойла частному сыщику Шерлоку Холмсу, второй к персонажу сказки Р. Киплинга «Маугли» вожаку стаи волков Акеле. Функции аналогичны выполняемым прецедентными онимами в анализируемом тексте, а трансформация по сравнению с исходным вариантом отсутствует.

К прецедентному высказыванию отнесем следующий пример: *Спустя пятнадцать минут бешеной езды между ними никого не осталось, но опера стрелять не решились – впереди показался пригород. Дотянем до леса, – решили друзья. – Подальше от города смерть унесем...* [Кивинов 2020: 103]. Первоисточником является стихотворение Р. И. Рождественского «Огромное небо»: *...Мелькают кварталы, но прыгать нельзя... / Дотянем до леса! – решили друзья. / Подальше от города / Смерть унесём...* [Рождественский 1975: 112–113]. Цитата приводится без трансформации и выполняет референтивную и юридическую функции.

Восходит к античному фразеологизму прецедентное высказывание в следующем примере: *Целый клубок, одним словом. Ящик Пандыры* [Кивинов 2020: 113]. Оно является трансформ исходного выражения, представленный меной одной фонемы в имени собственном *Пандора* и выполняет экспрессивную и референтивную функции.

Количество и соотношение прецедентных феноменов, выявленных в повести «Кошмар на улице Стачек», представлено в таблице 1.

Представленные в таблице 1 феномены выполняют референтивную функцию. В 31,25 % (5 ед.) случаев также выявлено выполнение юридической функции, в 25 % (4 ед.) номинативной, в 31,25 % (5 ед.) экспрессивной, в 12,5 % (2 ед.) поэтической и 12,5 % (2 ед.) консолидирующей.

**Прецедентные феномены в повести «Кошмар
на улице Стачек» А. Кивинова**

№	Примеры	Количество единиц
1.	Прецедентные онимы (имена): <i>Глеб Жеглов, Таранулька и Штенсель, Каттани, Дунька Кулакова, тень отца Гамлета, Пол Маккартни, Шекспир, Последний день Помпеи, Шерлок Холмс, Аке-ла.</i>	10 (62.5 %)
2.	Прецедентные высказывания: <i>вихри враждебные веют над нами..., чтобы я приговор свой с пола поднял?, Вечером цепочка – утром деньги, Дотянем до леса, – решили друзья. – Подальше от города смерть унесем, Яцик Пандыры</i>	5 (31.25 %)
3.	Прецедентный текст: <i>шекспировскому Отелло</i>	1 (6.25 %)
	Итого:	16

Таким образом, прецедентные феномены в тексте повести А. Кивинова базируются на широком спектре первоисточников, основанных на различных произведениях литературы, кинематографа и массовой культуры. Это обусловлено, во-первых, спецификой круга реципиентов авторской речи, подразумевающего довольно большую и разнообразную постсоветскую русскоязычную читательскую аудиторию, во-вторых, жанровыми особенностями повести, которые позволяют применять в ходе повествования «о серьезном расследовании» иронические моменты, отсылки, цитации и комментарии, исходящие как от автора, так и непосредственно от героев.

Следует отметить, что исследование творчества А. Кивинова нуждается в дальнейшем изучении и осмыслении. Главной причиной для этого является тот факт, что произведения Кивинова, особенно относящиеся к раннему периоду его творчества, стали важным социокультурным феноменом и во многом частью отечественного культурного кода. Перспективным направлением для дальнейшего исследования является рас-

смотрение вопросов прецедентности в других произведениях А. Кивинова выходящим, в том числе, и сегодня. Требуется дополнительно рассмотреть наличие в них различных типов прецедентных феноменов, их периодизацию, первоисточники, трансформацию и ряд других вопросов.

Библиографический список

Анджапаридзе Г. А. Популярный жанр вчера и сегодня. Кестхейи Т. // Антология детектива. Следствие по делу о детективе. Будапешт: Корвина, 1989. С. 5–17.

Гудков Д. Б. Прецедентное имя и проблемы прецедентности. М.: ЛЕНАНД, 2020. 152 с.

Елистратов В. С. Словарь русского арго: (Материалы 1980-1990-х гг.): Ок. 9000 слов, 3 000 идиомат. выражений. Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. М.: Рус. слов., 2000. 693 с.

Захаренко Е. Н., Комарова Л.Н., Нечаева И. В. Новый словарь иностранных слов: свыше 25 000 слов и словосочетаний. М.: ООО ИФ «Азбуковник», 2008. 1040 с.

Зацарина Е. В. Жанр детектива в отечественном литературоведении // Наука и современность. 2010. № 5 (3). С. 40–44.

Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Издательство ЛКИ, 2010. 264 с.

Кестхейи Т. Антология детектива. Следствие по делу о детективе. Будапешт: Корвина, 1989. 261 с.

Кивинов А. В. Персональный сайт [Электронный ресурс] URL: <http://www.kivinov.ru> (дата обращения: 14.12.2023).

Кивинов А. В. Кошмар на улице Стачек. М.: Центрополиграф, 2020. 288 с.

Кириленко Н. Н., Федунина О. В. Классический детектив и полицейский роман: к проблеме разграничения жанров // Новый филологический вестник. 2010. № 3. С.17–32.

Леонов В. А. Иронический детектив как особое дискурсивное пространство // Magister Dixit. 2013. № 4. С. 222–226.

Назарова Р. З., Золотарев М. В. Прецедентные феномены: проблемы дефиниции и классификации прецедентных феноменов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2015. Т. 15, № 2. С. 17–23.

Нахимова Е. А. Прецедентные имена в массовой коммуникации. Изд-во: ГОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т» Ин-т социального образования. Екатеринбург, 2007. 207 с.

Паришина О. Д. Об одной трансформации прецедентного феномена «в деревню, к тетке, в глушь, в Саратов» при номинации провинции // Русский язык: образование, наука, культура: Материалы международной научно-методической сессии, Москва, 23–25 ноября 2022 года / Под общей редакцией С. М. Колесниковой. М.: Моск. пед. гос. ун-т, 2022. С. 160–168.

Паришина О. Д. Прецедентный феномен «прирастать провинцией»: к постановке вопроса // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2020. № 3(38). С. 87–96.

Резников Д. Р. Прецедентные феномены военной тематики в творчестве Егора Летова // Язык. Культура. Личность: Материалы Всероссийской с международным участием научной конференции молодых ученых, Самара, 16 декабря 2022 года / Отв. редактор Т. Е. Баженова. Т. 1. Вып. 9. Самара: ООО «Научно-технический центр», 2023. С. 64–73.

Рождественский Р. И. Огромное небо. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1975. 208 с.

А. Н. Смолина

*Сибирский федеральный университет, г. Красноярск, Россия
д.филол.н., профессор кафедры русского языка
и речевой коммуникации
института филологии и языковой коммуникации*

Andzhella N. Smolina

*Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia,
Ph.D., Professor of the Department of Russian Language
and Speech Communication
Institute of Philology and Language Communication*

ИДЕЙНЫЕ И ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ДОКУМЕНТАЛЬНЫХ ЦЕРКОВНО-РЕЛИГИОЗНЫХ ТЕКСТОВ

IDEOLOGICAL AND LINGUISTIC FEATURES OF DOCUMENTARY ECCLESIASTICAL AND RELIGIOUS TEXTS

Аннотация. В статье раскрывается своеобразие документальных церковно-религиозных текстов (духовных писем, духовных дневников, духовных воспоминаний), из особенностей которых как наиболее значимые выделяются исихастская идейность, религиозно-христианские метафоричность и аллегоричность, библейская и святоотеческая интертекстуальность, молитвенность, духовно-христианская ауторефлексивность, активное использование религионимов, вербальное проявление принципов теоцентризма, христоцентризма, эсхатологизма, провиденциализма и сотериологизма. Показывается, что наиболее значимыми исихастскими идеями, репрезентирующимися в документальных текстах, становятся идеи спасения, обожения и трезвения; наиболее востребованными интертекстами, участвующими в раскрытии религиозно-христианских смыслов, становятся аллюзии, цитаты и реминисценции, обращающие к Ветхому и Новому Заветам, произведения святоотеческой литературы, Псалтири, житиям и написан-

ным представителями разных народов Ближнего Востока, Западной и Восточной Европы молитвам; наиболее частотными религионимами, используемыми авторами при утверждении христианских идей и рассмотрении духовных тем, становятся теонимы, библионимы, языковые единицы, относящиеся к корпусу православной лексики духовно-нравственного содержания. Делается вывод о том, что основным отличием документальных церковно-религиозных текстов от иных документальных текстов (личных писем, дневников и воспоминаний светского характера) являются их духовно-мировоззренческие основания, исихастское наполнение различных смысловых частей текстов, что проявляется в использовании специальной лексики исихазма (слов и устойчивых сверхсловных единиц, обслуживающих предметную область исихазма – *обожение, трезвение, созерцание, Иисусова молитва, сокрушение сердца, прилог, богомыслие* и др.).

Ключевые слова: документальный текст, духовное письмо, духовный дневник, духовные воспоминания, исихазм, исихастская лексика, метафоричность, аллегоричность, интертекстуальность, молитвенность, ауторефлексивность.

Abstract. The article reveals the peculiarities of documentary ecclesiastical and religious texts (spiritual letters, spiritual diaries, spiritual memoirs); among their most significant features are hesychast ideology, Christian metaphoricity and allegorality, biblical and patristic intertextuality, prayerfulness, Christian spiritual auto reflexivity, frequent use of religionyms, verbal manifestation of the ocentric, Christocentric, eschatological, providentialistic and soteriological principles. It is shown that the most significant hesychast ideas represented in the documentary texts are those of salvation, the *osis* and *nepsis*; the most popular intertextemes contributing to the interpretation of Christian concepts are allusions, quotations and reminiscences referring to the Old and New Testaments, patristic works, Psalms, hagiographies and prayers written by representatives of different nations of the Middle East, Western and Eastern Europe; the most common religionyms used by the authors when asserting Christian beliefs and considering spiritual themes are theonyms, biblionyms, and linguistic units belonging to the corpus of Orthodox vocabulary of spiritual and moral content. It is concluded that the main difference between documentary ecclesiastical texts and other documentary texts (personal letters, diaries and memoirs of a secular nature) is the spiritual and worldview foundations, the

hesychast character of various semantic parts of the texts, which is manifested in the use of the specific hesychast vocabulary (words and fixed super-word units referring to the subject area of Hesychasm: theosis, nepsis, contemplation, Jesus prayer, contrition of heart, *prilog* (“assault”, *προσβολή*), *bogomyslie* (meditating on God), etc.).

Keywords: documentary text, spiritual letter, spiritual diary, spiritual memoirs, hesychasm, hesychastic vocabulary, metaphoricity, allegoricality, intertextuality, prayerfulness, autoreflexivity.

К текстам документальных жанров, в современной филологии часто именуемых литературой *нон-фикшн/non-fiction*, относятся произведения «с главенствующим документальным началом» [Местергази 2007: 17]. В XX – начале XXI в. такие произведения начинают играть значимую роль в различных речевых сферах (публицистической, художественной, церковно-религиозной). О предпосылках развития литературы с главенствующим документальным началом в XX веке и активного изучения документальных текстов один из ведущих исследователей литературы *нон-фикшн* Е. Г. Местергази пишет: «О существовании документального начала в литературе было известно с незапамятных времен, но до определенного момента в его развитии не наблюдалось... перемен. Первые признаки чего-то нового обнаружили во второй половине XIX столетия. Процесс этот в определенной мере был... подготовлен... ближайшим прошлым: эпохой расцвета культуры салонов и кружков первой половины столетия с ее культом писем, дневников, альбомов, записных книжек, записок – с одной стороны; растущей тягой к постижению «внутреннего человека» – с другой...» [Местергази 2008: 6]. По мнению исследователя, «литература с главенствующим документальным началом именно в XX веке приобрела особое значение» [там же: 5].

Крупнейший российский литературовед, мемуарист, автор трудов по русской классической прозе XIX века Л. Я. Гинзбург в размышлениях о документальной литературе писала об этом явлении как о привлекающем «пристальное внимание писателей

и читателей всего мира» [Гинзбург 2016: 7]. Такое внимание можно объяснить, как нам представляется, в том числе и тем, о чем говорилось в работе Л. Я. Гинзбург «О психологической прозе»: «литература воспоминаний, автобиографий, исповедей и “мыслей” ведет прямой разговор о человеке» [Гинзбург 2016: 138].

В текстах же церковно-религиозного стиля, в частности документальных, это внимание к человеку, а особенно к внутреннему человеку, становится первостепенным. Большая часть текстов церковно-религиозного стиля пишется монахами, которые во многом следуют установлениям исихазма («этико-аскетическое учение о пути человека к единению с Богом» [Русская философия...1995: 193]). А исполнение этических норм, предписываемых исихастами, предполагает постоянную обращенность к внутреннему человеку, сохранение внутренней бдительности, очищение от греха с помощью Иисусовой молитвы и исполнения заповедей, хранение ума от всего лишнего, контроль над мыслями, бдение за помыслами. О важности изучения исихазма и сконцентрированности последователей этого учения на внутреннем человеке, его духовном состоянии Д. С. Лихачев писал: «Сложное учение исихастов... нуждается во внимательном изучении. Ясно одно: в нем сказался тот же интерес к психологии человека, к “внутреннему человеку” (термин одного из основателей исихазма – Григория Синаита), к его индивидуальным переживаниям, к возможностям личного общения с Богом... которые были характерны для многих культурных явлений XIV в.» [Лихачев 1958: 47].

В связи со сказанным можно заметить, что интерес к духовным воспоминаниям, духовным дневникам и духовным письмам как со стороны читателей, так и со стороны исследователей связан прежде всего с тем, что в них раскрывается духовное состояние человека, показывается движение верующего человека по пути духовного совершенствования, развитие его чувств, эволюция воззрений, способы работы по исправлению

себя (искоренению пороков, достижению внутреннего мира и согласия, преодолению душевного разлада, обретению добродетелей, созданию доброжелательной атмосферы во взаимодействии с окружающими).

Из лингвистических и литературоведческих работ, посвященных документальным жанрам церковно-религиозного стиля, можно отметить работы С. В. Мельниковой [2011], П. А. Колобаева [2022], Е. С. Смирнова и П. А. Колобаева [2022], М. С. Токаревой [2023], А. В. Павловой [2023], Е. Е. Чернаковой [2023]. Нами в разные годы были написаны труды, посвященные отдельным документальным жанрам церковно-религиозного стиля. В данных трудах рассматривались модели, с помощью которых можно эффективно анализировать речевые жанры духовного письма и духовного дневника, указывались параметры моделей, которые позволяют в лучшей степени раскрывать особенности исследуемых текстов, обозначались их жанрообразующие признаки, выделялись особенности мировоззрения церковных писателей, влияющие на язык их произведений.

Духовное письмо – «эпистолярный жанр церковно-религиозного стиля; текст, создаваемый церковным писателем и адресованный верующему(-им) христианину(-ам), обладающий специфическими чертами, главными из которых являются репрезентация духовно-религиозных интенций, утверждение основополагающих идей христианства, наличие в структуре интражанров с христианским содержательным наполнением, религиозной аргументации, использование стилистически маркированных языковых элементов (теонимов, агеоантропонимов, еклесионимов и подобных), тропов и фигур с компонентами-религионимами, религиозно-христианских образов и единиц церковного этикета» [Смолина 2021: 488].

«Духовный дневник – речевой жанр церковно-религиозного стиля: текст, который создается священнослужителем, содержит повествование о событиях, связанных с внут-

ренной духовной жизнью автора, жизнью Церкви, иногда – с жизнью государства и происходящим в мире... размышления религиозно-христианского характера в связи с описанными событиями. Основными чертами жанра являются: репрезентация интенций, связанных со стремлением к обожению и спасению, выражением мыслей, представляющих христианские этические концепции; репрезентация идей, составляющих основу христианской идеосферы... функционирование религионимов; религиозно-христианская событийность; духовно-христианская ауторефлексивность, вербально обнаруживающая проявление теоцентризма, христоцентризма, эсхатологизма, провиденциализма и сотериологизма (в основном посредством слов и сверхсловных единиц, относящихся к корпусу православной лексики духовно-нравственного содержания) [Смолина 2022: 809].

Духовные воспоминания можно определить как жанр церковно-религиозного стиля, создаваемый церковным писателем текст, ориентированный на конкретного адресата, имеющий ретроспективную организацию повествования с четкой фиксацией первой временной границы, отличительными чертами которого становятся: раскрытие религиозно-социальных, религиозно-философских, религиозно-политических и религиозно-нравственных тем; утверждение идей христианства; насыщенность церковно-религиозными языковыми единицами, библейскими и святоотеческими интертекстами, тропами и фигурами, включающими религионимы; фабульность, описательность; религиозно-христианская ауторефлексия, интровертность (свойство текста, заключающееся в направленности писательского внимания на события духовной жизни, сосредоточенности на размышлениях о произошедшем в прошлом).

Значимость исследования духовных документальных текстов в наши дни связывается прежде всего с тем, что они позволяют увидеть особенности религиозного мировоззрения, что весьма необходимо, в частности в тех случаях, когда изучение проводится с позиций теолингвистики; исследование духовных

документальных текстов также помогает понять специфику социально-религиозных изменений, выявить особенности письменной разговорной речи носителей русского языка, обладающих религиозным сознанием. Актуальность исследования духовных документальных текстов определяется необходимостью изучения текстов церковно-религиозного стиля как особой области русской речевой культуры, важностью развития теолингвистики – новой интегративной дисциплины, которая направлена «на изучение взаимосвязи и взаимодействия... языка и религии» [Постовалова 2012: 55], значимостью разработки теории церковно-религиозного стиля, развития практики трансдисциплинарного подхода, особенностью которого при проведении исследований, связанных с анализом религиозных текстов, является применение комплекса средств и приемов, применяемых в разных областях гуманитарного знания: лингвистике, теологии и культурологии.

Жанры духовного дневника, духовных воспоминаний и духовного письма в нашей стране начали активно развиваться в XX веке, хотя отдельные жанры, например духовное письмо, функционировали в духовной сфере и ранее, в частности, весьма востребованным этот жанр был в XIX веке. Документальные церковно-религиозные тексты объединяет общая идейная основа. Для всех этих жанров характерна реализация таких идей, как любовь к Богу и ближнему, смирение, терпение, самоумаление, *обо*жение, покаяние, спасение, молитвенное делание, преодоление греха, трезвение и других. Суть данных идей также специфична.

Любовь к богу и ближним понимается авторами церковно-религиозных документальных текстов как жертвенное служение. *Обо*жение – как уподобление по мере возможности Богу (приобщенность благодати Божией) и единение с Ним; преображение человеческой природы по образу Иисуса Христа; становление во Христе. Спасение – как исцеление от греха, его последствий, обретение Царствия Божиего. Покаяние – как осо-

знание своей греховности, сердечное сокрушение о своих грехах, молитвенное обращение к Богу о прощении. Молитвенное делание – как совершение/творение молитвы к Богу. Смирение – как осознание своих недостатков и своего несовершенства, примиренность с Богом, людьми и самим собой, объективное видение окружающей действительности, покорное отношение к Богу и принятие Его воли. Трезвение (неписис) – как внимательное отношение к своей духовной жизни, мыслям, поступкам, избегание греховных страстей.

В реализации религиозно-христианских идей обычно участвуют слова, номинирующие данные идеи и их дериваты. Здесь важно сказать, что при этом воплощение данных идей отличается и использованием различных выразительных средств, из которых наиболее частотны аллегории, метафоры, эпитеты, риторические вопросы, риторические восклицания, перечисление. Особую роль в утверждении религиозно-христианских идей играют интертекстуальные включения – цитаты, аллюзии и реминисценции, источником которых являются Ветхий и Новый Заветы.

Наиболее значимыми исихастскими идеями, репрезентирующимися в документальных текстах, становятся идеи спасения, *обождения* и трезвения, приоритетность размышления о которых связана с тем, что спасение в христианстве рассматривается как цель жизни христианина («...спасение выступает как конечная цель религиозных усилий человека и высшее дарение со стороны Бога» [Аверинцев 2006: 399]); *обождение* – как необходимое для спасения духовное преобразование человека, «христотворение или становление во Христе» [Панайотис 2011: 154], «постижение Бога... “умное делание”, т.е. жизнь “в духе Господне”» [Замалеев 2003: 125–126], трезвение – как важная в работе над своим духовным состоянием, преобразованием, духовном совершенствовании «непрестанная бдительность над собой в охранении души и тела от низких, нечестивых, греховных мыслей, пожеланий и дел» [Глубоковский 2007: 735].

Спасение, о котором авторы церковно-религиозных документальных текстов говорят как об исцелении от греха, его последствий и обретении Царствия Божиего через исполнение евангельских заповедей, нравственном процессе, «совершаемом внутри самого человека» [Скурат 1970: 86], становится одной из центральных идей, к ней направлены мысли церковных писателей в советах своим ученикам, рассуждениях о собственном духовном совершенствовании. В реализации идеи спасения участвуют цитаты, аллюзии и реминисценции церковно-религиозного характера, различные тропы и фигуры. Приведем пример: «...по слову апостола старайтесь о том, чтобы пребывать в том звании, в которое призваны Промыслом Божиим для **спасения души своей**. О получении же **спасения** читаем в Евангелии, что оно **приобретается тесным и прискорбным путем, и входим мы в Царствие Небесное узкими дверьми**» [Серафим (Романцов), схиархимандрит 2006: 44]. В данном примере автор использует лексический повтор и интертекстуальное включение из Евангелия от Матфея (глава 7, стихи 13–14).

При воплощении рассматриваемой идеи часто используются такие слова и сверхсловные единицы, как *спасение; Спаситель; Спас; Спаситель мира; Искупитель; К(к)рест; спасительность; исцеление; спасительный(-ые); душеспасительный(-ые); богоспасаемый(-ая, -ые); спасение души; спасение душевное; спасение человека/человечества; спасайся/спасайтесь о Господе; Спаси, Господь; Спаси, Господи; спаси душу; Спасайся о Христе; Господь спасает*. Приведем пример: «После трапезы Батюшка обратился к нам с кратким словом. Передал благословение от о. Архимандрита и высказал пожелание, чтобы мы проводили жизнь по возможности монашескую, шли к единой необходимой цели – **спасению души**» [Дневник послушника Никона Беляева...2004: 204].

К особенностям воплощения идеи **обождения** можно отнести широкое использование теонимов (*Бог, Господь, Творец, Иисус, Христос, Спаситель* и иных), например: «*Благочестие*

есть совокупность доброго внутреннего устройства, постоянное горение к Богу. При таком состоянии человек всегда благоговет к Творцу...» [Иоанн (Снычев), митрополит 2015: 122]. Кроме того, весьма значимо слово, номинирующее эту идею, и его дериваты: *обожение, обожиться, обоженный*, например: *«Христианин – духовный атлет. Его цель – обожение, охристовление. Надо сделаться подобным Христу»* [Савва (Мажуко), архимандрит 2019: 37].

Как и при реализации иных идей, важную роль в воплощении идеи *обожения* играют интертексты. Поскольку в этой идее значимой составляющей становятся мысли о стремлении к единению с Богом, следовании Христу, возможном уподоблении Христу в делах, поступках, стяжании добродетелей, церковные писатели обращаются к образу Царствия Божиего, а также к текстам, в которых говорится о Нем. Прежде всего это Евангелия, в частности, Евангелие от Матфея: *«Надо помнить слова Спасителя: Ищите прежде Царствия Божия...»* [Никон(Воробьев), игумен 2015: 69–70].

Исихастская идейность – основная черта документальных церковно-религиозных текстов, утверждение идей спасения, *обожения* и трезвения, следования Христу, покаяния, созерцания, святости и других в духовных письмах, дневниках и воспоминаниях предопределено главенствующим положением данных идей в идеосфере исихазма, который «представляет собой корпус идей святоотеческой мысли, отражающий глубинные причины антропологического кризиса и пути его преодоления» [Димитрий (Конюхов), протоиерей 2012: 213] и основные положения которого постигаются церковными писателями на протяжении всей жизни.

Отличает документальные церковно-религиозные тексты от иных документальных текстов также и христианские метафоричность и аллегоричность, в основе которых лежат ключевые образы и культурноносные смыслы Библии. При создании метафор и аллегорий часто используются значимые для христиан-

ства образы креста; венца; солнца; луны; маслины; камня; огня; дерева; куста; корабля, плывущего по волнам; меча; молнии; воды; дождя; цветущего сада; звезд; терновника; храма; чаши; горчичного зерна; при создании аллегорий и метафор, целью использования которых становится отвращение от греха, церковные писатели прибегают к образам болота; пропасти; сети; цепей; ветвей дерева.

Рассмотрим на примере из дневника иеромонаха Никона (Беляева) особенность метафоричности документальных церковно-религиозных текстов: «...наше исповедание своих грехов принимает Сам Господь наш Иисус Христос. Он милостив, Он любит нас... Он разрешит нас от ужасного бремени греховного... <...> Он принимает всякого грешника, самого ужасного, буквально **утопающего в грехах**» [Дневник послушника Никона Беляева...2004: 7]. Создаваемый иеромонахом Никоном (Беляевым) с помощью метафорического переноса образ грешника, утопающего в грехах, на наш взгляд, несомненно, отражает христианское мировоззрение и отношение к греху как к тому, что губит человека, лишает его сил, воли, тянет на дно (такое уподобление в церковно-религиозных текстах частотно).

Весьма показателен еще один пример – из письма схиигумена Иоанна (Алексеева): «На твои тревоги и претыкания скажу так: пока наш душевный **кораблик** плавает в житейском **море**, всегда будет подвергаться волнению, как при переменных погодях; то **дождь**, то **вёдро**; а иногда сильная буря подымается...» [схиигумен Иоанн (Алексеев) 2014: 185]. Метафорические образы в отрывке из процитированного письма иллюстрируют переменчивость течения человеческой жизни, а образ корабля помогает показать хрупкость и уязвимость человеческой жизни.

Аллегорическая передача информации традиционна для текстов церковно-религиозного стиля. Обращаются к такому способу раскрытия темы и авторы документальных текстов. Так, например, протоиерей Геннадий (Фаст) при выражении

мыслей о приходе далеких от христианской веры людей к ее пониманию и принятию пишет: *«Природная маслина расцветет после того, как все дикие ветви уже будут привиты. Все языческие народы будут приведены ко Христу, полное число язычников войдет в Его Царство»* [Геннадий (Фаст), протоиерей 2014]. Маслина в библейской традиции является «символом неизменного благочестия и Божия благословения», «эмблемой мира и обновления», а под дикой маслиной «разумеются язычники, которые по благодати Божией, через привитие к истинной маслине – Христу, становятся истинными членами Церкви Христовой» [Никифор (Бажанов), архимандрит 2016: 326]. Раскрывая смысл аллегории, автор стремится вселить надежду на то, что созидающие и благотворные идеи христианства дойдут до всех народов.

Отличительной чертой документальных церковно-религиозных текстов выступает и религиозно-христианская интертекстуальность (преимущественно библейская и святоотеческая), признаком которой является соотнесенность духовных писем через цитаты, аллюзии и реминисценции с Ветхим Заветом, Евангелиями, Деяниями и Посланиями апостолов, произведениями святоотеческой литературы, Псалтирью, житиями и написанными представителями разных народов Ближнего Востока, Западной и Восточной Европы молитвами. Приведем ряд примеров. Из воспоминаний архимандрита Иова (Гумерова): *«Мы с матушкой старались держаться правила: родители не должны ссориться, особенно в присутствии детей. Они должны ясно понимать, что самая большая драгоценность в доме – мир. Через все священные библейские книги подходит мысль о мире как о великом и желанном благе, которое дарует Бог тем, кто живет по Его заповедям: **Велик мир у любящих закон Твой, и нет им преткновения (Пс. 118, 165)**»* [Иов (Гумеров), архимандрит 2018: 204].

В основном в документальных церковно-религиозных текстах интертекстемы выполняют аргументативную, дидакти-

ческую и эстетическую функции, что наблюдается в примере из воспоминаний архимандрита Иова. Однако в дневниках цитаты и реминисценции из Библии и святоотеческих произведений часто используются в ауторефлексивной функции. С помощью интертекстом, обращаясь к Евангелиям, посланиям апостолов и другим священным текстам, писатели анализируют свои мысли, действия, особенности поведения, происходящее в окружающей действительности, размышляют о том, что необходимо делать для нравственного, духовного, социального исправления, соотносят свою жизнь с евангельскими заповедями, правилами, написанными святыми отцами: «...сказано в одном псалме: **«Виждь смирение и труд мой и остави вся грехи моя»**. Так сказал пророк Давид потому, что истинное смирение никогда не бывает без труда» [Дневник послушника Никона Беляева...2004: 138].

Молитвенность, под которой нами понимается насыщенность речи молитвами / фрагментами молитв делает документальные церковно-религиозные тексты уникальными, в особой степени отличающимися от светских документальных текстов. Покажем это на примерах. Из письма игумена Никона (Воробьева): *«Если поглубже всмотреться в себя, то каждый от всего сердца должен будет сказать слова утренней молитвы: **«Боже, очисти мя грешного, яко николи же... сотворих благое пред Тобою»*** [Никон (Воробьев), игумен 2015: 94]. Из дневника иеромонаха Никона (Беляева): *«Что спасло мытаря? Конечно, это сознание своей греховности: **Боже, милостив буди мне, грешнику**. Вот эта молитва, которая прошла уже почти два тысячелетия. Но смотрите: мытарь сознает себя грешным, но в то же время надеется на милость Божию»* [Дневник послушника Никона Беляева...2004: 132].

Из воспоминаний митрополита Вениамина (Федченкова): *«Тут же истово перекрестился, произнося молитву Иисусову. **«Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешнаго»**. <...> После я и на своем, и на чужом опыте много раз*

проверял, что употребление имени Божия творит чудеса даже в мелочах» [Вениамин (Федченков), митрополит 2011: 30].

Отметим, что термин молитвенность в настоящее время начинает активно использоваться в различных сферах гуманитарного знания, в частности он встречается в культурологических работах [Недогонова 2007], искусствоведческих работах [Черевань 1998], филологических работах [Ермакова 2004].

Духовно-христианская ауторефлексивность, в основе которой лежит внутренний диалог автора с самим собой по вопросам христианской веры, анализ собственных поступков и мыслей в отношении к основным христианским нормам и обычаям, извлечение уроков из различных жизненных ситуаций с опорой на Евангелие и труды святых отцов, в основном свойственны духовным дневникам, однако компоненты текста, включающие духовно-христианскую ауторефлексию, встречаются и в духовных воспоминаниях, и в духовных письмах. Приведем примеры. Из дневника иеромонаха Никона (Беляева): *«Вчера я высказал мысль, что главный признак духовной жизни есть стремление к познанию истины. Я вдруг усомнился: а может быть, это не так? Но подумали вижу, что сказал вчера правду»* [Дневник послушника Никона Беляева...2004: 10].

Из воспоминаний митрополита Вениамина (Федченкова): *«Я все винил другого, а не себя. И только чем дальше, тем больше раскрывалось «великое развращение» души моей, как поет царь. Не говоря уже о «тайных моих». И постепенно приходил я к опытному выводу: один Господь – «твердыня моя и Избавитель мой». Не так я думал о себе раньше ...И еще более стал мне понятным ирмос 6-го гласа, который не раз напевал мне о. Исидор старческим голосом»* [Вениамин (Федченков), митрополит 2011: 46].

Из письма схиигумена Иоанна (Алексеева): *«Когда мы подвержены страстям – говорю о душевных – самомнения, тщеславия, гнева, лукавства и бесовской гордости – то под влиянием этих страстей, думается нам, что все люди виноват*

ты и не хороши. Однако, мы не имеем такой заповеди, чтобы требовать от других любовь и справедливость, а сами обязаны исполнять заповедь о любви и быть справедливыми» [схиигумен Иоанн (Алексеев) 2014: 185].

Активное использование религионимов свойственно всем документальным церковно-религиозным жанрам. В изобразительной, характерологической, эмотивной, оценочной, прескриптивной, синдикативной, смыслообразующей, аксиологической, текстообразующей, номинативной, экспланторной функциях часто используются такие религионимы: теонимы; библионимы; агиоантропонимы; иконимы; экклезионимы; наименования ангелов; наименования библейских событий; наименования евангельских героев; языковые единицы, обозначающие христианские тексты; наименования христианских таинств; языковые единицы, относящиеся к корпусу православной лексики духовно-нравственного содержания.

Из письма архимандрита Саввы (Мажуко): *«Впервые устав **Пассии** был зафиксирован в издании **Цветной Триоди 1702 года**, отпечатанной в **Киево-Печерской лавре**. Этот устав описывал чин совершения **Пассии** в некоторых **монастырях** и **соборных храмах**. Служили **Пассию** на **малых повечериях** на **вечернем богослужении по пятницам**»* [Савва (Мажуко), архимандрит 2019: 63].

Из дневника иеромонаха Никона (Беляева): *«**Батюшка** оба раза упоминал о книгах и указывал почти одни и те же книги: **аввы Дорофея, Феодора Студита, «Лествицу», Варсануфия и Иоанна, Игнатия Брянчанинова, Отчник** и другие, которые я не упомянул»* [Дневник послушника Никона Беляева... 2004: 154]. Из воспоминаний митрополита Вениамина (Федченкова): *«Когда я зашел к ним в комнату, в углу перед **иконой Божией Матери** я увидел зажженную **лампаду**»* [Вениамин (Федченков), митрополит 2011: 55].

Вербальное проявление принципов теоцентризма, христоцентризма, эсхатологизма, провиденциализма и сотериологизма

характерно для всех документальных церковно-религиозных текстов. Теоцентризм (принцип, согласно которому «Бог выступает в качестве истока бытия всего сущего и воспринимается в качестве уникального основания всех метафизических сущностей и жизненных смыслов» [Душин 2005]) и христоцентризм (принцип, заключающийся в следовании идеалу Иисуса Христа) проявляют себя в размышлениях о христианской вере, предназначении человека, цели человеческой жизни и других частях текстов. Приведем пример: *«Вы пишете, чтобы наставить вас, как бороться с собой. Как образец для подражания Христос дал нам Себя и сказал: "Образ дах вам"» (Ин. 13: 15)* [Серафим (Романцов), схиархимандрит 2006: 52–53].

Провиденциализм (понимание происходящих событий как действия Промысла Божия) становится одним из ведущих принципов смыслосозидания. Приведем пример реализации этого принципа: *«Промысел Божий охраняет всю нашу жизнь... иногда бывают особые случаи. Иному они покажутся обыкновенными историями. Но мы считаем их делом Божественного промысла...»* [Вениамин (Федченков), митрополит 2011: 62].

Эсхатологизм (отношение к миру, связанное с представлениями о конечных судьбах мира и человека, бытия после земной жизни) проявляет себя в основном в рассуждениях о спасении души: *«О получении же спасения читаем в Евангелии, что оно приобретается тесным и прискорбным путем, и входим мы в Царствие Небесное узкими дверьми»* [Серафим (Романцов), схиархимандрит 2006: 44].

Сотериологизм (представление о том, что главная цель человека есть спасение души) наиболее последовательно представляется в духовных письмах, особенно в советах церковных писателей своим ученикам: *«Спасайтесь и твердо верьте, что Господь призвал вас на спасение, а не на погибель»* [Макарий (Невский), митрополит 1999: 158].

Исихастское наполнение различных смысловых частей документальных церковно-религиозных текстов, существенным

образом отличающее их от любых документальных текстов, бытующих в публицистическом и иных пространствах, обнаруживает себя в использовании специальной лексики исихазма – слов и устойчивых сверхсловных единиц, обслуживающих предметную область исихазма (*обожение, трезвение, созерцание, Иисусова молитва, сокрушение сердца, прилог, богомыслие* и др.). Приведем пример использования таких языковых единиц: «...при нападении страстей и при всяких **прилогах** вражьих, в болезнях, в скорбях, в бедах и напастях, во всех трудностях жизни говорите: «Все для меня – Господь... Он – сила моя!» [Серафим (Романцов), схиархимандрит 2006: 49]. Прилог, понимаемый как «представление какого-нибудь предмета или действия, соответствующих одной из порочных наклонностей природы человека, которое или под влиянием внешних чувств, или вследствие своей связи с психологической работой памяти и воображения по законам ассоциации входит в сферу сознания человека» [Зарин 1904: 662], становится одним из центральных понятий исихазма. Поскольку главной целью христианина является спасение души, а на пути его достижения христианин должен проявлять духовное бодрствование, то есть трезвиться, слово трезвение и однокоренные с ним становятся весьма значимыми с точки зрения смыслообразования, особенно в духовных письмах. Обратимся к примерам: «Нет сомнения, что трудно там хранить чистым сердце свое и содержать **трезвенный ум**, потому что соблазны отовсюду окружают вас» [Серафим (Романцов), схиархимандрит 2006: 31]; «Напротив того, человек постящийся, так сказать, **отрезвляется**, совершенствуется нравственно» [Дневник послушника Никона Беляева...2004: 8].

В заключение отметим, что русская церковно-религиозная документальная литература только начинает изучаться, в настоящее время пока не создана система ее жанров, не в полной мере описаны языковые особенности, ее значение для развития русской словесности представлено лишь схематично, рассмотрен-

ные нами жанры не вписаны в систему жанров церковно-религиозного стиля; сказанное позволяет утверждать, что перспективы изучения духовных воспоминаний, писем, дневников и других подобных текстов весьма широкие.

Библиографический список

Аверинцев С. С. Собрание сочинений / Под ред. Н. П. Аверинцевой и К. Б. Сигова. София – Логос. Словарь. К.: ДУХ и ЛІТЕРА, 2006. 912 с.

Вениамин (Федченков), митрополит. Промысл Божий в моей жизни. С.-Пб: Сатись, 2011. 63 с.

Геннадий (Фаст), протоиерей. С Библией в руках по Святой Земле. Богословские заметки русского паломничества. М.: Никея, 2014. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Gennadij_Fast/s-biblej-v-rukah-posvjatoj-zemle-bogoslovskie-zametki-russkogo-palomnichestva/

Гинзбург Л. Я. О психологической прозе. О литературном герое. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. 704 с.

Глубоковский Н. Н. Библейский словарь. Сергиев Посад – Джорданвилль: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2007. 864 с.

Димитрий (Конюхов), протоиерей. Возникновение исихастской педагогики // Вестник русской христианской гуманитарной академии. 2012. Т. 13. Вып. 3. С. 213–221.

Дневник послушника Никона Беляева (преподобного оптинского старца Никона). М., 2004. 462 с.

Душин О. Э. История культуры. Культура европейского Средневековья: уч. пособие. 2005. URL: <https://web.archive.org/web/20160617165131/http://www.spho.ru/library/58>

Ермакова Г. А. Эстетические основы художественного мира Г. Н. Айги: дис. ... д-ра филол. наук. Чебоксары, 2004. 418 с.

Замалеев А. Ф. Идеи и направления отечественного любомудрия. Лекции. Статьи. Критика. СПб.: Издательско-торговый дом «Летний сад», 2003. 212 с.

Зарин С. М. Значение страстей в духовной жизни, их сущность и главные моменты развития, по учению свв. отцов-аскетов // Христианское чтение. 1904. № 5. С. 660–669.

Иоанн (Алексеев), схиизумен. Письма о духовной жизни. Сергиев Посад: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2014. 656 с.

Иоанн (Снычев), митрополит. Наука смирения. Письма монашествующим. СПб.: «Царское Дело», 2015. 464 с.

Иов (Гумеров), архимандрит. Тихие воды последней пристани: Книга воспоминаний. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2018. 416 с.

Колобаев П. А. Христианская идея терпения и ее языковая репрезентация в духовных воспоминаниях митрополита Вениamina (Федченкова) // Казанская наука. 2022. № 2. С. 54–58.

Лихачев Д. С. Некоторые задачи изучения второго южнославянского влияния в России. М., 1958. 68 с.

Макарий (Невский), митрополит. Письма к духовной дочери. М., 1999. 190 с.

Мельникова С. В. Духовная проза Сибири: дневники архиепископа Герасима (Г. И. Добросердова) // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 346. С. 29–35.

Местергази Е. Г. Литература нон-фикшн / non-fiction: Экспериментальная энциклопедия. Русская версия. М.: Совпадение, 2007. 327 с.

Местергази Е. Г. Художественная словесность и реальность (документальное начало в отечественной литературе XX века): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2008. 50 с.

Недогонова В. В. Православная певческая культура Восточного Забайкалья: истоки и развитие: дис. ... канд. культурологии. Чита, 2007. 141 с.

Никон (Воробьев), игумен. Письма о духовной жизни / сост., предисл. А. И. Осипова. М.: Благовест, 2015. 576 с.

Никифор (Бажанов), архимандрит. Иллюстрированная библейская энциклопедия. М.: Эксмо, 2016. 640 с.

Павлова А. В. Принципы создания образа духовного подвижника в «Воспоминании об архимандрите Макарии, игумене русского монастыря святого Пантелеймона на горе Афонской» (1889) К. Н. Леонтьева // Вестник государственного гуманитарно-технологического университета. 2023. № 1. С. 154–161.

Постовалова В. И. Теолингвистика в современном гуманитарном познании: истоки, основные идеи и направления // Научно-педагогический журнал Восточной Сибири «MagisterDixit». 2012в. № 4. С. 54–101.

Русская философия: Словарь / Под общ. ред. М. А. Маслина. М.: Республика, 1995. 655 с.

Савва (Мажуко), архимандрит. Неизбежность Пасхи. Великопостные письма. М.: Никея, Православие и мир, 2019. 336 с.

Серафим (Романцов), схиархимандрит. Духовные письма. К.: Киево-Печерская Успенская Лавра, 2006. 56 с.

Скурат К. Е. Сотериология святого Афанасия Великого: дис. ... маг. богословия. М., 1970. 748 с.

Смирнов Е. С., Колобаев П. А. Интертекстуальность и особенности ее реализации в речевом жанре «духовный дневник» (на материале текстов протопресвитера А. Шмемана): теолингвистический аспект // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15. № 12. С. 3886–3891.

Смолина А. Н. Духовный эпистолярный русский православного монашества XX – начала XXI века: типология жанровых форм, их риторико-стилистическая организация, речевой этикет: дис. ... д-ра филол. наук. Красноярск, 2021. 569 с.

Смолина А. Н. Модель описания речевого жанра «духовный дневник»: основные параметры и воплощение (стилистика и теолингвистический аспекты) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15. № 3. С. 800–811.

Смолина А. Н. Духовный дневник протоиерея Геннадия Фаста «С Библией в руках по Святой Земле...»: опыт теолингвистического анализа // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования: сб. науч. ст. по материалам VII Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 24–25 марта 2023 г.) / под ред. канд. пед. наук, проф. Г. И. Канакиной; д-ра филол. наук, доц. И. Г. Родионовой. Пенза: Изд-во ПГУ, 2023. С. 109–117.

Токарева М. С. Ведение духовных дневников в XIX–XX веках – католическая и православная традиции // Научные исследования и разработки 2023: гуманитарные и социальные науки: сборник материалов XVIII-ой международной очно-заочной научно-практической конференции, 8 февраля, 2023, М.: Изд-во НИЦ «Империя», 2023. С. 77–80.

Черевань С. В. «Сказание о Невидимом граде Китеже и деве Февронии» Н. А. Римского-Корсакова в философском контексте эпохи: дис. ... канд. искусствоведения. Новосибирск, 1998. 177 с.

Чернакова Е. Е. Интертекстуальные включения в русской духовной мемуарной культуре: типология и функции (на материале духовных воспоминаний Иова (Гумерова) «Тихие воды последней пристани») // Риторика. Лингвистика. 2023. № 18. С. 105–119.

A. С. Черноусова

*Пермский государственный национальный
исследовательский университет, г. Пермь, Россия
к.филол.н., доцент кафедры русского языка и стилистики*

V. K. Шнейдер

*Пермский государственный национальный
исследовательский университет, г. Пермь, Россия
студентка филологического факультета*

Anastasiia S. Chernousova

*Perm State National Research University, Perm, Russia
Ph.D., Associate Professor of the Department of
Russian Language and Stylistics*

Vera K. Shneider

*Perm State National Research University, Perm, Russia
Student of the Faculty of Philology*

АББРЕВИАТУРЫ В ТЕКСТАХ СОВРЕМЕННЫХ СМИ: СТРУКТУРНЫЕ И ТЕМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

ABBREVIATIONS IN MODERN MEDIA TEXTS: STRUCTURAL AND THEMATIC FEATURES

Аннотация. В статье анализируются особенности структуры сокращений, используемых в СМИ; предлагается их тематическая классификация; определяется специфика использования аббревиатур в различных композиционных частях современного публицистического текста. Актуальность исследования состоит в том, что рассмотрены активные процессы современного словообразования и выявлены новые тенденции в сфере аббревиации, проявляющей высокую продуктивность в текстах современных СМИ, для которых характерно компрессионное словообразование.

Ключевые слова: аббревиатура; способ аббревиации; структурная типология сокращений; тематическая классификация; средства массовой информации.

Abstract. The article analyzes the features of the structure of abbreviations used in the media; their thematic classification is proposed; the specifics of the use of abbreviations in various compositional parts of a modern journalistic text are determined. The relevance of the study lies in the fact that the active processes of modern word formation are considered and new trends in the field of abbreviation, which shows high productivity in the texts of modern media, which are characterized by compressive word formation, are identified.

Keywords: abbreviation; method of abbreviation; structural typology of abbreviations; thematic classification; mass media.

Рассмотрение такого лингвистического явления, как аббревиация, определяется интересом к активным процессам, происходящим в лексической системе языка и в современном словообразовании. Словообразовательный потенциал аббревиатуры, использование данных единиц в текстах различных дискурсов делает эти единицы привлекательными для собственно лингвистических, лингвостилистических, социолингвистических, психологических, лингвокультурологических научных изысканий. Аббревиатура является примером продуктивного компрессивного словообразования и проявляет высокую продуктивность в современной речи, в том числе в средствах массовой информации.

СМИ – сфера, которая быстро реагирует на актуальные события, происходящие в мире, нацелена на широкий охват аудитории, поэтому журналисты пытаются найти нетривиальные способы передачи информации для привлечения внимания слушателей и/или читателей. Слова-аббревиатуры являются одним из таких способов.

Предметом научного интереса в настоящем исследовании явилась аббревиация как один из продуктивных способов словообразования в русском языке; были рассмотрены аббревиату-

ры современных СМИ с точки зрения особенностей структуры, актуальных тематических сфер и частотности употребления в различных частях публицистического текста.

Материалом исследования послужили аббревиатуры в количестве 130 единиц. Основным источником материала стали интернет-порталы популярных в России СМИ: «РБК», «Ведомости», «ТАСС», «Газета.RU» и «Интерфакс».

Аббревиатура в контексте разных исследований определяется по-разному. Е. С. Кубрякова понимает под аббревиацией «процесс создания единиц, являющихся вторичной номинацией, но имеющих статус слова, который состоит в усечении любых линейных частей источника мотивации и который приводит в результате к появлению такого слова, которое в своей форме отражает какую-либо часть или части компонентов исходной единицы» [Кубрякова 1981: 71].

Словарь лингвистических терминов приводит следующее объяснение: «Аббревиатура – это сокращение, употребляемое в устной и письменной речи» [ЛЭС 1990: 20]. Подробную информацию можно найти в академической грамматике, в которой под аббревиатурой понимаются существительные, «состоящие из усеченных отрезков слов, входящих в синонимичное словосочетание, последний из которых (опорный компонент) может быть целым, неусеченным словом» [Русская академическая грамматика 1980: 252].

О. С. Ахманова понимает аббревиатуру как «сложносокращенное слово, состоящее из сокращенных начальных элементов определенного словосочетания» [Ахманова 2016: 27]. Похожей трактовки придерживается и Д. Э. Розенталь, добавляя лишь, что аббревиатура может состоять не только из первых букв слов, но и звуков: «Слово, образованное из названий начальных букв или из начальных звуков слов, входящих в исходное словосочетание» [Розенталь 1976: 9]. В. Н. Ярцева в лингвистическом энциклопедическом словаре уточняет, что аббревиатура обычно принадлежит к имени существительному.

Кроме того, упоминается, что последний компонент аббревиатуры может быть целым (неусечённым) словом [ЛЭС 1990: 20].

В контексте нашего исследования трактовка, данная Д. Э. Розенталем, является наиболее исчерпывающей, поэтому в дальнейшем мы будем придерживаться её.

Аббревиатуры являются частью лексического уровня языка, подобно другим единицам, сложносокращённые слова выполняют ряд функций как в устной, так и в письменной речи.

В первую очередь, аббревиатура заменяет слово, поэтому одна из важнейших её функций – *номинативная*. Сложносокращённые слова называют предметы и явления действительности. Учёные заметили, что аббревиатуры чаще всего называют государственные учреждения или органы власти, учебные заведения и должности.

Вторая, не менее важная функция, это непосредственно *сокращение*, усечение исходной лексической единицы. Д. И. Алексеев отмечает, что «аббревиатура предусматривает обязательное обобщение указанной информации и её сжатие, её конденсацию» [Алексеев 1979: 212]. Однако может произойти и обратное явление, в случае если аббревиатура не благозвучна и имеет большое количество букв или звуков. Так чаще всего происходит с образованием аббревиатур от каких-либо технических терминов или наименований, понятных только узкому кругу лиц. В данной ситуации аббревиатура служит неким «маркером», показателем сложности и выполняет дейктическую или отсылочную функцию.

Нередко аббревиатуры выступают как элемент языковой игры, тем самым выполняя *экспрессивную* функцию. Для привлечения читателей и увеличения просмотров журналисты используют яркие заголовки, в состав которых входят изменённые аббревиатуры, связанные с основной темой публикации. Есть несколько способов экспрессивного использования аббревиатур. Самым используемым является псевдомотивация – это обыгрывание отаббревиатурных производных путём выделения иници-

альной аббревиатуры в общеупотребительном слове: например, *Нефть под ОПЕКой, Нет СПАСЕня от Эстонии, Как УКрасть миллион.*

Более сложный приём – контаминация. Это образование нового слова с помощью соединения аббревиатуры и слова. При контаминации чаще всего нарушаются орфографические нормы. Так, в заголовке «*Шпион НАТО*» [Версия 2016, №14] мы можем заметить слово «шпионаж», при этом выделенная аббревиатура **НАТО** указывает на связь этих лексических единиц.

Результатом исследования стали следующие выводы. Начнем с описания **структурных особенностей** аббревиатур. Анализ аббревиатур показал, что 95,4 % сложносокращённых слов, употребляемых в текстах СМИ, относятся к *инициальному* типу. Из них 27,6 % – звуковые, буквенные – 64 % и буквенно-звуковые – 2,3 %. Аббревиатуры, в которых первый компонент представлен в виде сокращённой основы, а второй в виде полной составляют 3,07 %, слоговые аббревиатуры – 2,3 %.

Приведём примеры из отобранных нами аббревиатур:

1. Инициальные аббревиатуры.

А) Буквенные: **МТС** – *Мобильные телекоммуникационные системы*. (МТС увеличила чистую квартальную прибыль в 3,3 раза до 12,7 млрд. рублей), «Интерфакс» 19.05.2023 г.

Б) Звуковые: **ГОК** – *Горно-обогатительный комбинат*. (В Якутии в 2023 году подготовят проектную документацию ликвидации хвостохранилища ГОК), «ТАСС» 22.05.2023 г.

В) Буквенно-звуковые: **ЦСКА** – *Центральный спортивный клуб армии*. («Краснодар» обратился в ЭСК РФС по итогам матча с ЦСКА), «Газета.RU» 30.05.2023 г.

2. Слоговые: **Компрос** – *комсомольский проспект*. (12 домов на Компросе отказываются от установки архитектурной подсветки), «РБК» 19.04.2023 г.

3) Аббревиатуры, в которых первый компонент – сокращённая основа, а второй – полная: **Медизделия** – *медицинские*

изделия. (Ущерб от закупки 757 тыс. фейковых медизделий оценён в 71,7 млн. рублей), «РБК» 21.05.2023 г.

Помимо аббревиатур, которые прочно вошли в язык СМИ и употребляются постоянно, в новостных текстах есть и временные сложносокращённые слова. Например, во время проведения Петербургского экономического форума в статьях стала появляться аббревиатура **ПФЭМ**, употребляемая только на время проведения мероприятия. Примеров таких аббревиатур, ранее неизвестных широкому кругу читателей, достаточно много:

– Аббревиатура **ММКФ** используется в заголовках статей каждый год во время проведения кинофестиваля, с конца августа по начало сентября.

– Сокращённое название аппарата **ИВЛ** (искусственной вентиляции лёгких) повсеместно употреблялось в статьях во время пандемии коронавирусной инфекции.

– **ЦИК** – центральная избирательная комиссия чаще употребляется только в период выборов.

Соотношение аббревиатур, различных по структуре, наглядно представлено на рис.:

Аббревиатуры в СМИ по производящей основе

Рис. Соотношение аббревиатур в текстах СМИ по производящей основе

Библиографический список

Алексеев Д. И. Сокращенные слова в русском языке // Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1979. 328 с.

Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Либроком, 2016. 571 с.

Кубрякова Е. С. Типы языковых значений. М.: Наука, 1981. 200 с.

Лингвистический энциклопедический словарь / [Науч.-ред. совет изд-ва «Сов. энцикл.», Ин-т языкознания АН СССР]; Гл. ред. В. Н. Ярцева. Москва: Сов. энцикл., 1990. 682 с.

Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. М.: Просвещение, 1976. 544 с.

Русская грамматика. В 2-х т. / Редкол.: Н. Ю. Шведова (гл. ред.) и др.]. М.: Наука, 1980. Т. 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. 783 с.

Словарь лингвистических терминов / Под ред. О. С. Ахмановой. 2-е изд., стер. М.: УРСС, 2010. 569 с.

Я. А. Чиговская-Назарова

*Глазовский инженерно-педагогический
университет им. В. Г. Короленко, г. Глазов, Россия
к.филол.н., ректор, доцент кафедры
русского языка и литературы*

Л. А. Калинина

*Глазовский инженерно-педагогический
университет им. В. Г. Короленко, г. Глазов, Россия
к.филол.н., доцент кафедры русского языка и литературы*

Yanina A. Chigovskaya-Nazarova

*Glazov Engineering and Pedagogical
University named after V.G. Korolenko, Glazov, Russia
Ph.D., Rector, Associate Professor of the Department of
Russian Language and Literature*

Lyubov A. Kalinina

*Glazov Engineering and Pedagogical
University named after V.G. Korolenko, Glazov, Russia
Ph.D., Associate Professor of the Department of
Russian Language and Literature*

**ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ
ХАРАКТЕРИСТИКА ГЛАГОЛОВ
ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
В РУССКОМ ЯЗЫКЕ**

**FUNCTIONAL AND SEMANTIC CHARACTERISTICS
OF VERBS OF PROFESSIONAL AND LABOR ACTIVITY
IN THE RUSSIAN LANGUAGE**

Аннотация. В статье рассматриваются глаголы профессионально-трудовой деятельности, характеризующие значимую сторону жизни человека. Предпринята попытка распределить глаголы в соответствии с отраслями деятельности человека, определить положение

субъекта в системе отношений, дать функционально-семантический анализ глаголов.

Ключевые слова: концепт, глагол, доминанта, модель предложения, функционально-семантическая характеристика, антропологический подход.

Abstract. The article examines the verbs of professional and labor activity that characterize the significant side of human life. An attempt has been made to distribute verbs in accordance with the branches of human activity, to determine the position of the subject in the system of relations, to give a functional and semantic analysis of verbs.

Keywords: concept, verb, dominant, sentence model, functional and semantic characteristics, anthropological approach.

Понятие «труд» в русской культуре традиционно воспринимается как общечеловеческая, утилитарно-практическая ценность, что находит отражение в народной мудрости, фольклорных и художественных классических произведениях. Л. Б. Басова в исследовании «Концепт ТРУД в русском языке» отметила следующие особенности отношения к труду русского человека:

1. Труд – это жизнь, существование человека.
2. Труд постоянно присутствует в жизни.
3. К труду нужно относиться ответственно.
4. Труд приносит моральное удовлетворение.
5. Результат работы окупит приложенные усилия.
6. Труженики достойны уважения в обществе.

В связи с этим неслучайно слово «труд» и производные от него лексемы имеют большое количество синонимов.

Интерес представляют глаголы профессионально-трудовой деятельности в аспекте социальной активности субъекта. Опираясь на исследования И. В. Азаровой и А. А. Ушаковой, выделим следующие основные подгруппы:

1) глаголы с общей семантикой профессионально-трудовой деятельности, например, *работать*, *трудиться* и др.;

2) глаголы деятельности, направленной на создание сложного объекта, центральным среди которых является глагол *создавать*;

3) глаголы руководящей и контролирующей деятельности, доминантные глаголы – *руководить, контролировать, проверять*;

4) глаголы обучения, воспитания и познания – *учить, исследовать*;

5) глаголы занятия, центральным глаголом является *заниматься*;

6) глаголы противостояния, основу составляет глагол *бороться*;

7) глаголы защиты объекта, доминантным является *охранять*.

Рассмотрим каждую подгруппу.

Группа глаголов с общей семантикой профессионально-трудовой деятельности включает лексемы *работать, трудиться, служить, батрачить, вкалывать, пахать* и др. Центральным глаголом данной группы признается глагол *работать*. Он в наиболее чистом виде передает значение трудовой деятельности в профессиональной сфере. Субъект – любое лицо, которое выполняет определенный вид деятельности. При этом вид деятельности также обычно обозначен в модели предложения – либо при указании должности («кто работает кем»), либо при указании места работы («кто работает где»).

В синонимический ряд с ним входят глаголы *трудиться, служить, батрачить, пахать, вкалывать* и другие стилистические и семантико-стилистические синонимы (всего 149 синонимов).

Глагол *трудиться* содержит сему «прилагать значительные усилия» и обычно используется в том случае, когда нужно подчеркнуть интенсивность выполнения работы. В отношении профессий данный глагол связывается, как правило, с физической работой, требующей напряжения.

В семантике глагола *служить* подчеркнута целевая установка, направленность на адресата: это не просто выполнение работы, а выполнение ради кого-либо, во имя высокой цели. В то же время глагол содержит указание на несвободу субъекта, его подчиненности интересам других людей (или идее). В данной лексеме социальный аспект профессиональной деятельности подчеркнут ярче, чем в словах *работать* и *трудиться*. Субъект в иерархической системе находится ниже, чем объект, при этом выполняет работу, осознавая необходимость такого труда.

Похожей семантикой обладают глаголы *батрачить*, *пахать*, *вкалывать*: в них также подчеркнута идея подчинения, причем полной самоотдачи в работе – не щадя сил. Однако они не содержат семы осознания цели, смысла труда. Кроме того, слова имеют пейоративную стилистическую окраску и носят разговорный, сниженный характер.

Таким образом, глаголы с общей семантикой профессионально-трудовой деятельности употребительны в русском языке, являются базовыми при обозначении деятельности лица.

Следующая рассматриваемая нами группа глаголов – глаголы деятельности, направленной на создание сложного объекта, т.е. связанные со сферой «Искусство, культура». Среди слов данной группы отметим лексемы *создавать*, *творить*, *строить*, *писать*, *ставить*, *снимать*, *репетировать*. Все слова данной группы объединяет цель – создание конечного продукта. В качестве объекта может выступать любое произведение как результат приложенных усилий. Центральным глаголом данной группы является глагол *создавать*. Он в наиболее общем виде содержит сему процесса «творения». При этом в качестве субъекта может выступать любое лицо (лица), без указания на род деятельности, а объектом признается любой объект, как материальный, так и интеллектуальный. Наиболее близкими синонимами глаголу *создавать* являются глаголы *делать*, *выполнять*, *творить*. Модель предложения обусловлена лексико-граммати-

ческими характеристиками слова, в частности переходностью глагола: «кто создает что».

В лексеме *творить* сделан акцент на творческой составляющей процесса, в качестве объекта в значении слова указаны «материальные или духовные ценности». Учитывая данные характеристики, можно сделать вывод об особенностях представления субъекта: это лицо (лица), обладающее развитым воображением и творчески подходящее к процессу создания продукта. Синонимами глаголу *творить* являются *делать*, *создавать*. Синтагматические связи глагола определяются двумя моделями: «кто творит» (если глагол в контексте употреблен как непереходный), «кто творит что» (если глагол употреблен как переходный).

Слово *строить* содержит информацию об объекте, в качестве которого выступают здания, сооружения. Вследствие того, что объект определен, круг лиц, могущих считаться субъектами, обозначается тоже довольно четко: это лица, по профессии связанные со строительством. Глагол *строить* входит в синонимический ряд со словами *воздвигать*, *создавать*. Предложения в основе имеют модель «кто строит что».

В семантике глагола *писать* подчеркивается письменная форма создания и существования объекта. Объектом может быть литературное, научное, музыкальное произведение, а также произведение изобразительного искусства. В качестве субъекта выступает лицо (лица), обладающее способностями к созданию продукта творчества, возможно профессионально связанное с этой сферой деятельности или имеющее его в качестве хобби: писатель, поэт, журналист, ученый, композитор, художник. Слово *писать* образует синонимический ряд с глаголами *создавать*, *сочинять*. Модель предложения обусловлена лексико-грамматическими характеристиками слова, прежде всего, переходностью глагола: «кто пишет что».

К глаголам деятельности, направленной на создание сложного объекта, относится также слово *ставить* в значении

«осуществлять постановку на сцене». Субъект действия обозначен определенно: это лицо, которое по профессии связано с театром, со сценой (режиссер). Объект также заложен в значении глагола – «постановка», «спектакль», «опера», «оперетта» и т.д. Модель предложения включает три компонента: «кто ставит что».

Семантика глагола *снимать* в значении «запечатлеть что-либо (или кого-либо) на пленке» четко определяет объект воздействия, который имеет материальное выражение, воспринимается глазом, т.е. это должен быть визуальный предмет (лицо). В качестве субъекта может выступать лицо, для которого действие, обозначенное глаголом *снимать*, является (или не является) профессией. Предложение строится по схеме «кто снимает что/ кого» (оператор снимает сцену; фотограф снимает интерьер).

Глагол *репетировать* более точно определяет объект – он обозначен неодушевленным абстрактным существительным: репетировать можно роль, сцену и др. Семантика глагола реализуется в модели «кто репетирует что».

Таким образом, все глаголы деятельности, направленной на создание сложного объекта, характеризуются следующими особенностями:

1) в плане грамматики – являются переходными и поэтому реализуют свое значение в трехкомпонентной модели: «субъект – предикат – объект»;

2) в плане семантики – с той или иной степенью определенности заключают в себе существенные признаки объекта;

3) характеризуют субъект с точки зрения рода занятий (профессии).

Обратимся к следующей группе – к глаголам руководящей и контролирующей деятельности, относящимся к сфере деятельности «Госуправление, администрирование». В эту группу, помимо отмеченных нами доминантных глаголов *руководить*, *контролировать*, *проверять*, входят лексемы *управлять*, *заве-*

довать, командовать, царствовать, править. Глаголы данного типа употребительны, востребованы в обществе. Семантика глаголов предполагает наличие активного субъекта, находящегося иерархически выше объекта (предмета, лица), на которого распространяется его влияние, действие. Важно подчеркнуть, что функции руководства и контроля закреплены за субъектом в силу исполнения им профессиональных обязанностей. Это может быть начальник, директор, под руководством которого трудятся работники, орган, курирующий деятельность учреждений, находящихся в его ведомстве, учитель, руководящий работой учеников и др. В качестве объекта руководства, контроля выступают различные аспекты жизни человека, природных явлений, состояния живой и неживой природы, поведение человека, его действия и др. Подчеркнем важную особенность объекта – его способность к упорядоченности.

Глагол *руководить* имеет общую семантику управления и оказывается семантически очень емким, потому что вбирает в себя большое количество функций: направлять, упорядочивать, развивать, координировать, контролировать. Похожей характеристикой обладают синонимичные глаголы *управлять, заведовать*. Синтагматические связи данных глаголов реализуются в модели «кто руководит кем/чем», «кто управляет кем/чем», «кто заведует кем/чем».

В слове *командовать* подчеркнута внешняя сторона управления: субъект действия отдает команды, приказы и требует их исполнения. В качестве объекта выступает лицо или группа лиц, поэтому он бывает выражен не только одушевленным, но и неодушевленным существительным. Предложение строится по модели «кто командует кем/чем». В современном языке слово употребляется реже, чем глаголы *руководить, управлять* именно в силу узости значения.

Лексемы *царствовать* и *править* являются синонимами и менее употребительны, чем *командовать*, потому что используются обычно лишь в обиходно-разговорной речи с целью под-

черкнуть самовластный характер управления, хозяйствования, т.е. включают сему «власть» и не очень соотносятся с представлением о профессионально-трудовой деятельности человека (если только в качестве субъекта выступает не правитель, царь). Синтагматические связи проявляются в следующих моделях: «кто царствует/ правит», «кто царствует над чем/где», «кто правит чем/кем/где».

Синонимичные глаголы *контролировать*, *проверять*. Глагол *контролировать* включает сему зрительного восприятия, при этом предполагается, что объект динамичен, он может изменять свои параметры. Семантика его связана с восприятием, динамичным объектом наблюдения, понятием нормы, с которым соотносится состояние наблюдаемого объекта. В качестве субъекта выступает уполномоченное лицо (лица), у которого есть право осуществлять контроль. Глагол *проверять* также содержит в себе значение визуального установления качества работы объекта, соответствие требуемой норме. Субъектом может выступать то же лицо (те же лица), что и при глаголе *контролировать*. В качестве указания на профессионально-трудовую деятельность слово *контролировать* используется чаще, на что имеется указание в Словаре синонимов русского языка А. П. Евгеньевой: «Слово контролировать употребляется преимущественно в тех случаях, когда речь идет об официальной проверке работы, деятельности какого-либо должностного лица, учреждения, коллектива». Модель, по которой строятся предложения с данными глаголами, включает три компонента: «кто контролирует/проверяет кого/что».

Следующая подгруппа глаголов профессионально-трудовой деятельности связана со сферой «Образование». К ней относятся глаголы обучения, воспитания и познания *учить*, *учиться*, *обучать*, *обучаться*, *репетиторствовать*, *преподавать*, *исследовать*, *изучать*, *воспитывать*, *растить*, *пестовать*. Все представленные глаголы определяют субъектно-объектные отношения как иерархическую систему: субъект –

лицо (группа лиц), находящееся выше объекта воздействия в интеллектуальном (и ролевом) смысле. Субъектом при словах *учить, обучать, репетиторствовать, преподавать, воспитывать, растить, пестовать* может быть учитель, преподаватель, инструктор, мастер, инженер, воспитатель, куратор и т.д. При возвратных непереходных глаголах *учиться, обучаться* объект (лицо обучаемое) становится субъектом. Слова *исследовать, изучать* более определенно характеризуют объект – обычно неодушевленный предмет, требующий рассмотрения, разложения на части, элементы. Все рассматриваемые глаголы предполагают существование алгоритма, плана, в точном соответствии с которым осуществляется профессиональная деятельность и определяется содержание обучения.

Слово *учить* в наиболее общем виде определяет круг лиц, способных выступать в качестве субъекта действия. Это человек (люди), имеющие больше знаний и опыта, чем лицо, становящееся объектом воздействия. Глагол *учить* не является маркированным. В сопоставлении с ним слово *обучать* чаще всего используется в случаях, когда нужно подчеркнуть последовательность, систематичность или профессионализм в передаче кому-либо каких-либо знаний и навыков. Синтагматические связи глаголов проявляются в следующих трехчленных моделях: «кто учит кого», «кто обучает кого».

Глагол *репетиторствовать* обозначает «заниматься репетиторством, проводить индивидуальное обучение в дополнительное от основного время обучения». Важно отметить, что этот вид деятельности не имеет временных рамок обучения. В качестве субъекта выступает обычно одно лицо, имеющее твердые знания по предмету и способное донести информацию до обучающегося. Предложение строится по модели: «кто репетиторуствует». Объект, как правило, не отражается в структуре предложения.

В глаголе *преподавать* в большей степени отражается субъект – преподаватель, для которого профессионально-

трудовая деятельность связана с обучением. При этом в качестве прямого объекта обычно бывает заявлен предмет обучения, а не категория обучающихся: «кто преподает что» (профессор преподает русский язык), хотя категория слушателей тоже может быть обозначена: «кто преподает что кому» (профессор преподает русский язык студентам).

Глаголы *учиться*, *обучаться* выступают как семантические (идеографические) синонимы. Слово *учиться* указывает на приобретение последовательных, систематических общих знаний в какой-либо области. Глагол *обучаться* имеет специфику: он обычно употребляется в тех случаях, когда речь идет о приобретении профессиональных знаний, навыков. Модели, по которым строятся предложения, разнообразны: «кто учится/обучается на кого», «кто учится/обучается чему», «кто учится/обучается где». Все представленные схемы содержат указание на предметную, профессиональную область лица (лиц), выступающих в качестве субъекта. Однако в модели «кто учится/обучается на кого» ярче выражена сема, связанная с профессиональной сферой.

Глаголы *изучать* и *исследовать* также являются семантическими синонимами. Интегральными семами являются предмет – «научное рассмотрение» и цель – «познание». В то же время глагол *исследовать* подчеркивает большую углубленность изучения чего-либо, более тщательную проработку проблемы. Субъектом может выступать любое лицо – научный работник, исследователь, студент, учитель, ученик. Объект, как было указано выше, – любой сложный предмет, требующий рассмотрения, разложения на части, элементы. Синтагматические связи глаголов определяются в модели «кто изучает/исследует что».

Глаголы *воспитывать*, *растить* и *пестовать* связаны прежде всего с профессией воспитателя, няни, гувернера, учителя, тренера. Интегральными семами являются семы «забота», «развитие», «ребенок», «незрелый». Слово воспитывать в Со-

временном толковом словаре русского языка Т. Ф. Ефремовой определяется следующим образом: «растить детей, воздействуя на их умственное и физическое развитие, формируя их моральный облик, прививая им необходимые правила поведения». В определении подчеркиваются значения «воздействовать», «формировать», «прививать», объектом приложения сил является не столько лицо (ребенок), сколько его «моральный облик», «умственное развитие», «физическое развитие». В связи с этим синтагматические связи глагола реализуются в моделях «кто воспитывает кого», «кто воспитывает что в ком».

В словах *растить* и *пестовать* сема обучения отходит на второй план, уступая первое место заботе, уходу за ребенком. Предложения строятся по схеме «кто растит/ пестует кого».

Следующая группа глаголов относится к сфере деятельности «Правопорядок». К ним относятся глаголы противостояния *воевать*, *сражаться*, *бороться*, *биться*, *противоборствовать* и др. Они включаются в данную группу на основе интегральных семантических признаков «выступить против», «стараться воспрепятствовать осуществлению неблагоприятного воздействия».

Наиболее ярко принадлежность к профессии передает глагол *бороться*. В качестве субъекта может выступать лицо, относящееся к органам правопорядка, к органам внутренней и внешней обороны: сотрудник правоохранительных органов, военнослужащий. В значении слова *бороться* подчеркивается стремление одолеть, преодолеть что-либо, предусмотрено также указание на объект воздействия – лицо, против которого направлены боевые действия. Примечательно, что во многих глаголах данной группы имплицитно содержится объект, ради которого субъект вступает в противоборство. Предложения с данным глаголом строятся по моделям: «кто борется против кого/ чего», «кто борется с кем/чем», «кто борется за кого/ за что».

В глаголе *сражаться* заложено значение «воинственного характера» отношений между субъектом и объектом, дается более определенное указание на участие лица в военных действи-

ях, в сражениях, в бою. Синтагматические связи реализуются в моделях «кто сражается с кем/ чем», «кто сражается против кого/ чего», «кто сражается за кого/ за что».

Глаголы *воевать* и *биться* имеют более конкретное значение, указывая на непосредственное участие кого-либо в бою, сражении, обычно употребляются с усилительным значением, причем преимущественно в тех случаях, когда препятствия, преграды требуют особенно больших усилий для преодоления. Модели предложения используются те же, что у других глаголов данной группы: «кто воюет/ бьется с кем/ чем», «кто воюет/ бьется против кого/ чего», «кто воюет/ бьется за кого/ за что».

Глагол *противоборствовать* имеет тождественное слову бороться значение, но обладает особыми грамматическими свойствами, которые реализуются в единственной схеме «кто противоборствует кому/ чему».

К сфере деятельности «Правопорядок» относятся также глаголы защиты объекта. Это прежде всего глаголы *защищать*, *охранять*, *стеречь*, *сторожить*, *караулить*, *беречь*, *оберегать* и др. Поле защиты является более широким по семантическому объему, чем поле противостояния, потому что глаголы противостояния могут включаться в эту систему, быть компонентами поля защиты. Субъект действия при данных глаголах также оказывается более широко представленным: это не только сотрудник правоохранительных органов и военнослужащий, но и сторож, вахтер, консьерж, охранник. В качестве объекта защиты может выступать значительный по объему круг лиц и предметов: лицо (лица) или материальное или нематериальное имущество. Защищаемый объект представляет ценность и для субъекта действия, и для посягающего на него. Важно также, что объект нуждается в охране, так как самостоятельно защитить себя не может. Интересным представляется наблюдение исследователя А. М. Плотниковой: «Глагол *защитить* является ретроспективно направленным: защита всегда возникает как результат предшествующего ей нападения, враждебных или опасных действий

со стороны противника. Именно эта ретроспективная направленность детерминирует его полипропрозитивный характер».

Доминантным глаголом синонимического ряда является глагол *защищать*. Современный толковый словарь русского языка Т. Ф. Ефремовой определяет значение данного слова следующим образом: «охранять, оберегать от каких-либо враждебных действий, неблагоприятного, вредного воздействия, влияния». В семантике глагола отмечаются семы «оберегать», «враждебное действие». Синтагматические особенности реализуются в модели: «кто защищает кого/ что от кого/ чего».

Слово *охранять* означает следить за сохранностью объекта, его безопасностью, неприкосновенностью. В данном глаголе подчеркиваются компоненты пассивного действия – «наблюдать», «сохранность». Особенность глагола заключается также в том, что он имеет более общее значение, так как может указывать не только на пребывание вблизи охраняемого объекта, но и на какие-либо действия, мероприятия, связанные с охраной объекта от нападения, посягательств, враждебных действий и т.д. Предложение строится по схеме «кто охраняет кого/ что от кого/ чего».

Слова *стеречь*, *сторожить*, *караулить* имеют общее значение охранной деятельности. При этом в морфемном составе слова *сторожить* заложено указание на вид деятельности – исполнение обязанностей сторожа. Семантика слова *караулить* («стоять на страже, нести охрану, дежурство») также определяет профессиональную принадлежность субъекта – это сторож, охранник или дежурный. Особенности данных глаголов определяется тем, что субъект выполняет свои профессиональные обязанности независимо от того, имеется ли лицо, посягающее на охраняемый объект. Сочетаемостные возможности слов реализуются в модели: «кто стережет кого/ что», «кто сторожит кого/ что», «кто караулит кого/ что».

В глаголах *беречь*, *оберегать* заложено значение заботы о том, чтобы не причинялся какой-либо ущерб кому-нибудь или

чему-нибудь, чтобы оберегаемый объект правильно и спокойно существовал, жил, развивался. В семантике слова *оберегать* внимание направлено на защиту, ограждение от чего-либо враждебного. Поэтому синтагматика глагола *беречь* определяется двумя моделями: «кто бережет кого/ что», «кто бережет кого/ что от кого/ чего», а сочетаемостные возможности слова *оберегать* реализуются в одной модели: «кто оберегает кого/ что от кого/ чего».

Глаголы профессионально-трудовой деятельности определяют значимую сторону жизни человека. Как известно, профессиональная деятельность личности реализуется в определенных отраслях и сферах деятельности. В работе мы попытались распределить глаголы в соответствии с отраслями деятельности человека, определить положение субъекта в системе отношений, дать функционально-семантический анализ глаголов.

Изучение социальной лексики позволяет сделать выводы о том, как понимает человек свою роль в обществе, какие процессы, происходящие в современной жизни, являются актуальными, значимыми для него, какие аспекты социальной деятельности выделяются на данном этапе развития общества.

Библиографический список

Азарова И. В., Ушакова А. А. Анализ лексико-семантического поля глаголов деятельности для тезауруса RussNet // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Языкознание и литературоведение. 2007. Вып.1. Ч. 2. С. 331–340.

Басова Л. В. Концепт ТРУД в русском языке: автореф. дис... канд. филол. наук. Тюмень, 2001. 23 с.

Евгеньева А. П. Словарь синонимов русского языка. В 2-х т. Т.2. С. 278.

Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка. В 3 т. СПб: Астрель, 2006.

Плотникова А. М. Когнитивное моделирование лексического значения глагола (на материале глаголов социальных отношений) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. С.75.

III. ДИНАМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

УДК 81-25

Н. В. Боронникова

*Пермский государственный национальный
исследовательский университет, г. Пермь, Россия
к.филол.н., доцент кафедры теоретического и прикладного
языкознания*

П. М. Тультибаева

*Пермский государственный национальный
исследовательский университет, г. Пермь, Россия
студентка филологического факультета*

Natalia V. Boronnikova

*Perm State University, Perm, Russia
Ph.D., Associate Professor of the Department of Theoretical
and Applied Linguistics*

Polina M. Tultibaeva

*Perm State University, Perm, Russia
Student of the Faculty of Philology*

ЛИЧНАЯ СФЕРА ГОВОРЯЩЕГО В СПОНТАННЫХ ТЕКСТАХ ТАТАРОЯЗЫЧНЫХ БИЛИНГВОВ

PERSONAL SPHERE OF THE SPEAKER IN SPONTANEOUS TEXTS OF TATAR-SPEAKING BILINGUALS

Аннотация. Статья посвящена анализу личной сферы говорящего в русских спонтанных текстах татароязычных билингвов. Маркерами личного пространства являются показатели первого лица в именной и глагольной группе высказывания. Рассматриваются персональная, социальная и культурная составляющие личного пространства.

Ключевые слова: личное пространство, говорящий, персональный дейксис.

Abstract. The article is devoted to the analysis of the personal sphere of the speaker in Russian spontaneous texts of Tatar-speaking bilinguals. Markers of personal space are indicators of the first person in the nominal and verb groups of the sentence. Personal, social and cultural components of personal space are considered.

Keywords: personal space, speaker, personal deixis.

В статье рассматриваются маркеры личного пространства говорящего на материале русских спонтанных текстов билингвов-татар.

Под личным пространством понимается сфера, которую говорящий «присваивает», описывая окружающую действительность [см. Апресян 1997]. Это понятие тесным образом связано с представлением о субъективности членения мира, отраженной в языке, где точкой отсчета является говорящий. Структуру личного пространства организует дейктическая триада «я-здесь-сейчас» [Бюлер 1993]. Дейксис помещает сообщение в определенные пространственные, временные и социальные рамки, которые обеспечивают его связь с конкретной ситуацией.

Материалом для исследования послужили русские тексты татароязычных билингвов, взятые из звучащей хрестоматии «Русской спонтанной речи татароязычных билингвов Пермского края» (2012 г.). Информантами выступили 23 уроженца села Карьёво Ординского района Пермского края. Выборка информантов сбалансирована по полу, возрасту, образованию (среднее/ высшее), специальности (гуманитарное/ негуманитарное). Хрестоматия состоит из двух частей: тексты на тему «О себе» (23) и тексты на тему «Национальные традиции» (22).

Жанр автобиографии имеет четкую структуру. Количество блоков в текстах всех информантов примерно одинаково и включает микроблоки «Самопрезентация», «Учеба», «Работа», «Семья», «Хобби». Что касается нарративов о национальных традициях, то здесь наблюдается большее разнообразие: «Традиционные блюда», «Традиционные праздники», «Традицион-

ные обряды». Оба типа нарративов предполагают большое количество персонального дейксиса.

В качестве маркера личного пространства говорящего были выделены именные и глагольные группы, содержащие наиболее очевидные указатели персональности: личные и притяжательные местоимения первого лица, личные глагольные формы первого лица – поскольку именно первое лицо указывает на сферу «актуального говорящего» [Успенский 2012: 18]. Форма множественного числа предполагает «идею аккумуляции» (я+ты, я+он/она/они) [там же], поэтому зачастую позволяет выявить те объекты, которые говорящий включает в свою личную сферу.

Из текстов был выделен 191 пример с личными и притяжательными местоимениями первого лица в ед. и мн. ч. Мы рассматривали именные и глагольные синтагмы в расширенном контексте, поэтому в качестве примеров использования персонального дейксиса были выделены не единичные высказывания, а группы высказываний, относящиеся к одной микротеме: ***У меня двое сыновей. Они уже взрослые. Четыре внуки, один внук; Имеем двоих дочерей. Первому девятнадцать лет. А второму три года.***

При классификации материала мы разделили все полученные высказывания на три группы: «Личная сфера», «Социальная сфера», «Культура». В семантическое поле «Личная сфера» вошли высказывания информантов о себе, своей семье и родственниках, друзьях, предметах собственности, увлечениях. В семантическое поле «Социальная сфера» вошли высказывания о людях, с которыми информанты общаются вне семьи. Сюда входят такие лексемы, как «коллеги», «соседи», «сокурсники», «команда» и пр. Кроме того, сюда были включены обозначения специальностей, профессий, мест учебы или работы. Поле «Культура» мы выделили по наличию в высказываниях описаний тех или иных традиций, обрядов, национальных блюд татар. В это семантическое поле входят такие понятия, как «обряд»,

«традиция», «свадьба», «похороны», «Сабантуй»¹, «Навруз»², «Ураза»³, «Курбан»⁴. Каждое семантическое поле состоит из нескольких тематических групп. Деление на группы будет рассмотрено ниже.

Среди высказываний попадались такие, тема которых не была однозначно определена, так как информант рассказывал о нескольких сферах своей жизни одновременно или же просто менял ход рассуждения. Например, фразу *Много у нас друзей. Сестер, братьев. Так. Живем хорошо* одновременно можно включить в группы «Семья» и «Друзья».

Распределение групп по полям, а также частоту употребления единиц в каждой группе можно увидеть в табл. 1.

Таблица 1

Структура семантических полей

Поле	Тематические группы	Кол-во
Личная сфера (109)	Семья	56
	Самопрезентация	25
	Дом/хозяйство/быт	8
	Оценка	5
	Увлечения/свободное время	7
	Место	5
	Друзья	3
Социальная сфера (42)	Работа/учеба/армия	28
	Социальный статус	7
	Достижения	4
	Знакомые	3
Культура (40)	Праздники	15
	Обряды	12
	Культурное наследие	6
	Традиционные блюда	5
	Религия	2

Рассмотрим каждое из семантических полей в отдельности.

Семантическое поле «Личная сфера» включает в себя следующие группы: «Самопрезентация», «Семья», «Дом/хозяйство/быт», «Друзья», «Оценка», «Место», «Увлечения/свободное время».

В автобиографических текстах, как правило, содержится тематический блок, в котором говорящий называет свое имя, дату рождения, возраст, место рождения и место проживания. Далее говорящий, следуя официальному жанру автобиографии, говорит о своем образовании, месте работы, социальном и семейном статусе. Ту часть монолога, в которой говорящий представляется, мы обозначали как самопрезентацию: *Я, Ахатова Тангима, родилась в тысяча девятьсот тридцать девятого года; Я, Самиков Фарид, первого сентября родился тысяча девятьсот шестидесятого года; Я, Таифова Анжелика Фагитовна, родилась девятнадцатого марта тысяча девятьсот девяностого года. В селе Карьёво.* В высказываниях такого типа есть указания на имена собственные, возраст, дату рождения, место рождения. Все 23 автобиографических нарратива содержат лексемы данной тематической группы, имеется самопрезентация и в двух текстах второй части.

Группа «Семья» самая многочисленная и разветвленная. Частотными здесь являются лексемы, обозначающие термины родства: отец, мать, родители, брат, сестра, муж, жена (супруг/супруга), сын, дочь, дети, внук, внучка, бабушка, бабушка, зять, сноха, тёща и пр.: *Родители тоже живы-здоровы. Они, родители мои, оба пенсионеры; Обе мои родители, отец и мать, они, как бы сказать, с малых лет росли только с мамами. У меня есть четыре внучки. Один внук. Двои учатся в школе. А старшие учатся в Перми; Я своими детьми очень горжусь. Я их очень люблю.* При описании родительской семьи чаще используются маркеры *мой, у меня*, тогда как высказывания, в которых интервьюируемые рассказывают о своих супругах и детях, их работе и совместной жизни, часто содержат показатели *мы, у нас, наши*. В высказывании *Мы с мужем уже живем*

двадцать лет информатор однозначно включает в сферу личного пространства своего супруга, употребляя персональный дейксис. В следующем примере принадлежность жены к своей личной зоне была дополнительно подчеркнута притяжательным местоимением *моя*: *После четырёх лет мы уже как бы с моей супругой, с Гильфиной Мазитовой, вернулись в Карьёво.*

Интересен факт, что интервьюируемые включают в свое личное пространство только своих братьев и сестер, но не их семьи. Семья родственников обособляется и является личной сферой упомянутых родственников, а не говорящего. Например, в выражении *У меня еще есть сестра родная. Замуж вышла. У нее тоже есть дети* информант использовал личное местоимение *у меня* для описания сестры, но при упоминании ее детей, т.е. своих племянников, которых традиционно относят к сфере если не ближайших, то близких родственников, говорящий поместил их вне зоны своего персонального пространства, употребив личное местоимение 3-го лица *у нее*.

Группа «Дом/хозяйство/быт» связана с описанием повседневного уклада жизни, домашних животных и традиционных бытовых моментов. Частотными являются лексемы «дом», «хозяйство», «огород». Например, группа высказываний: *А из хозяйства у нас есть теплица большая. Три сотки. Огород большой. Картошку садим. Корову держим.*

Группа «Друзья» содержит высказывания с частотным словом «друзья». Хотя информанты однозначно включают в свое личное пространство такую социальную группу, как друзья, они упоминают ее вскользь, не дают никакой дополнительной информации, сразу же переключаются на рассказ о других сферах своей жизни: *Таким образом, я считаю, что жизнь у меня сложилась удачно. У меня есть любимые родители. Много друзей. Коллеги.*

В текстах имеется указание на место проживания – село Карьёво: *Сам живу в селе Карьёво; Живём в этой же деревне,*

селе Карьёво Ординского района, – данные высказывания мы также включили в личную сферу.

Кроме того, в этом поле мы выделили группу «Свободное время/увлечения», где говорящие сообщают о том, как проводят свободное время, часто это семейные увлечения: *Свободное время **проводим** на рыбалке. Охотой не **занимаемся**; Летом **ходим** на рыбалки. На шашлыки; А ещё **я** очень **люблю** путешествовать. Бывала во многих странах Европы; В свободное время **я** **занимаюсь** рукоделием.*

Интересную группу представляет собой «Оценка», куда входят высказывания, с помощью которых говорящий резюмирует свое повествование: ***Живём** хорошо; Можно сказать, что **я** **счастливый** человек; **Живём** очень дружно, весело.*

К семантическому полю «Социальная сфера» относятся 4 тематические группы: «Работа/учеба/армия», «Социальный статус», «Достижения», «Знакомые». В наиболее многочисленную группу «Работа/учеба/армия» вошли высказывания, в которых информанты делились информацией о месте работы или учебы, рабочем процессе, коллегах и пр. Значимыми для этой группы будут являться понятия «работа» и «учеба». Примером с частотным словом «работа» может послужить следующая фраза: *Сейчас вот **у нас** в администрации Лену отпуск отправили. За нее вот пол **моем** там сейчас вот месяц.* Что касается высказываний с семантикой «учеба», тут показательным будет следующий пример: *Когда **мы** закончили первый курс, **у нас** был стройотряд.* Интервьюируемый рассказывает об учебе в вузе и включает в личную сферу своих однокурсников. В целом в высказываниях тематической группы «Работа/учеба» в личное пространство информантов включены коллеги (по работе или учебе) и место работы. В автобиографические повествования мужчин входит информация о службе в армии.

Группа «Социальный статус» включает высказывания, указывающие на положение говорящего в обществе: *Они, родители **мои**, оба пенсионеры; **У нас** дочь вышла замуж.*

Для молодых информантов значимым оказывается определение собственных достижений: ***У меня** активная жизненная позиция. Очень творческий, активный человек. Всегда **участвую** в разных мероприятиях, соревнованиях. Иногда, бывает, **занимаю** призовые места; За это время **имею** много благодарностей, дипломов, грамот.*

К тематическому объединению «Знакомые» относятся высказывания, в которых информанты также ведут речь о своем социальном круге общения, как в примере ***У нас** прекрасные соседи. **У нас** молодая улица. **Мы** всеми соседями дружим. Общаемся.*

Семантическое поле «Культура» состоит из 5 групп «Праздники», «Обряды», Культурное наследие», «Религия» и «Традиционные блюда».

В тематической группе «Праздники» наиболее частотными являются лексемы «Сабантуй», «праздник», «Навруз», «Курбан-байрам», «Ураза-байрам». В подгруппу «Сабантуй» вошли высказывания с описанием традиций и обычаев, связанных с этим праздником. В предложении *Сабантуй у нас проводится после весенне-полевых работ* персональный дейксис выражен личным местоимением 1-го лица множественного числа, он включает в личное пространство говорящего весь этнос татар как носителей общей культуры. В другом примере – *В теперешнем... Сейчас у нас в Сабантуе две сцены обязательно делаем* – с помощью той же дейктической единицы информант вносит в свое личное пространство лишь татар-жителей своего населенного пункта.

В подгруппе «Ураза» мы можем наблюдать имплицитно выраженную оппозицию «свой – чужой». Например, в высказывании ***У нас**, у мусульман, один раз в год держат пост Ураза* говорящий включает в свое личное пространство всех верующих татар и тут же выражает противопоставление представителям других религий с помощью личного местоимения *у нас* и следующего за ним пояснения *у мусульман*.

Примером подгруппы «Курбан» может служить высказывание *В день Курбан-байрама у нас режут барана в память умерших родственников и друзьях.*

А единственным представителем подгруппы «Навруз» является фраза *Праздник Навруз – это национальный праздник. У нас проводится и в школе, и в детском саду.*

К подгруппе «Свадьба» тематической группы «Обряды» мы отнесли 7 высказываний, в которых интервьюируемые описывали традиционные свадебные обычаи, и поэтому часто встречающейся является лексема «свадьба». Типичным примером может послужить фраза *У нас все по-старинному идет как-то. У нас и бабушки так же играли, так же вот свадьбы проходили, и никак туй⁵ так же.* Здесь информант посредством личных местоимений вносит в свое пространство весь татарский этнос, подчеркивая собственную связь с предыдущими поколениями. Это вполне естественно, так как свадьба – важный ритуальный обряд в культуре любого народа.

В подгруппе «Похороны» 4 высказывания с частотными словами «похороны» и «поминки», в которых говорящие рассказывают о погребальных обрядах. Например, фраза *И у нас все операции делаются бесплатно. Могилу копают бесплатно. И получается у нас все бесплатно или У нас поминки проходят без спиртного.*

Очень близко к группам «Обряды» и «Праздники» примыкает группа «Религия», так как обстоятельство, что татары в большинстве своем – мусульмане, диктует **проведение национальных праздников, свадеб и похорон по законам ислама. Традиционные свадебные и погребальные обряды в обязательном порядке проходят в присутствии служителей культа (муллы) и в религиозно значимых местах (мечети), а проведение праздников во многих случаях регламентируется священной книгой Коран.** Примером может послужить описание, включенное в группу «Религия», в котором информант рассказывает о процедуре жертвоприношения во

время Курбан-байрама: В этот день режут барана. Собирают родственников. Муллу приглашают. Бабушек, которые читают тоже молитвы. Они у нас называются остабике⁶.

С точки зрения обособленности татарской культуры интересна группа, которую мы назвали «Культурное наследие». Сюда были включены 6 высказываний, в которых информанты делились особенностями своих традиций. В этой группе содержится общая информация об обычаях, которую мы не могли включить в состав групп с более определенной тематикой (свадьба, похороны, религиозные праздники и т.д.). Наиболее частотными будут лексемы «народ», «традиция», «культура», «обычай». Сравните: **У нас, у татар, есть еще такие традиции: и в горе, и в радости мы стараемся петь. Песня нам легче. С песней нам легче жить; Несмотря на тесную взаимосвязь с другими национальностями, наша культура сумела сохранить свои особенности; Это все у нас осталось от бабушек, от дедушек. Мы не забываем своих это... Обычаи или как называется?** Здесь очень ярко проявляется культурная обособленность и преемственность поколений. В первом примере использование информантом уточнения (*у нас, у татар*) позволяет выделить оппозицию «свои – чужие», хотя в явном виде она и не выражена. К «своим» говорящий относит татарский этнос, тогда как «чужими» будут являться представители других национальностей / религий. Такие местоимения, как *мы, свои, у нас, наша* позволяют очень четко очертить границы личного пространства информантов, куда они включили традиционные для своей культуры обычаи и, очевидно, представителей татарского этноса.

В группу «Традиционные блюда» вошли следующие примеры: **Также у нас традиционное национальное блюдо чакчак⁷ и Одним из традиционных национальных блюд у нас, татар, есть такое блюдо как бэлиш⁸.** Во втором высказывании мы видим проявление оппозиции «свой – чужой», где к «своим» будет относиться татарский этнос.

Для наглядности изобразим распределение полей по отношению к личному пространству говорящих (см. рис.):

Рис. Личное пространство говорящего

В центре диаграммы находится «Я» – изначальная точка отсчета личного пространства, куда мы помещаем фигуру говорящего. При анализе материала мы можем наблюдать несколько ипостасей личности говорящего: я-личное, я-национальное и я-социальное.

Я-личное ориентировано, прежде всего, на семейные ценности: преемственность поколений, дом, хозяйство, родное место, близких друзей.

Социальная сфера характеризует человека как личность, добившуюся успехов на определенном поприще: учеба, работа, служба в армии. Представители татарского этноса считают необходимым сообщить информацию о своем социальном статусе и достижениях.

Кроме того, при анализе материала мы можем наблюдать высокую степень осознания себя носителями и хранителями культуры. Информанты включают в личное пространство такие понятия, как «культура», «обряд», «обычай», «традиции» наравне с понятиями семейных и социальных ценностей.

Оппозиция «свой – чужой» хотя и присутствует в материале, но выражена довольно слабо. В основном обособление происходит на уровне семьи, культуры и религии. К «своим» тата-

ры относят своих родителей, супругов, детей и их семьи, братьев и сестер, оставляя за пределами других родственников. «Своими» информанты считают верующих мусульман, а также всех представителей собственного этноса. Позиция «чужие» выражается не так явно и включает в себя людей других национальностей. Это свидетельствует о том, что татары-билингвы придают большое значение сохранению семейных ценностей, а также связи с предками, передаче из поколения в поколение знаний о национальных традициях.

Примечания

¹ Сабантуй – традиционный татарский и башкирский весенний праздник.

² Навруз – праздник нового года по астрономическому солнечному календарю у иранских и тюркских народов, отмечается 21 марта.

³ Ураза – 1) мусульманский пост; 2) месяц рамадан.

⁴ Курбан-байрам – религиозный праздник жертвоприношения, отмечается на 10-й день двенадцатого месяца лунного календаря мусульман.

⁵ Нихак туй – религиозный обряд заключения брака, на котором обязательно присутствует мулла.

⁶ Остабике – женщины, обычно пожилого возраста, которые читают молитвы.

⁷ Чакчак – восточная сладость, представляющая собой изделия из теста с медом.

⁸ Как бэлиш – слоёный пирог с начинкой из сухофруктов.

Библиографический список

Апресян Ю. Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика. Вып. 35. М., 1997. С. 272–297.

Бюлер К. Теория языка. М.: Прогресс, 1993. 528 с.

Русская спонтанная речь татароязычных билингвов Пермского края: Ординский район: звучащая хрестоматия / кол. авт.; науч. ред. Т. И. Ерофеева; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2012. 124 с.

Успенский Б. А. Ego Loquens: язык и коммуникационное пространство. 2-е изд., испр. и доп. М.: РГГУ, 2012. 344 с.

Вэнь Фэйфэй

*Государственный институт русского языка им. Пушкина,
г. Москва, Россия
магистрант кафедры общего и русского языкознания*

Wen Feifei

*Pushkin State Institute of Russian Language, Moscow, Russia
Master Student of the Department of General
and Russian Linguistics*

**ТРАНСФОРМАЦИЯ КОНЦЕПТА «ЛЮБОВЬ»
В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА:
НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ СОВРЕМЕННЫХ
РУССКИХ ПОП-ПЕСЕН**

**TRANSFORMATION OF THE CONCEPT “LOVE”
IN THE RUSSIAN LINGUISTIC PICTURE OF THE WORLD:
ON THE MATERIAL OF TEXTS
OF MODERN RUSSIAN POP-SONGS**

Аннотация. В статье рассматривается трансформация культурного концепта «любовь» в текстах современных русских поп-песен, что в значительной степени отражает динамичные изменения в русской языковой картине мира. Исследуются причины трансформации современного русского концепта любви. Формулируется вывод о том, что трансформация современного концепта любви связана с экономическим и технологическим развитием, интеграцией мировой культуры.

Ключевые слова: современная поп-музыка, любовь, культурный концепт, языковая картина мира, текст песен.

Abstract. The article deals with the transformation of the cultural concept “love” in the texts of modern Russian pop songs, which largely reflects the dynamic changes in the Russian linguistic picture of the world. The reasons for the transformation of the modern Russian concept of love are investigated. The conclusion is formulated that the transformation of the

modern concept of love is associated with economic and technological development, integration of world culture.

Keywords: modern pop music, love, cultural concept, linguistic picture of the world, text of songs.

Теория языковой картины мира является одной из самых популярных в отечественном языкознании с 1980–1990-х гг. По сравнению с другими существующими теориями лингвистики она не только обладает огромным теоретическим потенциалом и силой интерпретации, но и имеет широкую практическую ценность, поэтому рассматривается как одна из самых перспективных теорий XXI века. Языковая картина мира также известна как «языковая модель мира», «языковое мировидение», «языковая репрезентация мира», «языковой промежуточный мир», «языковая организация мира» и т.д. Обычно считается, что она возникла из теоретического предположения А. Ф. Гумбольдта о том, что «каждому естественному языку соответствует уникальная языковая картина мира» [Гумбольдт 2000: 70].

Культурный концепт «эмоция» – это интеграция и пересечение концептуальных, культурных и эмоциональных факторов. Китайский ученый Ли Юаньхоу считает, что эмоции составляют неотъемлемую часть любой национальной культуры, и как культура, так и эмоции отражаются в национальном языке [Ли 1999: 90]. Являясь важным выражением человеческого духа в культуре, «эмоция» представляет собой и сложный психологический опыт, и эмоциональное чувство, возникающее в результате взаимодействия человека с миром. Эмоции могут быть пережиты, восприняты и концептуализированы, а эмоциональное сознание проникает в языковое сознание и входит в культуру и концептуальную систему нации через языковые репрезентации.

Данная статья посвящена анализу эмоционально-культурного концепта «любовь». Любовь как фундаментальный концепт любого языка аккумулирует исторический опыт национальной культуры. В частности, в статье рассматривается картина русского языкового мира, отраженная в современной рос-

сийской поп-музыке. Культура не статична, она представляет собой динамичный процесс изменения и развития, постоянно меняется в соответствии с изменениями в обществе. В связи с этим анализ концепта «любовь» в современной российской поп-музыке поможет понять, как социальные изменения отражаются в концепте «культура».

Поп-музыка – это общее название различных стилей и направлений легкой эстрадной музыки с четким ритмом. Ее основные характеристики как народной культуры – простые инструментальные партии, сильный ритм и акцент на вокале. Песни являются основной формой создания популярной музыки. Характерные черты поп-песни: популярность, развлекательность. По тематике поп-песни можно разделить на следующие жанры: песни о любви, молодежные и университетские песни, песни для развития стойкости и философские песни, современные исторические песни и экзотические песни и т.д.

Текст песни – это своеобразная форма хранения культурных знаний; это отражение жизни народа, его основных ценностей, этических воззрений, социальных представлений, стереотипов, моделей поведения, культурных норм, передающихся из поколения в поколение. Ю. Е. Плотницкий определяет текст песни как родовое понятие по отношению к текстам песен, характеризующихся определенными языковыми особенностями, отражающими культуру той или иной страны [Плотницкий 2005].

Проанализировав трактовки понятия «любовь» в разных гуманитарных дисциплинах, мы пришли к выводу, что любовь рассматривается как чувство и отношение к кому-то или чему-то. По мнению русских ученых, любовь не ограничивается любовью между мужчинами и женщинами, они понимают этот термин в широком смысле, любовь включает гуманность, человеколюбие, хобби, уважение, любовь к родине, народу и Богу и т.д. В этой работе любовь понимается в узком смысле: как любовь между влюбленными, между женщинами и мужчинами.

Теперь перейдём к анализу концепта любовь в текстах русских поп-песен.

1. «Тамагочи» Мэйби Бэйби, Алёна Швец 2019

В этой песне любимый сравнивается с «тамагочи». В тексте встречается много иностранных слов, таких как *скейт*, *тамагочи*, *сальто* и *бойфренд*. Эмоция, выраженная в тексте, – *мотаю нервы*. Видно, что рассказчиком является женщина. Для описания любимого используются такие существительные, как *парень*, *кавалер*, *мальчик-тамагочи*, *бойфренд*, а также прилагательные *маленький*, *милый*, *глупый*, *верный* и *карманный*.

Изменение концепции любви можно увидеть через описание парня. Тамагочи – это иностранное японское слово, обозначающее виртуального домашнего питомца. Сравнение любимого с электронным питомцем, которого не было в оригинальном русском концепте «любовь», свидетельствует о влиянии иностранной культуры на этот концепт в русской языковой картине. Кроме того, использование большого количества иностранных слов в тексте песни в определенной степени отражает влияние культурной интеграции на русскую языковую картину. В тексте песни для описания мужчины используются такие прилагательные, как *маленький*, *милый*, *глупый*, которые в прошлом больше подходили для описания женщин, тогда как мужчины традиционно считались сильными. Это можно объяснить снижением роли патриархата, ростом власти женщин и уравниванием статусов мужчин и женщин. В современном обществе женщины могут быть сильными и умными, а мужчины – маленькими и милыми.

2. «Кофе с собой» Ира Павлова 2023

В этой песне автор сравнивает любовные отношения с *кофе с собой*, в тексте мы находим такие сравнения и ассоциации. В выражении *сотая попытка тебя любить* используется гипербола, при этом подразумевается, что любовь – это процесс, полный трудностей. Выражение *у тебя объятия, как паутина*

иллюстрирует физическое проявление любви, объятия – важный способ выражения любви для пар.

Во фразе *Ты по четным – врун, по нечетным – герой* автор сравнивает любимого мужчину с *вруном* и *героем*. Хотя эти два слова могут показаться несовместимыми, но именно эта дихотомия описывает черты возлюбленного. По мнению автора, в процессе влюбленности есть и удовольствие, и боль, а сравнение мужчины с вруном иллюстрирует возможность переживания обмана и предательства в отношениях со стороны мужчины. Сравнение с героем указывает на то, что любимый может спасти тебя. Во фразе *Невозможно не послать всё – звучит как вызов* выражаются перегибы и переживания в отношениях. В строке *И меня берешь словно кофе с собой* сравнение иллюстрирует быстроту и изменчивость современной любви, которая быстро приходит и быстро уходит.

3. «Эгоистка» Султан Лагучев 2023

В этой песне возлюбленная сравнивается с эгоисткой. В тексте много описаний: *И ты эффектна, как героиня повести; Она такая эгоистка; Характер словно чистый виски; Опять влюбился в даму пики* и т.д. Для описания равнодушия любимой женщины автор использует фразы *Твои мысли снова где-то в космосе; взгляд сухой. Дама пики* – Пиковая дама, что означает тайную недоброжелательность. Во фразе *Почему иду на риск я?* любовь сравнивается с приключением, подчеркивается опасность и неизвестность любви. Кроме того, в тексте неоднократно встречаются выражения *Она такая эгоистка; Опять твой эгоизм на пике; Опять набиваешь себе цену*, указывающие на то, что в современном обществе эго стоит на первом месте, даже в любовных отношениях люди стремятся получить выгоду и исполнить свои бесконечные желания.

4. «Бумеранг» ANNA ASTI 2023

Бумеранг – это иностранное слово, обозначающее метательное орудие, которое возвращается обратно к тому месту, откуда было пущено. Исходя из характеристик бумеранга, пред-

полагаем, что это слово может быть метафорой кармы. Идея кармы прослеживается в буддийской литературе еще с VI века до н. э. Согласно буддизму, судьба, выпадающая на долю человека, определяется его хорошими и плохими поступками в предыдущих жизнях. Фразы *Он звонит, потом пишет и снова звонит; Он тебя заменял, сколько их поменял?; Вновь другая, другая, другая* говорят о том, что герой находится в постоянном круговороте любви. Строки *Это бумеранг, и нельзя спастись; Предал, значит расплатись* напрямую выражают концепцию любви, где предательство любви влечет за собой расплату. Таким образом, мы видим, что автор резко критикует поведение предателя любви, подчеркивает важность искренности и верности любви.

5. “Maniac” Jackie-O 2021

В песне используется много фраз для описания эмоций: *сводя меня с ума, тошнит, бойся, буду невменяем, глаза наполнены безумством*. Слово *маньяк* часто повторяется, и это показывает характер любви, которая делает людей безумными и раздражительными. Кроме того, в песне встречается описание морали: *гнилью доброта тут отдаёт, она не в моде; так тошнит, ведь выгоду из заботы искал*. Общеизвестно, что доброта – хорошее качество человека, но в приведенном контексте автором выражена мысль о том, что из-за доброты в любви можно легко пострадать. Уничтожение традиционных добродетелей и включение их в концепт «любовь» свидетельствует о том, что моральные ценности современной молодежи деградируют. Слово *выгода* также показывает, что концепт «любовь» связан с выгодой.

Фразы *Прототип, что был вдохновлён капризным монстром; походка Франкенштейна* отсылают к английскому литературному роману «Франкенштейн». В романе Франкенштейн одержим стремлением к научным знаниям, и из-за отсутствия рационального мышления о последствиях своих действий он совершает то, о чем потом жалеет, – создает монстра. Монстр в

некотором смысле олицетворяет науку и технологии, которые развиваются и проникают в человеческое общество. Автор романа глубоко размышляет об остром противоречии между индивидуальными стремлениями, общественной моралью и традиционными ценностями в процессе модернизации. Вся песня в неистойой и напряженной манере показывает феномен неустойчивого психического состояния современной молодежи.

6. «Таро» Егор Крид 2023

В этой песне героиня использует карты таро для предсказания любви. Таро – это новое слово. Таро в русском стиле – инструмент гадания, сочетающий традиционные европейские карты таро с элементами русской культуры. Оно появилось в России в начале 1990-х годов и постепенно распространилось по всему миру. Таро отличается от традиционных европейских карт тем, что подчеркивает слияние различных культурных элементов, таких как богема, православие, фольклор и т. д., и имеет ярко выраженный русский национальный характер.

С постоянным развитием социальных технологий и экономики появляется все больше нового, и средства концептуализации языка становятся все более разнообразными, что находит отражение в языковой картине мира. Слово *кроссы* также относительно молодое, впервые появилось в 1970-х годах. Фраза *А твои кроссы, надеюсь, видели только моего дома порог* выражает желание героя навсегда остаться со своей возлюбленной.

7. «Пиджак» Анастасия 1993

В песне описывается история героини, которая после расставания продает пиджак своего бывшего парня. Видно, что все больше и больше обычных предметов в нашей жизни соотносятся с концептом «любовь». Когда мы думаем о старом пиджаке, то легко ассоциируем его с бывшим парнем, потому что *пиджак* – это метонимия *мужчины*, а *старый* – метафора окончания отношений. Фраза *Но цена недорогая у любви такой* выражает обесценивание любви в современном обществе.

8. «Снимать на телефон» Бичевский 2023

В песне используется много слов и выражений, связанных с электроникой, например: *Я снимаю на телефон»; Делать фото; Летел в режиме автопилота; Там в айклауде пусть останутся; А наши скрытые файлы не открывай; И удали...* Айклауд – новое иностранное слово, обозначающее облачное хранилище. Автор сравнивает любовь с тремя этапами «фотографирование», «сохранение фотографий» и «удаление фотографий». Концепт «любовь» тесно связан с современными технологиями и электроникой. Так как айклауд имеет функцию хранения фотографий в облаке, многие снимки, сделанные влюбленными, будут загружены автоматически, поэтому можно сказать, что айклауд – это свидетель любви. Многие пары удаляют эти снимки, когда расстаются, поэтому слово *файл* можно рассматривать как метафору памяти о любви. Слово *удалить* – это метафора разрыва любовных отношений.

9. «Инстаграм» Диана Арбенина 2018

В песне много выражений, связанных с интернетом: *И каждый день мы встречаемся в Инстаграме; И пиши, что хочешь, только не блокируй.* Используются также некоторые английские слова: *Queen, happyend.* В строке *Если мы кино – это лучший фильм* автор сравнивает любовь с фильмом. Следующая строка *Эта драма Queen, без надежд на happy end* показывает, что любовь закончилась трагедией. С развитием социальных сетей все больше людей любят записывать свою жизнь на онлайн-платформах. Люди также все больше привыкают использовать виртуальное общение вместо реального. И это явление косвенно влияет на современное представление о любви.

Заключение

На примере рассмотренных песен можно сделать вывод о том, что современное отношение людей к любви изменилось, и эти изменения нашли отражение в русской языковой картине мира. Несмотря на то что тексты песен в большей или меньшей степени отражают индивидуальное восприятие автора, в целом

они демонстрируют трансформацию ценностей определенного народа в течение определенного периода времени. В результате анализа текстов песен были выделены следующие причины изменения концепта «любовь»: 1) влияние иностранных культур на русскую культуру в условиях культурной глобализации; 2) повышение статуса женщины в современное время и изменение статуса мужчины и женщины в любовных отношениях; 3) постепенная утрата моральных ценностей и этических норм в современном обществе; 4) обусловленное развитием науки и техники появление множества новых вещей, которые влияют на понимание концепции любви; 5) распространенное в социальных сетях виртуальное общение, что делает любовные отношения нестабильными.

При этом стоит отметить, что современные россияне также обращаются за духовной силой к классике и традициям литературы, т. е. современная русская поп-музыка открывает уникальную картину мира, характерную для русской нации.

Библиографический список

Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию / Перевод с нем. языка под ред. и с предисловием доктора филологических наук проф. Г. В. Рамишвили. Издательская группа «Прогресс». М., 2000. 393 с.

Плотницкий Ю. Е. Лингвостилистические и лингвокультурные характеристики англоязычного песенного дискурса: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Самара, 2005. 21 с.

李元厚 : 《情感语义和俄汉语言文化对比研究》, 《外语学刊》1999年第2期. (Ли Юаньхоу. Сопоставительное исследование семантики эмоций в русском и китайском языке и культуре // Журнал иностранных языков. № 2. 1999. С. 87–91.)

Е. С. Ляшенко

*Минский государственный лингвистический университет,
г. Минск, Беларусь
к.филол.н., доцент кафедры истории и грамматики
английского языка*

Yelena S. Lyashenko

*Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus,
Ph.D., Associate Professor of History and Grammar
of the English Language Department*

ДИНАМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ СЛАВЯНСКОЙ И АНГЛИЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУР

DYNAMIC PROCESSES THROUGH THE PRISM OF SLAVIC AND ENGLISH LINGUISTIC CULTURES

Аннотация. Статья посвящена раскрытию общечеловеческого понимания динамических процессов, а также установлению лингвоспецифических особенностей, позволяющих рассматривать «изменение» в качестве неотъемлемого компонента картины мира различных сообществ – в нашем случае англо-, белорусско- и русскоязычных. Исходный тезис заключается в признании за языком потенциала формализации структурированного знания о мире, роли универсального духовного отражения действительности. Именно в языке отображается весь спектр духовной жизни определенного народа, его национально-культурная специфика.

Ключевые слова: язык, культура, лингвокультура, языковая картина мира, динамические процессы / изменение, превращение.

Abstract. The article is devoted to revealing the universal understanding of dynamic processes as well as establishing linguistic-specific features that allow us to consider “change” as an integral component of the

worldview of various communities – in our case, English-, Belarusian- and Russian-speaking. The initial thesis is based on recognizing the potential of language to formalize structured knowledge about the world, the role of language as a universal spiritual reflection of reality. It is in the language that the entire spectrum of the spiritual life of a certain people, its national and cultural specificity is displayed.

Keywords: language, culture, linguistic culture, language worldview, dynamic processes / change, transformation / metamorphosis.

Концепция культурной семантики, предложенная в 80-х годах XX века всемирно известным польским лингвистом А. Вежбицкой, базируется на установлении в корпусе национального языка лексических единиц («ключевых слов»), обозначающих понятия наиболее значимые для данной культуры и менталитета [Вежбицкая 2001]. Основополагающим критерием для выделения ключевых слов культуры является их принадлежность к культурно-историческому универсуму, т. е. соотнесенность со стержневыми концептами, относящимися к базовым кодам той или иной национальной культуры.

Ценность теории, разработанной А. Вежбицкой, заключается в интерпретации лексических единиц как знаков культуры. Так, согласно теории, к ключевым словам или знакам русской лингвокультуры относятся лексемы *воля*, *душа*, *судьба*, *тоска*, *авось*. В свою очередь, в английской языковой картине мира аналогичную позицию занимают лексические единицы *privacy* ‘приватность’, *understatement* ‘преуменьшение, замалчивание’ [Вежбицкая 1999].

Наряду с лингвоспецифическими понятиями, которые выступают знаками той или иной культуры, существуют универсальные категории / концепты, которые являются «общечеловеческими тезаурусами». Вне всякого сомнения, как в славянской, так и в английской лингвокультурах центральное место вместе с категориями пространства и времени занимают динамические процессы, в частности, процессы качественного изменения объекта (вплоть до его превращения в принципиально иной). В це-

лом концепт *изменение* представлен в любой национальной картине мира, т. е. концептуальное ядро в разных языковых картинах мира, как правило, совпадает. При этом способы членения окружающей действительности различны. По сути, этот факт и стал основой гипотезы лингвистической относительности Сепира-Уорфа, истоки которой берут начало из работ основоположника общего языкознания и философии языка В. Гумбольдта. Ученый писал о том, что разные языки – это вовсе не различные обозначения одной и той же вещи, а различные видения ее. У разных народов свои чувства, свои фантазии, которые рождают «индивидуальные образования». В них и отражается индивидуальный характер нации. Поскольку на всякое объективное восприятие неминуемо накладывается субъективное, то каждую человеческую индивидуальность вне зависимости от человеческого языка можно считать носителем особого мирозерцания [Гумбольдт 1984]. Таким образом, очевидно, что образное представление действительности национально окрашено, т. е. варьирует от принадлежности языковой личности к той или иной культуре. Языковая личность «обладает национально-культурными особенностями и языковыми коннотациями в каждой лингвокультурной традиции» [Денисенко 2004: 23].

Далее отметим, что знания о мире, свойственные носителям определенного языка и культуры, находят отражение в семантике языковых единиц, что, в свою очередь, является определяющим для культуры, пользующейся этим языком [Ляшенко 2019: 240]. Овладевая языком и, в частности, значением слов, носитель языка начинает видеть мир под углом зрения, подсказанным его родным языком, и сживается с восприятием и пониманием мира, характерным для соответствующей культуры [Шмелев 2002: 12]. В словарных толкованиях языковое воплощение получают существенные для человека признаки с точки зрения осознанного опыта.

В этой работе предпринимается попытка раскрыть универсальное видение динамических процессов, а также выявить

национально обусловленные особенности, которые дают основания трактовать «изменение» в качестве компонента картины мира различных лингвокультур – в нашем случае английской и славянской (белорусской и русской).

В лингвистике особый исследовательский интерес к изменению проявляется со стороны зарубежных ученых. Так, выдающийся американский типолог Л. Талми, изучая способы передачи движения в разных языках, выходит за пределы данной категории и пытается распространить свои изыскания еще на четыре области человеческого бытия. Выделенные им сферы включают аспектуально-фазисные характеристики действия, корреляцию действий, выполнение действия, а также изменение состояния [Talmy 1976: 214]. По предположению Л. Талми, ситуация изменения состояний организована по прототипическому образцу ситуации движения, что согласуется с восприятием движения как изменения положения объекта во времени. Отдельного внимания также заслуживает работа Сержа Бодэ, посвященная когнитивной репрезентации категорий состояния, события, каузальности и действия [Бодэ 2004]. Автор неоднократно обращается к изменению в целом и его содержательной стороне в частности. Понятие изменения описывается в терминах различий между первоначальным и конечным состояниями и истолковывается как «процесс, в ходе которого микромир переходит из исходного состояния к конечному» [Бодэ 2004: 12].

Интегративное описание семантического поля «изменение» в соотношении с русской языковой картиной мира представлено в теории В. Н. Денисенко, где онтологическая сущность изменения определяется как «процесс перехода объекта во времени от одного состояния к другому путем сложения или разложения чего-либо в нем, т. е. нарушения тождества самому себе и появления различий» [Денисенко 2005: 13] и выражается с помощью лингвистического описания «становиться иным». Данный дескриптор, по мнению В. Н. Денисенко, должен рассматриваться в качестве исходной функции в семантическом

поле «изменение». Изменение признается основой любого развития, предполагает всеобщую, глобальную связь и взаимодействие сущностей окружающей действительности, оно присуще как материальному, так и духовному миру.

Динамические процессы протекают с разной степенью интенсивности. С одной стороны, они могут быть связаны с изменением какого-то свойства объекта, при этом принадлежность объекта к данному классу сохраняется. С другой стороны, такое изменение может быть связано с превращением одного объекта в другой. В языковой картине мира в целом *превращение* трактуется как некий «экстремальный» вариант изменения, как неожиданный и самопроизвольный процесс, поскольку составляющая его последовательность изменений, причинно-следственные связи остаются вне фокуса внимания. Оно обозначает изменение сущностных признаков объекта, в результате которого исходный объект приобретает новую форму существования.

Если обратиться к дефинициям понятия *превращение* в толковых словарях общеупотребительной английской, белорусской и русской лексики, то можно обнаружить некоторые лингвосоциальные особенности.

Так, в русской языковой картине мира акцентируется острота и внезапность данного процесса, что отражено в словарном толковании, где «превращение» предстает как **«резкое и/или неожиданное** изменение в ком-либо, чем-либо» [Ефремова; Ушаков].

В свою очередь, в английской языковой картине мира оно трактуется как «процесс, в результате которого что-то **полностью** изменяется и становится совсем другим» (перевод наш. – *Е. Л.*) [Longman 2000: 897], т.е. подчеркивается именно степень протекания данного явления.

Присутствие в обеих дефинициях неопределенных местоимений *кто-то, что-то* показывает, что в обыденном пред-

ставлении превращению могут подвергаться любые явления / сущности.

Далее в понятийном содержании *превращения* можно выделить несколько направлений, в которых заложено общечеловеческое понимание рассматриваемого процесса, и представить их в следующих определениях:

– придание чему-либо иного вида, силы, характера:

(1) Тихий ропот превратился в ужасающий шум [Кузнецов];

(2) *In the last twenty years Korea has been transformed into an advanced industrial power* [Longman 2000: 1537] ‘За последние 20 лет Корея превратилась в передовую индустриальную державу’;

– переход в иное состояние, качество:

(3) *Вода превратилась в пар* [Кузнецов];

(4) *In a few weeks, the caterpillar will turn into a butterfly* [Longman 2000: 1555] ‘Через несколько недель гусеница превратится в бабочку’;

– обращение во что-либо иное:

(5) *Из когда-то стройного, ловкого стряпчего с подвижной, нахальной... рожге, Шапкин превратился в нечто скромное, седовласое, хилое* (А. П. Чехов. Старость) [Кузнецов];

(6) *The sofa turns in to a bed* [Longman 2000: 1555] ‘Диван превращается в кровать’.

Отдельного внимания заслуживает словарное толкование белорусского глагола *ператварыць* ‘превратить’, взятое из электронного словаря «Скарнік»: *прымусіць змяніць свой твар, выгляд, перавярнуць у каго-, што-н. з дапамогай чараў* ‘заставить изменить свое лицо, вид, обратить в кого-, что-н. с помощью волшебства’. В данном фрагменте словарной статьи подчеркивается важный для менталитета белорусского народа аспект: вера в волшебство, в высшие силы. Аналогичное, безусловно, можно рассматривать и в качестве национальной специфики русскоязычного сообщества, проявление которой прослеживается в первичном (основном) значении понятия *превращение*. Оно

включает такой компонент, как «принятие вида другого существа или предмета в результате волшебства».

Таким образом, взаимосвязь языка и культуры определяет появление культурного компонента значения слова, неотъемлемого свойства единиц любого национального языка на всех уровнях.

Лингвоспецифичным также представляется языковое воплощение реалий окружающего мира, т. е. выбор и комбинирование языковых средств и речевых структур не носит универсальный характер. Национально-культурная специфика проявляется в сфере номинации (именования) некоего фрагмента действительности и способах его актуализации в предложении. Кроме того, национальные особенности мировидения отражаются на уровне функционирования лексических единиц, называющих те или иные объекты реальности, в тексте, что может стать предметом отдельного исследования.

Библиографический список

Бодэ С. Репрезентация состояния, события, каузальности и действия // Вопросы психолингвистики. 2004. № 2. С. 6–18.

Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. М.: Языки славянской культуры, 2001, 288 с.

Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков / пер. с англ. А. Д. Шмелева, под ред. Т. В. Булыгиной. М.: Школа «Языки русской культуры», 1999. 780 с.

Гумбольдт В. фон. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества / пер. с нем., под ред., с предисл. Г. В. Рамишвили // Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984. С. 36–298.

Денисенко В. Н. Концепт *изменение* в русской языковой картине мира: моногр. М.: Изд-во РУДН, 2004. 306 с.

Денисенко В. Н. Семантическое поле ‘изменение’ в русской языковой картине мира (структурный, функциональный, когнитивный аспекты): автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01. Рос. ун-т дружбы народов. М., 2005. 43 с.

Ефремова Т. В. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. [Электронный ресурс]. URL:

<https://classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Efremova-term-81143.htm#>
(дата обращения 11.12.2023).

Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.terminy.info/russian-language/explanatory-dictionary-kuznecova/prevratitsya> (дата обращения 15.12.2023).

Ляшенко Е. С. Национально-культурная специфика репрезентации концепта *изменение* в английском языке // Тэарэтычныя і прыкладныя аспекты сучасных этналагічных даследаванняў: зб. нав. арт. Мінск: БНТУ, 2019. С. 239–243.

Ушаков Д. Н. Толковый словарь Ушакова. [Электронный ресурс]. URL: <https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=55886> (дата обращения 15.12.2023).

Шмелев А. Д. Русская языковая модель мира: Материалы к словарю. М.: Языки славянской культуры, 2002. 224 с.

Longman Dictionary of Contemporary English. 3rd ed. Harlow, Essex: Longman: Pearson Education, 2000. 1668 p.

Talmy L. Semantic causative types // Syntax and semantics: [in 17 vol.]. New York, 1976. Vol. 6: The grammar of causative constructions. P. 43–116.

О. Д. Паршина

*Тольяттинский государственный университет,
г. Тольятти, Россия
к.филол.н., доцент кафедры русского языка, литературы
и лингвокриминалистики*

Olga D. Parshina

*Togliatti State University, Togliatti, Russia
Ph.D., Associate Professor of the Department of Russian Language,
Literature and Linguocriminalistics*

ПРЕЦЕДЕНТНЫЙ ФЕНОМЕН «ЗА МКАДОМ ЖИЗНИ НЕТ» КАК ПЕЙОРАТИВНОЕ ОБОЗНАЧЕНИЕ ПРОВИНЦИИ

THE PRECEDENT PHENOMENON “ZA MKADOM ZHIZNI NET” AS A PEJORATIVE DESIGNATION OF THE PROVINCE

Аннотация. В работе рассматриваются особенности семантики и прагматики известного с 2000-х годов прецедентного феномена «За МКАДОМ жизни нет» как пейоративного обозначения русской провинции. Установлено, что данное сочетание является субститутом с сопутствующим изменением модальности прецедентного текста советской эпохи. Трансформ «За МКАДОМ жизни нет» как прецедентный феномен функционирует в языке масс-медиа и блогосферы.

Ключевые слова: провинция, за МКАДОМ жизни нет, прецедентный феномен, субституция, модальность.

Abstract. The paper examines the peculiarities of semantics and pragmatics of the precedent phenomenon “Za MKADom zhizni net”, known since the 2000s, as a pejorative designation of the Russian province. It has been established that this combination is a substitute with a concomitant change in the modality of the precedent text of the Soviet era. The transformation “Za MKADom zhizni net” functions as a precedent phenomenon in the language of the mass media and the blogosphere.

Keywords: province, За МКАДом zhizni net, precedent phenomenon, substitution, modality.

Целью статьи является анализ особенностей функционирования и семантики прецедентного феномена «*За МКАДом жизни нет*». Для достижения поставленной цели была осуществлена сплошная выборка языкового материала в Национальном корпусе русского языка (НКРЯ), а также в поисковых системах «Гугл» и «Яндекс». Было получено 112 результатов.

Являясь пейоративным репрезентантом функционально-семантического поля «Провинция», прецедентный феномен (ПФ) отражает связь центра и периферии страны. По мысли Н. В. Бубновой, «в единстве центра и периферии проявляется уникальность небольших провинциальных территорий в сравнении с разобщенностью столицы и огромных территорий, формирующих ее область» [Бубнова 2016: 17].

Рассмотрение функционально-семантических особенностей ПФ «*За МКАДом жизни нет*» продолжает изучение нами ряда прецедентных феноменов с семантикой провинции в русской языковой картине мира [Паршина 2020], [Parshina, Gurova 2021], [Паршина 2022], [Паршина, Бычкова 2023].

М. В. Захарова, анализируя особенности репрезентации оппозиции «столица – провинция», отмечает, что «ретрансляция “московского взгляда” на мир реализует стереотип “За МКАДом жизни нет”, т. е. позиционируется, что москвичи не знают о том, как живет остальная России, либо полагают, что вне Москвы отсутствует всякая цивилизация и культура» [Захарова 2021: 135].

Следует отметить, что в НКРЯ зафиксировано самое раннее вхождение ПФ, относящееся к 2003 году:

(1) Есть ли жизнь за МКАД? Разумеется, в районах, расположенных за МКАД, нет и не может быть настоящих элитных домов. Но вот монолиты с квартирами свободной

планировки и подземными гаражами – т. е. настоящий, добротный эконом-класс – присутствует довольно часто [НКРЯ].

В примере 1 представлен ПФ, выраженный вопросительной конструкцией, которая предваряет текст, содержащий оценку состояния жилищного строительства в провинции.

В настоящее время ПФ активно функционирует в языке масс-медиа и блогосферы: на рис. 1 представлена частота его употребления, по данным поисковых систем «Гугл» и «Яндекс», а также НКРЯ.

Полагаем, что ПФ «*За МКАДом жизни нет*» возник в результате формально-смысловой трансформации известной фразы из фильма «Карнавальная ночь», принадлежащей лектору в исполнении актера С. Н. Филиппова: «*Есть ли жизнь на Марсе, нет ли жизни на Марсе – это науке неизвестно!*». По мнению Ф. С. Рагимовой, формально-смысловое моделирование ПФ включает два этапа: субституцию и изменение функциональной модальности.

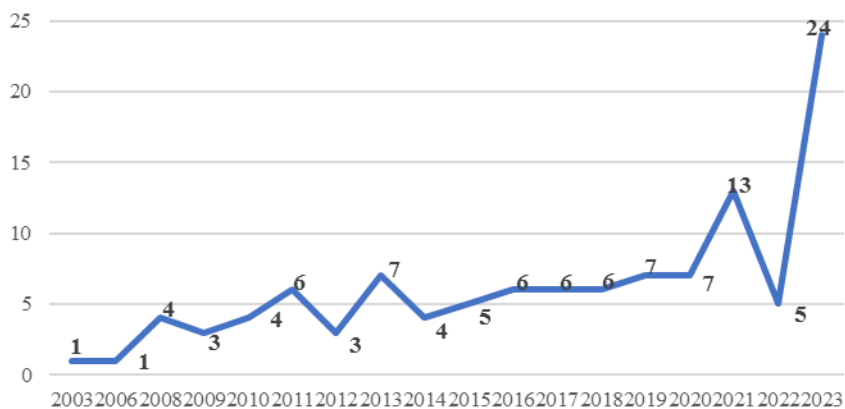

Рис. 1. Частотность употребления ПФ «*За МКАДом жизни нет*» (ед.) с 2003 по 2023 гг.

На первом этапе трансформации субституция как «модификационный способ характеризуется тем, что вместо «канонического» слова вставляется иное, совпадающее по ритмической структуре и синтаксической позиции, при этом основная смысловая нагрузка падает именно на замещающее новое слово» [Рагимова 2006: 16]. В составе исходного выражения «*Есть ли жизнь на Марсе?*» происходит замена компонента *Марс* на *МКАД*, что подтверждается примером 1, представленным выше, а также следующими примерами:

(2) *Есть ли жизнь за МКАДом, нет ли жизни за МКАДом – науке это неизвестно, но практика должна дать ответ. Не теория (мол, всюду есть жизнь), а практика!* [<https://olga-srb.livejournal.com/413925.html>];

(3) *Есть ли жизнь за МКАДом, нет ли жизни за МКАДом правительство это не интересуется!* [<https://www.inpearls.ru/87545>].

Можно видеть, что в примере 2 представлен исходный ПФ из кинофильма «Карнавальная ночь» с субституцией компонента, а в примере 3 полностью воспроизведена синтаксическая структура исходного ПФ.

На втором этапе субститут «*Есть ли жизнь за МКАД?*» подвергается изменению функциональной модальности, в понимании Ф. С. Рагимовой, через «противопоставление высказываний по характеру коммуникативной установки “вопрос – утверждение”» [Рагимова 2006: 19–20]. В результате образуется трансформ «*За МКАДом жизни нет*», который представляет собой утвердительное предложение с изменением порядка слов. В синоптической табл. 1 можно видеть количественное соотношение вопросительных и утвердительных конструкций, репрезентирующих прецедентный феномен.

Таблица 1

**Соотношение вопросительных
и утвердительных конструкций ПФ**

Вопросительная конструкция	Кол-во единиц	Утвердительная конструкция	Кол-во единиц
<i>Есть ли жизнь за МКАДом?</i>	11	<i>За МКАДом жизни нет</i>	81
<i>Есть ли жизнь за МКАД?</i>	4	<i>За МКАДом жизни нет!</i>	10
<i>Есть ли жизнь за МКАДом?!</i>	2	<i>За МКАДом жизни НЕТ!</i>	4
Итого:	17	Итого:	95

ПФ «*За МКАДом жизни нет*», являясь пейоративным обозначением провинции, репрезентирует отрицательную аксиологию, связанную с двумя типами ценностей, по Ю. Г. Квашнинскому: персоналистскими и социально-стратификационными [Вешнинский 2005].

1. Персоналистские ценности, связанные с людьми, живущими на той или иной территории:

(4) *За МКАДом жизни НЕТ!*

...понаехавшие стремятся в Москву, хамовитые пейзаны провинциалы ее хают, а потомственные москвичи жутко гордятся своим статусом [https://alariavatory.livejournal.com/87987.html];

(5) *За МКАДом реально жизни нет*

...Нормальные есть, но очень мало. В основном милы всегда только бабушки. Все остальные один к одному: лицо мрачное, спросишь что-то, а тебе рыкают, нормально ничего не объяснят, очень часто меня просто игнорировали! [https://www.woman.ru/rest/medley8/thread/5175146];

(6) *Многие москвичи искренне полагают, будто за МКАДом жизни нет. Что типичный россиянин ходит в лаптях,*

ьет водку с утра до вечера и закусывает комбикормом [<https://ruspioner.ru/ptu/single/916>].

Как можно видеть, жители провинции характеризуются как не умеющие себя вести (пример 4). В указанном примере отрицательная частица *НЕТ* оформлена с помощью прописных букв, что позволяет усилить отрицательную оценку и дополнительно воздействовать на читателя.

Помимо этого, живущие в провинции люди неприветливые и не вступающие в коммуникацию (пример 5), ведут асоциальный образ жизни (пример 6).

2. Социально-стратификационные ценности, характеризующие особенности жизни в провинции:

(7) *За МКАДом жизни нет?*

Помните, я писал про ужасные дороги Подмосковья? А теперь отгадайте загадку. Что, кроме Дня Победы, в мае объединяет людей со страшной силой?

Мой ответ – страх остаться без тепла зимой и без воды уже завтра [<https://alaria-vatary.livejournal.com/87987.html>];

(8) *За МКАДом жизни нет!*

Разруха, грязь, туалеты... Это кадры не из далекой глубинки – нет, это совсем рядом, чуть больше 200 км от Москвы. Полугнилые бараки, грязь на улицах, разрушающиеся церкви, местные, живущие в прошлом веке (а может, даже в веке XIX)... [<https://w-guest.livejournal.com/1209071.html>];

(9) *Есть ли жизнь за МКАДом?*

*Сегодня совершенно неожиданно стало мужу плохо – сердце... Скорая ехала 50 мин, сказали срочно забирать. Я пыталась выяснить какого качества там кардиология? Они сказали, что **какая разница, другой больницы все равно в Химках нет*** [<https://eva.ru/phone/messages-3074333.htm>].

Отсутствие качественных коммунальных услуг на периферии представлено в примере 7. Следует также обратить внимание на то, что ПФ представлен в виде вопросительной конструкции.

Отсутствие какой-либо инфраструктуры, разруха как отличительные черты жизни в провинции репрезентирует пример 8. ПФ представляет собой восклицательную конструкцию.

Пример 9 характеризует в отрицательном свете особенности медицинского обслуживания населения в провинции.

Рассмотрим особенности варьирования ПФ *«За МКАДом жизни нет»*. Из 112 отобранных примеров функционирования 26 ПФ представлены трансформами, возникающими в результате:

1. Изменения функциональной модальности, которое, по Ф. С. Рагимовой, является наиболее частотным и представляет собой трансформацию в двух разновидностях (16 вхождений):

– вопросительная конструкция: *За МКАДом жизни нет?* | *Москвичи РЕАЛЬНО думают, что Авито... – это исключительно Москва и другие города там объявления не размещают. ... А остальная Россия пользуется свечками вечерами и голубями для связи* [<https://ffclub.ru/topic/343082>];

Возможно включение в состав ПФ вопросительных слов: *Почему за МКАДом – жизни нет? И чем дальше уезжаешь, тем меньше жизни и все больше хочется жить в тишине* [<https://qna.center/question/2366636>];

– восклицательная конструкция: *За МКАДом жизни нет!* | *Как пробудить в москвичах доверие, чтобы они пустили в свои жилища, отдали дочерей и посвятили в тайные ритуалы? Вот несколько простых приемов. Одобрено этнографами* [<https://ru-anti-zamkad.livejournal.com>].

2. Изменения компонентного состава (10 вхождений):

– расширение лексического состава: *За МКАДом вообще жизни нет. складывается мнение, что за МКАДом она заканчивается... Надо лекцию послушать «Есть ли жизнь за МКАДом?»* [clck.ru/36bYsw];

– сужение лексического состава: *Жизнь за МКАДом* | *Как выживают люди возле Москвы. Знаете, есть такой миф, что за МКАДом жизни нет, но это давно уже не так, сегодня по-*

кажу и расскажу, как живут обычные россияне [https://goo.su/99JutIW].

Трансформ «Жизнь за МКАДом» также может выступать в качестве проприальной единицы – прагматонима-названия жилищной программы: *В конце своего доклада мэр Москвы анонсировал старт программы «Жизнь за МКАДом». В ходе ее реализации все дома коренных москвичей, входящие в проект реновации, теперь будут расселяться за 101-м километром от МКАД* [clck.ru/36bZKj].

Прецедентный феномен «За МКАДом жизни нет» замещает сильные позиции в исходном тексте. В. Г. Костомаров и Н. Д. Бурвикина относят к ним заголовок, инициальное предложение абзаца (текста), конечное предложение текста и т.д. [Костомаров, Бурвикина 1996].

В анализируемом языковом материале ПФ «За МКАДом жизни нет» может занимать следующие позиции:

– заголовок, подзаголовок, название – 78 примеров (70 %): *За МКАДом жизни нет | Россиянка купила квартиру в Подмосковье и возненавидела новую жизнь* [clck.ru/36bWnH];

– инициальное предложение текста, абзаца, фрагмента – 20 примеров (17 %): *Говорят, за МКАДом жизни нет. Наверняка ведь слышали такое? Я вот неоднократно, и чем чаще слышу, тем меньше меня тянет из провинции в пределы этого самого МКАДа* [https://soullaway.livejournal.com/30248.html];

– конечное предложение текста – 5 вхождений (5 %): *Москвичи часто ведут себя так, как будто других городов и временных поясов просто не существует. Такие люди обычно считают, что за МКАДом жизни нет* [https://rbth.ru/read/1680-moskva-prozvisshcha];

– положение непосредственно в тексте – 9 примеров (8 %): *Ну раз пошли здесь истории про москвичей и «за МКАДом жизни нет», добавлю и свои 5 копеек. В советские времена изрядно поколесил по СССР (семья военного), жил и в Казахстане, и в Закавказье, и на Украине* [https://inlnk.ru/1Pjd3g].

ПФ «*За МКАДом жизни нет*» используется в интернет-фольклоре для создания креолизованных мемов (рис. 2).

Рис. 2. Интернет-мемы на основе ПФ «*За МКАДом жизни нет*»

Мем «*Власти лгут! За МКАДом жизни нет уже!*» построен по принципу усиления семантики исходного ПФ и представляет собой сочетание визуального компонента (изображения туннеля в леднике с растерянными людьми и заснеженным пространством на дальнем плане) и вербальной структуры, представленной двумя восклицательными конструкциями.

В основе мема «*За МКАДом жизни нет*» лежит обыгрывание противоречия между изображением географической карты Российской Федерации с выделенными на ней республиками, краями и областями, что подчеркивает величину территории нашей страны, и утвердительной вербальной конструкцией, размещенной в центре изображения, которая по сути отрицает размер государства.

Таким образом, ПФ «*За МКАДом жизни нет*», активно функционируя в языке современных масс-медиа, блогов и интернет-форумов XXI века, является средством обозначения отрицательной аксиологии русской провинции. В основе ПФ лежит известная фраза «*Есть ли жизнь на Марсе?*» из кинофильма советских времен «Карнавальная ночь». Стубститут «*За МКАДом жизни нет*», подвергаясь вторичной трансформации на основе изменения функциональной модальности, представлен в двух вариантах: вопросительной и утвердительной конструкциях. Сочетание «*За МКАДом жизни нет*» может замещать сильные текстовые позиции заголовка, начального или последнего предложения в тексте. Представляет интерес дальнейшее изучение прецедентных единиц – репрезентантов функционально-семантического поля «Провинция».

Библиографический список

Бубнова Н. В. Оним Смоленщина в составе фоновых знаний московского студенчества (по данным ассоциативного эксперимента) // *Язык и культура*. 2016. № 2(34). С. 15–37.

Вешинский Ю. Г. Аксиология культурного пространства-времени (в границах постсоветского культурного пространства) // *Мир психологии*. 2005. № 4 (44). С. 226–236.

Захарова М. В. Игровой конфликт «Москва vs Россия» в русском интернет-пространстве // *Современная регионалистика: традиционные подходы и новые направления: сб. статей II Международной научной конференции, Сургут, 25–26 ноября 2021 года*. Сургут: Сургут. гос. пед. ун-т, 2021. С. 130–135.

Костомаров В. Г., Бурвикова Н. Д. Прецедентный текст как редуцированный дискурс // *Язык как творчество. Сб. статей к 70-летию В. П. Григорьева*. М.: ИРЯ РАН, 1996. С. 297–302.

Паршина О. Д., Бычкова В. С. Прецедентный феномен «Москвы уголок» как мелиоративное обозначение провинции // *Семантика. Функционирование. Текст. К 75-летию со дня рождения С. В. Черновой: межвуз. сб. науч. трудов*. Киров: ООО «Издательство Радуга-ПРЕСС», 2023. С. 134–140.

Паршина О. Д. Об одной трансформации прецедентного феномена «в деревню, к тетке, в глушь, в Саратов» при номинации провинции // *Русский язык: образование, наука, культура: Материалы между-*

народной научно-методической сессии, Москва, 23–25 ноября 2022 года / под общ. ред. С. М. Колесниковой. М.: Моск. пед. гос. ун-т, 2022. С. 160–168.

Паршина О. Д. Прецедентный феномен «прирастать провинцией»: к постановке вопроса // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2020. № 3(38). С. 87–96.

Рагимова Ф. С. Способы актуализации прецедентного высказывания в рекламном тексте: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2006. 24 с.

Самыличева Н. А. Особенности трансформации прецедентных феноменов на разных языковых уровнях // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Филология. 2020. № 6. С. 177–184.

Parshina O. D., Gurova I. V. Peculiarities of the Phraseological Unit “Bear Corner” in Different Russian Discourses // The Discoursal Use of Phraseological Units. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 2021. Pp. 202–222.

Л. Н. Федосеева

Академия ФСИН России,

г. Рязань, Россия

д.филол.н, профессор кафедры русского и иностранных языков

Larisa N. Fedoseeva

*Academy of the Federal Service for the Execution
of Punishments of Russia, Ryazan, Russia*

*Doct. of Phil., Professor of the Department of Russian
and Foreign Languages*

ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

PAREMIOLOGICAL TRANSFORMATIONS IN THE RUSSIAN LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD

Аннотация. Паремнология рассматривается как самобытная часть языка и культуры, часть лексического фонда языка и кладезь культурных фактов из жизни народа, носитель системы ценностей и оценок, знания в этой сфере; как значительная часть картины мира, расширяющая горизонты языковой, коммуникативной и культурной компетенции людей, носителей языка как родного и как иностранного. Анализируются русские пословицы и поговорки, которые не всегда правильно осознаются и употребляются носителями языка, выявляются причины этого феномена: ложные ассоциации; диахронная омонимия; сохранение в структуре выражения устаревших слов; искажение одного из слов-компонентов; утрата концовки; ошибочный перевод иноязычной паремии. Такое обращение приводит, как правило, к изменению смысла и потере мотивации, что отражается на языковой картине мира. Современные носители языка обычно не знают истоков таких паремий, не понимают их изначального смысла и употребляют в речи по «коллективному договору», т.е. закрепляют за пословицей или

поговоркой какое-то новое, часто произвольное значение. Приводятся примеры пословиц и поговорок и этимоны к ним.

Ключевые слова: паремиологические трансформации, русские пословицы и поговорки, языковая картина мира.

Abstract. Paremiology is considered as an original part of language and culture, part of the lexical fund of the language and a storehouse of cultural facts from the life of the people, a carrier of a system of values and assessments, knowledge in this area; as a significant part of the picture of the world, expanding the horizons of linguistic, communicative and cultural competence of people, native speakers both native and foreign. The author analyzed Russian proverbs and sayings, which are not always correctly understood and used by native speakers, and identified the reasons for this phenomenon: false associations; diachronic homonymy; preservation of outdated words in the structure of expression; distortion of one of the component words; loss of ending; erroneous translation of a foreign language proverb. This, as a rule, leads to a change in meaning and loss of motivation, which is reflected in the linguistic picture of the world: modern native speakers usually do not know the origins of such proverbs, do not understand their original meaning and use them in speech according to a “collective agreement”, i.e. assigning some new, often arbitrary meaning to a proverb or saying. Examples and etymons for them are given.

Keywords: paremiological transformations, Russian proverbs and sayings, linguistic picture of the world.

Паремиология любого языка всегда самобытна, национально специфична. Она отражает историю народа, его обычаи и традиции, доказывает связь языка и культуры.

Исследование языка как феномена культуры впервые осуществил В. фон Гумбольдт, «создатель деятельностно-энергетической концепции языка, органично вошедшей в современную культурологию, философию языка и антропологию» [цит. по: Чернова 2008]. По В. фон Гумбольдту, каждый язык имеет свою «внутреннюю форму», специфическую структуру, обусловленную «самобытностью народного духа» [там же]. Ученый понимает язык как орган, формирующий мысль, под-

черкивает зависимость языка от мышления и обусловленность последнего каждым конкретным языком, заключающим в себе свою самобытную классификационную систему, определяющую мировоззрение носителей языка и формирующее их картину мира.

Многие ученые не считают возможным рассматривать языковую семантику вне связи с культурой носителей языка. А. Вежбицкая, например, отмечает, что уже по своим онтологическим свойствам означаемые языковых знаков кодируют в себе признаки и свойства номинируемой внеязыковой действительности, в том числе и культурные реалии [Вежбицкая 1996]. «Языковые знаки как средство социального взаимного воздействия развивают общее для всех членов данного этнокультурного сообщества значение, становясь средством общения», – подчеркивает Н. Ф. Алефиренко [Алефиренко 2010: 274].

Паремиология – часть лексического фонда языка и кладезь культурных фактов из жизни народа, носитель системы ценностей и оценок. Знания в этой сфере составляют значительную часть картины мира, расширяют горизонты языковой, коммуникативной и культурной компетенции людей, носителей языка как родного и как иностранного. Мудрость далеких предков остается актуальной и в современную эпоху высоких технологий и технического прогресса.

Важно помнить, что паремии, как и идиомы, – это устойчивые выражения. Каждое слово в них имеет глубокий смысл, который может быть отчасти или полностью изменен при трансформациях. И эти процессы происходят, отражаясь на картине мира многих носителей языка.

Оказывается, некоторые русские пословицы и поговорки изначально имели не тот смысл, в котором сейчас нередко употребляются. Это может объясняться несколькими причинами: 1) ложными ассоциациями; 2) диахронной омонимией; 3) сохранением в структуре выражения устаревших слов; 4) искажением одного из слов-компонентов; 5) утратой концовки; 6) ошибочным переводом иноязычной паремии.

Приведём примеры на каждый случай и этимоны к ним.

1) *Делу время – потехе час.*

В наш век высоких скоростей и деловой активности этой пословицей люди обычно хотят подчеркнуть приоритетность работы по отношению к отдыху: развлечения нужно заслужить напряженным трудом. Однако изначально это выражение имело другой назидательный смысл: во время работы нельзя забывать о веселье, отдыхе [Виноградов 1999]. Славяне издревле любили и умели устраивать праздники и призывали помнить о них, не посвящая всю свою жизнь исключительно труду. Появление ложной ассоциации привело к искажению смысла паремии.

2) *Остаться с носом.*

В понимании наших современников эта пословица означает потерпеть фиаско (и поделом) в какой-то хитроумной афере, состоящей в обмане добропорядочного человека. Обращено это ироничное выражение обычно к незадачливому дельцу, которому не удалось обвести вокруг пальца покупателя или партнера, и всё, что у обманщика осталось, – это его собственный нос. Но давным-давно эти слова имели совершенно другой смысл и не содержали насмешки. В Древней Руси была традиция, состоявшая в подношении высокопоставленному чиновнику для благополучного решения важного дела. То, что сейчас квалифицируется как коррупция, в средние века было нормой. Подарок, т.е. взятка, назывался «носом» (от «носить», «подношение»). Решение по делу часто зависело от благосклонности чиновника, которого заинтересованные лица старались всячески задобрить. Но это не всегда удавалось: он оказывался принципиальным, или проблема выходила за рамки его полномочий. В таких случаях проситель получал отказ, и нос, т.е. подарок, оставался непринятым. Это означало, что дела плохи, шансы на благополучное разрешение ситуации крайне невелики [Виноградов 1999]. Диахронная омонимия (нос¹ – подношение, нос² – часть тела) привела к смешению понятий и, как следствие, к искажению смысла паремии.

3) *Гол как сокОл.*

СокОл – древнее военное приспособление, а именно тяжелый таран в виде огромного, отесанного бревна, которое раскачивали и направляли на вражеские укрепления, дабы пробить в них брешь. К хищной птице, которую в наше время часто подразумевают при употреблении этого выражения, слово не имеет никакого отношения. У поговорки была развернутая форма *Гол как сокол, остёр как бритва (топор)*, и употреблялась она отнюдь не для того, чтобы укорить человека за его бедность, а, наоборот, с целью похвалить за находчивость и смекалку [Виноградов 1999]. Устаревшее слово, историзм «сокОл», неизвестное многим современным носителям языка, стало причиной изменения значения поговорки.

4) *Первый блин комом.*

Этой поговоркой современники обычно иллюстрируют ситуацию, в которой не всё получается с первого раза, или используют ее в рассуждениях о том, что в жизни очень важен опыт. При этом носители русского языка ошибочно полагают, что мотивация этого выражения восходит к процессу выпечки блинов. В действительности дело обстоит иначе. Первоначально поговорка имела структуру пословицы: *Первый блин – комАм, второй – друзьям, третий – родне, четвертый – мне* – и имела совсем иной смысл. КомАми до крещения Руси называли дрессированных медведей, которых толпы ряженных водили по дворам в праздник «Комоедица», приуроченный к первому весеннему выпасу домашнего скота. Хозяйки готовили густую кашу из толченого гороха, называемую «комом», которой угощали гостей, и первым ее отведывал косолапый [Виноградов 1999]. Так искажение слова и усечение паремии привело к изменению смысла.

5) *Он на этом собаку съел.*

Сейчас эта паремия используется для положительной характеристики опытного человека, профессионала. При этом мотивация выражения весьма затруднена: непонятно, почему по-

едание собаки стало символом мастерства. Объясняется это тем, что выражение со временем потеряло концовку. Давным-давно оно звучало так: *Собаку съел, а хвостом подавился*. Пословица эта о слишком самонадеянном человеке, не рассчитавшем своих возможностей, или о хитреце, которому не удался обман [Даль 1882].

В эту же группу можно включить еще две паремии: *знаться за двумя зайцами* (некогда *Гнаться за двумя зайцами и кабана не поймать*) и *пьяному море по колено* (изначально *Пьяному море по колено, а лужа по уши*). Правда потеря концовки в этих случаях не привела к кардинальному изменению смысла.

б) *Он не в своей тарелке*.

Выражение произошло от французского «*n'etredanssonassiette*» (ты не в своем обычном положении), которое французы используют для обозначения крайне незавидной, критической ситуации. А. С. Грибоедов вложил эту фразу в уста Фамусова, иронизируя, вероятно, над «смесью французского с нижегородским», т.е. плохим знанием иностранного языка своими соотечественниками [Электронный ресурс]. Наши современники, носители русского языка, как и двести лет назад, употребляют эту паремию для характеристики человека, который испытывает неловкость, дискомфорт обычно в новом коллективе или непривычной обстановке. Налицо «трудности перевода».

Пословицы и поговорки представляют собой феномен, обычно требующий и лингвистического, и культурологического толкования. При этом имеют место паремиологические трансформации, происходящие по разным причинам. Эти причины приводят, как правило, к изменению смысла и потере мотивации, что отражается на языковой картине мира: современные носители языка обычно не знают истоков таких паремий, не понимают их изначального смысла и употребляют в речи по «коллективному договору», т.е. закрепляют за пословицей или поговоркой какое-то новое, часто произвольное значение.

Библиографический список

Алефиренко Н. Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2010. 288 с.

Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Рус. словари, 1996. 412 с.

Виноградов В. В. История слов: Ок.1500 слов и выражений и более 5000 слов, с ними связ. Рос. акад. наук. Отд-ние лит. и яз. Науч. совет «Рус. яз.». Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. Москва, 1999. 1138 с.

Даль В. И. Толковый словарь живаго великорусскаго языка. Т. 4. СПб-М.: издание книгопродавца-типографа М. О. Вольфа, 1882. 712 с.

Чернова С. В. Деятельность: Лингвистический анализ: моногр. Киров: Изд-во ВятГГУ, 2008. 213 с.

Электронный ресурс. URL: https://faktodrom.com/view/936/Otkuda_vzylalos_vyrazhenie_ne_v_svoey_tarelke.html?ysclid=lqkredmgv1993315330 (дата обращения 24.12.2023).

И. Э. Федюнина

*Белгородский государственный национальный
исследовательский
университет, г. Белгород, Россия
к.филол.н, доцент кафедры английской филологии
и межкультурной коммуникации*

Р. Е. Богачёв

*Белгородский государственный национальный
исследовательский
университет, г. Белгород, Россия
к.филол.н, доцент кафедры иностранных языков*

Inna E. Fedyunina

*Belgorod National State Research University, Belgorod, Russia
Ph.D., Associate Professor of the Department of English Philology
and Intercultural Communication*

Roman E. Bogachev

*Belgorod National State Research University, Belgorod, Russia
Ph.D., Associate Professor of Foreign Languages*

**ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С СЕМАНТИКОЙ
ДЕЛОВОЙ АКТИВНОСТИ
В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА**

**IDIOMS FOR BUSINESS ACTIVITY
IN RUSSIAN LINGUISTIC WORLDVIEW**

Аннотация. В статье анализируется фрагмент современной русской языковой картины мира, репрезентированный фразеологизмами с семантикой деловой активности. Исследуется специфика дискурсивного функционирования фразеологизмов и факторы, определяющие их прагматический эффект. Выявляется специфика восприятия и оценки деловой активности и ее результатов носителями русского языка.

Ключевые слова: фразеологизм, языковая картина мира, деловая активность, дискурсивная ситуация, прагматический эффект.

Abstract. The paper deals with the fragment of Russian linguistic worldview represented with idioms for business activity. The authors focus on specific ways the idioms under study function in a particular discourse and discuss the factors determining their pragmatic impact. The paper also seeks to reveal what feelings and attitudes native Russian speakers hold towards business activity.

Keywords: idiom, linguistic worldview, business activity, discourse, pragmatic impact.

Одной из основных характеристик языковой картины мира (ЯКМ) является динамичность. ЯКМ постоянно развивается, реагируя на изменения во всех сферах жизни носителей языка. Сегодня особый интерес, на наш взгляд, представляет фрагмент русской ЯКМ, объективирующий различные виды деловой активности посредством фразеологических единиц (ФЕ). До недавнего времени этот фрагмент не отличался богатством и разнообразием, поскольку сфера бизнеса в нашей стране начала активно развиваться только в последние десятилетия. Однако сейчас наблюдается активное заполнение этой ниши и, как показали наши исследования, оно идет двумя основными путями: 1) необходимые ФЕ заимствуются из других языков, в основном из английского (типичные примеры – рассматриваемые ниже ФЕ *стегать мёртвую лошадь* и *скупать рынок*); 2) уже имеющиеся в русском языке ФЕ расширяют сферу своего функционирования и приобретают специфические семантико-прагматические характеристики, актуализируя различные виды, способы и результаты деловой активности (например, ФЕ *накрыться медным тазом*, изначально обозначавшая неудачу, разрушение планов в повседневных жизненных ситуациях, распространила свое «влияние» на сферу бизнеса, актуализируя крах компании или финансового проекта).

Фразеологи-когнитивисты справедливо характеризуют ФЕ как «концентраты когнитивно маркированной информации», заложенной в ЯКМ [Мокиенко 1996: 64], способные «совмещать

две смысловые линии – факт действительности и эмоциональное отношение говорящего к этому факту» [Телия 1996: 179]. Еще одним важным свойством ФЕ является их динамичность и коннотативная гибкость. В дискурсе ФЕ выступают «не как самодостаточные носители готового значения, а как шаги в целостном процессе его конструирования» [Grangier, Meunier 2009: 145], т.е. проявляют способность формировать свое ситуативное значение и прагматическое воздействие на реципиента в зависимости от развития конкретной коммуникативной ситуации.

Наша работа выполнена в русле когнитивно-прагматического подхода, что подразумевает фокусировку внимания на дискурсивном функционировании исследуемых ФЕ, поскольку именно в дискурсе ФЕ «прирастают новыми смыслами, исходящими от коммуникативно-прагматических намерений и целей речемыслительной деятельности» [Алефиренко 2009: 258], что позволяет выявить не только особенности их прагматического эффекта, но и тенденции восприятия и оценки деловой активности носителями языка.

Начнем с краткого анализа дискурсивного функционирования ФЕ, объективирующих успешную деловую активность и доминирование – *оставить конкурентов позади* и *скупать рынок*. Как правило, эти ФЕ имеют фиксированную позитивную оценку, а прагматическое воздействие часто усиливается посредством использования в их дискурсивном окружении модификаторов, подчеркивающих преимущества пребывания на ведущих позициях и использования успешных стратегий:

*Как **оставить конкурентов позади** при помощи SWOT-анализа? Как эффективно применить SWOT-анализ? Возьмите несколько своих конкурентов и сделайте этот анализ сначала на них. Так вы наберете крутые идеи, и, когда приступите к SWOT-анализу своего бизнеса, продукта, он пройдет на качественно ином уровне* [Hallinan 2010: 156].

Однако следует отметить, что довольно часто дискурсивное окружение таких ФЕ имплицитно негативные «побочные

эффекты» конкуренции, стремления к успеху и лидирующему положению:

*Спрос на зарубежные фонды снова усилился. При этом инвесторы напирают на широкий рынок, не особенно интересуясь хайтеками. Оборот ETF обновил годовой рекорд: более \$2,4 млрд. Что примечательно, **скупают рынок** очень широко: индексами на тысячи акций. SPY прибавил 70 % в сделках, шорт NASDAQ подскочил на 75 %. Фонд VTI по итогам октября прибавил в объемах сильнее всех прочих тяжеловесов (75 %) и оставил позади практически всех конкурентов [Емельянов 2023].* В данной ситуации наряду с высокими статистическими показателями используются «агрессивные» модификаторы (*напирать, тяжеловес, широкий хват*), что привносит дополнительные смыслы насилия, хищничества и потенциальной неразборчивости в средствах достижения цели.

Характерные особенности фрагмента ЯКМ, репрезентирующего непродуктивную деловую активность, мы рассмотрим на примере идиомы *стегать мертвую лошадь* (т.е. заниматься деятельностью, которая в принципе не может дать позитивного результата), изначально заимствованной из английского языка. В русской ЯКМ эта ФЕ, сохранив общее значение, значительно расширила коннотативный потенциал, придав ряд специфических черт восприятию и оценке такой деятельности. Рассмотрим ряд ситуаций.

*Эксперименты показали, что финансовые стимулы не оказывают особого влияния на производительность и качество работы. Это относится и к деятельности компаний. Усиление финансовых стимулов, по сути, не изменяет подхода к решению сотрудниками сложных задач. Человек будет трудиться напряженнее, но вовсе не обязательно его действия и подходы окажутся более разумными, и они будут вертеться вокруг проверенной превалирующей стратегии. По сути, этот человек будет **стегать мертвую лошадь** [Hallinan 2010: 170].* В данном контексте ФЕ реализует чисто рациональный аспект оценки за

счет контекстуального указания на объективные данные исследований и непродуктивность практикуемых подходов.

*Если вы думали, что хуже чем «На странных берегах» быть не может, подумайте еще раз. Оказывается – может. Здесь нет ничего нового или позволяющего развивать историю, нет шикарных аттракционов, а все эти «подковёрные игры» банальны и скучны. И куча провалов в логике. Вообще я бы этот фильм назвал неудачной паразитической попыткой рестарта франшизы. Вывод: хватит **стегать мертвую лошадь**...* [Перетолчин 2018]. Здесь важной дополнительной составляющей прагматического воздействия является высокая эмотивность. Негативная коннотация усиливается за счет использования множества диминутивных модификаторов, характеризующих недостатки продукта, и эмфатизации презрения к стратегии компании-производителя.

*Предприятие, руководитель которого доводит дела до ручки и сбегает с самыми ценными активами, неизбежно теряет в ликвидности. Владельцы «Трех семерок» после такого будут рады сбить концессию за любую цену, лишь бы избавиться от столь хлопотного балласта и не **стегать дохлую лошадь**. Их система прогнила до основания, это **авгиевы конюшни**, и их проще сжечь, чем вычистить. Или продать* [Каменистый 2020: 69]. В данном дискурсе ФЕ получает дополнительные смыслы за счет гиперболизации изначальной семантики. Ее дискурсивное соположение с идиомой *авгиевы конюшни* дает образное указание на крайнюю запущенность ситуации, а сама идиома *авгиевы конюшни* подвергается дискурсивной трансформации (метафорическому расширению), что придает основной ФЕ дополнительные смыслы тупика и полной безнадежности. В эмотивном плане прибавляется также резкая ирония по поводу любых попыток исправить ситуацию.

Теперь перейдем к анализу ФЕ, актуализирующих крах, неудачу в бизнесе – *накрыться медным тазом и всплыть кверху брюхом*.

*Все ведь хотят сорвать куш побольше, поэтому жалеют деньги на изучение читательского спроса. А потом издательство **накрывается медным тазом**. Потому как тиражи не расходятся [Маринина 2006: 93]. Здесь крах компании репрезентируется как логический и заслуженный результат жадности и недалководности руководства. Параллельное использование ФЕ *сорвать куш* закрепляет в восприятии реципиента образную ассоциацию алчности и желания получить максимально высокую прибыль с неизбежным разорением.*

*– Нам нужны первоклассные специалисты, а это недешево. Но они все восприняли мое предложение с восторгом. Сразу загорелись идеей. – Ну, загореться – это, конечно, отлично, только главное – не прогореть. Многие компании **всплывают кверху брюхом** от тех кровопусканий, которые им устраивают высокие оклады сотрудников. – Не волнуйся, этот препарат – верняк. Так что плавание я тебе гарантирую не **кверху брюхом**, а на гребне волны [Юденич 2003: 240].* В данной ситуации сталкиваются различные взгляды коммуникантов на рискованную финансовую операцию. Руководитель проекта испытывает сомнения в успехе, а его иронично-критическое отношение подчеркивается посредством использования каламбура, построенного на основе ФЕ *загореться идеей* (*загореться – прогореть*). У его партнера наблюдаем оптимистичный подход с явным превалированием эмотивного элемента, что актуализируется с помощью противопоставления ФЕ с семантикой неудачи (*кверху брюхом*) и ФЕ с семантикой успеха (*на гребне волны*). В результате привносится дополнительная сема азарта, акцент смещается с опасности провала на перспективу успеха, и негативные прагматические элементы исходной ФЕ «оттесняются» на второй план.

Заслуживает внимания также специфика дискурсивного функционирования ФЕ, репрезентирующих различные нарушения закона в сфере бизнеса. Рассмотрим следующий пример:

*– Что обнаружили? **Двойную бухгалтерию**, что же еще. – А зачем ты **ведешь двойную бухгалтерию**? Во всех странах*

компании платят налоги. – Костя! Ты как вчера родился. В цивилизованных странах платят. А здесь куда пойдут эти деньги? В чей карман? Все так делают. Они нас обманывают, мы их [Токарева 2005: 319]. Негативно-оценочная ФЕ *вести двойную бухгалтерию* в данном дискурсе частично теряет отрицательный заряд, поскольку действие получает моральное оправдание, представляясь как своего рода справедливая месть порочной системе, а честное ведение дел видится как глупое и бессмысленное. Наше исследование показало довольно высокую частотность подобных дискурсивных ситуаций в русской ЯКМ.

Таким образом, для семантики и прагматики ФЕ, объективирующих деловую активность, характерны многоаспектность и «многослойность», проявляющиеся в образовании дополнительных ситуативных смыслов и частом противоречии рационального и эмоционального элементов. Разнообразию прагматического эффекта способствуют также дискурсивные трансформации, приводящие к интенсификации или изменению изначальной оценочной коннотации ФЕ. Можно предположить, что это отражает динамичность и относительную новизну деловой активности как фрагмента современной русской ЯКМ. Восприятие и оценка деловой активности носителями языка определяются не только успешностью / неуспешностью деятельности, но и ее потенциальными последствиями, а также личными приоритетами и устремлениями участников ситуации. И, наконец, обратим внимание на еще одну интересную тенденцию: изначальную негативную коннотацию ФЕ с семантикой деловой активности, носящей незаконный характер, может частично затушевываться посредством указания на пороки общества и экономической системы, провоцирующие подобные нарушения.

Библиографический список

Алефиренко Н. Ф. Живое слово: проблемы функциональной лексикологии: Моногр. М.: Флинта: Наука, 2009. 344 с.

Емельянов В. В. «Квалы» скупают рынок широким хватом. [Электронный ресурс]. URL: <https://bcs-express.ru/novosti-i-analitika/populiarnye-etf-v-oktiabre-kvaly-skupaiut-rynok-shirokim-khvatom> (дата обращения 18.12.2023).

Каменистый А. Набирая силу: Роман. М.: Альфа-Книга, 2020. 380 с.

Маринина А. Б. Стилист: Роман. М.: Эксмо, 2006. 439 с.

Мокиенко В. М. Образы русской речи. Историко-этимологические и этнолингвистические очерки фразеологии. М.: МАКС Пресс, 1996. 215 с.

Перетолчин А. Рецензия на фильм «Пираты Карибского моря: Мертвецы не рассказывают сказки». [Электронный ресурс]. URL: <https://www.iv.ru/watch/106357/reviews/49991> (дата обращения 14.12.2023).

Токарева В. С. Птица счастья. М.: АСТ, 2005. 349 с.

Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: «Языки русской культуры», 1996. 288 с.

Юденич М. Ю. Исчадие рая. М.: ООО «АСТ», 2003. 299 с.

Grangier S., Meunier F. Phraseology: An Interdisciplinary Perspective. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing, 2009. 380 p.

Hallinan J. Why We Make Mistakes. New York: Crown, 2010. 343 p.

И. В. Чучкевич

*Минский государственный лингвистический университет
г. Минск, Беларусь
к.филол.н., доцент кафедры истории и грамматики
английского языка*

А. Э. Иванов

*Минский государственный лингвистический университет
г. Минск, Беларусь
преподаватель кафедры истории и грамматики
английского языка*

Е. Ю. Крайнова

*Минский государственный лингвистический университет
г. Минск, Беларусь
преподаватель кафедры фонетики и грамматики
английского языка*

Irina V. Chuchkevich

*Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
Ph.D., Associate Professor of the Department
of History and Grammar
of the English Language*

Artur E. Ivanou

*Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
Lecturer at the Department of History and Grammar
of the English Language*

Ekaterina U. Kraynova

*Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
Lecturer of the Department of Phonetics and Grammar
of the English Language*

К ВОПРОСУ О СЕМАНТИЧЕСКОЙ КЛАССИФИКАЦИИ ПРЕДИКАТОВ В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

CONSIDERING THE SEMANTIC CLASSIFICATION OF PREDICATES IN THE ENGLISH AND THE RUSSIAN LANGUAGES

Аннотация. Описан двойственный характер семантики предиката; выявлен минимальный набор признаков, необходимых для дифференциации типов предикатов в английском и русском языках; представлены варианты комбинаторики признаков, позволяющие разграничить действия, состояния и процессы.

Ключевые слова: семантическая классификация, предикат, действие, состояние, процесс.

Abstract. The dual nature of the semantics of the predicate is described; a minimum set of the features necessary to differentiate types of predicates in the English and the Russian languages has been identified; the combinations of the features distinguishing between actions, states and processes are presented.

Keywords: semantic classification, predicate, action, state, process.

Глубинно-падежный подход к описанию структуры предложения предполагает построение модели предложения исходя из глагольно-именных отношений внутри этого предложения. Вполне естественно, что в русле этого направления исследование зачастую ведется в рамках какого-либо лексического класса, задаваемого глаголом [Макуца 2002]. Однако, «глагол, как известно, находится в весьма специфическом положении. С одной стороны, будучи предикатом, он называет отношения между аргументами пропозиции, с другой стороны, будучи словом, он имеет референцию к какой-либо денотативной области, называя отношения между его партиципантами. ... Таким образом, оказывается, что у глагола его лексическая семантика как бы раздваивается, поскольку глагол является именем двух семантически разнородных сущностей» [Богусевич и др. 2006: 8–9].

Вследствие этого, классификацию предикатов, как правило, проводят по двум взаимосвязанным основаниям [Худяков 2005: 100]: характер отображаемого предикатом признака, безотносительно к аргументам пропозиции; по количеству аргументов, открываемых предикатом (валентностная теория) [Теньер 1988]. Характер отображаемого предикатом признака, безотносительно к аргументам пропозиции, в большинстве случаев есть не что иное, как значение глагола, выступающего в качестве отдельной лексической единицы. Здесь важно видеть разницу между семантической классификацией глаголов и семантической классификацией глаголов-предикатов. Семантическая классификация глаголов подразумевает учет только значения глагола как лексической единицы. При таком подходе мы неизбежно столкнемся со следующими проблемами: избыточность семантических классов глаголов и неустойчивость границ того или иного семантического класса глаголов. Принимая во внимание количество аргументов, открываемых предикатом, можно заметить, что имеется лишь слабо выраженная корреляция между валентностной потенцией предиката и его семантическими характеристиками. Более того, единственным классификационным критерием при проведении семантической классификации, очевидно, может быть только семантический, а не количественный, т.е. важно обратить внимание в первую очередь на качественный состав аргументов, а не на их количество.

При таком двойственном характере семантики предиката оправданно, на наш взгляд, проводить семантическую классификацию глаголов-предикатов, опираясь как на семантику глагола, выступающего в качестве лексической единицы, так и на то, какие значения именных компонентов пресуппонирует глагольная семантика и какие отношения между этими компонентами она задает. Такой метод позволяет избежать количественного и качественного варьирования семантических классов глаголов, и, как следствие, появляется возможность прийти к ограниченному числу структур, задаваемых глаголами-

предикатами. Все это, в нашем понимании, способствует упрощению процедуры анализа семантической структуры предложения.

Общепризнанной классификацией предикатов является разделение их по признаку акциональности. Согласно данному признаку все предикаты делят на акциональные (действие) и статальные (состояния). Разграничение этих двух типов подразумевает определение способности предиката представлять обозначаемое действие как локализованное в виде точки (состояние) или отрезка во времени (действие) на временной оси [Худяков 2005: 101–102]. В английском языке это способность глагола-предиката может быть представлена формально – при помощи грамматической категории вида. Действия могут быть отражены в английском языке при помощи глагольных лексем в форме длительного вида. Состояния не обладают такой способностью.

Сравните:

Действие: *You read this book. – You are reading this book.*

Состояние: *You like this book. – You are liking this book*.*

К сожалению, в русском языке невозможно определить тип предиката таким способом, так как категория вида в русском языке представлена оппозицией форм по другой характеристике действия (совершенный / несовершенный вид) и коррелирующей между видовыми грамматическими формами глаголов в английском и русском языке не наблюдается. Однако, в русском языке, как и в английском, характер локализации действия на временной оси можно определить и другим способом. Этот способ предполагает постановку вопросов типа *Что происходит / произошло?* (в русском языке) или *What happens / happened?* (в английском языке) к предложению, содержащему лексему, которая формализует некоторый предикат. Если исследуемое предложение может являться ответом на такого типа вопрос, значит, оно содержит акциональный предикат [Чейф 1975: 117].

Сравните:

Что происходит? – Она пишет много своих песен.

*Что происходит? – Моей дочке нравится такая музыка.**

What happens? – Our excellent painter draws different pictures.

What happens? – They hate small talk.*

Все вышеописанные способы носят абстрактный характер. В реальной речи мы можем сталкиваться с различного рода сдвигами в значениях. Чтобы сделать классификацию удобной, применимой ко всему множеству предложений, встречаемых в реальной речи, необходим учет особенностей пропозиции, в частности, качественных характеристик аргументов. И здесь, казалось бы, мы сталкиваемся, с проблемой. На данный момент семантическому синтаксису не удалось сформулировать общепринятой классификации типов аргументов. Однако, все теории, имеющие дело с семантической структурой предложения (даже в разноструктурных языках) признают и одинаково определяют одну семантическую роль – Агенс. Согласно «Лингвистическому энциклопедическому словарю», Агенс – это «типичная семантическая характеристика (роль) участника ситуации, описываемой в предложении. Термином «агенс» обозначают» одушевленного участника ситуации, ее намеренного инициатора, который контролирует ситуацию, непосредственно исполняет соответствующее действие и является «источником энергии» этого действия» [Лингвистический... 1990: 17]. В своей работе «Значение и структура языка» У. Чейф предлагает также учитывать наличие или отсутствие Пациенса в пропозиции предложения [Чейф 1975]. Термином «пациенс» обозначают участника, вовлеченного в ситуацию, которую он не контролирует и не исполняет. ... Пациенс указывает на объект воздействия, претерпевающий соответствующее изменение состояния» [Лингвистический...1990: 369]. Однако, здесь необходимо иметь в виду, что под Пациенсом ученый понимает любой объект воздействия, который в более современных классификациях аргумен-

тов может являться не только Пациентом, но и Экспериментером, Фактитивом, Объективом и т.д.

Все вышесказанное дает основания полагать, что семантическая классификация предикатов, отражаемых средствами разноструктурных языков, может базироваться на комбинаторике следующих признаков:

- наличие/отсутствие Агенса в пропозиции предложения;
- возможность / невозможность постановки вопроса типа *Что происходит / произошло?* в русском языке или *What happens / happened?* в английском языке.

Данные признаки могут быть скомбинированы следующим образом:

- наличие Агенса – возможность постановки вопроса типа *Что происходит / произошло?* в русском языке или *What happens / happened?* в английском языке;

- отсутствие Агенса – невозможность постановки вопроса типа *Что происходит / произошло?* в русском языке или *What happens / happened?* в английском языке;

- отсутствие Агенса – возможность постановки вопроса типа *Что происходит / произошло?* в русском языке или *Whathappens / happened?* в английском языке;

- наличие Агенса – невозможность постановки вопроса типа *Что происходит / произошло?* в русском языке или *Whathappens / happened?* в английском языке.

Так, для **действий** характерна реализация в пропозиции предложения Агенса, а также возможность постановки вопроса типа *Что происходит / произошло?* в русском языке или *Whathappens / happened?* в английском языке. Например: *What happened? – Costner bought the home over a decade ago. Что произошло? – Однажды мой отец принес домой вороненка для меня.*

Предложения с предикатами **состояния** характеризуются отсутствием Агенса и невозможностью постановки вопроса типа *Что происходит / произошло?* в русском языке или *Whath-*

appens / happened? в английском языке. Например: *What happens? – The document **contains** both confidential and non-confidential information**. *Что произошло? – Целых шесть лет он знал имена некоторых заговорщиков**.

Комбинация таких признаков, как отсутствие Агенса и возможность постановки вопроса типа *Что происходит / произошло?* в русском языке или *What happens / happened?* в английском языке, характерна для **процессов**. Например: *What happens? – During this time the follicles **ripen** and become ready for transplant. Что произошло? – В дальнейшем уровень жизни **улучшился**.*

Комбинация «наличие Агенса – невозможность постановки вопроса типа *Что происходит / произошло?* в русском языке или *What happens / happened?* в английском языке» не была обнаружена.

Итак, с одной стороны, единственным классификационным критерием при проведении семантической классификации, несомненно, может быть только семантический. С другой стороны, двойственная природа семантики предиката предполагает двухступенчатый анализ при отнесении предиката к тому или иному типу. Здесь целесообразно учитывать как семантику предиката безотносительно к пропозиции, так и качественные характеристики аргументов пропозиции, задаваемой предикатом.

Существование многочисленных исследований, посвященных типологии предикатов, структурные различия языков, а также трудности, возникающие в практике преподавания при рассмотрении семантической структуры предложения, обусловленные многообразием точек зрения на таксономию предикатов и открываемых ими аргументов, побудили нас к поиску оптимальных, универсальных для разных языков признаков, минимально необходимых для разграничения действий, процессов и состояний. Такими признаками, на наш взгляд, являются наличие / отсутствие Агенса в пропозиции предложения, а также возможность / невозможность постановки вопроса типа *Что*

происходит / произошло? в русском языке или *What happens / happened?* в английском языке.

Библиографический список

Богушевич Д. Г., Иванова И. В., Макуца Е. В. О взаимоотношении пропозиции и ситуации в предложении // Структура, семантика и функционирование языковых единиц разных уровней / под ред. Д. Г. Богушевича. Минск, 2006. Вып. 2. С. 7–15.

Лингвистический энциклопедический словарь / под общ. ред. В. Н. Ярцевой. М.: Сов. энциклопедия, 1990. 685 с.

Макуца Е. В. Структура и семантика предложений с глаголами физического восприятия в английском языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Минск, 2003. 116 с.

Теньер Л. Основы структурного синтаксиса. М.: Прогресс, 1988. 654 с.

Худяков А. А. Теоретическая грамматика английского языка. М.: Издательский центр «Академия», 2005. 256 с.

Чейф У. Л. Значение и структура языка. М.: Прогресс, 1975. 432 с.

К. Ю. Юрикова

ОШ «Университетская» Елабужского института КФУ

г. Елабуга, Россия

аспирант, учитель русского языка и литературы

Kamillya Y. Yurikova

Universitetskaya Public School of Yelabuga Institute

of Kazan Federal University, Yelabuga, Russian

Postgraduate student, Teacher of Russian language and literature

ОСОБЕННОСТИ ОБРАЗОВАНИЯ ФАМИЛИЙ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ ЕЛАБУГИ XIX – НАЧ. XX ВЕКА

FEATURES OF THE FORMATION OF THE SURNAMES OF ENTREPRENEURS OF YELABUGA BEGINNING THE XIX – XX CENTURIES

Аннотация. Рассмотрены стилистические, словообразовательные, этимологические особенности фамилий купцов и предпринимателей города Елабуга. Показаны закономерности функционирования антропонимов в контексте жизни провинциального города конца XIX – начала XX веков.

Ключевые слова: ономастика, антропонимика, антропоним, индивидуальные имена, групповые имена, онимы, апеллятивы, провинциальный город.

Abstract. The stylistic, word-formation, etymological features of the origin of the surnames of merchants and entrepreneurs of the city of Yelabuga are considered. The regularities of the functioning of anthroponyms in the context of the life of a provincial city of the late XIX – early XX centuries are shown.

Keywords: onomastics, anthroponymy, anthroponym, individual names, group names, onyms, appellatives, provincial town.

Елабуга – один из малых городов России, расположенный на берегу Камы, являющийся колыбелью таких прославленных личностей, как Марина Цветаева, Надежда Дурова, Иван Шишкин, Владимир Короленко и др., город, где сочетаются богатая история, традиции и инновации. На рубеже XIX–XX вв. Елабуга становится «купеческой столицей Прикамья» благодаря активной и успешной предпринимательской деятельности купеческих династий Ушковых, Стахеевых, Гирбасовых, Шишкиных и др.

Известно, что имена собственные являются не только способом обращения к человеку, но и индикацией его социального, юридического статуса [Мадиева, Супрун 2010: 96]. Цель статьи – установление особенностей образования и функционирования антропонимов в условиях жизни и быта провинциального города. Актуальность данного исследования заключается в том, что имена собственные, обозначающие фамилии, являются сложным спектром онимов, анализ которых должен учитывать и историю культуры, и особенности психологии и деятельности людей, и традиции [Суперанская 1973: 174].

В качестве опорного мы будем использовать классическое определение антропонима, отраженное в «Словаре русской ономастической терминологии» Н. В. Подольской: «Вид онима. Любое собственное имя, которое может иметь человек (или группа людей), в т.ч. личное имя, отчество, фамилия, прозвище, псевдоним, криптоним, кличка и др.» [Подольская 1978: 31].

Материалом исследования послужила газета «Камский листокъ объявленій» – еженедельное рекламное издание 1897–1903 гг., сохранившееся в фондах Елабужского государственного музея-заповедника. Интерес представляют антропонимы, вошедшие в состав эргонимов. Подобные онимы влияют на узнаваемость реализуемого товара и услуги согласно владельческому принципу номинации [Романова 2006: 175].

Рассмотрим историю жизни носителей антропонимов – известных купцов и предпринимателей провинциального города Елабуга. Их имена являются примером групповых антропони-

мов, принадлежащих родовым, династическим именам [Суперанская 1973: 176].

Династия Стахеевых

Это одна из известнейших семей не только в Елабуге, но и за пределами России, славившихся щедростью, которая стала фамильной чертой представителей данного рода. *Главная фамилия в городе – Стахеевы. И это не просто фамилия, а второе слово после слова Елабуга. Стахеевы здесь имеют ко всему отношение. Они сильнее губернатора. Они почти царствующий дом... У них столько капиталов... сколько их нет во всей Елабуге* [Пермяк 1968]. Местные легенды свидетельствуют о том, что происхождение данной фамилии восходит к XVI веку. Боярин Стах якобы был сослан Иваном Грозным в Казанское ханство. От данного имени при помощи суффикса *-ев* и образовалась фамилия Стахеев.

Исторические документы отражают информацию о Максиме Стахееве, который стал родоначальником известной купеческой династии, а торговую деятельность по продаже лопат, грабель, вил начал вместе с сыном Кириллом в Елабуге в XVIII веке [Фейгина 2023].

Династия Шишковых

Одним из известных представителей данного рода является Иван Васильевич Шишкин (1792–1872), купец города Елабуга, автор книги «Жизнь Елабужского купца Ивана Васильевича Шишкина, писанная им самим в 1867 году», дважды выбран городским главой и старостой. Иван Васильевич прилагал массу усилий для повышения качества жизни горожан: принимал участие в строительстве водопровода, соляного и винного магазинов, возведении церкви и Соборного дома [Фейгина 2023].

Происхождение данной фамилии связывают с жителями села Трехсвятское (Дмитрий Степанович Шишкин, его сыновья Иван, Тихон, Прокофий и Афанасий), позже переименованное в Елабугу. Однако семья славилась и серебряным мастерством,

поэтому потомков Шишкина – детей и внуков – называли Серебряковыми.

Антропоним Шишкин (от апеллятива «шишка») встречается в документах о переписи населения Древней Руси времен правления Ивана Грозного и входит в реестр звучных фамилий, которые за особые заслуги получали приближенные царя: *Шишкины – это старинный дворянский род из брянских и рязанских бояр. Настоящее происхождение фамилии Шишкин связано с именем Солохмир – татарский мурза, который относится к золотоордынскому роду эмиров, именно он и является родоначальником семейной ветви* [Электронный ресурс].

Династия Ушковых

Ушковы стали известны благодаря вложениям своего капитала в химическую промышленность. Их елабужские заводы были крупнейшими в стране, где, впервые в России, были созданы наименования химической продукции. В дальнейшем к началу XX века появилось Товарищество химических заводов «П. К. Ушков и Ко», позволившее расширить производство и объединить капитал с другими влиятельными лицами [Есиева 2004: 10].

Купеческая династия берет свое начало от уроженца Вятской губернии Егора Максимовича Ушкова (1764). Интересно, что нижнетагильские однофамильцы Ушковы также были предпринимателями.

Фамилия Ушков образована от личного прозвища с присоединением суффикса *-ов* (в нач. XVII века) и относится к одному из распространенных типов славянских фамилий. *Ушко* – уменьшительно-ласкательная форма от *ухо* – одно из прозвищ украинского происхождения, указывающее на отличающуюся формой или размером ухо. Существуют и производные от слова «ухо»: Ухан, Ушан, Ушатый и др. [Электронный ресурс].

Династия Гирбасовых

Известность представители данного рода получили после развития торговли в Елабуге Вятской губернии. Четыре брата:

Фёдор, Николай, Александр и Афанасий Прохоровичи – вели торговлю в середине XIX века. Фёдор Гирбасов наиболее успешно реализовывал коммерческую деятельность, выступил основателем торгово-промышленного товарищества «Ф. П. Гирбасов с сыновьями и К^о». Семья занималась торговлей чаем, хлебными товарами, сахаром и бумажной пряжей, реализацией мукомольного дела, продвинувшегося далеко за пределами Елабуги [Маслова 2019].

История возникновения фамилии восходит к середине XVIII века, когда впервые были обнаружены упоминания данного антропонима. В связи с тем, что летописи принадлежали духовенству, существует следующая версия ее возникновения: *В большинстве случаев, это означает, что предок был священнослужителем. После окончания семинарии, всем выпускникам, которые не имели фамилии, давались новые. Таким образом, их крепко связывали с церковью. Зачастую, потом сан и приход уже передавались от отца к сыну* [Электронный ресурс].

Еще одна версия происхождения объясняет татарские корни данного онима, согласно воспоминаниям Гавриила Фёдоровича и Петра Гаврииловича, сына и внука Фёдора Прохоровича (Гирбасовы – древний татарский род, идущий от Грей-басхана).

Кроме того, существует и третья трактовка появления антропонима Гирбасов: *русская, болгарская, азербайджанская или еврейская мужская фамилия. С половины XVI столетия приблизительно 60-70 % русских фамилий постепенно усвоило застывшие патронимические суффиксы –ов/-ев/-ёв* [Электронный ресурс].

Анализ этимологии и жизненного уклада групповых антропонимов показал, что они преимущественно славянского и тюркского (татарского) происхождения, образованы при помощи суффикса *-ин* (если основа женского рода и некоторых слов мужского рода оканчивается на *-а*), и патронимических суффиксов *-ев, -ов* (сопоставимых с именами собственными и нарица-

тельного мужского и среднего рода). Данные фамилии являются словами *pluraliatantum*, единственное число используется лишь при обозначении отдельного представителя династии и переходит из группового в индивидуальный антропоним [Суперанская 1978: 178]. Еще одна особенность данных онимов заключается в том, что они не имеют прямого указания на социальное положение человека, за исключением прозвища Шишкиных – Серебряковы, которое не получило широкой известности. Маркеры оценочности в личных именах отсутствуют.

В газете «Камскій листокъ объявленій» также были обнаружены индивидуальные и групповые антропонимы в составе следующих эргонимов: «Русская печатня И. Н. Кибардина», «Часовая мастерская М. П. Благодасткаго», «Гастрономическая и бакалейная торговля Коробицына», «Галантерейно-модный магазин А. Ф. Леденцевой с сестрами», «Мучная торговля Порфирия Степановича Лобанова», «Магазины Николая Евграфовича Тихоравовавъ Елабугъ», «Зубо-врачебный кабинет Г. Б. Лифшица». Однако для полного стилистического, этимологического, словообразовательного анализа этих антропонимов необходима полная и достоверная информация о жизни купцов, владеющих данными предприятиями, которая отсутствует в открытых источниках.

Таким образом, антропонимическая система наименований является строго заданной и официально утвержденной, отражает национальную, культурную специфику исследуемой общности людей. Основными функциями фамилий в рамках функционирования в условиях провинциального города могут быть названы следующие: объединяющая, определяющая, идентифицирующая, дифференцирующая [Мадиева, Супрун 2010: 100].

Библиографический список

Есиева А. В. Купеческая династия Ушковых: Первая половина XIX в. – 1918 год: автореф. дис. ... канд. истор. наук: 07.00.02. Казан. гос. ун-т им. В. И. Ульянова-Ленина. Казань, 2004. 27 с.

Мадиева Г. Б., Супрун В. И. Антропонимы как средство выражения национальной культуры // Известия ВГПУ. Проблемы ономастики. 2010. С. 96–102.

Маслова И. В. Торгово-промышленное товарищество «Ф. П. Гирбасов с сыновьями и К^о» в Елабуге // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2019. № 3. С. 6–15.

Пермяк Е. А. Азбука нашей жизни. М.: Дет. лит., 1968. 112 с.

Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / АН СССР, Ин-т языкознания. М.: Наука, 1978. 198 с.

Происхождение фамилии Ушков. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.analizfamilii.ru/Ushkov/proishozhdenie.html> (дата обращения 18.12.2023).

Происхождение фамилии Шишкин: история, значение, версии. Дворянский род Шишкиных. [Электронный ресурс]. URL: <https://fb.ru/article/388632/proishozhdenie-familii-shishkin-istoriya-znachenie-versii-dvoryanskiy-rod-shishkininyh> (дата обращения 18.12.2023).

Раутиан Т. Легенды о происхождении Гирбасовых. [Электронный ресурс]. URL: <http://rautian.ru/?story&id=1015> (дата обращения 18.12.2023).

Романова Т. П. Эволюция типов рекламных имен в истории русской эргонимии (XIX – начала XX вв.) // Вестник Самарского государственного университета. 2006. С. 174–180.

Сафронов А. Значение фамилии Гирбасов. [Электронный ресурс]. URL: <https://znachenie-familii.com/girbasov/> (дата обращения 18.12.2023).

Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. М.: Наука, 1973. 366 с.

Суперанская А. В. Теоретические основы практической транскрипции. М.: Наука, 1978. 283 с.

Фамилия Гирбасов: происхождение, значение, склонение. [Электронный ресурс]. URL: <https://woords.su/surnames/surname-girbasov> (дата обращения 18.12.2023).

Фейгина А. Иван Васильевич Шишкин – попечитель родной Елабуги. [Электронный ресурс]. URL: <https://lavravcheremushkah.ru/stati-i-publikatsii/avtorskie-stati/ivan-vasilevich-shishkin-popechitel-rodnoy-elabugi/> (дата обращения 18.12.2023).

Яо Бо

*Чэндуский университет иностранных языков, г. Чэнду, Китай
старший преподаватель*

Yao Bo

*Chengdu University of Foreign Languages, Chengdu, China
Senior Lecturer*

ТЕМА СЕМЬИ В РУССКИХ РЕКЛАМНЫХ ПЛАКАТАХ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

THE THEME OF FAMILY IN RUSSIAN ADVERTISING POSTERS OF THE SOVIET PERIOD

Аннотация. Рассматривается вопрос о содержательных особенностях русской социальной рекламы. Анализируется динамика отражения семейных ценностей в текстах рекламных плакатов советского периода России. Делается вывод о том, что содержание современной семейной рекламы зиждется на ценностных смыслах, получивших проверку в плакатном творчестве Советского Союза.

Ключевые слова: социальная реклама; семейные ценности; советский рекламный плакат; образ женщины-матери; образ мужчины-отца.

Abstract. The issue of the content features of Russian social advertising is considered. The dynamics of the reflection of family values in the texts of advertising posters of the Soviet period of Russia is analyzed. It is concluded that the content of modern family advertising is based on value meanings that have been tested in the poster art of the Soviet Union.

Keywords: social advertising; family values; Soviet advertising poster; image of a woman-mother; image of a man-father.

Социальная реклама начала активно развиваться в России и Китае не очень давно и практически одновременно. Необходи-

димось в такой рекламе возникла в обеих странах примерно по одной и той же причине – смена курса развития государства и решение задач движения вперед.

Цель социальной рекламы – изменить отношение публики к какой-либо проблеме, а в долгосрочной перспективе – создать новые социальные ценности [Николайшвили 2008].

По своей сути социальная реклама – это «информация, распространенная любым способом, в любой форме и с использованием любых средств, адресованная неопределенному кругу лиц и направленная на достижение благотворительных и иных общественно полезных целей, а также обеспечение интересов государства» [Федеральный...]. Такое определение дает федеральный закон «О рекламе».

По мнению Н. Ю. Гладких и В. Л. Ванер, это широкое определение включает в себя «практически все виды возможных коммуникаций, целью которых является “общественное благо” – от призывов к изменению моделей поведения, до сбора пожертвований» [Гладких, Вайнер 2017].

Эффективной социальной рекламой должно быть такое сообщение, которое «способно изменить смысловое поле человека, стать внутренним ориентиром действия и, в конечном итоге, частью мировоззрения» [Пронина и др. 2018: электр. ресурс].

По мнению Г. Г. Николайшвили, социальная реклама выполняет следующие функции:

– *информационную*, которая подразумевает информирование граждан о том, что существует определенная социальная проблема и акцентирование внимания к ней;

– *экономическую*, которая проявляется в стремлении достичь экономически выгодных государству результатов, поскольку устранение многих социальных проблем ведет к благосостоянию государства: здоровью нации, поступлению налогов в бюджет и др., что увеличивает потенциал государства и, в конечном счете, ведет к прибыли;

– *просветительскую*, обеспечивающую распространение в обществе определенных социальных ценностей;

– *социальную*, направленную на формирование общественного сознания и на изменение поведенческих моделей;

– *эстетическую*, которая реализуется через формирование вкуса потребителей. В социальной рекламе эстетическая функция может быть двух видов – имеющая позитивный (настраивание на благоприятное настроение, что в свою очередь должно стимулировать решение проблемы) и негативный характер (демонстрация неприглядных аспектов проблемы). Реклама, выполняющая негативную эстетическую функцию, имеет агрессивный характер. Она, как правило, показывает «что будет, если не...» (например, реклама о борьбе со СПИДом, реклама ГИБДД о травматизме при вождении в нетрезвом состоянии и т.д.) [Николайшвили 2008: 17].

Многообразие функций социальной рекламы позволяет говорить о множестве ее видов. В последние годы число основных направлений современного социального рекламирования увеличивается. Например, исследователь социальной рекламы П. А. Кузнецов выделяет 9 основных направления социальной рекламы:

– *военно-силовая* социальная реклама;

– *государственно-патриотическая имиджевая* реклама – поздравления и призывы (по мнению ученого «наиболее классический тип социальной рекламы. Свое распространение он получил еще в советский период в форме массовых агитационных материалов»);

– *реклама здорового образа жизни*;

– *реклама правил дорожного движения*;

– *реклама на тему семьи, детей, образования* имеет следующие подгруппы:

а) *рекламно-информационное обеспечение местных социальных программ*;

- б) рекламно-информационная поддержка семейных ценностей;
- в) мотивирующая реклама по усыновлению детей;
- г) реклама по формированию престижности образования;
- д) иная реклама данной тематики;
 - *спортивная* реклама;
 - *экологическая* реклама;
 - *экономическая и налоговая* реклама [Кузнецов 2013: 34–35].

По статистике опроса на тему главных ценностей россиян, проведенного Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ) в 2023 г., 68 % россиян наиболее важной ценностью назвали крепкую семью. Среди других ценностей – гордость за страну и преемственность поколений (10 %), дружба и жизнь, достоинство, права и свободы человека (8 %), единство народов России (7 %), самореализация (3 %), милосердие (2 %) и развитие (2 %). Исходя из этого, можно сказать, что семейные ценности для россиян безусловно самые важные.

Ценности семьи необходимо формировать еще в родительской семье, а затем в школе и других образовательных учреждениях, в молодежных организациях и трудовых коллективах. Большую роль в этом процессе могут и должны играть средства массовой информации, в том числе социальная реклама, посвященная семейной тематике.

Известно, что 2024 год был объявлен президентом России «Годом семьи» [Указ...]. В связи с этим огромную важность сейчас в России приобретают задачи формирования в общественном мнении таких ценностей, как *молодая семья, материнство и отцовство, роль и место детей в жизни каждого взрослого человека* и под. [см. об этом: Рогова 2007]. Причем эти ценности должны формироваться как постоянные, вечные, непреходящие.

Те же самые процессы развиваются сегодня в Китае, и было бы интересно проследить, в чем совпадают и чем отлича-

ются друг от друга государственные усилия России и Китая в этой области. Однако в настоящей статье мы сосредоточим внимание на особенностях продвижения семейных ценностей в русском информационном пространстве советского периода, т.е. в СМИ Советского Союза. Это поможет нам в будущем определить параметры тех изменений, которые характеризуют современную русскую социальную рекламу семейной тематики.

Материалом анализа в работе служат агитационные (рекламные) плакаты, посвященные семье, женщине-матери, воспитанию детей.

В Советском Союзе государственная политика в области семьи находилась в зачаточном состоянии, однако в то время от государства и не требовалось специальных действий: ценность семьи и детей в народном сознании носила традиционный характер и потому была крепкой, устойчивой, не нуждающейся в рекламной поддержке.

Вместо ненужной для советского человека пропаганды семейных ценностей широкое распространение получают в это время идеи о ведущей роли в жизни человека коллективных, общественных интересов. Семейный быт противопоставляется общественному, а идеи о семье и внутрисемейных связях не обсуждаются. Поэтому ценности, связанные с супружеством, в плакатном творчестве почти не рассматриваются.

В связи с этим ценности, связанные с родительством и семьей, оказались существенно трансформированными. В СССР в социальных плакатах чаще всего позиционируется образ женщины с одним ребенком, гораздо реже – с двумя детьми. Такая трансформация связана с тем, что с 1920 г. женщины привлекают внимание плакатистов, прежде всего, как работницы. Также в условиях «холодной войны» женщина в плакатах становится активной поборницей мира и выступает защитницей ребенка и мира, как, например, показано в плакате на рис. 1; кроме того,

плакаты этого времени активно изображают женщину как труженицу, ответственную и хорошую работницу (см. рис. 2, 3):

Рис. 1. Мир – мир!
1952 г.

Рис. 2. Женщина-
труженица. 1966 г.

Рис. 3. Женщина-
труженица. 1972 г.

Некоторый перелом в осмыслении роли советской женщины в обществе начинается во второй половине 50-х гг., когда наряду с вышеуказанными темами плакатов появляются и другие. Так, в условиях ослабления общественных форм воспитания детей, в плакатах начинают предъявляться требования к женщине-матери как центру семейного воспитания подрастающего поколения. Выходит ряд плакатов, возлагающих на мать функцию духовно-нравственного воспитателя детей, что отражено, например, в следующих плакатах (см. рис. 4, 5):

Рис. 4. Носи с честью!
1956 г.

Рис. 5. Будь достойным
сыном Родины! 1960 г.

Интересно, что в советских плакатах семейной тематики мужчина как часть семьи практически не изображался. На протяжении всей советской истории мужчины позиционировались государством как «строители», «созидатели», «защитники Отечества», которые много работали, в том числе вдали от дома, поэтому считалось, что они не имеют возможности принимать непосредственное участие в воспитании детей. Иначе говоря, социальный плакат того времени практически не отражал ценности отцовства; роль отца в процессе воспитания детей никак не обсуждалась, мужчине отводилась лишь роль кормильца семьи. Если плакаты и использовали образ отца, то, как правило, это связывалось с приобщением ребенка к спорту и здоровому образу жизни.

Окончательный перелом в осмыслении темы семьи происходит в Советском Союзе во второй половине 70-х гг. XX в. Об этом свидетельствуют рекламные плакаты того времени (см. рис. 6, 7):

Рис. 6. Дети – счастье семьи. 1976 г.

Рис. 7. Как невесту Родину мы любим

Как видно, на этих плакатах изображена уже полноценная семья, где и женщина, и мужчина показаны заботливыми хранителями семейного счастья и для себя, и для детей, а в конечном счете – и для Родины.

Сегодня социальная реклама семейной тематики, основываясь на выработанных и проверенных в советское время постулатах, объединяет в содержании и графике своих текстов все необходимые для продвижения семейной идеологии компоненты, а именно образы обоих родителей, образы детей (сегодня это чаще всего не один, а два или более ребенка), общая целевая идея, организующая вокруг себя все образы, – счастливая жизнь в семье, здоровье семьи, образование детей, финансовые накопления для будущего детей и др.

Таким образом, завершая статью, подчеркнем нашу основную мысль: современная русская социальная реклама семейной тематики имеет долгую историю и зиждется на ценностных смыслах, получивших проверку временем и жизнью.

Библиографический список

Гладких Н. Ю., Вайнер В. Л. Социальная реклама как инструмент решения социальных проблем. Опыт Республики Корея. М.: Изд-во Олега Пахмутова. 2017. 23 с.

Закон РФ «О рекламе» от 13.03.2006 N 38-ФЗ (ред. от 24.07.2023). Статья 3.

Кузнецов П. А. Социальная реклама. Теория и практика. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2013. 175 с.

Николайшвили Г. Г. Социальная реклама: теория и практика. М.: Аспект Пресс, 2008. 191 с.

Пронина И. Л., Сиротина Н. В., Фадина И. Н. Социальная реклама. [Электронный ресурс]. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2018. – 1 электрон. опт. диск.

Рогова А. М. Особенности формирования семейных ценностей у современной российской молодежи. Современные проблемы науки и образования №. 2. 2007. С. 42–46.

Указ Президента Российской Федерации от 22.11.2023 № 875 «О проведении в Российской Федерации Года семьи». [Электронный ресурс]. URL:

<http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202311220013?ysclid=lt2k7zakhy580280919>(дата обращения 20.01.2024).

IV. ЯЗЫК И ПОЛИТИКА. ЯЗЫК ИДЕОЛОГИИ В СОВРЕМЕННЫХ МАССМЕДИА

УДК 81'272

И. А. Абдикадыр

*Казахстанский университет инновационных
и телекоммуникационных технологий
г. Уральск, Республика Казахстан
ст. преподаватель кафедры общественно-гуманитарных
дисциплин*

Indira A. Abdikadyr

*Kazakhstan University of Innovative and
Telecommunication Technologies
Uralsk, Republic of Kazakhstan
Senior lecturer at the Department of Social
and Humanitarian Disciplines*

ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ У РЕПАТРИАНТОВ-КАЗАХОВ В ПОЛИЯЗЫЧНОМ КАЗАХСТАНЕ

LANGUAGE PECULIARITIES OF REPATRIATE-KAZAKHS IN MULTILINGUAL KAZAKHSTAN

Аннотация. В статье рассматривается один из важнейших аспектов современной языковой политики Казахстана – языковая и культурная интеграция казахских репатриантов. Отмечена языковая ситуация казахов-репатриантов после возвращения в страну. Также отмечено влияние языковой ситуации Казахстана на репатриантов, их языковые особенности и языковое состояние.

Ключевые слова: репатрианты, адаптация, языковые особенности, репатриант-казах.

Abstract. The article examines one of the most important aspects of the modern language policy of Kazakhstan – the linguistic and cultural integration of Kazakh repatriates. The language situation of Kazakh repatriates after returning to the country is noted. The influence of the language situation in Kazakhstan on repatriates, their linguistic characteristics and linguistic condition was also noted.

Keywords: repatriates, adaptation, language peculiarities, repatriate-Kazakh, returnees.

Репатрианты-казахи, приезжающие из стран, не входящих в состав СНГ, часто сталкиваются с проблемами, связанными с широким распространением и регулярным употреблением в общественной жизни русского языка. Язык является основой любого общения, поэтому языковая интеграция оказывается первостепенной для оралманов. Успешность интеграции репатриантов-казахов (оралманов) в казахстанское общество во многом зависит от степени и успешности их языковой, социальной и культурной адаптации.

Основными мотивами возвращения репатриантов-казахов в Казахстан являются желание сохранить казахскую идентичность, самобытность, язык, культуру и традиции своей исторической родины, укрепить свою связь с ней, обеспечить будущее детей.

Связано это с двумя главными обстоятельствами, которые имеют непосредственное отношение к успешной адаптации репатриантов-казахов к жизни в казахстанском обществе: с одной стороны, это особенности владения родным казахским языком, с другой – незнание русского языка.

Языковая политика является частью национальной политики любого государства. При этом язык, будучи, как правило, объектом языковой политики, нередко используется в качестве инструмента для решения текущих политических задач.

На сегодняшний день особую актуальность представляет проблема усвоения русского языка молодым поколением репатриантов – этнических казахов, которые, вернувшись на истори-

ческую родину, обучаются в школах, колледжах и вузах страны. При этом процесс языковой и социокультурной адаптации студентов репатриантов-казахов сопряжен с трудностями как языкового, так и психологического плана. Кроме того, следует учитывать факт широкого распространения русского языка как компонента двуязычия/полиязычия в Казахстане, а также функционирования его как средства межнационального общения. В этих условиях усвоение русского языка становится одним из факторов успешной адаптации студентов репатриантов-казахов в полиэтничном казахстанском социуме.

В современном поликультурном пространстве студенты-репатрианты осуществляют коммуникацию с людьми разных национальностей, в связи с чем возникает необходимость изучения русского языка как языка межнационального общения. Создание условий для эффективного усвоения русского языка и решение вопросов реализации учебной программы, ориентированной на межкультурную коммуникацию, несомненно, играют немаловажную роль в успешной адаптации студентов-репатриантов.

Таким образом, исследование вопросов языковой и культурной адаптации репатриантов-казахов в условиях современного Казахстана приобретает особую научно-методическую актуальность и социально политическую значимость. В настоящее время отдельные аспекты этой многогранной проблемы являются предметом научных изысканий разных исследовательских групп.

Казахский язык оралманов из Китая, Монголии и других стран существенно отличается от казахского языка метрополии. Эти отличия в первую очередь наблюдаются в лексической системе и в плохом владении репатриантами-казахами кириллическим письмом.

Язык оралманов отличается от языка казахстанских студентов, которые чаще всего являются билингвами и полилингвами. Они разговаривают на родном казахском языке той стра-

ны, откуда прибыли, и есть такие, которые хорошо владеют английским языком. Их всех объединяет единое социально-информационное пространство.

Особенно возрастает роль языковой подготовки студентов-репатриантов (оралманов, этнических казахов), прибывших на свою историческую родину из Китая, Монголии, Турции и других стран. Оказавшись в современном поликультурном пространстве, студенты-репатрианты, владеющие исключительно родным (казахским) языком, испытывают потребность в построении своих отношений с людьми из разных социальных, профессиональных, этнических групп. Поэтому обучение студентов-репатриантов русскому языку как межнациональному, является необходимым условием как для расширения их языкового диапазона, так и для продвижения их дальнейшей профессиональной карьеры. Коммуникативная компетентность – один из важнейших компонентов профессиональных знаний выпускников нашего университета, которым так или иначе, независимо от специализации, предстоит работа с людьми, а следовательно, общение с ними и использование речи как средства общения и воздействия.

Студенты, возвращающиеся в Казахстан из разных стран, отличаются от казахских студентов, поскольку учились в смешанных школах или чисто китайских, туркменских, русских, киргизских и др. Образование, воспитание, мировоззрение, обычаи (психология) репатриантов из этих стран другие. В этом случае мы стараемся использовать наиболее эффективные методы, чтобы обеспечивать таким разным обучающимся, сидящим в одной аудитории, адекватное освоение учебной программы по казахскому языку. Это очень важно для того, чтобы ученики-репатрианты в дальнейшем могли поступать в высшие учебные заведения и получать профессиональное образование.

Кроме того, в процессе обучения преподавателями также решаются вопросы формирования у обучающихся разговорной речи, адаптации к социальной среде и повышения грамотности

нашего народа, проявляющего национальные ценности. Наша главная цель – предоставить качественное образование, используя эффективные методы обучения в такой разнородной языковой среде.

Как свидетельствует приведенная ниже диаграмма, казахские репатрианты могут говорить, читать, понимать и писать на казахском языке на относительно высоком уровне по сравнению с тем, как они владеют русским и английским языками.

Замечено, что уровень владения другими языками у казахских детей-репатриантов иногда выше, а иногда ниже, чем русским языком. Так, например, дети признают, что свободно владеют другим языком – 8,3 %, свободно читают – 30 %, свободно понимают – 20,8 %, свободно пишут – 37,5 %. В качестве другого языка дети-репатрианты обычно указывают язык той страны, в которой казахские дети-репатрианты родились.

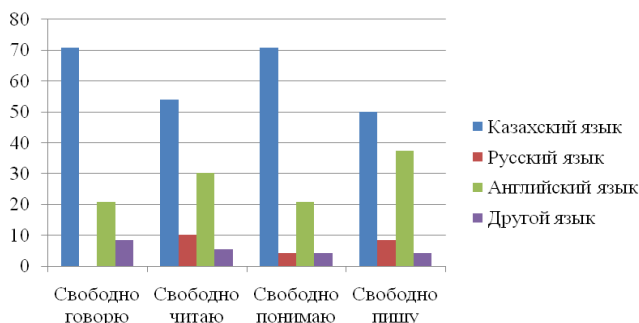

Диаграмма 1. Уровни владения языками студентов-репатриантов

Помимо высокого уровня языковой компетентности казахских репатриантов, показатель средней языковой компетенции на казахском языке показывает, что дети-репатрианты говорят по-казахски с трудом – 16,6 %, тогда как на русском языке этот показатель соответствует следующим цифрам: «говорю с трудом» – 58,3 %, «читаю с трудом» – 33,3 %, «понимаю с трудом» – 37,5 %, «пишу с трудом» – 29,1 %. Показатель владения английским языком дает следующие результаты: «говорю с тру-

дом» – 25 %, «читаю с трудом» – 37,5 %, «понимаю с трудом» – 33,3 %, «пишу с трудом» – 16,6 %.

Таким образом, по приведенным данным дети-казахи-репатрианты имеют средний уровень владения русским языком («говорю с трудом» – 58,3 %, «читаю с трудом» – 33,3 %, «понимаю с трудом» – 37,5 %, «пишу с трудом» – 29,1 %) при высоком уровне компетентности («бегло говорю» – 70,8 %, «бегло читаю» – 54,1 %, «свободно понимаю» – 70,8 %, «бегло пишу» – 50 %) мы замечаем существенные изменения.

Данная ситуация представляет собой положительный аспект процесса языковой адаптации казахских детей-репатриантов в казахстанском обществе. Как ясно видно из диаграммы, казахские дети-репатрианты могут говорить, читать, понимать и писать на казахском языке на относительно высоком уровне по сравнению с русским и английским языками.

Как мы видим из диаграммы, трудности языковой адаптации оралманов связаны с незнанием или плохим знанием русского языка. В процессе языковой адаптации казахских репатриантов в казахстанском обществе это имеет свой положительный эффект. Как ясно видно из диаграммы, казахские репатрианты могут говорить, читать, понимать и писать на казахском языке на относительно высоком уровне по сравнению с русским и английским языками.

Если у обучающегося возникают проблемы с базовым знанием языка, то необходимо считать казахский и русский языки иностранными и преподавать их как иностранные. Основная трудность – изучение русского языка. Широкое использование русского языка наряду с казахским делает его актуальным. Репатрианты казахи, являющиеся этническими казахами, учатся как в казахских, так и в русскоязычных школах.

Нельзя недооценивать данные два обстоятельства, которые приводят к тому, что существующие языковые различия становятся серьёзным препятствием на пути интеграции оралманов в казахстанское общество. Возникают языковой барьер и культурный шок. Обратимся к определениям этих понятий, ко-

торые даны в [Сулейменова 2007: 291]. Языковой барьер – препятствие для полноценного общения из-за препятствий на пути глобализации и интернационализации. Культурный шок – острое психическое состояние, который человек переживает в процессе аккультурации.

Создание устной связной речи, обучение произносительным навыкам и умениям, построение диалога как средства развития коммуникативной компетенции становятся важной и актуальной задачей с начального этапа изучения русского и иностранного языка в вузе. Формирование коммуникативной компетенции студентов-репатриантов в техническом вузе, на наш взгляд, должно осуществляться на основе их интересов и запросов. В ходе анкетирования студентов мы выявили, что больше всего их интересует родная страна, ее культурные особенности: знаменательные даты, национальные праздники, традиции и обычаи, достопримечательности, университетское образование, изучаемые в университете дисциплины, жилищные и бытовые условия проживания в данном городе и т.п.

Библиографический список

Агманова А. Е., Асмагамбетова Б. М. Учебные пособия как основное средство обучения русскому языку репатриантов-казахов // Полилингвильность и транскультурные практики. 2017. Т. 14. №. 3. С. 448–453.

Агманова А. Е. Специфика языковой подготовки студентов репатриантов-казахов. 2018.

Досанова А. М. Языковая личность репатрианта-казаха в социально-информационном пространстве Казахстана // ББК 81.2 Рус. – 03я73. 247 с.

Касенова Н. А., Алдыназарова Р. М. О некоторых приемах обучения русскому языку как иностранному студентов-репатриантов // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2011. №. 12. С. 182–185.

Сулейменова Э. Д., Шаймерденова Н. Ж., Смагулова Ж. С., Аканова Д. Х. Словарь социолингвистических терминов. Алматы, 2007.

И. М. Басовец

*Минский государственный лингвистический университет
г. Минск, Беларусь
к.филол.н., докторант кафедры теоретической
и прикладной лингвистики*

Irina M. Basovets

*Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
Ph.D., Doctoral Student of the Department of Theoretical
and Applied Linguistics*

ИДЕОЛОГИЧЕСКО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ КОНСТРУКЦИЙ ДЕАВТОРИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННЫХ МЕДИАТЕКСТАХ

IDEOLOGICAL AND PRAGMATIC POTENTIAL OF REAUTHORIZATION STRUCTURES IN MODERN MEDIATEXTS

Аннотация. Показано, что употребление конструкций деавторизации в медиатексте обнаруживает системные связи субъектных компонентов и способствует созданию доминантной прагматической направленности и идеологического фона. Установлено, что строение лучевидной субъектной модели текстовой деавторизации выделяется по структурным и содержательным признакам, имеет субъектные центры и строится на основании мнений специалистов и не специалистов, которые могут дополнять друг друга в рамках единой коммуникативной интенции.

Ключевые слова: конструкции деавторизации; нереферентный субъект; прагматическая функция; лучевидная субъектная модель текстовой деавторизации; идеологический фон.

Abstract. It is shown that the use of deauthorization structures in a media text reveals systemic connections between subject components and contributes to the creation of the dominant pragmatic orientation and ideological background. It has been established that the structure of the raylike subject model of text deauthorization is distinguished by structural and semantic characteristics, has subject centers and is built on the basis of the opinions of specialists and non-specialists, who can complement each other within the framework of the single communicative intention.

Keywords: constructions of deauthorization; non-referential subject; pragmatic function; xiphoid subject model of textual deauthorization; ideological background.

Значительный импульс различным направлениям гуманитарной науки, нацеленным на раскрытие функционирования языка в контексте социальных процессов, придали масштабные исследования языковой идеологии, которая является результатом определенных явлений в конкретных социальных, политических, культурных и экономических условиях. Информацию об этих условиях и событиях, происходящих в мире, передают средства массовой информации, которые функционируют в соответствии с медиакультурными и ценностными нормами, поэтому язык медиатекстов зачастую отражает национально-культурную и идеологически окрашенную специфику. Несмотря на то что «для лингвистов является аксиомой, что все языки равны с точки зрения их смыслообразующего потенциала», социолингвистическая среда диктует определенный сценарий, согласно которому «языковые явления ранжируются в соответствии с различными значениями и ценностями» [Johnson, Milani 2010: 3–4], а разные авторы или ораторы придерживаются разных идеологических позиций [Lukin 2017].

Однако при всем многообразии культурных ценностей и идеологических позиций авторов медиатекстов необходимо учитывать, что многовековая история становления государственности и национального самосознания позволяет трактовать славянскую культуру как обладающую общими ценностями,

аналогичным набором языковых средств, обладающих идеологическим потенциалом, а современные массмедийные процессы демонстрируют значительное сходство в близкородственных языках – русском и белорусском. На основании такого лингвокультурного родства в рамках данной работы хотелось бы обратиться к анализу текста белорусскоязычной медиакультуры с целью выявления языковых единиц, которые способствуют реализации прагматической доминанты и идеологической направленности медиатекста.

Как отмечается в современном языкознании, в создании идеологической направленности медийного текста участвуют тесно взаимосвязанные а) экстралингвистические (экономическая и политическая ситуация в стране и мире, идеология государства, идеологическая направленность самого источника информации и др.), б) лингвистические (коннотативный аспект семантики лексических единиц, содержащих различные оценки событий) и в) когнитивно-прагматические факторы (прагматическая составляющая медиатекста, коммуникативная стратегия автора, направленная на формирование у читателя определенного отношения к сообщаемому) [Филичкина 2019: 246]. Из перечисленных факторов основное наше исследовательское внимание будет сосредоточено на лингвистических и прагматических факторах.

Итак, в качестве материала для данной работы была отобрана белорусскоязычная статья «Чаму Японію раз’ядае маштабная карупцыя?», опубликованная в газете «Звезда» 15.12.2023 г., на примере которой нам хотелось бы проиллюстрировать прагматический и идеологический потенциал конструкций деавторизации¹ в белорусскоязычном медиаполе. В

¹ Под конструкциями деавторизации понимаются синтаксические конструкции с особым наполнением субъектного компонента, который является нереперентным, принадлежит к одной из четырех семантических разновидностей (т.е. представляет субъект речи, мысли, оценки или восприятия) и является эксплицитным или имплицитным (подробнее о конструкциях деавторизации см. в работах автора).

анализируемой статье выявлено девять конструкций деавторизации, которые отличаются по структурным, семантико-референциальным и прагматическим характеристикам. Интересно, что конструкции деавторизации оказываются связанными не только тематически, но и демонстрируют любопытное разделение субъектных компонентов на две группы: «специалистов», репрезентирующих экспертов или прессу, с одной стороны, и «неспециалистов», простых людей, с другой. При этом обе группы представлены нереферентными субъектными номинациями, кодирующими две неиндивидуализированные группы лиц. Так, для представления слов экспертов используются субъектно-предикатные конструкции, где нереферентный обобщенный субъект выполняет функцию подлежащего (*эксперты*) или локативного детерминанта (*у прэсе*): **Як адзначаюць эксперты, скандалы сталі часткай жыцця Японіі з 1990-х і да цяперашняга часу ператварыліся ў аб'ект пастаяннай барацьбы і ў інструмент уплыву на грамадскую думку ўнутры краіны; Як заўважаюць эксперты, усе гэтыя справы звязаныя саз'явай зрашчэння палітыкі і бізнесу; Доўгі час у прэсе крытыкавалі кіраўніка кабміна Сіндза Абэ за дапамогу сябру сваёй сям'і ў набыцці ўчастка зямлі на заніжаным кошыце, які прызнача ўпад будаўніцтва адукацыйнай установы.**

В отличие от глагольно-именных конструкций с вербально выраженным экспертным субъектом, который тем не менее не подлежит идентификации адресатом, подразумеваемый субъект речи / мысли в неопределенно-личных (*кажуць, называлі*), предложно-падежных (*наsupеракісную чым стэрэатыпам, паводле некаторых звестак*) конструкциях предполагает максимально широкий круг лиц, для которого даже примерные границы референтной области не очерчены.

Сравним: *Карупцыя ў вышэйшых эшалонах улады Краіны ўзыходзячага сонца наsupерак існуючым стэрэатыпам не з'яўляецца рэдкасцю; І хоць часам кажуць, што гэтая з'ява ўласціва не ўсёй адміністрацыйнай структуры, а толькі шэрагу міністэрстваў і ведамстваў, самую глыбокую ступень*

карумпанасцівы явілі ў міністэрстве фінансаў, якое кантралюе падаткі, бюджэт краіны і фінансы; Пры гэтым Кацуюкі Кава называлі чалавекам з блізкага атачэння Сіндза Абэ, на той момант прэм'ер-міністра краіны; Паводле некаторых звестак, падчас выбарчай кампаніі ў адной з акруг у прэфектуры Хірасіма Кацуюкі Каваі, якікіраваў перадвыбарным штабам свайёй жонкі, раздаў выбаршчыкам каля 28 мільёнаў (220 тысяч долараў). К гэтай жа групе неспеціалістаў адносіцца суб'ект, кодзіруемы і месціменнем са значеннем всеабшчыннасці ў двусоставнай мадэлі: *Пра іх ведалі ўсе, але не казалі прагэта ўслых, каб не выносіцьс мецце з хаты.*

Представим схематично употребление обнаруженных конструкций деавторизации в форме модели с двумя субъектными центрами, которая представляет собой лучевидной субъектную модель текстовой деавторизации в связи с ее строением и расположением в медиатексте структурных элементов, объединенных единой темой и коммуникативной интенцией. При построении модели приняты следующие символичные обозначения: $S_{сп}$ – нереферентный субъект, маркирующий позицию специалистов; $S_{нсп}$ – нереферентный субъект, маркирующий позицию неспециалистов; T – объединяющая высказывания повествующих субъектов тема обсуждения.

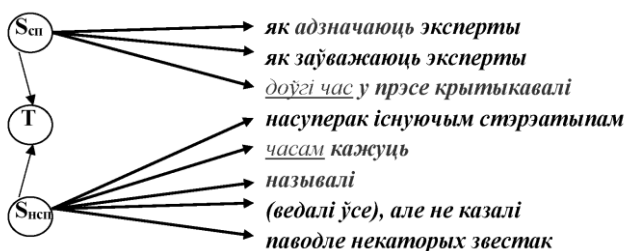

Рис. Субъектные группы лучевидной модели текстовой деавторизации в белорусскоязычной статье

Несмотря на дихотомию субъектных компонентов «специалисты» – «неспециалисты» в строении модели анализируе-

мой белорусскоязычной статьи, слова, взгляды нереферентных субъектов не противопоставляются, а дополняют друг друга и «выполняют единую задачу развития текста», поскольку в данном случае «неавторизованные экспертный и слуховой субъект работают сообща» [Осетрова 2010: 25]. Ни один из приведенных субъектов не подлежит идентификации читателем, что делает невозможным или затруднительным (даже при дополнительном самостоятельном поиске первоисточников информации) проверку сообщаемого. Очевидное преобладание в рассматриваемой статье бессубъектных конструкций, зачастую реализующих прагматическую функцию ухода от ответственности за сообщаемое, объясняется самим новостным поводом – коррупцией в высших эшелонах власти в Японии. Выбор журналистом конструкций с бессубъектными номинациями при освещении события является значимым коммуникативным действием и свидетельствует о том, что сообщаемое уже было им отрефлексировано и согласовано с собственной коммуникативной интенцией, поскольку «в самом процессе выбора, цитирования и «стилизации» в медиатексте отдельных голосов определенным образом медиапродюсеры имеют потенциал изменить масштаб социальных и культурных процессов, подкрепив сказанное авторитетами и опытом по конкретным вопросам» [Johnson, Milani 2010: 6].

Информационно-аналитический медиатекст «имеет особый мировоззренческий оттенок, который «неизбежно проявляется хотя бы в одном из звеньев информационной цепочки: отбор фактов —> освещение событий —> создание образа —> формирование стереотипов – культурно-идеологический контекст» [Добросклонская 2009: 89]. Идеологическая составляющая анализируемой белорусскоязычной статьи (критическое освещение проблемы коррумпированности власти в Японии) реализуется посредством 1) отбора фактов (статистика, суммы взяток и т.д.); 2) освещения событий при выражении мнения и оценки с привлечением идеологически окрашенной лексики (*палітычны скандал, хабар, хабарніцтва, злоўжыванні*

паўнамоцтвамі, карупцыя ў вышэйшых эшалонах улады, карумпананасць и др.); 3) прагматических функций, реализуемых конструкциями деавторизации.

Среди таких прагматических функций, которые способствуют созданию идеологической направленности, можно выделить следующие: опора на авторитет с созданием эффекта весомости сообщаемого благодаря семантике номинаций *«эксперты, прэса»*; привлечение непроверенной информации *«кажуць, паводле некаторых звестак»*; полемика с подразумеваемым оппонентом и критика его позиции *«насуперакі снуючым стрэатыпам»*; плюрализация подаваемых сведений благодаря семантике местоимения в субъектной позиции *«ведаліўсе, але не казалі»*. Когнитивное освоение реальности во многом зависит от тех версий и интерпретаций, которые производятся и распространяются по каналам массовой коммуникации, что предполагает не только и даже не столько отражение окружающей действительности, сколько ее интерпретацию, комментариев, оценку, способствующую созданию определенного идеологического фона [Добросклонская 2009: 85]. Конструкции деавторизации выступают в качестве речевого средства, маркирующего в тексте элементы когнитивно-дискурсивной деятельности автора-журналиста, состоящей в воплощении в тексте переходов сообщаемых эпизодов, структурированных в соответствии с авторской интенцией (критикой коррумпированности власти в Японии) и идеологическим фоном.

Обобщая вышесказанное, отметим, что употребление конструкций деавторизации в медиатексте 1) обнаруживает системные связи, позволяющие соединить субъектные компоненты и представить их в виде модели; 2) способствует созданию единой доминантной прагматической направленности и идеологического фона. Строение лучевидной субъектной модели текстовой деавторизации выделяется по структурным и содержательным признакам. Формально-структурно модель характеризуется маркированностью конструкциями с эксплицитным или имплицитным нереферентным субъектом, вариативностью структур-

ной организации конструкций, различной интенсивностью их употребления в тексте с перевесом в сторону бессубъектных конструкций. По содержательным признакам модель отличают а) референциальные характеристики: «специалисты» представлены нерелевантными обобщенными, а «не специалисты» нерелевантными неопределенными субъектами; б) семантические характеристики: субъекты исследуемых конструкций принадлежат к двум семантическим разновидностям (речи и мысли); в) прагматические характеристики: при разнородных прагматических функциях, выполняемых отдельными конструкциями, вместе они реализуют единую коммуникативную интенцию.

Библиографический список

Добросклонская Т. Г. Лингвистические способы выражения идеологической модальности в медиатекстах // Вестник Московского ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2009. №2. С. 85–94.

Осетрова Е. В. Неавторизованная информация в современной коммуникативной среде: речеведческий аспект: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Красноярск, 2010. 42 с.

Филичкина Т. П. Идеологическая модальность прецедентных феноменов в англоязычном политическом дискурсе. Научные ведомости Белгородского государственного университета. 2019. Серия: Гуманитарные науки, 38 (20). С. 244–252. DOI: 10.18413/2075-4574-2019-38-2-244-252.

Johnson S., Milani T. Language Ideologies and Media Discourse: Texts, Practices, Politics. London, NY: Continuum, 2010. 296 p.

Lukin A. Ideology and the text-in-context relation // Functional Linguistics. 2017. P. 1-17. DOI 10.1186/s40554-017-0050-8.

Н. В. Данилевская

*Пермский государственный национальный
исследовательский университет, г. Пермь, Россия
д.филол.н., заведующий кафедрой русского языка и стилистики*

Nataliya V. Danilevskaya

*Perm State National Research University, Perm, Russia
Doct. of Phil., Head of the Department of
Russian Language and Stylistics*

ЯЗЫК АРГУМЕНТАЦИИ В «ГОРЯЧИХ» ТЕКСТАХ СОВРЕМЕННЫХ МЕДИА

THE LANGUAGE OF ARGUMENTATION IN THE «HOT» TEXTS OF MODERN MEDIA

Аннотация. Рассматриваются особенности языка интернет-публикаций на тему Специальной военной операции Российской Федерации на территории Украины. Анализируются материалы противоположной идеологической направленности – сторонников СВО и ее противников. Делается вывод о том, что в основе сообщений сторонников военной операции лежит фактологическая модель аргументации, тогда как в основе сообщений противников СВО – в основном оценочная или, реже, предписательная модели аргументации.

Ключевые слова: медиатекст, Специальная военная операция, модель аргументации, фактологическая модель, оценочная модель.

Abstract. The features of the language of Internet publications on the topic of the Special Military Operation of the Russian Federation on the territory of Ukraine are considered. The materials of the opposite ideological orientation – supporters of the SVO and its opponents – are analyzed. It is concluded that the messages of the supporters of the military operation

are based on a factual model of argumentation, whereas the messages of the opponents of the military operation are based mainly on an evaluative model of argumentation.

Keywords: media text, Special military operation, argumentation model, factual model, evaluation model.

По мнению А. И. Приходько, «массовая коммуникация – это один из видов общения. Общение же есть не столько процесс внешнего взаимодействия изолированных личностей, сколько способ *внутренней организации и внутренней эволюции общества как целого*, процесс, при помощи которого только и может осуществляться развитие общества – ибо это развитие предполагает *постоянное динамическое взаимодействие общества и личности*» [Приходько 2015: 25. Курсив наш. – Н. Д.].

Сегодня, в эпоху стремительных социальных сдвигов и глобальных потрясений, средства массовой коммуникации приобретают особое значение, поскольку с их помощью осуществляется уже не только информирование людей ближнего окружения (жителей города, округа, страны), но и дальнего окружения – жителей других стран, всей планеты. Но главное – с помощью СМИ формируются мнения, оценки, убеждения относительно жизненно важных политических и социальных событий, от которых во многом зависят пути дальнейшего развития или даже просто существования цивилизации(-ий). И здесь многое зависит от нравственной позиции пишущего/журналиста/автора текста.

Качественная журналистика, подчеркивает А. А. Тертычный, это, прежде всего, аналитика, предполагающая «доказательную интерпретацию свершающихся в обществе событий, процессов, ситуаций. Иначе говоря, как и любому публичному деятелю, журналисту необходимо владеть искусством аргументации (доказательного рассуждения), знать ее особенности и возможности» [Тертычный 2016: 46].

В этом смысле журналистика близка научному творчеству, где процесс языкового воплощения в тексте нового знания основан на принципе достаточного основания и разумности информации [Ивин 2017].

Операцию, с помощью которой осуществляется понимание, А. А. Ивин, вслед за Л. Витгенштейном, называет *оправданием* и считает, что «объяснение есть подведение под истину, оправдание – подведение под ценность. Объяснить – значит вывести из имеющихся общих истин, оправдать (и в результате понять) – значит вывести из принятых общих оценок» [там же: 278].

Иначе говоря, аргументация реализуется в тексте через *объяснение*, целью которого и является достижение говорящим наиболее точного понимания адресатом сути излагаемого в тексте вопроса (факта, мнения, позиции и под.).

Известно, что в текстах СМИ процесс объяснения осуществляется посредством разных аргументативных моделей.

Аргументативные модели в СМИ – это те или иные размышления, рассуждения, описания, объяснения разных ситуаций– научных, политических, виртуальных, бытовых и любых иных, которые возможны или могут/ не могут быть в реальной жизни.

А. А. Тертычный выделяет четыре основные модели аргументации:

1) *фактологическую*, направленную на установление журналистом реальности чего-либо;

2) *оценочную*, направленную на установление значимости чего-либо;

3) *гипотетическую* – на установление возможности чего-либо;

4) *предписательную* – на установление необходимости чего-либо.

В результате анализа разных медиатекстов ученым было установлено, что «потенциально максимальная достоверность

основного тезиса может быть достигнута при использовании “фактологической” модели аргументации. Обоснованность главных тезисов в границах трех других моделей имеет вероятностный характер» [Тертычный 2016: 66].

Вопрос о механизмах воплощения в медиатекстах идеологического противостояния находится в центре внимания лингвистов и журналистов уже давно, начиная с эпохи холодной войны.

Однако переход холодной фазы военно-политического противостояния двух мировых систем в горячую (февраль 2022 года) всколыхнул эту тему и придал ей новое содержание.

Сегодня, в эпоху тотальной цифровизации и больших возможностей самовыражения в общественном пространстве, интернет-ресурсы служат цифровой площадкой для осуществления пропагандистской коммуникации, «основная цель которой – управление сознанием. Особые лексические и грамматические элементы способны влиять на изменение общественного мнения и подчинять его источнику манипулятивной пропаганды» [Байбатырова 2022: 124].

«Кто контролирует информационное пространство – пишет С. С. Восканян, – тот контролирует государство» [Восканян 2021: 20].

Весьма популярными в последнее время медиаплощадками, на которых активно осуществляется политическое манипулятивное воздействие, являются политические блоги и аккаунты политиков в социальных сетях. Здесь зачастую разворачиваются самые настоящие битвы за умы и сердца, ибо в регламентированных радио- и телевизионных программах нет такой возможности высказываться свободно во временном и содержательном отношениях.

Между тем язык, как «важнейший признак этноса, основной, наряду с менталитетом, способ существования общественного сознания, и потому в ходе информационной войны он ста-

новится одним из первых объектов атаки» [Беччук, Тулупов 2022: 130].

Мы проанализировали медиатексты, посвященные теме специальной военной операции (СВО). Можно утверждать, что эти тексты делятся на две противоположные группы: 1) медиатексты, авторы которых «портретируют» СВО как преступление, зло, неоправданную агрессию правительства РФ, а Украину – как ни в чем не повинную жертву этой агрессии; 2) медиатексты, авторы которых «портретируют» СВО иначе – как вынужденную военно-политическую операцию РФ, спровоцированную Украиной (правительством Украины) и западным сообществом, т.е. как попытку защитить Россию настоящую и будущую.

Проанализируем содержание двух текстов, представляющих эти разные позиции:

1. Е. Шульман¹ – ответ на вопрос корреспондента Deutsche Welle² о том, как долго готовы терпеть войну на Украине граждане России;

2. Н. Юрченко – ответ на вопрос «Почему СВО вряд ли завершится до 2025 года?», заданный журналистом в собственной статье на странице электронной газеты «БизнесOnline».

Как видно, общим «местом» заданных вопросов является смысл «затянувшийся характер СВО». Посмотрим, как этот смысл интерпретируется в ответах представителей разных «лагерей» (важные для содержания языковые единицы выделим шрифтом).

¹ Е. М. Шульман – российский политолог и публицист, специалист по проблемам законотворчества. Министерством юстиции Российской Федерации 15.04.2022 г. внесена Реестр СМИ-иноагентов.

² Немецкая международная общественная телерадиокомпания. Германия, г. Берлин.

Ответ Е. Шульман (23.11.2023):

*Зная, что война непопулярна, и она непопулярна из-за своей продолжительности, именно российское руководство стоит перед необходимостью как-то хотя бы **сымитировать** затишье ли, перемирие ли, победу ли – **вечную войну** не продашь российским гражданам, а перед выборами что-то **продавать** им надо. Сама система, которая эту войну ведет, **несчастлива**. Она адаптируется, но она **несчастлива**. И она адаптируется и черпает энергию только в мысли о том, что это закончится. **Мы это видим** не только по социологическим данным, но и по тем управленческим решениям, которые принимаются. Они все на самом деле краткосрочные.*

Утверждения выражены в категоричной форме, как истинные, без доли предположения о возможности иных мнений; утверждение о «несчастливости» системы категоричны, но не подтверждаются фактами; «социологические данные» лишь упоминаются, без ссылки на источники; содержание «управленческих решений» не уточняется, но им дается категоричная оценка – краткосрочные, чем, очевидно, подчеркивается намерение «системы» завершить войну быстро. Но и это утверждается без доказательства.

В приведенном тексте нет элементов размышления, не выстраивается логическая цепочка доказательства, не приводится ни один факт, который свидетельствовал бы об объективности утверждений говорящего. Это свидетельствует о том, что аргументация автора носит исключительно оценочный, субъективно-эмоциональный характер. Вдумчивый читатель не находит здесь когнитивных условий для создания в своем восприятии ощущения завершенности *объяснения* и *оправдания* (по А. А. Ивину), т.е. не понимает информацию как объективно существующую. А причина в том, что изложение данного фрагмента выстраивается на основе **оценочной модели аргументации** (по А. А. Тертычному).

Иначе обстоит дело в тексте Н. Юрченко.

Ответ Н. Юрченко (24.09.2023):

*Сейчас урон от боевых дронов хоть и ощутим, но достаточно безболезненный. Однако **практика показывает**, что даже глубокоэшелонированная российская система ПВО, считаясь одной из лучших в мире, пропускает отдельные летающие снаряды. Создать такую систему ПВО, которая сбивала бы 100% или приближенное к этому количество целей, **практически невозможно** <...>.*

*А значит, России в любом случае придется идти в наступление. Как следствие, задачей наступления станет не только прорыв линии обороны и окружение частей противника, но и занятие районов, потенциально пригодных для запуска БПЛА, а также уменьшение воздушного пространства, откуда украинские самолеты могут запускать ракеты. **В случае успеха** наступления опять же будут уничтожены не только материальные, но и морально-волевые ресурсы врага. **Проце говоря**, противнику будет трудно выстраивать систему обеспечения войсками, оружием и прочим после того, как на его глазах предыдущие структуры будут уничтожены.*

И после этого все повторится** опять. И Россия, и Украина снова начнут готовиться к следующему этапу боевых действий, приспосабливаться к стремительно меняющимся боевым действиям. **В начале СВО** казалось, что бои за Мариуполь – это апофеоз современной войны, однако **битва за Артемовск показала**, что может быть еще круче. **Вместе

Утверждения выражены с опорой на практику ведения войны и реальную невозможность создания 100% защиты;

Текст выстроен как рассуждение, основанное на разветвленной цепочке доказательств (см. абзацы 2, 3).

Обращение к предшествующему опыту и – от него – формулировка выводов, полученных из реальных результатов военных действий.

Акцент на невозможности предсказать окончательный результат войны и сроков ее завершения.

Опора на практику ми-

с тем бои в районе Работино и Пятихаток продемонстрировали, что к середине лета и тактика, применяемая при штурме Артемовска, уже устарела, а штурмовые пехотные группы гибнут одна за другой, если их бездумно посылать в атаки.

*Повторимся, заранее предсказать, чем именно закончится эта военная кампания, нельзя. Можно предположить, что Украине придется признать неприятный для нее факт, что больше она не является той страной, которой была до 24 февраля 2022 года, а России смириться с тем, что в том или ином виде киевский режим устоит. **Практика мировых войн**, особенно это хорошо видно на примере с **Нагорным Карабахом**, **показывает**, что **в случае если** у войны есть объективные причины, то она не может быть завершена по обоюдному согласованию сторон. Война может затихнуть на почти 30 лет, как **карабахский конфликт**, или на 20 лет, как **Первая и Вторая мировые войны**, но если конфликт не завершен, то его **придется доводить** в любом случае. **Иначе** это просто отложенная партия, которая вернется очередными страданиями и смертями для новых поколений.*

ровых войн и конкретные военные события, хорошо известные гражданам России.

Как результат из предшествующих размышлений делается вывод о долгосрочности СВО.

Как видно, аргументы в данном тексте носят, кроме оценочного, фактологический и предписательный характер. Причем оценочная модель аргументации является здесь лишь вспомогательной по отношению к двум последним (см. в целом небольшое количество оценочных единиц, выделенных подчеркиванием). Кроме того, важно, что оценочные высказывания вводятся

автором в изложение только после фактологического обоснования, т.е. оцениваются факты, но не предположения (как в первом примере).

Таким образом, анализ отдельных публикаций в аспекте особенностей реализуемой в них аргументации показал, что публичный диалог (через интернет-пространство) на тему СВО часто становится инструментом пропагандистской коммуникации, основная цель которой – повлиять на изменение общественного мнения, подчинить его транслируемой в тексте определенной ценностной установке. Решению этой задачи способствуют, как оказалось, специально выбираемые авторами способы аргументации или приемы манипулятивной пропаганды.

Так, представители оппозиции (журналисты, политические обозреватели, блогеры, общественные деятели и др.) при освещении украинских событий пользуются преимущественно оценочной или гипотетической моделями аргументации, тогда как представители официальной (государственной) позиции «работают», прежде всего, с фактами и оперируют ими в процессе создания текстов о войне. Очевидно, что государственно ориентированные журналисты следуют установкам статьи № 49 Закона о СМИ, согласно которой автор журналистского текста обязан «проверять достоверность сообщаемой им информации». Это особенно актуально в современных условиях.

Библиографический список

Байбатьрова Н. М. Манипулятивная направленность политических текстов как инструмент идеологического противоборства // Медиалингвистика. Вып. 9. Язык в координатах массмедиа: мат-лы VI Междунар. науч. конференции (Санкт-Петербург, 30 июня–2 июля 2022 г.). СПб: Медиапапир, 2022. С. 121–125.

Бабчук Е. М., Тулунов В. В. Язык информационной войны // Медиалингвистика. Вып. 9. Язык в координатах массмедиа: мат-лы VI Междунар. науч. конференции (Санкт-Петербург, 30 июня–2 июля 2022 г.). СПб: Медиапапир, 2022. С. 129–132.

Восканян С. С. Идеология в информационном обществе: анахронизм или прежняя необходимость? // Теория и практика общественного развития. № 3(157), 2021. С. 20–24.

Ивин А. А. Аргументация в процессах коммуникации. Proetcontra. М.: Проспект, 2017. 384 с.

Приходько А. И. Специфические черты аргументации в медиа // Научные ведомости Белгородского государственного университета, 2015. №. 18 (215). С. 25–30.

Тертычный А. А. (2016). Модели аргументации в современных медиатекстах // Вестник Московского университета, 2016. № 6. С. 46–69.

К. И. Кириллова

*Саратовский государственный университет
им. Н. Г. Чернышевского, г. Саратов, Россия
ассистент кафедры теории, истории языка
и прикладной лингвистики*

Kseniia I. Kirillova

*Saratov State University named
after N.G. Chernyshevsky, Saratov, Russia
Assistant of the Department of Theory, History of Language
and Applied Linguistics*

**РОЛЬ ДЕСТРУКТИВНОЙ МЕТАФОРЫ
В ФОРМИРОВАНИИ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ
КАРТИНЫ МИРА (НА МАТЕРИАЛЕ ИДЕОЛОГЕМЫ
США В РОССИЙСКИХ ГАЗЕТНЫХ МАССМЕДИА)**

**THE ROLE OF DESTRUCTIVE METAPHOR
IN THE FORMATION OF A MODERN POLITICAL WORLD VIEW
(BASEDON THE MATERIAL OF RUSSIAN MASSMEDIA)**

Аннотация. В статье анализируются деструктивные метафоры, используемые в 60 статьях шести современных российских общественно-политических газетных СМИ при характеристике внешней и внутренней политики США. Материал исследования – около 500 метафорических контекстов с переносами этого типа. Актуальность темы обусловлена необходимостью установить степень продуктивности деструктивных метафор и их основные функции в современных масс-медиа. Цель работы – выявить роль подобных переносов в репрезентации современной политической картины мира и формировании идеологического концепта (идеологемы США). На основе комплексного анализа с применением современных семантических, когнитивных и дискурсивных методик анализа текстового материала было

установлено, что деструктивные метафоры регулярно фиксируются в исследуемых текстах и играют важную роль в осуществлении основных функций политической коммуникации – концептуальной (логико-аргументирующей), оценочной и воздействующей. Доказывается, что такого рода переносы используются в современных общероссийских газетных текстах системно и формируют единую деструктивную концептуальную модель, согласно которой нарушение целостности, разрушение неодушевленного объекта ассоциируются с дестабилизацией, дезорганизацией, нарушением социально-экономических, политических, межгосударственных связей и взаимодействия между различными социально-политическими и экономическими институтами. Ведущее место в реализации данной модели принадлежит ее каузативному варианту, где США занимает позицию агенса, активно воздействующего на объекты различного типа (суверенные государства, международные организации и межгосударственные договоры). Тем самым авторы публикаций подчеркивают, что глобальная дезорганизация и дестабилизация в сфере экономики, политики, международных отношений и т.п. является целенаправленным, инициированным США процессом. Некаузативный вариант модели используется значительно реже преимущественной для характеристики нестабильности внутри американского общества.

Ключевые слова: политическая метафорология, метафорические модели, идеологемы, США, медиадискурс.

Abstract. The article analyzes the destructive metaphors used in 60 articles of six modern Russian socio-political newspaper media in characterizing the foreign and domestic policy of the United States. The research material consists of about 500 metaphorical contexts with transfers of this type. The relevance of the topic is determined by the need to establish the degree of productivity of destructive metaphors and their main functions in modern mass media. The aim of the paper is to identify the role of such transfers in the representation of the modern political worldview and the formation of an ideological concept (ideologeme “USA”). Based on a comprehensive analysis using modern semantic, cognitive and discursive methods of analysis of textual material, it was found that destructive meta-patterns are regularly fixed in the studied texts and play an important role in the implementation of the main functions of political communication – conceptual (logical–argumentative), evaluative and influencing. It is proved

that such transfers are used systematically in modern all-Russian newspaper texts and form a single destructive conceptual model, according to which violation of the integrity, destruction of an inanimate object are associated with destabilization, disorganization, violation of socio-economic, political, interstate relations and interaction between various socio-political and economic institutions. The leading place in the implementation of this model belongs to its causative variant, when the United States occupies the position of an agent actively influencing objects of various types (sovereign states, international organizations and interstate treaties). Thus, the authors of the publications emphasize that global disorganization and destabilization in the field of economics, politics, international relations, etc. is a purposeful process initiated by the United States. The non-causative version of the model is used significantly less often than the preferred one to characterize instability within the American society.

Keywords: political metaphorology, metaphorical models, ideologems, USA, media discourse.

Характерной особенностью массмедийной политической коммуникации является регулярное использование метафор (в широком их осмыслении: [Арутюнова 1990; Гак 1988; Балашова 2014]), которые играют значительную роль в формировании политической (идеологической) картины мира, в оценке тех или иных политических реалий, в логико-эмоциональном воздействии на адресата [Баранов, Караулов 1994; Балашова 2017; Будаев 2020; Шейгал 2004; Чудинов 2012]. Более того, исследователи подчеркивают, что состав метафор и их идеологическая составляющая могут существенно меняться в зависимости от политических установок автора, описываемых общественных событий, политической ситуации в стране и мире, времени создания текста (ср.: [Антипина 2009; Балашова 2022; Мингалева 2018; Туманова 2023]).

Объектом нашего исследования стали деструктивные метафоры, характеризующие Соединенные Штаты Америки в современных российских газетных общественно-политических медиа. Цель работы – выявить роль подобных переносов в репрезентации современной политической картины мира и фор-

мировании идеологического концепта (идеологемы США). Материалом для анализа послужили 60 публикаций с 25.02.2022 по 31.08.2023 в электронных вариантах общественно-политических СМИ: «Российская газета» (далее РГ); «Московский комсомолец» (далее МК); «Аргументы и факты» (далее АиФ); «Известия» (далее Изв.); «Коммерсантъ» (далее Ъ); «Ведомости» (далее Вед.); «Комсомольская Правда» (далее КП).

Анализ показал, что деструктивные метафоры активно используются в современных газетных текстах: нами было выявлено 486 контекстов с такого рода переносами. Достаточно разнообразным оказывается также состав лексики, на базе которой формируются метафоры. Наиболее последовательно авторы используют каузативные глаголы (и их именные) дериваты (ср.: *подорвать, подрыв, разорвать, разрыв, расколоть, раскалывание, разрушить, разрушительный, саморазрушение, обрушить, обрушение, вбить клин, сломать* др.). Значительно реже фиксируются переносы на базе некаузативной глагольной лексики и их именных дериватов (ср.: *распадаться, распад, атомизироваться, рухнуть, обрушаться, расколоться, раскол, разлом* и др.).

В когнитивном аспекте абсолютное большинство деструктивных метафор формируется в рамках единой языковой концептуальной модели, согласно которой нарушение целостности, деструкция, разрушение и, как следствие, утрата фундаментальных качественных характеристик неодушевленного объекта ассоциируются с дестабилизацией, дезорганизацией, нарушением связей и взаимодействия и т.п. в социально-экономических, политических, межгосударственных и иных отношениях [Балашова 2014: 457–458] (ср.: *Одновременно увеличиваются трещины в отношениях ЕС и США*. О. Карпович. Изв. 30.11.22; *По словам Антонова, такими действиями США пытаются замаскировать свою деструктивную деятельность и подорвать доверие к России*. Г. Пархоменко. РГ. 20.07.2023). Но в рамках нашего объекта исследования (идеологический образ США) реализация данной модели имеет ряд специфических особенностей.

Так, ядерное положение в системе деструктивных переносов занимает **каузативный вариант базовой концептуальной модели** (более 75 %) всех выявленных метафорических контекстов. Таким образом, авторы статей, а также цитируемые в них источники (политики, эксперты, другие СМИ) подчеркивают, что дезорганизация и дестабилизация в сфере экономики, политики, международных отношений и т.п. является целенаправленным, инициированным извне процессом. Достаточно показательным в этом аспекте становится выбор субъекта, объекта деструктивного воздействия, а также лексем с конкретным типом деструктивного значения.

В частности, позицию агенса в метафорических контекстах занимает США, тогда как объектом их активного негативного воздействия становятся другие государства, международные институты, договоры и соглашения.

Наиболее последовательно для реализации этого типа переносов используются каузативные глаголы (и их дериваты), именующие глобальное, уничтожение, реже частичное повреждение твердого цельного объекта за счет силового воздействия на него. С помощью таких конструкций, как правило, характеризуется политика США, направленная на ослабление экономики, международного влияния суверенных государств, которые Штаты воспринимают как политических противников, экономических конкурентов: прежде всего Россию, отчасти Китай и некоторые другие страны, которые пытаются проводить суверенную, независимую от США политику (ср.: *Соединенные Штаты разрушают все государства, которые угрожают политическим интересам американской стороны.* К. Иванова. КП. 01.08.2023; *Экс-советник главы Пентагона Макгрегор: США пытались разрушить Россию, а уничтожили Украину.* А. Вышеславский. МК. 09.07.2023; *В то же время разрушительная роль, которую США играют сейчас в мировом масштабе, стала очевидной для всех, кто сохраняет хотя бы какую-то степень суверенности.* Е. Панина. Изв. 31.10.2022). Примечательно, что объектом разрушительного воздействия

Америки могут стать также союзники, если это выгодно США экономически и политически (ср.: *США используют НАТО для подрыва европейской экономики*. Р. Отраднов. РГ.23.11.2022; *Деструктивная роль США в мировой экономике, которая приводит к разрушению промышленности, хозяйственных связей и логистических цепочек, вынуждает даже президента Франции Эммануэля Макрона или канцлера ФРГ Олафа Шольца заявлять о возможности «торговой войны» с Соединенными Штатами*. Е. Панина. Изв. 31.10.2022). Единичными примерами представлены контексты, в которых США выступает в качестве агенса и пациенса одновременно. Тем самым автор речи подчеркивает губительность для самой Америки ее внешней и внутренней политики, а также главенство партийного противостояния над единством американского общества (ср.: *США начали саморазрушение глобальной гегемонии доллара, на которую опирается стабильность американской экономики, пишет для испанского издания Público обозреватель Рафаэль Поч*. А. Черненко. КП. 29.03.2022; *Это и есть та самая юридическая бомба, которая закладывается демократами под Трампа*. В. Васильев. РГ. 20.07.2023).

Метафоры на базе деструктивной лексики, включающей в первичный лексико-семантический вариант (далее ЛСВ) указание на хрупкость, ломкость твердого объекта, как правило, специализируются на характеристике ситуаций, когда США стремится уничтожить единство противостоящих им, угрожающим их гегемонии союзов государств и социальных институтов, мирового сообщества в целом (ср.: *В последние годы США и Европа все более настойчиво пытались вбить клин между Россией и Китаем, по сути, даже не скрывая этих намерений*. О. Карпович. Вед. 25.05.2023; [Подтверждением доминирования политики над экономикой] *является ...санкционная и прокси-война [США и их союзников] против России, создавшие серьезные экономические проблемы развитым странам и раскалывающие некогда глобализированный мир на противостоящие блоки*. А. Лосев. Ъ. 24.05.2023). Как и в предыдущем случае, данная

субмодель используется также для оценочной характеристики внутренней социально-политической ситуации в США. Тем самым подчеркиваются межпартийные и внутрипартийные разногласия, разобщенность американского общества и т.п. (ср.: *А Сенат вообще проголосовал единодушно, что выглядит редким и подавляющим проявлением двухпартийной солидарности в расколоте Конгрессе*. А. Яшлавский. МК. 05.10.2022; *Также нужно учитывать, что нынешняя американская администрация расколота*. Группа «Прямая речь». Ъ. 24.06.2023; *Дефолт потенциально может сломать сформировавшуюся в Америке с начала 2000-х гг. финансово ориентированную экономику*. Д. Перепелиц. Вед. 16.05.2023).

Если в семантике первичных ЛСВ лексем содержится указание на резкий рывок как способ деструкции объекта из материи, бумаги и т.п., то переносные ЛСВ обычно характеризуют отказ США от соблюдения заключенных ранее международных договоров, принятых обязательств, от политических, экономических и иных связей с другими государствами и социальными институтами (ср.: *Вашингтон заявил о разрыве соглашения по поставкам стали из РФ в США*. От ред. Изв. 11.08.2023; [По инициативе США] *контакты между американскими и российскими военными были разорваны в 2014 году после воссоединения Крыма с Россией*. К. Суховерхов. Изв. 30.11.2022; *Обострение конфликта вокруг Тайваня и разрыв части связей с КНР будет еще одним отягчающим фактором для экономического роста США*. А. Козлов. Вед. 17.04.23). Кроме того, такого рода переносы могут фиксировать ослабление, уничтожение экономических и политических связей между Россией, Китаем и третьими странами (в том числе союзниками США), инициатором которых становятся Штаты, преследующие цель усилить собственную гегемонию в мире (ср.: *В центре этой новой системы – односторонние санкции [США], нацеленные на разрыв Европы и России, недопущение объединения их ресурсов (в первую очередь РФ и ФРГ, как локомотива объединенной Европы*. А. Конопляник. Вед. 31.05.2023).

Наконец, достаточно регулярно в рамках каузативного варианта деструктивной модели используется субмодель на базе лексем, первичный ЛСВ которых обобщенно именуется расчленение единого целого на отдельные его составляющие. С помощью такого рода переносов обычно характеризуется политика США, направленная на расчленение глобального экономического и политического пространства с целью укрепления собственного гегемонии. Такого рода метафоры обычно менее экспрессивны и относятся к разряду генетических. Вместе с тем в них регулярно актуализируется такой компонент, как 'плановность', 'стратегическое планирование', что сближает такого рода переносы с милитаристской моделью (ср.: [Американские антироссийские] санкции превращаются в новую нормальность (систему правил) вне ООН (за пределами традиционного международного права), цементируя раздел мира на две зоны двух правовых порядков и формирование двухконтурной мировой торговли. А. Конопляник. Вед. 31.05.2023). Не случайно с помощью подобных переносов характеризуется стремление США уменьшить взаимодействие России и Китая с целью ослабить оба эти государства (ср.: [Генри Киссинджер]: *И с нашей стороны неразумно говорить, что мы [США] хотим отделить их [Россию] от Китая, но это то, что мы должны иметь в виду.* В. Воробьев. АиФ. 09.06.2023).

Как отмечалось, **некаузативный вариант базовой концептуальной деструктивной модели** представлен в исследуемых газетных массмедиа значительно реже (около 25 % метафорических контекстов). В его реализации также можно обнаружить некоторые закономерности.

В частности, наиболее последовательно с помощью такого рода переносов характеризуются два типа ситуаций. Во-первых, это кризисные экономические и политические явления внутри американского общества (ср.: *Обрушение фондового рынка [США] и коллапс на рынке облигаций приведут к значительной потере стоимости активов и к колоссальным убыткам.* А. Лосев. Ъ. 24.05.2023). Во-вторых, это ослабление позиции США как мирового политического и экономического лидера (ср.:

Как далеко зайдет наметившаяся регионализация международных процессов и насколько быстро мировая долларовая система распадется на валютные зоны? А. Ведруссов. Изв. 20.06.2022).

И в том, и в другом случае конкретизация метафорического значения, как и в каузативном варианте реализации модели, во многом определяется спецификой деструктивной семантики в первичном ЛСВ. Однако можно выделить два принципиально значимых концептуальных представления. С одной стороны, негативные процессы внутри США и утрата их лидерских позиций в мире воспринимается как стихийный процесс, связанный с глобальным динамическим геотектоническими процессами в земной коре нашей планеты или с общим «аварийным» состоянием «здания / сооружения» США (ср.: *Он [закат «долгого века» США и возглавляемого ими так называемого «западного мира»] сопровождается разломом существующего миропорядка по нескольким направлениям.* А. Конопляник. Вед. 31.05.23; *Рухнет многоуровневая структура фондового рынка [США], состоящая из различных финансовых деривативов и сложных долговых инструментов.* Д. Перепелица. Вед. 16.05.23; *Разрушается система глобального управления [из центра – США].* А. Тихонов. МК. 03.07.2023). С другой стороны, усиление социально-политической и экономической нестабильности внутри США может интерпретироваться как большой разрушительной силы и неуправляемый разрыв снаряда, взрывчатого вещества и т.п. Но такого рода контексты представлены лишь несколькими примерами и обычно трактуются как потенциальный вариант развития событий в будущем (ср.: *К чему это [межпартийный конфликт в США] может привести, сказать сложно, но массовые беспорядки, социальный протест и даже взрыв – уже вполне возможны.* В. Васильев. РГ. 20.07.2023).

Таким образом, деструктивная метафорическая модель активно используется в современных российских газетных общественно-политических массмедиа для репрезентации идеологии США. Согласно данной модели США выступает в роли активного деятеля, цель которого – утвердить собственное лидерство в мире за счет ослабления противников и конкурен-

тов, а также создания глобальной социально-политической и экономической нестабильности. Восприятие США в качестве хрупкого, способного легко разрушиться неодушевленного объекта представлено значительно реже и преимущественно в рамках гипотетических ситуаций.

Библиографический список

Антипина О. В. Метафорический образ политической России начала XXI века на материале англоязычных сайтов: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2009. 18 с.

Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. Москва: Прогресс, 1990. С. 5–32.

Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Словарь русских политических метафор. Москва: Помовский и партнеры, 1994. 330 с.

Балашова Л. В. Русская метафорическая система в развитии: XI–XXI вв. Москва: Рукописные памятники Древней Руси; Знак, 2014. 632 с.

Балашова Л. В. Экономика России в современном политическом дискурсе сквозь призму концептуальной метафоры // Политическая лингвистика. 2017. № 1 (61). С. 21–31.

Балашова Л. В. «Дипломатичное» и «недипломатичное» в жанрах дипломатического дискурса: на материале метафор в текстах пресс-конференции и интервью Министра иностранных дел РФ С.В. Лаврова, посвященных военной спецоперации на Украине // Жанры речи. 2022. Т. 17, № 4 (36). С. 272–284.

Будаев Э. В. Сопоставительная политическая метафорология. СПб.: Научное издание, 2020. 464 с.

Гак В. Г. Метафора: универсальное и специфическое // Метафора в языке и тексте. Москва: Наука, 1988. С. 11–26.

Мингалева О. В. Воздействие посредством метафоры в политическом дискурсе // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2018. № 1(28). Р. 82–87.

Туманова Е. О. Архетипичные метафоры в немецкоязычном политическом дискурсе (на примере политической афористики) // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2023. Т. 20. С. 276–297.

Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. Москва: Гнозис, 2004. 324 с.

Чудинов А. П. Дискурсивные характеристики политической коммуникации // Политическая лингвистика. Вып. 2 (40). 2012. С. 53–59.

Е. М. Крижановская
Пермский государственный национальный
исследовательский университет, г. Пермь, Россия
к.филол.н., доцент кафедры журналистики
и массовых коммуникаций

Yelena M. Krizhanovskaya
Perm State National Research University, Perm, Russia
Ph.D., Associate Professor of the Department of Journalism
and Mass Communications

ОБРАЗ РОССИИ В ТЕЛЕГРАМ-КАНАЛЕ **Д. А. МЕДВЕДЕВА**

RUSSIA'S IMAGE IN D. A. MEDVEDEV'S TELEGRAM CHANNEL

Аннотация. В статье исследуются составляющие образа России, выявленные в процессе анализа интернет-текстов авторского телеграм-канала лидера политической партии «Единая Россия» Д.А. Медведева. В работе рассматриваются способы изучения имиджа страны в различных направлениях современных гуманитарных исследований, кратко характеризуются лингвистические подходы к рассмотрению имиджа государства как определенной концептосферы, фрейма или системы метафорических моделей. Автор приходит к выводу о том, что образ России как великой державы в интернет-текстах политического лидера создается при помощи использования разноуровневых языковых средств и риторических приемов, применения разнообразных коммуникативных стратегий и тактик.

Ключевые слова: политический дискурс; интернет-коммуникация; авторский телеграм-канал; политический лидер; образ страны; языковые средства; риторические приемы; коммуникативные стратегии и тактики.

Abstract. The article analyzes the components of Russia's image which were revealed on the basis of the Internet texts of the author's telegram channel belonging to the leader of the «United Russia» political party D.A. Medvedev. The paper examines the ways of studying the country's image in various areas of modern humanitarian research, describes linguistic approaches to studying the state's image as a certain conceptual sphere, frame or system of metaphorical models. The conclusion is made that the image of Russia as a great power in the Internet texts of a political leader is created through the use of multi-level linguistic and rhetorical means, the employment of various speech strategies and tactics.

Keywords: political discourse; Internet communication; author's telegram channel; political leader; image of the country; language means; rhetorical means; speech strategies and tactics.

Национальный образ определенной страны, государства, как известно, изучается в настоящее время специалистами разных наук (политологами, социологами, социальными психологами, философами, лингвистами и др.) в рамках различных исследовательских подходов. Так, например, Е. Г. Прилукова, применяя так называемый философский герменевтический методологический стандарт в процессе изучения репрезентации образа России в официальном дискурсе политического субъекта, отмечает: «Образ России, как и образ любого государства, – одна из «вечных тем» политического дискурса, и не только российского. Поэтому его репрезентация в официальном дискурсе политического субъекта, с одной стороны, рассматривается как нечто естественное и неотъемлемое, ибо он важнейший элемент сложного мира политического, а, с другой – это один из сложных конструктов, связанный с фундаментальными смыслами бытия человека» [Прилукова 2017: 214].

Отечественные политологи Т. Н. Пищева, Н. С. Виноградова и А. Д. Недова, изучавшие образ России в рамках политической психологии, еще в работе 2010 года обращали внимание на то, что «образ страны, как и любой психологический образ, является отражением как реальных характери-

стик объекта восприятия – т.е. страны (территории, истории, политических институтов и процессов, лидеров и т.д.), так и проекцией ожиданий субъекта восприятия» [Пищева 2010: 108]. Это означает, на наш взгляд, что на создание образа страны влияют не только объективные параметры объекта (страны, государства), но и субъективные аспекты восприятия страны определенной личностью, например политическим лидером.

Изучение имиджа страны нередко осуществляется в работах по лингвокультурологии и когнитивной лингвистике, в которых образ России анализируется в качестве определенных ментальных образований – концептов, фреймов, метафорических моделей и др. Так, С.Б. Токарева рассматривает образ России в сознании граждан нашей страны как «сложный образный фрейм», который идеально подходит для “сбрасывания” в общественное сознание в качестве “преломляющей” восприятие целевой аудитории призмы желаемых стереотипов о России. Благодаря функционированию образа России в качестве фрейма информация о ней перестает восприниматься критично (или хотя бы нейтрально), перестает опираться на размышления над увиденным, услышанным или пережитым, но сложным образом обрабатывается “рамочными” ментальными (когнитивными) структурами [Токарева 2021: 45]. На наш взгляд, с автором цитируемой работы можно согласиться в отношении использования понятийного аппарата исследования, но не выводов: безусловно, работа с любой поступающей индивиду информацией является по своей сути когнитивной обработкой при помощи различных ментальных структур (концептов, фреймов, сценариев, блендов и под.). Вместе с тем утверждение автора о том, что в результате применения такого фрейма в публичном пространстве гражданам нашей страны навязывается определенное отношение к России, исключающее критическое осмысление приобретенного ими практического опыта, представляется нам не отвечающим истинному положению дел и абсолютно неактуальным в реалиях активно проводимой в отношении нашего

государства странами так называемого коллективного Запада информационно-психологической войны.

Исследуя образ России по материалам «Посланий Президента Российской Федерации Федеральному собранию» от 15 января 2020 года и 21 апреля 2021 года, И. А. Балакина, О. Б. Ульянова и С. Б. Хабибуллина приходят к выводу о том, что в данных текстах представлены следующие метафорические модели: «РОССИЯ – ЧЕЛОВЕК», «РОССИЯ – ЕДИНЫЙ ОРГАНИЗМ», «РОССИЯ – ДОМ». В результате реализации названных метафорических моделей «создается образ сильной России, которая может достигать определенных целей, продвигать намеченный политический курс, двигаться вперед, расти, развиваться и уверенно шагать в будущее» [Балакина 2023: 40]. А. К. Перевозникова рассматривает образ России как отдельную концептосферу, объединяющую в себе сразу несколько значимых для русской языковой картины мира концептов, например: «мир», «родина», «типичные черты нации», «духовные ценности», «язык как хранитель культуры» и некоторые другие. При этом исследователь подчеркивает, что «в концептосфере “национального образа России” концепт “родина” занимает ключевое место в русской языковой картине мира и представляет собой единство языкового и культурного содержания» [Перевозникова 2019: 55].

Необходимо отметить, что репрезентация образа России в общественно-политическом дискурсе изучается преимущественно по материалам текстов современных российских и зарубежных СМИ или выступлений политических лидеров. Это подтверждают и материалы международной научной конференции «Образ России в зарубежном политическом дискурсе: стереотипы, мифы и метафоры», проведенной в Уральском государственном педагогическом университете еще в 2010 году. Беглый обзор материалов конференции свидетельствует о том, что абсолютное большинство представленных исследований образа нашей страны выполнено на материале зарубежных, пре-

имущественно англо-американских, немецких и польских газет и журналов, в то время как изучение особенностей создания имиджа России в интернет-коммуникации почти не отражено.

Между тем анализ репрезентации образа нашей страны по материалам интернет-текстов определенного политического лидера, размещенных в социальной сети, поможет не только выявить способы создания имиджа страны тем или иным субъектом политики, но и дополнить наши представления о самом политическом лидере (свойствах его языковой личности, его психологических особенностях и характере транслируемых им ценностей). С этой целью было проведено изучение способов конструирования имиджа нашей страны на материале интернет-текстов лидера партии «Единая Россия» Д. А. Медведева. Анализу подвергались тексты, размещенные известным российским политиком в авторском телеграм-канале за период с 17 марта 2022 года по 31 июля 2023 года и отраженные в 313 постах.

Изучение материалов телеграм-канала Д. А. Медведева свидетельствует о том, что в текстах лидера ведущей российской политической партии создается поистине державный образ России как огромной страны, обладающей славным историческим прошлым, великим будущим, имеющей перспективы развития благодаря населяющему ее трудолюбивому и талантливому народу, многонациональному составу граждан, богатейшим запасам природных ресурсов, мощному развитию промышленности и народного хозяйства, новейшим научным разработкам во многих сферах, передовой армии, устойчивой к международным санкциям экономике и, конечно же, особому менталитету жителей России. Так, например, уже в первом посте, размещенном в авторском телеграм-канале 17 марта 2022 года, Д. А. Медведев, разъясняя свою позицию подписчикам аккаунта и одновременно обращаясь к предполагаемым оппонентам-русофобам, отмечает: *Конечно, им не понравилось, что **Россия снова стала сильной державой**, способной отстаивать свои интересы, защищать собственных граждан в других странах.*

*...У России достаточно мощи, чтобы поставить на место всех оборзевших недругов нашей страны. Мы будем и дальше бороться за тот миропорядок, который устраивает Российскую Федерацию и наших граждан. В котором нет места отмороженным нацистам, исторической лжи и геноциду. **Нравственная сила и историческая правда, как и раньше, на нашей стороне!***

Этот пост набрал 1,4 миллионов просмотров интернет-пользователей.

Уже в первом посте автора происходит разделение мира своих (граждан России, ее истинных патриотов) и мира чужих (стран коллективного Запада, противников России, желающих и ждущих ее поражения во всех сферах), что представляет собой воплощение основной оппозиции политического дискурса «свой – чужой». Как отмечает Е. И. Шейгал, «в политическом дискурсе оппозиция “свои – чужие” реализуется как эксплицитно, при помощи специальных маркеров, так и имплицитно – в виде идеологической коннотации политических терминов, через тональность дискурса, его подчеркнутую этикетность или антиэтикетность, а также целенаправленный подбор положительной или отрицательной оценочной лексики» [Шейгал 2004: 113].

В приведенном выше текстовом фрагменте мир «чужих» характеризуется речевыми единицами с негативной эмоционально-экспрессивной окраской (*оборзевшие недруги нашей страны, отмороженные нацисты, историческая ложь, геноцид*), включающей не только политические термины и ярлыки (*геноцид, нацисты*), но и грубо-просторечные слова (*оборзевший, отмороженный*). Таким образом в текстах автора телеграм-канала постоянно реализуется коммуникативная стратегия дискредитации и нападения (по типологии речевых стратегий и тактик современного русскоязычного политического дискурса, разработанной О. Н. Паршиной).

В то же время Россия как мир «своих» рассматривается только в позитивном ракурсе: это *сильная держава, способная*

отстаивать свои интересы, защищать собственных граждан в других странах; она имеет достаточно мощи, чтобы поставить на место всех оборзевших недругов нашей страны; ей свойственна нравственная сила; мы гордимся тем, что историческая правда на нашей стороне. Отметим, что тенденция резкого противопоставления нашей страны и ее граждан-патриотов, сопровождающегося неизменно позитивными характеристиками, действиям стран, политиков и граждан коллективного Запада, так называемого англо-саксонского мира, является ведущей в интернет-текстах Д. А. Медведева. Наблюдения показывают, что выбранная прагматическая установка автора анализируемого телеграм-канала явно импонирует патриотично настроенным интернет-пользователям, о чем свидетельствует количество просмотров постов автора и постоянно увеличивающаяся целевая аудитория. В настоящее время канал насчитывает 1 159 874 подписчика.

По-видимому, в соответствии с разделением политики государства на внешнюю и внутреннюю автор телеграм-канала размещает посты, в которых уделяет особое внимание отдельным направлениям деятельности России как на международной арене, так и внутри страны. При этом большее количество постов все-таки посвящено отстаиванию основных направлений внешней политики Российской Федерации и анализу международных отношений.

Так, например, рассматривая внешнюю российскую политику, автор позитивно характеризует усилия президента, правительства и всего российского народа по сохранению политического суверенитета Российской Федерации и ее территориальной целостности, противостоянию экономическим санкциям недружественных западных государств в отношении нашей страны, защите прав русских в других странах, наиболее значимым аспектам проведения специальной военной операции (СВО) России на Украине с 24 февраля 2022 года по настоящее время и мн. др. В частности, оценивая возможности экономики

Российской Федерации противостоять международным санкциям, автор канала отмечает следующее: *У нас есть все возможности для собственного развития. Во многом ранее введенные санкции пошли нам только на благо, заставили активнее развивать импортозамещение во всех отраслях, в том числе наукоёмких, разрабатывать новые технологии, продукты и лекарства. Правительство уже приняло оперативные решения для поддержки наших людей и экономики: социальные выплаты, дофинансирование высокотехнологических отраслей, сельского хозяйства, банковского сектора – в общем, коллапса в экономике не будет* (19.03.2022).

Приведенный текстовый фрагмент содержит простые двусоставные предложения с преимущественно прямым порядком слов, ряды однородных членов предложения. В текстах Д. А. Медведева высокой частотой характеризуется употребление языковых единиц, относящихся к сфере политики и экономики (*банковский сектор, высокотехнологические отрасли, дофинансирование, импортозамещение, правительство, социальные выплаты* и др.).

Особое внимание автор телеграм-канала уделяет проводимой Россией на территории Украины с 24 февраля 2022 года специальной военной операции (СВО). Во всех анализируемых интернет-текстах Д. А. Медведева последовательно и настойчиво высказываются мысли о необходимости и своевременности осуществления Россией идей денацификации и демилитаризации в ходе проведения СВО, прославляется мужество и героизм российских воинов-участников спецоперации, интернет-пользователям постоянно внушается идея неизбежной победы России в этом военном конфликте. Для оказания программируемого воздействия на подписчиков канала используются коммуникативные тактики иллюстрирования и сопоставительного анализа аргументативной речевой стратегии, например: *Пассионарная часть украинцев последние 30 лет молилась на Третий рейх. ...Отвращение вызывают фотографии, на которых*

практически в каждой воинской части Украины, взятой нашей армией, находят нацистскую символику – штандарты, литературу, плакаты. Даже чашки со свастикой! Это не игра в фашистскую эстетику, как нам пытаются доказать западники. Это идеология. Не стоит удивляться, что преобразившиеся ментально в Третий рейх, записавшую в учебники по истории имена иуд и нацистских прихвостней Украину его же судьба и постигнет. Туда ей и дорога, такой Украине!(05.04.2022)

Приведенный текстовый фрагмент содержит следующие риторические средства: метафору (*записавшую в учебники по истории имена иуд и нацистских прихвостней, молиться на Третий рейх; преобразившиеся ментально в Третий рейх*), инверсию (*Отвращение вызывают фотографии...*), парцелляцию (*находят нацистскую символику – штандарты, литературу, плакаты. Даже чашки со свастикой!*), антитезу (*Это не игра в фашистскую эстетику, как нам пытаются доказать западники. Это идеология*). Из языковых средств отметим ряды однородных членов и восклицательные предложения.

Интересно, что, анализируя в интернет-постах особенности реализации внутренней политики нашего государства, Д. А. Медведев обращает внимание читателей телеграм-канала на следующие аспекты: необходимость скорейшего и наиболее эффективного решения актуальных проблем в экономической, социальной и культурной сферах; развитие отечественной промышленности, военно-промышленного комплекса и науки; поддержки истинной православной веры в России, сохранения и преумножения исторического и культурного наследия предыдущих эпох развития нашей страны и др. При этом затрагивается далеко не весь спектр проблем, требующих решения. Нередко автор рассказывает подписчикам о своих деловых поездках, в ходе которых решаются проблемы развития предприятий прежде всего военно-промышленного комплекса России, например: *В ходе рабочей поездки в Татарстан на Казанском пороховом за-*

воде рассмотрели обеспеченность Вооружённых сил РФ порохами, боеприпасами и другими современными средствами поражения (29.03.2023).

Необходимо отметить, что полемичность текстов лидера партии «Единая Россия» проявляется не только в создании при помощи различных приемов образа врага (врагов) России (представителей так называемого коллективного Запада, т.е. преимущественно англосаксонского мира), но и в постоянном призыве к его подписчикам-патриотам бережно относиться к стране как наследию завоеваний наших прапрадедов, охранять от западных фальсификаций историю нашей страны, сохранять богатейшее культурное наследие и, наконец, просто помнить о том, что *понятие территориального суверенитета в нашей стране никуда не исчезло. Всё вернётся домой. В Российскую Федерацию. ...Не давайте повода для радости врагу ближнему и дальнему. И почаще напоминайте ему о величии и безграничности Русского мира (11.11.2022).*

Анализ языковых средств, риторических приемов, коммуникативных стратегий и тактик, используемых в текстах телеграм-канала Д. А. Медведева подтверждает верность замечаний Т. Г. Поповой и К. А. Кокориной о том, что «политические деятели являются активными акторами и продуцентами текстов информационно-психологической войны в политическом дискурсе. Каждый из них, будучи языковой личностью, реализует акты информационно-психологической войны на прагматическом уровне посредством тех или иных стратегий, тактик и приемов» [Попова, Кокорина 2020: 93].

Обобщая результаты проведенного исследования, еще раз подчеркнем, что в текстах телеграм-канала известного российского политика Д. А. Медведева создается образ великой России – страны, которую оставили потомкам наши прапрадеды, завещав защищать ее суверенитет от посягательств врагов, беречь природные богатства, сохранять русскую культуру и православную веру. Созданию такого образа нашей страны способствует

использование автором текста разнообразного арсенала средств речевого воздействия на читателей.

Библиографический список

Балакина И. А., Ульянова О. Б., Хабибуллина С. Б. Репрезентация образа России во фрагменте политического дискурса // Политическая лингвистика. 2023. №1 (97). С. 35–41.

Перевозникова А. К. Концепт «Родина» как составляющая национального образа России в русской языковой картине мира // Концепт: философия, религия, культура. 2019. № 1. С. 54–61.

Пищева Т. Н., Виноградова Н. С., Недова А. Д. Образ России под углом зрения политических коммуникаций // Полис. 2010. № 4. С. 56–71.

Попова Т. Г., Кокорина К. А. Языковая личность политика как фактор информационно-психологической войны // Политическая лингвистика. 2020. № 6 (84). С. 86–95.

Прилукова Е. Г. Репрезентация образа России в официальном дискурсе политического субъекта: поиск методологии исследования // Образ России в условиях информационной войны конца XX – начала XXI в. Тенденции обновления политического дискурса: материалы междунар. науч. конф. «Россия в поисках мирного решения социальных, межконфессиональных и межэтнических конфликтов: Тенденции обновления политического дискурса, отражающие доминантные идеологемы российской официальной дипломатии и пропагандистской деятельности политических партий конца XX – начала XXI в.» (Магнитогорск, 23-25 ноября 2017 г.) / Науч.-исслед. словарная лаборатория НИИ исторической антропологии и филологии ; под ред. С.Г. Шулежковой. – Магнитогорск: Изд-во Магнитогорск. гос. техн. ун-та им. Г. И. Носова, 2017. 509 с.

Токарева С. Б. Конструирование образа России в публичном и общественно-политическом дискурсе: от семантического описания к метафорическому фреймингу событий // Logoset Praxis. 2021. Т. 20. № 1. С. 36–48.

Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. М.: Гнозис, 2004. 326 с.

Д. Д. Смолин

*Сибирский федеральный университет, г. Красноярск, Россия
магистрант Института филологии и языковой коммуникации*

Dmitriy D. Smolin

*Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia
Master's student at the Institute of Philology
and Language Communication*

**ОБ ОСОБЕННОСТЯХ АРГУМЕНТАЦИИ
В СУДЕБНЫХ РЕЧАХ И ВЫСТУПЛЕНИЯХ**

Р. А. РУДЕНКО

**ON SOME FEATURES OF THE ARGUMENTATION
IN COURT SPEECHES BY R. A. RUDENKO**

Аннотация. Рассматриваются аргументативные особенности речей Главного обвинителя Международного Военного Трибунала от СССР Р. А. Руденко. На основе анализа материалов судебных заседаний Нюрнбергского процесса, а также судебного процесса по делу американского летчика-шпиона Френсиса Гарри Пауэрса выявляется круг аргументов, связанных с доказательством тезиса о виновности подсудимых в совершении преступлений; устанавливается комплекс лингвистических средств, способствующих усилению аргументации. Из аргументов, которые используются Р. А. Руденко в ходе судебных процессов, выделяются аргументы к реальности, к причинно-следственным связям, к личности, к норме, к авторитету, к прецеденту, модель и антимодель. Из лингвистических средств, которые используются Р. А. Руденко для усиления убедительности речи, выделяются эмоционально-экспрессивно-окрашенные слова; метафоры, основанные на проведении аналогий с огнем и горением; антитезы, основанные на противопоставлении мира капитализма и мира социализма; лексические повторы, включающие оценочные слова; риторические восклицания призывного характера; риторические вопросы и вопросы

но-ответные конструкции, включающие лексические компоненты с характерологической коннотацией. Делается вывод о том, что обличительный пафос речей Р. А. Руденко, направленный против преступников, которые совершили тяжкие преступления, определяет частое обращение к словам и оборотам, дающим возможность правильно квалифицировать преступление, отграничить его от других, показать его этическую неприемлемость, патологичность, крайнюю форму отклонения от нормы человеческого поведения в условиях современной цивилизации; отмечается значимость и целесообразность использования в судебных речах оценочных слов и конструкций для достижения целей, связанных с важностью этической оценки преступлений и их квалификации как преступлений против человечности.

Ключевые слова: Р. А. Руденко, обвинительная речь, аргументация, аргумент к реальности, аргумент к норме, аргумент к причинно-следственным связям, метафора, антитеза, вопросно-ответная конструкция.

Abstract. The article deals with the argumentative features of the speeches by the Chief Prosecutor at the International Military Tribunal from the USSR R. A. Rudenko. Basing on the analysis of court records at the Nuremberg trial, as well as the trial on the case of the American pilot-spy Francis Gary Powers, the range of arguments connected with proving the guilt of the defendants is revealed and the complex of linguistic means contributing to the reinforcement of argumentation is established. The arguments used by R. A. Rudenko in trials are classified as arguments to reality, to cause-and-effect relations, to personality, to norm, to authority, to precedent, model and antimodel. Among the linguistic means used by R. A. Rudenko to strengthen the persuasiveness of his speech, there are emotionally and expressive lycharged words; metaphors based on analogies with fire and burning; antithesis based on contrasting the world of capitalism and the world of socialism; lexical repetitions including evaluative words; rhetorical exclamations of an appealing nature; rhetorical questions and question-answer structures including lexical components with characterological connotations. It is concluded that the denunciatory pathos of R. A. Rudenko's speeches, directed against criminals who committed serious crimes, determines the frequent reference to such words and turns of speech which make it possible to correctly qualify the crime, to distinguish it from other crimes, to show its ethical inadmissibility and its pathological charac-

ter as an extreme form of deviation from the norm of human behaviour in the conditions of modern civilization. The significance and appropriateness of the use of evaluative words and constructions in court speeches in order to achieve goals related to the importance of ethical evaluation of crimes and their classification as crimes against humanity is noted.

Keywords: R. A. Rudenko, accusatory speech, argumentation, argument to reality, argument to norm, argument to cause-and-effect relations, metaphor, antithesis, question-and-answer structure.

Материалы Нюрнбергского процесса в наши дни активно изучаются российскими историками и юристами. Весьма известными стали труды Е. Н. Яковлева «Война на уничтожение» и А. Г. Звягинцева «Нюрнберг. Высший суд» [Яковлев 2022; Звягинцев 2023], а также работа, посвященная деятельности Главного обвинителя Международного Военного Трибунала от СССР А. Руденко, написанная А. Г. Звягинцевым [Звягинцев 2016]. Интерес к событиям, связанным с рядом судебных процессов, которые проходили в городе Нюрнберг с 1945 по 1949 год, обусловлен как общественно-политическими событиями последних десятилетий, так и появляющимися возможностями изучения новых материалов по вопросам проведения судебных заседаний в Нюрнберге, подготовки трибунала, формирования доказательной базы обвинения. Из юридических работ, помимо указанных, можно отметить труды И. П. Сафиуллиной «Нюрнбергские принципы и их влияние на формирование международных уголовных судов в современных условиях», О. В. Докучаева «Вклад органов военной прокуратуры в период Великой Отечественной войны в подготовку и проведение Нюрнбергского процесса» [Сафиуллина 2003; Докучаев 2011]. Из исторических – труды А. В. Кутузова «Нюрнбергский трибунал и современное мифотворчество», Д. Н. Шкаревского «Современная отечественная историография Нюрнбергского трибунала» [Кутузов 2016; Шкаревский 2021]. Изучение материалов Нюрнбергского процесса с позиций лингвистики находится на начальном этапе. Мы можем отметить работы Р. А. Матасова

«Синхронный перевод на Нюрнбергском процессе», А. В. Игнашова «Историзм и исторические документы в литературных произведениях о Нюрнбергском процессе», Т. А. Самойловой «Синхронисты на Нюрнбергском процессе» [Матасов 2008; Игнашов 2011; Самойлова 2021].

Учитывая внимание современных ученых к вопросам, касающимся роли прокуратуры в деятельности Нюрнбергского трибунала, представляется значимым вписать исследование речей Р. А. Руденко с позиций лингвистики (риторики, стилистики, лингвопрагматики) в круг работ, проведенных в области истории и юриспруденции. Необходимость изучения речей и выступлений Р. А. Руденко диктуется также тем, что в настоящее время наблюдается интерес лингвистов к изучению аргументативной речевой деятельности, анализу юридических текстов, исследованию индивидуальных авторских стилей судебных ораторов (А. Ф. Кони, Ф. Н. Плевако, А. И. Урусова). Говоря об изучении в современной российской лингвистике стилей судебных ораторов, можно указать на работы «Когнитивная обусловленность и стилевое своеобразие судебных речей Ф. Н. Плевако» Н. В. Пириновой, «Судебные речи А. Ф. Кони: лингвостилистический аспект» Л. И. Тимофеевой, «Ораторские приемы в защитительной речи А. И. Урусова по делу Волоховой» З. В. Баишевой [Пиринова 2006; Тимофеева 2015; Баишева 2023]. Сказанное нами позволяет говорить об актуальности предпринятого исследования.

Переходя к рассмотрению вопроса об аргументации в речах Р. А. Руденко, отметим, что при квалификации аргументов, используемых в проанализированных материалах, делалась опора на работы А. А. Волкова «Курс русской риторики» и «Теория риторической аргументации» [Волков 2013а, 2013б]. При исследовании рассматривались речи, произнесенные Р. А. Руденко на судебных заседаниях в ходе Нюрнбергского процесса, а также на судебном процессе по делу американского летчика-шпиона Френсиса Гарри Пауэрса.

Представляя особенности подбора аргументов Р. А. Руденко, отметим, что его речи соответствуют требованиям, которые определяются сложившимися традициями ведения судебного процесса и задачами обвинителя на суде (формулирование и обоснование обвинения, определение предмета доказывания, содействие правосудию для реализации законности, убеждение судей в виновности лиц, находящихся на скамье подсудимых, необходимости вынесения в отношении подсудимых обвинительного приговора, привлечение их к ответственности и др.), являются образцами обвинительных речей, сочетая в себе, с одной стороны, строгость, логичность, ясность изложения, точность, связность, композиционную цельность, завершенность, концептуальность, информативность и, с другой стороны, выразительность, образность, оценочность, эмоциональность, необходимые в судебной ораторской практике.

Наиболее часто в речах Р. А. Руденко используются аргументы к реальности – «аргументы, послышки которых содержат апелляцию к принудительной силе обстоятельств, побуждающей принять решение об истинности и правильности положения» [Волков 2013а: 179]. В частности, обвинителем используются синхронические и диахронические аргументы к факту, которые представляют собой иллюстрацию доказываемых положений. Использование в ходе судебного разбирательства и предъявления обвинения подобных аргументов способствует созданию более объективной, точной и достоверной картины рассматриваемых преступлений, достижению всестороннего и объективного исследования обстоятельств дела, конкретизации происходивших событий.

Приведем пример:

Тезис: *Фашистская Германия задалась преступной целью овладения территорией Советского Союза для ограбления и эксплуатации народов СССР.*

Аргументация: *Для подтверждения этого нет нужды ссылаться на книгу Гитлера «Майн Кампф» и другие книги и статьи гитлеровских главарей, в которых, как известно, со-*

держались прямая угроза против СССР и указание на то, что агрессия гитлеровского империализма должна идти на восток...<...>

Позвольте мне прежде всего сослаться на документ под названием «Сообщение о совещании 23 мая 1939 г.». Как видно из этого документа, совещание это имело место в кабинете Гитлера в новой имперской канцелярии, и запись его производил подполковник генштаба Шмундт. <...>

В своем выступлении на этом совещании Гитлер неоднократно затрагивал вопрос о захвате территории на востоке. Он сказал:<...>

Речь идет для нас о расширении жизненного пространства на востоке и обеспечении продовольственного снабжения... <...>

В другом документе, известном под названием «Протокольная запись совещания фюрера с главнокомандующими 23 ноября 1939 г.», Гитлер подчеркивал необходимость разрешить проблему борьбы за нефть, резину и полезные ископаемые. <...>

На этом совещании Гитлер со всей откровенностью раскрыл свои планы устремления на восток. <...>

По показаниям подсудимого Кейтеля, Гитлер собирался напасть на СССР в конце 1940 года. Уже раньше, весной 1940 года, был разработан план нападения на СССР. Совещания по этому вопросу проводились все лето. В июле 1940 года в Рейхенхалле на военном совещании обсуждался план нападения на СССР [Руденко 1987: 48–49].

Отметим: апелляция к фактам в речах Р. А. Руденко становится одним из основных способов доказательства, более всего обвинитель обращается к документам (приказам, директивам, нотам, сообщениям, докладам, отчетам, донесениям, телеграммам, инструкциям, текстам законов и постановлений, протоколам, договорам и соглашениям). Документы, наряду с количественными данными, фотоматериалами и видеоматериалами, создавали правдивую картину преступлений и оказывали значи-

тельное психологическое воздействие на аудиторию, формируя отношение к преступникам и побуждая применить к ним адекватное их действиям наказание.

Важным в ходе доказательства во время судебных заседаний становится аргумент к причинно-следственным связям, специфика использования которого опирается на положение о том, что «существует два основных вида причины: действующая и телеологическая, или конечная. Первый тип причинной связи предполагает понимание причины как взаимодействия вещей во временной последовательности... Второй тип причинной связи предполагает понимание причины как действия и его результата – изменения состояния объекта...» [Волков 2013а: 175].

Приведем пример использования такого типа аргумента:

Тезис: *Наряду с проведением стратегических и дипломатических мероприятий по подготовке вероломного нападения на СССР гитлеровское правительство заранее обдумало и запланировало совершение военных преступлений на территории СССР.*

Аргумент: *Так называемый план «Барбаросса» был планом стратегическим. Но этот план дополнялся рядом инструкций и распоряжений... К числу таких распоряжений следует в первую очередь отнести инструкцию, изданную 13 марта 1941 г. главной квартирой германского главнокомандования.*

Эта инструкция касается ряда организационных задач... <...> инструкцией верховное главнокомандование германских вооруженных сил было уполномочено осуществлять исполнительную власть и передавать свои полномочия главнокомандующим армейскими группами и армиями. <...>

В другой инструкции, изданной в дополнение к «плану Барбаросса» в июне 1941 года... предписывается беспощадно расправляться со всеми теми, кто будет сопротивляться немецким захватчикам. <...>

Нельзя, наконец, не отметить и еще одной инструкции, известной под названием «Распоряжения о применении военной

подсудности в районе “Барбаросса” и об особых мероприятиях войск». <...> В правилах, предписывающих драконовские меры против мирных жителей и партизан, содержатся указания о жестокой расправе с людьми, называемыми в этом распоряжении «заподозренными элементами». <...> В случаях же каких-либо нападений на немецкие вооруженные силы это распоряжение предписывало применять «массовые насильственные меры», т. е. производить поголовное истребление ни в чем не повинных людей. <...>

Следовательно, задолго до 22 июня 1941 г. гитлеровским правительством и германским верховным командованием, представители которых находятся на этой скамье подсудимых, были подробно разработаны и подготовлены военные преступления на территории СССР, которые и были в дальнейшем осуществлены [Руденко 1987: 56–58].

Аргументация к личности апеллирует «как к свидетельству личного самосознания, так и к утверждению внутренней цельности личности, которое предполагает последовательность и ответственность» [Волков 2013а: 167]. В некоторых случаях аргументы к личности могут становиться более действенными, чем аргументы к реальности, поскольку они направлены на эмоциональную сферу адресата и при правильном использовании способны порождать самые разнообразные чувства (сопричастности, сострадания, неприятия, отвращения, сожаления, доверия, недоверия и другие). Р. А. Руденко обычно, используя данный тип аргументов, стремился вызывать к ответственности суда в принятии решения и формировать чувства неприятия, отвращения и недоверия к преступнику. Так, например, выступая с обвинительной речью по делу американского летчика-шпиона Френсиса Гарри Пауэрса – агента Центрального разведывательного управления США, совершавшего полеты вдоль границ Советского Союза с целью сбора секретной информации и вторгшегося 1 мая 1960 г. в воздушное пространство СССР, Р. А. Руденко использовал в качестве аргументации не только

показания подсудимого, вещественные доказательства (приборное, связанное, электро- и радиолокационное и иное оборудование производства США, что подтверждалось этикетками и обозначениями, в частности магнитофон с магнитофонной лентой, фотопленки, радиоприемопередатчик, который являлся американской серийной командной станцией, предназначенной для ближней радиосвязи с наземными пунктами и между самолетами, блок подрыва с дистанционным управлением, изготовленный фирмой «Бекман-Уитлей» (модель 175-10 А) и многое другое), но и факты фиксации нарушения границы наземными службами СССР юго-восточнее Кировобада Таджикской СССР и сбития ракетными войсками в районе Свердловска. Обращаясь к судьям, он апеллировал к их ответственности, стремился вызвать неприятие действий преступника, создавал яркую картину возможных последствий совершения преступления. Приведем пример:

Товарищи судьи!

Заканчивая свою обвинительную речь, я вновь должен вернуться к вопросу о тех тяжчайших последствиях для мира и человечества, которые могли повлечь преступные действия Пауэрса...

Подсудимый Пауэрс, преступления которого так щедро оплачивала американская разведка – не простой шпион, а особо и тщательно вымуштрованный преступник. Все действия Пауэрса свидетельствуют, что он отнюдь не безвольное и слепое орудие, робот в руках американской разведки и Пентагона [Руденко 1987: 227].

Частотно также использование Р. А. Руденко аргументов к норме, которые «представляют собой обоснования положений, обращенные к общественным установлениям и сложившейся общественной практике» [Волков 2013а: 179]. Из аргументов к норме в речах Р. А. Руденко встречаются аргументы к общей норме, аргументы к авторитету, модель и антимодель, аргумент к прецеденту. Приведем пример использования аргумента к ав-

торитету, который представляет собой ссылку на «высказывание или поступок авторитетного лица или текст авторитетного источника» [Волков 2013а: 183].

Тезис: Нарушения законов и обычаев войны, установленных международными конвенциями, должны влечь за собой уголовную ответственность.

Аргумент: ...в международных конвенциях, заключённых со специальной целью установления законов и правил ведения войны, указана уголовная ответственность за нарушение этих законов и правил. Так, ст. 56 Гаагской конвенции 1907 года устанавливает: «Собственность общин, учреждений церковных, благотворительных, образовательных, художественных и научных, хотя бы и принадлежащих государству, приравнивается к частной собственности. Всякий преднамеренный захват, истребление или повреждение подобных учреждений, исторических памятников, произведений художественных и научных воспрещаются и должны подлежать преследованию» [Руденко 1987: 42–43].

Приводя в качестве аргумента ссылку на статью 56 Гаагской конвенции 1907 года, Р. А. Руденко стремится, на наш взгляд, указать на то, что наказание для нацистских преступников неотвратимо, что отвечать будут все так или иначе причастные к уничтожению собственности граждан европейских государств и СССР, массовому истреблению людей. Эффективность аргументов к норме обусловлена, прежде всего, тем, что опора при построении аргументации на следование установлениям, существующим в обществе, доверие людей к источникам, признанным авторитетными, дает оратору возможность достичь единства с аудиторией. Можно утверждать, что аргументы к норме, помимо основных функций убеждения и воздействия, выполняют синдикативную функцию – сближения автора и его адресата, укрепления общности между ними. Апеллировать к тому, что большей частью человеческого сообщества признается нормой, истиной, правилом, эффективно особенно в том слу-

чае, когда нужно убеждать аудиторию в публичном пространстве. Закрепленность в общественном сознании убеждения в верности принятых установлений и авторитетов дает возможность привлечь на свою сторону большое количество людей.

В некоторых случаях Р. А. Руденко использует сравнительный тип аргумента, который представляет собой «обоснование положения посредством сопоставления данных, смысл или строение которых неизвестны, с данными, которые признаются достоверными и понятными, при этом очевидность общности или сходства рядов данных выступает как основание аргумента, а свойства известных данных – как одна из посылок» [Волков 2013а: 76]. В частности, к такому типу аргумента Р. А. Руденко необходимо было прибегнуть при разрешении вопроса о том, каким образом необходимо судить нацистских преступников в Нюрнберге. Для трибунала было особенно важным обеспечить законность, но, поскольку такой суд в истории человечества проводился впервые (правосудие осуществлялось органом международной юстиции – Международным Военным Трибуналом), возникало много проблем, связанных как процедурой проведения судебных слушаний, так и с решением общих правовых вопросов, связанных с судебным процессом. Рассуждая о том, что природа законов, а также понятие закона не могут быть тождественными в национальном и интернациональном смысле и в международной сфере не существует законодательных инстанций, компетентных издавать обязательные для отдельных государств нормы, Р. А. Руденко говорит: *В сфере международной основным источником права и единственным законообразующим актом является договор, соглашение государств. Это положение подкрепляется аргументом, в основе которого лежит сравнение: в той же мере, как в сфере национальной принятый законодательными палатами и надлежаще опубликованный закон есть безусловное и достаточное легальное основание деятельности органов национальной юстиции, так в сфере интернациональной заключенный между государ-*

ствами договор есть безусловное и достаточное законное основание для осуществления и деятельности созданных этими государствами органов интернациональной юстиции. Сравнительный аргумент в данном случае помогает автору определить, каким образом должно осуществляться правосудие в международной сфере, что должно гарантировать легитимность международного суда, а также определить основания и порядок суда и наказания военных преступников.

Усилению убедительности текста способствует и использование лингвистических средств. Р. А. Руденко использует эмоционально-экспрессивно-окрашенные слова, основным назначением которых становится обличение подсудимых, формирование отрицательного отношения слушателей к их действиям и поступкам, этическая квалификация преступлений. С помощью эмоционально-экспрессивно окрашенных слов Р. А. Руденко создает отталкивающие и неприглядные портреты подсудимых, дает оценку событиям, происходившим на территории разных европейских стран в годы войны, призывает суд к вынесению сурового приговора. Приведем пример: *В интересах успешного выполнения своих преступных планов гитлеровские заговорщики — Геринг, Гесс, Розенберг, Фриче, Ширах и другие подсудимые — разработали человеконенавистническую «теорию» «высшей расы». <...>Все действия этих господ, сколь бы отвратительны и бесстыдны, жестоки и чудовищны они ни были, обосновывались «идеей» превосходства этой расы* [Руденко 1987: 45]. Здесь также следует отметить стилистическую роль кавычек. В приведенном примере в нескольких случаях мы видим их применение, Р. А. Руденко в целом часто использует кавычки для обозначения отрицательной оценки и выражения иронии, особенно это касается тех случаев, когда речь идет о так называемой теории высшей расы и связанных с ней идей.

Из тропов, используемых в речах Р. А. Руденко, можно выделить метафоры, основанные на проведении аналогий с огнем и горением: *Таков истинный облик подсудимого Пауэрса. И*

*если бы его хозяева попытались **разжечь** новую мировую войну, именно пауэрсы, вскормленные и воспитанные ими в условиях так называемого свободного мира, были бы готовы первыми сбросить на мирную землю атомные и водородные бомбы* [Руденко 1987: 227]. Метафоры, в которых появляется образ огня, помогают обвинителю отрицательно охарактеризовать действия представителей государств (Германии и США), чьи действия можно охарактеризовать как преступные, убедить суд в том, что преступники заслуживают наказание, должны нести ответственность за совершенные поступки. В приведенном примере обращает на себя внимание использование антономазии – тропа, «состоящего в замене имени собственного нарицательным и наоборот» [Емельянова 2014: 53]. Применение антономазии дает возможность автору показать, что преступников, подобных Пауэрсу, много, что они готовят такие же преступления и этому нужно противостоять, осуществляя справедливое наказание. В словарной статье, посвященной антономазии, говорится о том, что этот троп «является скрытым сравнением» и при его использовании «возникает обобщённый образ носителя (носителей) определённого качества, свойства, признака» [Там же]. Это свойство антономазии помогает Р. А. Руденко призвать аудиторию к бдительности, показать, что преступники, обладающие такими же признаками, свойствами, качествами, как и Пауэрс (недружественность в отношении СССР, стремление к реализации преступных намерений в отношении граждан СССР и т.п.) крайне опасны, что наказание Пауэрса за шпионаж против СССР будет хорошей превентивной мерой для защиты государства от посягательств врага.

Важную роль в усилении аргументации играет антитеза, особенностью которой в речах и выступлениях Р. А. Руденко становится акцентирование внимание на противоположности мира социализма и капитализма, различии политики США и СССР, Германии и СССР. Приведем пример из обвинительной речи по делу американского летчика Френсиса Гарри Пауэрса:

Советский Союз... внес в Организацию Объединенных Наций план всеобщего и полного разоружения, включающий уничтожение всех средств ведения ракетно-ядерной войны. <...> Совершенно иную политику проводят правящие круги Соединенных Штатов Америки. Эти реакционные, агрессивные круги разместили свои военные базы на территории многих стран – членов НАТО, постоянно держат в воздухе самолеты с грузом атомных и водородных бомб, заявляют о своем намерении возобновить подземные испытания ядерного оружия, вступили в сговор с реванистским правительством Аденауэра о вооружении бундесвера ядерным оружием, упорно противодействуя мероприятиям по всеобщему разоружению.

Средством убеждения и воздействия становятся также лексические повторы, включающие оценочные слова. Стремясь обосновать тезис о том, что нацистскими преступниками и германским государством в целом планомерно велась война на уничтожение населения СССР и в течении многих лет ими в огромных масштабах совершались преступления против человечности, Р. А. Руденко часто повторяет слова *чудовищный, варварский, разрушительный, жестокость, жестокий, разбойники, разбойничий, вероломный, насильственный*, чтобы не только с помощью цифр, но и с помощью слов, позволяющих дать оценку преступлений Третьего Рейха, представить перед судом преступников таким образом, чтобы цели обвинения – суровое наказание преступников – были достигнуты. Приведем пример: *Подсудимые Геринг, Гесс, Риббентроп, Кейтель, Редер, Розенберг, Кальтенбруннер, Франк, Фрик, Дениц, Фриче и другие подсудимые обвиняются в организации заговора, имевшего целью **насильственное** установление господства германского империализма и насаждение фашистского режима во всех странах Европы, а затем и во всём мире. В этом плане центральное место занимала... **насильственная** перекройка карты всего мира [Нюрнбергский процесс... Т. 1: 581].*

Использование Р. А. Руденко риторических восклицаний способствует выражению отношения к действиям преступников, к их попыткам оправдать себя и возложить вину на других, уйти от ответственности, представить себя непричастными к совершению преступлений. Риторические восклицания используются Р. А. Руденко наряду аргументами к личности, например, как в следующем примере: *Теперь, когда в результате героической борьбы Красной Армии и союзных войск гитлеровская Германия сломлена и подавлена, мы не вправе забыть о понесенных жертвах, не вправе оставить без наказания виновников и организаторов чудовищных преступлений. Во имя священной памяти миллионов военных жертв фашистского террора, во имя укрепления мира во всем мире, во имя безопасности народов в будущем – мы предъявляем подсудимым полный и справедливый счет. Это – счет всего человечества, счет воли и совести свободолюбивых народов. Пусть же свершится правосудие!* В приведенном примере присутствует аргумент к личности, а именно аргумент к совести, который «представляет собой обоснование положения путем апелляции к суждению совести. ...указывает, каким именно должно быть это совестное суждение» [Волков 2013а: 194]. Аргумент к совести (*мы не вправе забыть о понесенных жертвах, не вправе оставить без наказания виновников и организаторов чудовищных преступлений*), риторическое восклицание (*Пусть же свершится правосудие!*) и, помимо этого, лексический повтор (*во имя священной памяти, во имя безопасности народов*), эпитеты (*героической, чудовищных, священной*), а также эмоционально-экспрессивно окрашенные слова (*виновники, совесть, справедливый*) способствуют убедительности текста, созданию торжественности изложения, усилению воздействия на аудиторию.

Риторические вопросы и вопросно-ответные конструкции, включающие лексические компоненты с характерологической коннотацией, призваны воздействовать на судей и других участников судебного процесса, обозначать основные положе-

ния обвинительной речи, фокусировать внимание на значимых компонентах в приводимых аргументах. Одной из главных задач в ходе судебного процесса для Р. А. Руденко было показать, что планы по продвижению немецких войск на Восток, в частности на территорию СССР (*Drang nach Osten*) готовились задолго до начала самих военных событий, что руководство Третьего рейха готовило планы по уничтожению славян на территории СССР, в этой связи Р. А. Руденко часто обращался к вопросно-ответному ходу, именно этот прием позволял ему четко обозначить преступные намерения, их планомерное осуществление, тщательную проработку планов. Приведем пример использования вопросно-ответного хода: *Когда же возник этот план или заговор? <...> С полной несомненностью следует считать установленным, что с того момента, когда фашисты захватили в Германии государственную власть, они приступили к реализации своих преступных планов, использовали власть для подготовки агрессивной войны* [Руденко 1987: 91].

Особого внимания заслуживают средства, способствующие в наиболее значительной мере, чем иные, сфокусировать внимание на характере преступлений. Обличительный пафос речей Р. А. Руденко, направленный против подсудимых, совершивших тяжкие преступления в отношении отдельных людей и целых народов, определяет частое обращение к словам и оборотам, которые дают возможность наиболее точно квалифицировать преступление, показать его этическую неприемлемость, отклонение от нормы человеческого поведения в условиях современной цивилизации, среди них выделяются оценочные слова и конструкции. Так, Р. А. Руденко часто использует слова *палач* и *палачи*: *Среди документов, обнаруженных в здании гестапо в Ровенской области, найдено донесение об исполнении указанного выше приказа с перечнем около 200 пунктов, где были зарегистрированы такие могилы. Из этого списка видно, что немецко-фашистские палачи выбирали для могил, в которые закапывали свои жертвы, преимущественно глухие и мало-*

доступные для посторонних лиц места [Руденко 1987: 66–67]. Примечательно, что при характеристике преступников в ходе слушаний на Нюрнбергском трибунале слово *палач* звучало особенным образом: оно могло пониматься в двух значениях: «специальное лицо, осуществляющее казнь, производящее телесные наказания и пытки» и «угнетатель, жестокий мучитель» [Толковый словарь русского языка. Т. III, 2000: 21].

Отдельно следует рассмотреть вопрос о цитировании. В основном на Нюрнбергском процессе, а также в ходе иных судебных заседаний Р. А. Руденко цитировались различные документы и иные тексты, которые могли быть использованы в качестве доказательства вины подсудимых. Остановим внимание на цитировании тех текстов, которые признаются в мировом сообществе как авторитетные. Именно они становились опорой при квалификации преступлений и обосновании законности суда над преступниками. Так, Р. А. Руденко обращается к тексту Женевской конвенции: *Ещё с большей определённости ст. 29 Женевской конвенции 1929 года устанавливает: «Правительства высоких договаривающихся сторон... примут или предложат на утверждение своих законодательных учреждений в случае недостаточности их уголовных законов необходимые меры для преследования во время войны всякого действия, противоречащего постановлениям настоящей конвенции»* [Руденко 1987: 43]. Обращаясь к текстам документов, которые признаются международным сообществом, Р. А. Руденко усиливает доказательность своей аргументации, сближает свою позицию с позициями различных участников судебного процесса.

В завершение скажем о том, что главной особенностью аргументации в речах Р. А. Руденко становится использование наряду с аргументами к реальности и причинно-следственным связям, что в целом характерно для речей прокуроров, аргументов к личности, в частности аргументов к совести, активное использование цитат в аргументативной функции, подкрепление аргументации метафорами, при создании которых используются

образы огня и горения, сравнениями, эпитетами, эмоционально-экспрессивно окрашенной лексикой, антитезами, основой которых зачастую становится противопоставление мира капитализма и мира социализма, лексическими повторами, риторическими восклицаниями, риторическими вопросами.

Библиографический список

Башиева З. В. Ораторские приемы в защитительной речи А. И. Урусова по делу Волоховой // Гуманитарные и социальные науки. 2023. Т. 99. № 4. С. 84–89.

Волков А. А. Курс русской риторики. Изд. 3-е, исправленное и дополненное. М.: Издательский дом «Русская панорама»; Издательство «Кафедра», 2013а. 416 с.

Волков А. А. Теория риторической аргументации. 2-е издание, испр. и доп. М.: «Добросвет», «Издательство “КДУ”», 2013б. 374 с.

Докучаев О. В. Вклад органов военной прокуратуры в период Великой Отечественной войны в подготовку и проведение Нюрнбергского процесса // Электронный научный журнал «Проблемы безопасности». 2011. № 1 (11). С. 16–18.

Емельянова О. Н. Антономазия // Эффективное речевое общение (базовые компетенции): словарь-справочник. / Под ред. А. П. Сковородникова. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2014. С. 53–54.

Звягинцев А. Г. Руденко. Главный обвинитель Нюрнбергского трибунала. М.: Эксмо, 2016. 576 с.

Звягинцев А. Г. Нюрнберг. Высший суд. М.: Эксмо, 2023. 928 с.

Игнашов А. В. Историзм и исторические документы в литературных произведениях о Нюрнбергском процессе // Современная наука. 2011. № 1. С. 116–119.

Кутузов А. В. Нюрнбергский трибунал и современное мифотворчество // Итоги Нюрнбергского процесса и вызовы современности: материалы Международной научно-практической конференции (Москва, 24 ноября 2016 г.) / под общ. ред. А. И. Бастрыкина. М.: Академия Следственного комитета Российской Федерации, 2016. С. 112–118.

Матасов Р. А. Синхронный перевод на Нюрнбергском процессе // Вестник Московского университета. Серия 22: Теория перевода. 2008. № 2. С. 18–34.

Пиринова Н. В. Когнитивная обусловленность и стилевое своеобразие судебных речей Ф. Н. Плевако: дис. ... канд. филол. наук. Таганрог, 2004. 160 с.

Нюрнбергский процесс: *Сборник материалов*. В 8 т. Т. 3. М. Юрид. лит., 1989. 656 с.

Руденко Р. А. Судебные речи и выступления / Под ред. А. М. Рекункова. М.: Юрид. лит., 1987. 368 с.

Самойлова Т. А. Синхронисты на Нюрнбергском процессе // *Инновации. Наука. Образование*. 2021. № 26. С. 1257–1261.

Сафиуллина И. П. Нюрнбергские принципы и их влияние на формирование международных уголовных судов в современных условиях: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2004. 206 с.

Тимофеева Л. И. Судебные речи А. Ф. Кони: лингвостилистический аспект // *Вестник Марийского государственного университета*. 2015.

№ 1 (16). С. 94–98.

Толковый словарь русского языка. *Т. III* / Под ред. Д. Н. Ушакова. М.: ООО «Издательство Астрель», ООО «Издательство АСТ», 2000. 1424 с.

Шкаревский Д. Н. Современная отечественная историография Нюрнбергского трибунала // *Военно-юридический журнал*. 2021. № 3. С. 28–32.

Яковлев Е. Н. Война на уничтожение. Третий рейх и геноцид советского народа. Санкт-Петербург: Издательство «Питер», 2022. 480 с.

Чжан Боя

*Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина
г. Москва, Россия
аспирант*

Zhang Boya

*A.S. Pushkin State Institute of the Russian Language
Moscow, Russia
Postgraduate student*

РЕКОНТЕКСТУАЛИЗАЦИЯ КАК МЕХАНИЗМ ПОРОЖДЕНИЯ ПОЛИКОДОВЫХ ТЕКСТОВ

RECONTEXTUALISATION AS A MECHANISM FOR GENERATING POLYCODE TEXTS

Аннотация. В статье рассматривается такой способ создания результирующего высказывания, как реконтекстуализация исходных ресурсов поликодового текста. Обоснована продуктивность использования поликодовых текстов (плакатов) как прецедентных феноменов для создания новых смыслов; описан потенциал реконтекстуализации для достижения новых практических эффектов в новых контекстах.

Ключевые слова: реконтекстуализация; интертекстуальность; интердискурсивность; поликодовый текст; плакат.

Abstract. The article discusses such a method of creating a resulting statement as recontextualization of the original resources of a polycode text. The productivity of using polycode texts (posters) as precedent phenomena for creating new meanings is substantiated; The potential of recontextualization to achieve new practical effects in new contexts is described.

Keywords: recontextualisation; intertextuality; interdiscursivity; multicode text; poster.

Введение. Порождение текста – процесс, происходящий в сознании индивида и зависящий от замысла и целей коммуникации. Известно, что по механизму порождения текста можно различить первичный и вторичный тексты. Вторичный текст является трансформацией оригинала, при которой сохраняется его основное содержание, а авторский замысел может быть подвергнут изменениям.

Большинство существующих работ посвящено механизму создания текста в процессе перевода; порождением текста называют процесс создания переводчиком обработанного текста.

В современных исследованиях относительно небольшое количество работ посвящено поликодовым текстам [Иссерс 2021; Горшкова, Чернявская 2021]. Исследование поликодового текста требует более глубокой теоретической проработки и анализа обширного языкового материала, что может рассматриваться как одна из перспектив продолжения настоящего исследования.

В рамках данной статьи мы предпринимаем попытку изучить такой способ создания результирующего высказывания, как реконтекстуализация исходных ресурсов поликодового текста (на примере плакатов).

Плакат – это поликодовый текст, единичное произведение искусства; лаконичное, броское (обычно цветное) изображение с кратким текстом (как правило, на большом листе бумаги), выполненное в агитационных, рекламных, информационных или учебных целях [Полевой 1986: 124].

Практическая функция плакатов – это произвести на читателей желаемый эффект. Информационно-коммуникативный потенциал плаката реализуется путем взаимодействия вербальных и визуальных знаковых систем [Басова 2009: 31].

Любой плакат ориентирован на восприятие читателей и зрителей. С развитием масс-медиа в Интернете также часто можно встретить воссоздание классических плакатов, то есть внесение изменений в оригинальный плакат и помещение его в

новый контекст с целью произвести новый практический эффект на получателя. Такой перенос называется реконтекстуализацией.

В. Bernstein использует термин «реконтекстуализация» (recontextualization) в своем исследовании социального образования [Bernstein 1990]. Этот термин обозначает процесс присвоения компонентов одной социальной практики другой, часто сопровождающийся изменением смысла дискурса [Fairclough 2003].

В лингвистике понятие «реконтекстуализация» (recontextualisation) используется для анализа трансформации текстов из одного контекста в другой [Van Leeuwen 2008; Caldas-Coulthard 2003; Hodges 2008].

Лингвист П. Линелл определяет реконтекстуализацию как динамический перенос чего-либо из одного дискурса / контекста в другой и преобразование переносимого элемента в соответствии с условиями нового контекста. Он различает реконтекстуализацию на трех уровнях: интратекстуальном (в пределах одного и того же текста, диалога и т.д.), интертекстуальном, интердискурсивном [Linell 1998: 144–146].

В российском языкознании термин «реконтекстуализация» употребляется в связи с изучением феномена прецедентности как механизма изменения системных свойств исходного знака, связанного с модификацией в том числе и его значения [Катышев, Осадчий 2019: 19].

И. Гофман утверждает, что реконтекстуализация эквивалентна рефреймингу (reframing). Реконтекстуализации могут подвергаться языковые выражения, концепты, факты, нарративы, оценки, идеологии, теоретические конструкты, способы мышления и др. [Goffman 1974].

Wu J., Huang S. и Zheng R. утверждают, что реконтекстуализация предполагает извлечение исследуемой единицы из определённого контекста и формирование нового дискурса посредством определенной степени трансформации, которая при-

способливает старый дискурс к новому контексту [Wu, Huang, Zheng 2016].

Цель исследования заключается в описании прагматического потенциала реконтекстуализации, ориентированного на достижение прагматических эффектов высказывания, с учетом изучения особенностей восприятия и понимания переформлированных текстов читателями. Для достижения этой цели мы составили опросник, содержащий три поликодовых текста. Были собраны 52 анкеты русскоязычных респондентов в возрасте от 17 до 53 лет, которым было предложено следующее задание:

Ответьте, пожалуйста, на следующие вопросы:

1) *какую ситуацию, событие автор изобразил на плакате?*

2) *какое отношение автор плаката выразил к изображенной ситуации?*

Интерпретация результатов. Рассмотрим реконтекстуализацию на примере советского плаката «Нет!», созданного в 1954 году художником В. И. Говорковым (1906–1974), посвященного пропаганде трезвого образа жизни (рис. 1).

Рис. 1. Плакат «Нет!»
на тему борьбы
с пьянством 1954 г.

На плакате изображен опрятно одетый мужчина с привлекательными чертами лица и рука его собеседника, расположенного так, чтобы зритель смотрел на происходящее от его лица. Собеседник предлагает мужчине рюмку с алкоголем, на которую герой реагирует отрицающим жестом руки и репликой «Нет!», представленной соответствующим вербальным компонентом. Название плаката произвольно раскрывается как «Откажись от алкоголя».

Здесь отношения между вербальными и невербальными компонентами представляют собой параллельную корреляцию, то есть «семан-

тические и прагматические потенциалы вербального и невербального компонента практически полностью совпадают» [Ворошилова 2013: 35].

Плакат «Нет!» как визуальный прототип неоднократно воспроизводится в меняющихся социальных практиках и используется как семиотический инструмент выражения отказа.

Плакат на рис. 2 [https://vk.com/wall-29534144_1583537] был опубликован 20 января 2015 года, после того как 16 января 2015 года министр туризма Египта Хишам Заазу в интервью местному изданию «Аш-Шурук» сообщил, что власти АРЕ намерены отказаться от доллара во взаиморасчетах с Россией.

Изображение мужчины в визуальном прототипе было заменено на изображение Клеопатры, олицетворяющей образ Египта, а рюмка с алкоголем в руке собеседника была заменена на купюру номиналом в сто долларов. Невербальная часть демонстрирует, что Египет отказывается от предложенного доллара; вербальная составляющая «Нет, только рубли!» дополняет визуальную.

Из 52 респондентов 12 (23.07 %) считают, что эта картина связана с отношениями между Египтом и Россией, 12 (23.07 %) – с отказом от иностранных валют, 3 (5.77 %) – с защитой национальной валюты, 3 (5.77 %) – с ценностью рубля, 2 (3.85 %) – с тенденцией отказа от доллара как мировой валюты, 2 (3.85 %) – в этом контексте, что для расчетов можно использовать только рубли, 4 (7.69 %) – со взяточничеством, 4 (7.69 %) – не знают, 1 (1.92 %) отвечает, что это связано с санкциями, 1 (1.92 %) считает, что это относится к указу президента о репатриации валюты, 1 (1.92 %) предполагает импортозамещение, 1 (1.92 %) считает, что изображение обозначает абсурдность, 1 (1.92%) отвечает, что это утопия, 1 (1.92 %) считает, что это шизотипическая картина, 1 (1.92 %) респон-

Рис. 2. Плакат «Нет, только рубли!»

дент отвечает, что это связано с неприятием иностранных нововведений, 1 (1.92 %)– с поклонением доллару США как мировой валюте, 1 (1.92 %) – с мировой экономикой, 1 (1.92 %) респондент составил абстрактное вербальное описание изображенных образов, отметив, что не понимает смысла референса к Египту, но предполагает аллегорию на лицемерие.

Таким образом, 26 (50 %) из 52 респондентов смогли понять содержание плаката точно или частично. Очевидно, что читатель может полностью понять этот плакат только в контексте, основанном на знании социальных событий.

39 респондентов (75 %) из 52 сочли отношение автора к изображенной ситуации ироническим (один из них отметил, что автор насмехается на героем плаката), 4 (7.69 %)– негативным, 3 (5.77 %) – нейтральным, 2 (3.85 %) – негативно-ироническим, 1 (1.92 %) – позитивно-ироническим, 1 (1.92 %) – позитивным, 1 (1.92 %) – исторически-негативным и 1 (1.92 %) – решительным и твердым (в отношении экономического сотрудничества Египта и России). При этом 73.07 % респондентов (19 человек из 26), правильно определивших содержание плаката, также верно сказали об ироническом отношении автора.

При изменении визуального феномена создается сатирический эффект, определяющий критическую направленность плаката. Благодаря взаимодействию вербальных и невербальных компонентов читатель получает более четкое представление о ситуации, которую описывает автор, и о транслируемом отношении к ней.

Коронавирусный кризис и пандемия заставили пересмотреть многие социально значимые ценности и нормы [Горшкова, Чернявская 2021]. Визуальный прототип «Нет!» обретает новое содержание в указанном контексте, в связи с чем отчетливо наблюдается его прецедентность, т.е. устойчивость и воспроизводимость.

Рис. 3. Плакат «Нет!!! Не оставь микробам и вирусам шанс»

Плакат на рис. 3 [<https://med-ishim.ru/news/konkurs-na-luchshiy-plakat-stop-koronavirus>] был выпущен 15 сентября 2020 года. Фигура на плакате дополнена медицинской маской, а рюмка с алкоголем заменена на визуальный образ коронавируса. Также на плакате присутствуют изображения медицинских перчаток и средства для дезинфекции рук – общеизвестные атрибуты профилактики COVID-19. В то же время в вербальный компонент «Нет!» были добавлены два восклицательных знака с целью усиления эмоционального воздействия и фраза «Не оставь микробам и вирусам шанс».

Из 52 респондентов 51 (98.07 %) указали, что поликодовый текст связан с новым коронавирусом и призывает людей принять меры предосторожности. Один респондент (1.92 %) ответил, что не понимает содержание плаката, однако охарактеризовал отношение автора плаката к изображенной ситуации как ироническое.

Большинство респондентов (98.07 %) смогло точно определить изображенную ситуацию, потому что пандемия коронавируса имела глобальный характер, и почти все знают этот прецедентный феномен, а значит, могут четко понять замысел автора плаката. Из 52 респондентов 24 (46.15 %) считают, что автор выразил положительное отношение к изображенной ситуации, 11 респондентов (21.15 %) – нейтральное, 8 испытуемых (15.38 %) – ироническое, 4 (7.69 %) – негативное, 3 информанта (5.76 %) считают поликодовый текст призывом, 2 респондента (3.84 %) – пропагандой.

Автор плаката добавил к визуальному прототипу элементы визуального прецедента, а также вербальный компонент, призывающий следовать правилам и рекомендациям по личной гигиене. Таким образом, в процессе реконтекстуализации плакату присваивается позитивный агитационный оттенок.

Плакат на рис. 4 [https://t.me/max_chepay/4523?single], опубликованный 10 января 2021 года, посвящен тому, что правительство Российской Федерации приняло постановление, делающее предустановку российского софта обязательным на все новые смартфоны, планшеты, ноутбуки, компьютеры и "умные" телевизоры после 1 января 2021 года.

Визуальный компонент плаката претерпевает следующие изменения: рюмка с алкоголем заменена на иконку мессенджера Telegram; на рукаве собеседника видны иконки приложений YouTube, Twitter, Facebook, GoogleChrome; блюдо главного героя содержит не пищевые продукты, а иконки приложений российского производства, а именно VK, Яндекс, Касперский и ICQ. Вербальный компонент дополнен надписью «только отечественные продукты». Благодаря взаимодействию текстовой ча-

Рис. 4. Плакат «Нет! только отечественные продукты»

сти и визуальной составляющей автор плаката призывает отказаться от западных приложений и использовать продукцию отечественного производства.

Из 52 респондентов 22 (42.3 %) ответили, что изображенная автором ситуация – это отказ от иностранных приложений и использование отечественных приложений, 7 (13.46 %) – импортозамещение социальных сетей, 4 (7.69 %) – санкции, 1 (1.92 %) – санкции и импортозамещение, 8 (15.38 %) – блокировка иностранных приложений, 2 (3.85 %) – пропаганда отечественных сетей, 1 (1.92 %) – конкуренция между отечественными и иностранными приложениями, 1 (1.92 %) – патриотизм, 1 (1.92 %) – протекционизм, 1 (1.92 %) респондент сослался на текущую политическую ситуацию, *когда Россия ссорится со всеми и «да у нас свое есть, мы лучшие придумаем, эти трансформеры и трансформаторы нам не нужны*, 1 (1.92 %) увидел в изображении частично утопическую ситуацию, 1 (1.92 %) – отказ от мусора и спама в соцсетях, 1 (1.92 %) – санкции «Чистота русского языка», 1 (1.92 %) поставил пропуск.

По данным опроса, большинство респондентов (40 из 52) смогли обозначить ситуацию, изображенную на плакате. Это объясняется тем, что большинство респондентов – молодые люди: они часто пользуются Интернетом, точнее понимают прецедентную ситуацию и, таким образом, имеют более точное представление о поликодовом тексте.

Из 52 опрошенных 24 (46.15 %) респондента восприняли отношение автора к изображенной ситуации как ироническое (при этом один респондент отметил, что это зависит от идеологии автора), 10 (19.23 %) – как позитивное (по мнению одного из респондентов, *автор подразумевает показать, что гордый отечественный пользователь якобы не нуждается в иностранных программах, следовательно, скорее позитивный*), 9 (17.3) – как негативное (при этом один респондент отметил отрицательное отношение к иностранной продукции), 5 (9.62) – как нейтральное (при этом один из них предположил, что картина

выглядит скорее как констатация факта и, вероятно, в ней присутствует еще и ирония), 2 (3.85) респондента – как позитивно-ироническое, 1 (1.92) респондент – как позитивное или нейтральное и 1 (1.92) респондент отметил, что без контекста непонятно отношение к событию (одобрительное или нет).

Автор плаката добавил в прототип элементы визуального прецедента, а также вербальный компонент, призывающий людей пользоваться отечественным продуктом. Данные опроса доказывают, что в процессе реконтекстуализации поликодовый текст обретает ироничное значение.

В визуальном прототипе присутствует контраст между изображаемым призывом и социальной действительностью, в которой люди продолжали злоупотреблять алкоголем – этот фактор придал иронический оттенок плакату. Реконтекстуализация плакатов (рис. 2, 3, 4) доказывает, что побуждение, замысленное автором, не приносит результатов в связи с дистанцированностью от реального социального контекста. Результаты опроса также показали, что читатели почувствовали ироничное отношение, выраженное автором в плакате.

Выводы. Анализируя советский агитационный плакат «Нет!», мы обнаруживаем, что реконтекстуализация первоисточников как один из механизмов порождения текста может быть способом создания новых поликодовых текстов. При реконтекстуализации могут произойти следующие трансформации: замена невербального элемента, добавление вербальных / невербальных элементов, удаление элементов, реорганизация элементов. На этот метод показал свою продуктивность. Данный способ изменения семиотических объектов приводит к тому, что исходные тексты выражают новые смыслы в рамках новых социальных практик и предполагают достижение новых прагматических эффектов. Установлено, что читатели могут понимать реконтекстуализованные поликодовые тексты более точно, если им известно о прецедентных текстах и прецедентной ситуации.

Библиографический список

Азимов Э. Г., Шукин А. Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М., 2009. 448 с.

Басова Н. А. Коммуникативный потенциал рекламного плаката // *Знак: проблемное поле медиаобразования*. 2009. № 1 (3). С.31–32.

Ворошилова М. Б. Политический креолизованный текст: ключи к прочтению: монография / М. Б. Ворошилова; Урал.гос. пед. ун-т. Екатеринбург: ФГБОУ ВПО «Уральский гос. пед. ун-т», 2013. 193 с.

Горшкова Н. Э., Чернявская В. Е. Визуальная интертекстуальность как способ смыслопорождения // *Коммуникативные исследования*. 2021. № 4. С. 689–700.

Захарова Л. Д. TEXT PRODUCTION (порождение текста) // *Основные понятия англоязычного переводоведения: терминологический словарь-справочник*. 2011. № 2011. С.194–195.

Иссерс О. С. Потенциал трансформаций поликодового интернет-мема в событийном контексте 2020 года // *Вестник ВолГУ. Серия 2: Языкознание*. 2021. № 2. С. 26–41.

Карпухина В. Н. Аксиологические стратегии текстопорождения и интерпретации текста. Дисс. . канд. филол. наук. Барнаул, 2001. 382с.

Катышев П. А., Осадчий М. А. Речевое вовлечение в деятельность радикального сообщества: критическое дискурсивное исследование прецедентности // *Вестник ТГУ*. 2019. № 441. С. 19–26.

Литвинова М. Н. Перевод и семантическая деривация // *Деривация и семантика: слово предложение - текст*. Сб. науч. тр. Пермь, 1986. С. 107–113.

Матвеева Т. В. Полный словарь лингвистических терминов // *Ростов н/Д.*, 2010. 562 с.

Нестерова Н. М., Попова Ю. К. О проблеме дифференциации первичных и вторичных текстов // *Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики*. 2017. № 4. С. 52–59.

Россомагина Н. И. Исследование перевода как вторичного порождения текста (на материале англо-русских переводов). Автореф. дисс. . канд. филол. наук. Одесса, 1987. 16с.

Сайкова Н. В. Взаимодействие слова и текста в деривационном аспекте. Автореф. дис. . канд. филол. наук. Барнаул, 2002. 22 с.

Чернявская В. Е. Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность. Учебное пособие. М.: Либроком, 2009. 248 с.

Черняк М. А. Филологическая игра как стратегия прозы XXI в. // *Ярославский педагогический вестник*, 2012. № 1.Том I (Гуманитарные науки). С. 236–240.

Bernstein B. The Structure of Pedagogic Discourse: Class, Codes and Control. London: Routledge. 1990. 212 p.

Caldas-Coulthard Carmen Rosa “Cross-cultural Representation of ‘Otherness’ in Media Discourse.” In: Weiss, Gilbert and Ruth Wodak (eds.) Critical Discourse Analysis. Theory and Interdisciplinarity. Hampshire and New York: Palgrave, 2003, pp. 272–296.

Fairclough N. Analysing Discourse: Textual Analysis for Social Research. London: Routledge. 2003.

Goffman E. Frame analysis: An essay in the organization of experience. New York: Harper and Row, 1974. 124 p.

Hodges Adam “The Politics of Recontextualisation: Discursive Competition over Claims of Iranian Involvement in Iraq.” *Discourse & Society* 19 (4), 2008, pp. 483-505.

Linell P. Discourse across boundaries: On recontextualizations and the blending of voices in professional discourse // *Text*. 1998. № 18 (2). pp. 143–157.

Van Leeuwen T. Discourse and Practice. Oxford: Oxford University Press. 2008.

Wu J., S. Huang, R. Zheng. Recontextualization and transformation in media discourse. *Discourse & Society* (4). 2016. pp. 441–466.

У. МЕТОДУ И ФОРМУ ШКОЛЬНОГО И ВУЗОВСКОГО ОБУЧЕНИЯ В УСЛОВИЯХ МЕНЯЮЩЕГОСЯ МИРА

УДК 811.161.1'42

Н. С. Журавлева

*Московский государственный областной университет
г. Москва, Россия
магистрант*

Natalya S. Zhuravleva

*Moscow Region State University, Moscow, Russia
Undergraduate Student*

ДОКАЗАТЕЛЬНОЕ ПРОЕКТИРОВАНИЕ ШКОЛЬНОГО ЯЗЫКОВОГО КУРСА «ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ ЧЕРЕЗ КОНЦЕПТЫ»

EVIDENCE-BASED DESIGN OF A SCHOOL LANGUAGE COURSE «LANGUAGE PERSONALITY THROUGH CONCEPTS»

Аннотация. При помощи методов (анкетирование, наблюдение, интервьюирование, анализ) были сформулированы этапы констатирующего эксперимента, целью которого является доказательство преимуществ концептуального подхода. Этапы эксперимента направлены на объективизацию и систематизацию методов работы с текстом в старших классах.

Ключевые слова: метод работы с текстом, констатирующий эксперимент, концептуальный анализ текста.

Abstract. Using the methods (questionnaire, observation, interviewing, analysis), the stages of the ascertaining experiment were formulated, the purpose of which is to prove the advantages of the conceptual approach.

The stages of the experiment are aimed at objectification and systematization of methods of working with text in high school.

Keywords: the method of working with the text, stating the experiment, conceptual analysis of the text.

Цель научного исследования состоит в определении этапов констатирующего эксперимента [Загвязинский 2006: 10], суть которого заключается в анализе реализации текстоориентированного и системно-деятельностного подходов в обучении на уроках русского языка, оценке используемых методов работы с текстом. Исследование проводится для доказательства гипотетического высказывания: современные методики работы с текстом недостаточно способствуют личностному и речевому развитию обучающихся. К задачам исследования относятся: составить обзор на использующиеся учителями Раменского района методики работы с текстом; проанализировать дидактические возможности данных методик; систематизировать диагностический инструментарий концептуального анализа при его использовании на уроках русского языка.

Представители культурно-ориентированного обучения русскому языку (Е. А. Быстрова, А. Д. Дейкина, Т. К. Донская, А. П. Еремеева, О. Н. Левушкина, Н. Л. Мишати́на, Л. И. Новикова, Т. Ф. Новикова, Т. М. Пахнова, Л. П. Сычугова, Л. А. Ходякова и др.) рассматривают приёмы и способы использования текста на уроках русского языка, реализации принципа параллельного изучения языка и культуры, диалога с текстом, формирования целостной картины мира при изучении. В работах учёных-методистов предлагаются разные виды анализа текста на уроках русского языка в старших классах, которые либо раскрывают все или многие признаки и параметры текста (комплексный анализ), либо привлекают внимание учащихся к его отдельным элементам или характеристикам. Так, выделяются виды работы с текстом: комплексный, лингвистический, стилистический, типологический, лингвокультуроведческий и концептуальный. Автор нового лингвоконцептоцентрического

направления в лингводидактике, Н. Л. Мишатина считает, что метод концептуального анализа текста способствует обучению интерпретации текста и осознанию связи языка и культуры [Мишатина 2012: 5]: «концепт культуры в качестве опоры для создания речевой среды может превратить эту среду в среду смыслопорождающую и смыслопостигаемую» [Мишатина 2012: 38].

Этапы и методы исследования.

1. На уровне общеобразовательного учреждения МОУ Удельнинская гимназия на заседании кафедры русского языка с председателем Н. А. Топорковой был поднят о вопрос об используемых учителями гимназии методик работы с текстом на уроках русского языка (инструмент – анкета).

2. Провести беседу с методистом по русскому языку методического центра «Раменский дом учителя», Т. Н. Кабаковой, поставить проблему эффективности работы с текстом на уроках русского языка (инструмент – беседа).

3. На уровне района на базе методического центра «Раменский дом учителя» провести круглый стол по теме «Работа с текстом на уроках русского языка» (заранее разосланная анкета и приглашение по всем школам района), где методом анкетирования установлены индивидуальные предпочтения разных методик анализа текста (инструмент – анкетирование).

4. Организовать серию открытых уроков заслуженных учителей Раменского района и молодых специалистов по работе с текстом на уроках русского языка. Посетить уроки русского языка других (согласившихся) учителей Раменского района для определения характера использования методов и приемов анализа текста, используемых учителями в ходе профессиональной деятельности (метод – наблюдение).

5. Составить универсальные задания для работы с текстом, на выявление в нем идейного содержания, для обучающихся 9–11 классов и провести мониторинг по всему району,

цель которого заключается в оценке эффективного метода работы с текстом (метод – тестирование).

6. На базе методического центра «Раменский дом учителя» в олимпиадном кружке по русскому языку провести мастер-класс по работе текстом с применением концептуального анализа (метод – интервьюирование).

Таблица 1

Этапы констатирующего эксперимента

Этапы констатирующего эксперимента			
№	Метод в эксперименте	Необходимые действия	Результат
1.	Анализ	Составить теоретический обзор на существующие методы работы с текстом в школе.	Презентация
2.	Анкета	Составить анкету, содержание которой отражает основные методы, используемые учителем на уроках русского языка, субъективная оценка этих методов им же.	Анкета
3.	Беседа	Подготовиться к беседе с методистом районного центра «Раменский дом учителя»: актуальность проблемы, влияние на предметные, личностные и метапредметные результаты обучающихся данного вопроса; преимущества концептуального анализа.	Аргументы для проведения круглого стола
4.	Анкетирование	Статистика частотности и эффективности использования разных методик работы с текстом.	Диагностика
5.	Наблюдение	Разработать критерии анализа и оценки урока по русскому языку при работе с текстом.	Объективизация методик
6.	Тестирование	Составить тест по анализу текста, на основе которого определена ведущая методика. Оценка эффективности ведущей методики.	Тест Диагностика

Этапы констатирующего эксперимента			
№	Метод в эксперименте	Необходимые действия	Результат
7.	Интервьюирование	Подготовить анкету для обучающихся 9–11 классов.	Анкета
8.	Анализ	Обобщить и систематизировать выводы.	Основа для проведения обучающего эксперимента по внедрению языкового курса «Языковая личность через концепты».

7. Подвести итоги на основе полученных данных об эффективных методах анализа текста, доказать / опровергнуть гипотезу исследования об эффективности концептуального анализа.

В ходе исследования определены этапы проведения констатирующего эксперимента, которые позволяют провести диагностику современных методик анализа текста и возможность системного внедрения метода концептуального анализа текста. Для осуществления эксперимента на уровне подготовки к нему должны быть готовы материалы.

Данный эксперимент позволил спланировать все этапы констатирующего эксперимента, направленного на анализ и оценку методик работы с текстом на уроках русского языка в старших классах. Способ проведения эксперимента покажет эффективные данные, так как в нем будут задействованы несколько школ, учителя которых являются не только перспективными молодыми специалистами, но и заслуженными работниками образования. Количество задействованных в эксперименте учителей позволит скорректировать дальнейшее исследование по внедрению языкового курса «Языковая личность через концепт».

Материалы исследования представляют ценность для методистов русского языка образовательных учреждений, для учи-

телей русского языка, так как каждый сможет отследить свой вклад в этапы эксперимента и узнать результаты диагностики), а также для исследователей в области педагогического образования, целью которых является проведение констатирующего эксперимента.

Библиографический список

Бунеев Р. Н. Контрольно-измерительные материалы. Диагностика метапредметных и личностных результатов начального образования. 3–4 класс / Р. Н. Бунеев, Е. В. Бунеева, А. А. Вахрушев, А. В. Горячев, Д. Д. Данилов, С. А. Козлова, Л. Н. Петрова, О. В. Пронина, А. Г. Рубин, О. В. Чиндилова. Изд-во «Балаас», 2014. (Образовательная программа «Школа 2100»).

Загвязинский В. И. Методология и методы психолого-педагогического исследования: учеб. пособие для студ. высш. пед. учебных заведений / В.И. Загвязинский, Р. Атаханов. М., 2006. С. 134–145.

Мишатица Н. Л. Концептуальные основы построения лингво-концептоцентрической речевой среды // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. Ежегодный журнал. Выпуск XIV. Владикавказ: Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова, 2012. № 14. С. 37–43.

Мишатица Н. Л. Методическая лингвоконцептология: современное состояние и вектор развития // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2018. № 3(31). С. 16–25.

Наумкин Н. И. Практическое обучение инновационной инженерной деятельности в региональных летних научных школах / Н. И. Наумкин, Н. Н. Шекшаева, В. Ф. Купряшкин, Е. Н. Панюшкина // Регионология. 2014. № 4 (89). С. 55–62.

Ненахова Е. В. Диагностика познавательного интереса у обучающихся старших классов средней общеобразовательной школы // Наука и школа. 2014. № 2. С. 207–211.

Панфилова А. П. Инновационные педагогические технологии. Активное обучение. М.: Академия, 2016. 192 с.

Приказ Министерства просвещения Российской Федерации от 31.05.2021 № 287 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования».

Сиденко А. С. Педагогический эксперимент: понятие и этапы деятельности: Заочная Школа педагога-исследователя /А. С. Сиденко, В. С. Хмелева. 2008. С. 21–25.

С. А. Кабанова

*Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва
г. Саранск, Россия
к. филол. н., доцент кафедры русского языка*

Svetlana A. Kabanowa

*Mordovia State University named after N. P. Ogarev
Saransk, Russia
Ph.D., Associate Professor of the Russian Language Department*

**ПОСЛОВИЦЫ – БЕССОЮЗНЫЕ СЛОЖНЫЕ
ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ПРАКТИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ
РУССКОГО ЯЗЫКА В ВУЗЕ**

**PROVERBS – NON-UNION COMPLEX SENTENCES
IN THE PRACTICE OF TEACHING THE RUSSIAN LANGUAGE
AT UNIVERSITY**

Аннотация. Пословицы-бессоюзные сложные предложения представляют собой группу с многообразными семантическими отношениями между частями. Комментируются особенности пословиц-предложений нетипизированной и типизированной структуры, их лексический состав и средства связи частей, а также возможности объединения отдельных частей в блоки и выражаемые отношения между отдельными частями и блоками и отдельными блоками в структуре целого.

Ключевые слова: пословица, бессоюзное сложное предложение, семантические отношения, типы интонации, лексический состав, многочленное сложное предложение, сложное предложение закрытой структуры.

Abstract. Proverbs - non-union complex sentences are a group with diverse semantic relationships between parts. The features of proverbs-sentences of untyped and typified structure, their lexical composition and means of connecting parts, as well as the possibility of combining individu-

al parts into blocks and the expressed relationships between individual parts and blocks and individual blocks in the structure of the whole are commented on.

Keywords: proverb, non-union complex sentence, semantic relations, types of intonation, lexical composition, polynomial complex sentence, complex sentence of closed structure.

Значительный пласт русской фразеологии составляют пословицы [Баранов 2010: 736], характерной чертой которых является специфическая семантика, отражающая практически все стороны жизни и деятельности человека, его личностные качества (смелость и трусость, ум и глупость, лень и трудолюбие); семейные отношения (отношения между мужем и женой, родителями и детьми, отношения с другими членами семьи); религиозные, общественно-политические вопросы, исторические события. Таким образом, исследуемый материал является значимым в культурно-языковом отношении в процессе изучения русского языка, в том числе инофонами, поскольку правильное понимание подобных высказываний, умение употребить их в нужной ситуации в обычной повседневной разговорной речи (а именно пословицы-бессоюзные предложения частотны в разговорной речи), найти подходящий по смыслу синоним в родном языке иностранного студента являются свидетельством высокого уровня владения русским языком как в устной форме, так и в письменной (то же касается употребления пословиц и носителями русского языка как родного). Материал пословиц целесообразен для изучения ещё и потому, что они обычно не осложнены однородными и обособленными членами и обладают структурным параллелизмом, часто вкупе с лексическим наполнением, позволяющим более чётко определить характер отношений.

В процессе подачи теоретического материала по теме «Бессоюзное сложное предложение» преподавателем отмечается разнообразие точек зрения на указанное языковое явление и акцентируется внимание на следующем определении рассмат-

риваемой структуры: сложное бессоюзное предложение представляет собой синтаксическую единицу, где посредством интонации в единое целое объединяются две и более предикативные конструкции с целью интонационной активизации семантических отношений, которые заложены в содержание данных конструкций [Ширяев 1986: 7]. В устной речи интонация не разграничивает грамматическое значение подобных предложений, и постановка знаков в письменном тексте обусловлена смысловыми отношениями между частями. С другой стороны, названный тип предложений обладает специфической формальной организацией, и потому их классификация должна проводиться на базе определённых формальных признаков [Белошапкина 1989: 766].

В рассматриваемом материале пословицы-БСП (Здесь и далее: БСП – бессоюзные сложные предложения. – С. К.) представлены предложениями **типизированной** и **нетипизированной** структуры [Белошапкина 1989: 767–769], или, в другой терминологии – со **структурно-обусловленными** и **структурно-необусловленными** частями [Валгина 2003: 339–340].

Предложения первого типа имеют следующие особенности строения:

а) анафорические элементы:

– местоименные слова **так, таков, как, что** (иногда в сочетании с частицей **вот**), располагающиеся в первой части и предупреждающие о последующем разъяснении: ***Такова наша доля: на то, знать, мы родились [Даль]*** (в предложениях данного типа выражается разъяснительно-атрибутивная семантика);

– имена существительные или субстантиваты, обычно заменяемые во второй части личными или же указательными местоимениями (в иных случаях налицо синтаксическая неполнота второй части).

В предложениях указанной разновидности выражаются следующие смысловые оттенки:

1) значение негативного результата в будущем: ***Не пой другому яму – сам в неё попадёшь [Даль];***

2) значение разъяснения: *Не смейся, братец, чужой сестрице: своя в девицах [Даль]. – ср.: **Счастье** не лошадь: не везёт по кривой дорожке [Даль];*

3) разъяснительно-пояснительное значение: ***Смысл** не солянка: **его** ложкой не расхлебаешь [Даль];*

б) факультативная позиция заключительной частицы – перед второй частью стоит или подразумевается частица **так** (реже **то**): *Сучок в кулаке сожмёт, **так** вода пойдёт [Даль]. – ср.: Час побережешься – (**так**) век проживёшь [Даль].* Предложения названного типа в смысловом отношении распадаются на две разновидности:

а) конструкции с условно-следственными отношениями, где первая часть включает **императивную форму** со значением потенциального действия, реже – не-действия, вторая часть включает предикативную форму **будущего времени** глаголов сов. и несов. вида, при этом выражается значение, прежде всего, **позитивного результата**. В подобных конструкциях обязательно наличие обстоятельственного распространителя или же объектной формы, называющей фактор, провоцирующий потенциальное негативное действие: ***Живи просто** – **проживёшь** лет со сто [Даль]. **Собирай по яголке** – **наберёшь** кузовок [Даль]. **Не вяжись с казною** – **не пойдёшь с сумою** [Даль]. **Друг за друга стой** – **выиграешь** бой [Даль].*

Аналогичное значение выражается также конструкциями с двумя **инфинитивами** или спрягаемыми глагольными формами **совершенного вида** – оба типа выражают значение потенциального результата в будущем или его отсутствия, причём оба типа трансформируются в сложноподчинённое предложение с придаточной условной: ***Не беречь поросли, не видать и дерева** [Даль]. → **Если не беречь поросли, (то) не видать и дерева.** – ср.: **Летом не припасёшь, зимой не принесёшь** [Даль]. → **Если летом не припасёшь, (то) зимой не принесёшь.** Подобные примеры обычно содержат лексику из одной тематической группы,*

ср. **дерево** и **поросль**, или же антонимическую лексику, ср. **летом** и **зимой**.

В ином случае в первой части предложения налицо форма спрягаемого глагола прошедшего времени или глагольно-именное сочетание, семантически приравняемое к глаголу (*дал слово=пообещал*), а также синтаксически несвободное сочетание, функционально приравняемое к глаголу (*назвался груздем*), а во второй части – глагольно-императивная форма: *Назвался груздем – полезай в кузов [Даль]. Нашёл – молчи; потерял – молчи [Даль]*. Указанные конструкции аналогично приведённым выше трансформируются в сложноподчинённое предложение с придаточной частью условия: *Дал слово – держи [Даль]*. → *Когда дал слово – (так/то) держи. Умел взять – умей и отдать [Даль]*. → *Если умел взять, (так/то) умей и отдать.*

б) недифференцированные отношения условия / времени / следствия: *Сделал дело – гуляй смело [Даль]. Хорошо напируется, хорошо и вспомнется [Даль]*. Подобные конструкции преобразуются в сложноподчинённое предложение с придаточной временной или условной, причём возможность замены союза **когда** союзом **если** свидетельствует о преобладании значения условия над временным: *Сделал дело – гуляй смело [Даль]*. → *Когда сделал дело – гуляй смело.* → *Если сделал дело, гуляй смело. Хорошо напируется, хорошо и вспомнется [Даль]*. → *Если / когда хорошо напируется, то хорошо и вспомнется;*

в) незамещённая синтаксическая позиция в первой части предложения: *Помни: это зима, не лето [Даль]*. Вторая часть подобного предложения служит смысловым эквивалентом опущенного объектного или субъектного распространителя – его значение продиктовано семантикой предикативной формы. У подобных предложений налицо изъянительное значение.

В предложениях нетипизированной структуры выражаются следующие типы отношений [Синтаксис 2013: с.323–329]:

а) перечислительные, реализуемые как отношения одновременности действий / событий или их временной последова-

тельности: *Голь хитра, голь мудрена, голь на выдумки торова-та* [Даль]. – ср.: *Каша пригорела, щи ушли, был мосол, собаки унесли* [Даль].

б) сопоставительно-противительные отношения: *Радость не вечна, печаль не бесконечна* [Даль]. *Бедность плачет, богатство скачет* [Даль]. *Одна беда не угасла, другая загорелась* [Даль].

Бессоюзные сложные предложения-пословицы сопоставительного плана – наиболее частотны, обычно обладают закрытой (двухчастной) структурой, отличительная черта – структурный параллелизм и наличие антонимов (общеязыковых и контекстуальных, см. далее пример о крылах и костылях, о горле и горбе), формирующих антитезу; подобные предложения, как правило, синонимичны сложносочинённым предложениям с союзом А: *Человек ходит, бог водит* [Даль]. → *Человек ходит, а бог водит. Изба красна углами, обед – пирогами* [Даль]. → *Изба красна углами, а обед – пирогами.*

С точки зрения структуры, предложения данного типа могут иметь:

– полный состав обеих частей: *На ветер живота не напасёшься, на смерть детей не нарожаешься* [Даль];

– неполный состав обеих частей:

– отсутствие предиката второй части: *До неба рукой не сягнёшь, до царя рукою* [Даль]. *Барин говорит горлом, мужик горбом* [Даль];

– контекстуальная неполнота обеих частей при наличии структурного параллелизма (исключён глагол со значением перемещения): *Счастье на крылах, несчастье на костылях* [Даль];

– отсутствие известного из первой части субъектного / объектного компонента: *Старое дерево трещит, молодое летит* [Даль]. *Иному счастье мать, иному мачеха* [Даль]. – ср.: *Не мудрено голову срубить, мудрено приставить* [Даль].

в) причинно-следственные отношения: *Не прикидывайся овцой – волк съест [Даль]. Не шей дублёной шубы – оброку прибавят [Даль]. – ср.: Не страшай: придёт смерть и без твоих гроз [Даль].*

Предложения подобного рода в первой части обычно содержат **императив не-действия**, а во второй части – форму **будущего времени**, выступающую в личной двусоставной конструкции (см. примеры 1, 3), или же в неопределённо-личной (см. пример 2); вторая часть предложения содержит семантику именно **негативного результата**, связанного с потенциальным возможным **действием**. Предложения этого типа в ряде случаев могут быть преобразованы в сложносочинённые с союзом **а то**: *Не гляди высоко: запорошишь око [Даль]. → Не гляди высоко, а то запорошишь око. – ср.: Не играй, кошка, углем: лапу обожжёшь [Даль]. → Не играй, кошка, углем, а то лапу обожжёшь.*

В ином случае указанные конструкции могут быть преобразованы в сложноподчинённое предложение с придаточной частью **обоснования**, присоединяемой семантическим союзом: *Не плюй в колодец – пригодится воды напиться [Даль]. → Не плюй в колодец, так как (поскольку) пригодится воды напиться. – ср.: Не обижай гольша: у гольша та же душа [Даль].* Но, как правило, подобная трансформация не является целесообразной – лаконизм пословицы играет решающую роль в её запоминании, а впоследствии и употреблении в речи.

г) **условно-следственные отношения**: *С волками жить – по-волчьи выть [Даль]. – ср.: Пришла беда – жди и другой [Даль].* Предложения с отношениями обусловленности синонимичны сложноподчинённым предложениям с соответствующей придаточной частью: *С волками жить – по-волчьи выть [Даль]. → Коль с волками жить, то по-волчьи выть. Отстанет бог, покинут и добрые люди [Даль]. → Если отстанет бог, (тогда/то) покинут и добрые люди.*

д) отношения **следственно-результативные**: *Коза с волком тягалась – рога да копыта остались* [Даль];

е) **пояснительные отношения**: *Горе споро: сбудешь, да не скоро* [Даль].

Первая часть конструкций с пояснительным значением (формально полная) выражает суждение, а вторая (формально неполная) уточняет, обосновывает, комментирует его. Подобные конструкции синонимичны сложносочинённым предложениям с союзом **то есть**, хотя возможная трансформация не является целесообразной – лаконичность высказывания и его смысловая полнота не нуждаются в пояснении: *Сердце вещун: чует и добро и худо* [Даль]. → *Сердце вещун, то есть чует и добро и худо*. В эту же группу можно отнести и предложения со значением **уточняющего пояснения**: *Пожалел волк кобылу: покинул хвост да гриву* [Даль].

Предложения с **пояснительными отношениями** представлены несколькими структурными разновидностями:

а) в первой части налицо **составное именное сказуемое** со значением **уподобления**, формируемого союзом **что**, присоединяющим форму именительного падежа существительного; субъект в плане поведенческих особенностей сравнивается с предикатом, а последующая предикативная часть объясняет и уточняет основание этого сравнения: *Вор что заяц: и тени своей боится* [Даль]. *Гольй – что святой: беды не боится* [Даль].

б) первая предикативная часть содержит **отрицаемый предикат** (таким образом, налицо общее отрицание), т. е. между предикатом и субъектом – отношения **несовместимости**, объясняемые и уточняемые второй предикативной частью: *Талан – не туман, не мимо идёт* [Даль]. *Брань не дым – глаза не ест* [Даль]. *Скуп не глуп: себе добра хочет* [Даль]. Синтаксической особенностью второй части предложений этого типа является отсутствие субъекта, известного из первой части, или объекта: *Человек не грибок: в день не вырастает* [Даль]. *Горе не море: выпьешь до дна* [Даль].

Таким образом, бессоюзные сложные предложения-пословицы представляют собой преимущественно закрытые структуры, многообразные в смысловом отношении.

Предложения многочленной структуры представлены комплексами из трёх и более частей с **одним и тем же или разными видами связи**; две части могут объединяться в блок на основе выражаемых отношений и типа связи между частями, а одиночная часть присоединяется к блоку бессоюзной или союзной связью, см. например: отношения обусловленности в блоке – между блоком и одиночной частью отношения разъяснения: *Слово не воробей: вылетит – не поймаетшь [Даль]. – ср.: Палка о двух концах: либо ты меня, либо я тебя [Даль]* (в блоке отношения взаимоисключения, части связаны разделительным союзом **или ... или**; между блоком и одиночной частью отношения пояснения и бессоюзная интонационная связь).

Четырёхкомпонентные конструкции обычно распадаются на два блока, связанных **бессоюзной связью**, при этом характер межблоковых отношений определяется как **сопоставительный**; внутри структурно-семантических блоков налицо могут быть следующие типы отношений:

– отношения **места**: *Где много воды, там больше будет; где много денег – больше будет [Даль]*(в подобных блоках связь осуществляется коррелятивными парами (коррелят – союзное слово), вторая часть, как правило, указывает на значение наличия / накопления массы упоминаемого предмета; части обладают структурным параллелизмом, и придаточная часть в блоке обычно препозитивна;

– присоединительные отношения: *Старики вымерли – нас не дождались; молодые родились – нас не спросились [Даль]* (в предложениях данного типа вторая часть блока представляет собой добавочное замечание по поводу информации, содержащейся в первой части блока; отношения сопоставления диктуются лексическим наполнением частей – наличием антонимов.

– условно-следственные отношения: Удастся – кvas, не удастся – кислы щи [Даль]. – ср.: Удастся – было пито; не удастся – было бито [Даль];

– недифференцированные условно-временные отношения в первой части блока и результативные – во второй: Молодой стареет – умнеет; старый стареет – глупеет [Даль]. → ср.: Когда / если молодой стареет – умнеет; когда / если старый стареет – глупеет.

Сказанное выше позволяет сделать следующие выводы:

1. Для пословиц-БСП, как и БСП непословичного типа, характерно определённое интонационное оформление, связанным с повышением – понижением тона и паузой между частями; соотношение модально-временных планов предикативных частей, когда форма времени и склонения глагола-предиката первой части определяется соответствующей формой глагола-предиката второй части; дополнительные семантические оттенки связаны, прежде всего, с наличием общезыковых и контекстуальных антонимов и определённым порядком расположения частей.

2. Специальными структурными показателями объединения частей в пословицах-БСП служат местоименные слова, факультативное наличие заключительной частицы и незамещённая синтаксическая позиция.

3. Типы выражаемых в БСП-пословицах отношений сводятся к следующим: отношения перечисления, следственно-результативные, причины, обусловленности, недифференцированные условно-временные отношения, отношения временного следования, сопоставительные, пояснительные, разъяснительные.

4. Пословицы – многочленные сложные конструкции с бессоюзной связью представлены двумя типами структур: структуры только с бессоюзной связью – как внутриблоковой, так и межблоковой и структуры с ведущей межблоковой бессоюзной связью и сочинительной и подчинительной связью внутри структурно-семантических блоков.

Библиографический список

Баранов А Н., Добровольский Д. О. Пословицы как разряд фразеологизмов (новый подход к старой категории) // Русский язык: исторические судьбы и современность. IV международный конгресс исследователей русского языка: труды и материалы. М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 2010. 736 с.

Белошапкина В. А. Современный русский язык: учеб. для филол. спец. ун-тов / В. А. Белошапкина, Е. А. Брызгунова, Е. А. Земская и др.; под ред. В. А. Белошапкиной. М.: Высшая школа, 1989. 800 с.

Валгина Н С. Современный русский язык: Синтаксис: Учебник / Н. С. Валгина. М.: Высшая школа, 2003. 416 с.

Даль В И. Пословицы русского народа. [Электронный ресурс] URL:https://dic.academic.ru/contents.nsf/dahl_proverbs (дата обращения 17.04.2021).

Синтаксис современного русского языка: учебник для высших учебных заведений Российской Федерации / Г. Н. Акимова, С. В. Вяткина, В. П. Казаков и др.; под ред. С. В. Вяткиной / Учебно-методический комплекс по курсу «Синтаксис современного русского языка». СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2013. 432 с.

Ширяев Е. Н. Бессоюзное сложное предложение в современном русском языке / Е. Н. Ширяев; отв. ред. Д. Н. Шмелев; АН СССР, Ин-т рус. яз. М.: Наука, 1986. 221 с.

Н. В. Лукина

*Пермский государственный национальный
исследовательский университет, г. Пермь, Россия
к.филол.н., доцент кафедры русского языка
и стилистики*

Natalya V. Lukina

*Perm State National Research University, Perm, Russia
Ph.D., Associate Professor of the Department of
Russian Language and Stylistics*

**ОСОБЕННОСТИ СТРАТЕГИИ САМОПРЕЗЕНТАЦИИ
В ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ
(НА МАТЕРИАЛЕ ВИДЕОУРОКОВ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ
НА ПЛАТФОРМЕ WWW.YOUTUBE.COM)**

**FEATURES OF THE SELF-PRESENTATION STRATEGY
IN PEDAGOGICAL COMMUNICATION
(BASED ON THE MATERIAL OF VIDEO TUTORIALS
ON THE RUSSIAN LANGUAGE ON THE PLATFORM
WWW.YOUTUBE.COM)**

Аннотация. Статья посвящена коммуникативной стратегии самопрезентации и особенностям ее реализации в педагогической коммуникации. На материале видеоуроков нескольких учителей онлайн-школ анализируются языковые маркеры тактик самопрезентации. Полученные данные позволяют сделать вывод, что коммуникативная стратегия самопрезентации в педагогической коммуникации сегодня играет очень важную роль, позволяя учителю наладить контакт с учащейся аудиторией и сделать общение учителя и ученика наиболее эффективным.

Ключевые слова: стратегия, тактика, учитель, ученик, самопрезентация, самореклама, самопродвижение.

Abstract. The article is devoted to the communicative strategy of self-presentation and the peculiarities of its implementation in pedagogical communication. Based on the material of video tutorials by several online school teachers, the language markers of self-presentation tactics are analyzed. The data obtained allow us to conclude that the communicative strategy of self-presentation in pedagogical communication today plays a very important role, allowing the teacher to establish contact with the student audience and make teacher-student communication the most effective.

Keywords: strategy, tactics, teacher, student, self-presentation, self-promotion, self-promotion.

Развитие информационных технологий делает доступным большой объем информации, в связи с чем современные учащиеся имеют возможность узнавать что-то новое не только на уроках в школе, но и в Интернете. Роль учителя как авторитетного источника знаний, несомненно, важна, однако зачастую перед учителем стоит серьезная задача – завоевать авторитет у учеников. Для этого требуются особые умения и навыки в общении. В профессиональную компетенцию преподавателя входят владение стратегиями и тактиками речевого общения, что, безусловно, ведет к более успешному и эффективному общению и, в результате, достижению глобальной цели педагогической коммуникации.

Одной из стратегий речевого общения является коммуникативная стратегия самопрезентации, которая состоит в создании определенного впечатления о говорящем и, в основном, поддержании его положительного имиджа. Самопрезентация – это не только управление впечатлением, но также и самовыражение: представление своего мнения, опыта, ценностей, характера, знаний, умений и т.д.

Самопрезентация не что иное, как «инструмент создания необходимого впечатления о себе», «управление вниманием» [Расщупкина 2015]. В образовании самопрезентация педагога влияет на отношение учащихся не только к нему, но и к его

предмету, что, в свою очередь, оказывает влияние на результат труда учителя.

В данном исследовании принята точка зрения О. С. Иссерс, которая понимает под коммуникативной стратегией «комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативных целей», который «включает в себя планирование процесса речевой коммуникации в зависимости от конкретных условий общения и личностей коммуникантов, а также реализацию этого плана» [Иссерс2008: 54]. Ученый считает, что стратегии и тактики речевого поведения непосредственно связаны с основными этапами речевой деятельности – планированием и контролем, поэтому стратегия представляет собой «когнитивный план общения, посредством которого контролируется оптимальное решение коммуникативных задач говорящего в условиях недостатка информации о действиях партнера» [там же: 100].

В свою очередь, коммуникативная стратегия самопрезентации – это «коммуникативное поведение, результатом которого является моделирование в когнитивном пространстве реципиента определенного образа говорящего» [Куралева 2016]. Данное определение представляется удачным, поскольку предполагает как осознанное (собственно речь и внешний облик), так и неосознанное (невербальные средства коммуникации) использование определенных тактик в стратегии самопрезентации. Коммуникативную стратегию самопрезентации, на наш взгляд, можно обозначить одной из ключевых стратегий педагогического дискурса.

«Если интенцию можно условно приравнять к цели вербального проявления, то стратегия – не что иное, как общий способ достижения данной цели, а речевые тактики – конкретные пути, которые намечаются инициатором для реализации своего коммуникативного намерения посредством определенных речевых актов» [Расщупкина 2009: 61].

Таким образом, если стратегия самопрезентации – это инструмент, средство создания нужного впечатления о себе, то коммуникативные тактики – это непосредственные вербальные и невербальные действия, призванные обеспечить произведение благоприятного впечатления на обучаемых.

Наглядным примером реализации коммуникативной стратегии самопрезентации являются видеоуроки по русскому языку, которые есть в свободном доступе на канале YouTube. Для исследования и анализа были выбраны онлайн-школа «Умскул», образовательная компания «TutorOnline», образовательный канал «Знайка». На каждом из этих каналов выложено большое количество уроков русского языка по разным разделам и темам. Были проанализированы уроки, посвященные отдельным правилам орфографии, пунктуации, некоторым разделам синтаксиса (СПП, БСП, ССП), подготовке к ЕГЭ и ОГЭ по русскому языку. Наиболее востребованными являются уроки по подготовке к экзаменам, о чем свидетельствует количество просмотров, указанное под видео, и количество подписчиков на эти каналы.

Онлайн-школа «Умскул» имеет более 238000 подписчиков. Были просмотрены уроки Александра Долгих, Ольги Чеховой и Анастасии Гласной. В среднем каждый из десяти уроков Александра Долгих имеет 25000 просмотров, при этом 2–2,5 тысячи лайков и нет ни одного отрицательного отзыва. У Анастасии Гласной в среднем по 16000 просмотров и по 1,5 тысячи лайков. Отрицательных отметок тоже нет. Ольга Чехова – самый востребованный преподаватель этой школы: у нее в среднем 31000 просмотров и 4–4,5 тысячи лайков при отсутствии отрицательных отзывов.

Онлайн-школа «Знайка» имеет 207000 подписчиков. Были просмотрены 10 уроков учителя русского языка М. А. Матвеевой. Темы ее уроков – разные виды сложных предложений и пунктуация в этих предложениях. У нее в среднем 23000 просмотров, но при этом менее тысячи положительных отзывов. Отрицательных нет, как и у учителей «Умскул».

Онлайн-школа «TutorOnline» имеет 1,59 млн подписчиков. Уроки учителя этой школы Юлии Михайловны в среднем имеют 59,8 тыс. просмотров и 4–4,5 тыс. лайков. Отрицательных нет.

Таким образом, можно сделать вывод, что уроки этих учителей являются востребованными в обществе современных учащихся, они воспринимаются положительно. Этому способствует стратегия самопрезентации и те тактики данной стратегии, которые выбирают учителя.

Сразу обращает на себя внимание количество положительных отзывов (лайков) на уроки учителя русского языка М. А. Матвеевой. Думается, этому есть логичное объяснение. Исследователи стратегии самопрезентации указывают, что она включает в себя не только вербальные, но и невербальные компоненты. Существенным недостатком, отмеченный у учителя русского языка М. А. Матвеевой, является отсутствие улыбки во время урока, скованность и некоторая зажатость движений. Ее речь правильна, внешний вид безупречен, видны хорошие манеры, знание речевого этикета, но отсутствие мимики и слишком «правильные» поза и движения вызывают напряжение во время просмотра ее урока. Все другие учителя во время уроков улыбаются, раскрепощены, свободно двигаются, что располагает к более спокойному восприятию материала.

Кроме того, М. А. Матвеева не использует ни одной речевой тактики самопрезентации. Она объявляет тему урока, говорит о том, что даст на этом занятии и сразу переходит к изложению материала: *«Тема урока: «Сложноподчиненное предложение с несколькими придаточными». Здравствуйте! На этом занятии мы расширим наши знания о строении и структуре сложноподчиненных предложений, составим общее представление о сложноподчиненных предложениях с несколькими придаточными. Вспомним, что сложное предложение, в котором одно простое предложение по смыслу и структуре зависит от другого, подчиняется ему и связано с ним на основе подчини-*

тельной связи, то есть с помощью интонации, подчинительных союзов и союзных слов, называется сложноподчиненным».

Как видно, нет никаких сигналов о желании учителя показать, что он грамотный специалист, что он умеет донести сложную информацию доступным языком, что эта информация важна для учащегося и нужна ему. Таким образом начинаются все уроки этого учителя. Заканчиваются они закреплением изученного на уроке материала. Сомнений в компетентности данного учителя не возникает при просмотре уроков. Однако, возможно, реализация стратегии и тактик самопрезентации значительно увеличили бы количество слушателей канала М. А. Матвеевой.

Анализ уроков других учителей показал, что особенностями коммуникативной стратегии самопрезентации в педагогической коммуникации являются тактики «саморекламы», «самопродвижения», «создания положительного образа», «тактики обещания», «тактики значимости действий». Основой данного вывода стали работы К. С. Расщупкиной (2015) и И. П. Шкуратовой (2009). Рассмотрим эти тактики и их языковые маркеры.

1. Тактика создания положительного образа. Цель этой тактики – казаться привлекательным для собеседника. Языковыми маркерами этой тактики будут такие единицы: *рад(а) приветствовать всех, всем привет, отлично, супер, хорошее настроение, друзья, дамы, господа, я понравился*. Также могут говорить о желании казаться привлекательным для собеседника слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами. Например: *«Я надеюсь, что у вас хорошее настроение. Занятие продлится примерно 40-45 минут, рассчитываем на это время. Но для начала я прошу вас оценить качество связи. Если все хорошо слышно и видно, пожалуйста, поставьте **десяточку** в чате. Если есть какие-то неполадки, то сообщите об этом ... Супер! Вижу ваши **десяточки!** Отлично!»* (Ольга Чехова). *«Господа мальчики и девочки, всем привет! Рад приветствовать вас сегодня на уроке»* (Александр Долгих).

Открытая свободная улыбка, использование слов с положительной семантикой, характерное приветствие, обращения, позволяющие ученикам почувствовать себя либо важной персоной, либо близким другом учителя, создает атмосферу неофициальности, доверия, располагает к легкому общению, вызывает у учащихся положительные эмоции, позволяет учителю создать собственный положительный образ.

2. Тактика саморекламы – демонстрация компетентности, доказательство своего превосходства, хвастовство. Цель – казаться компетентным. Языковыми маркерами этой тактики будут следующие единицы: *представлюсь, расскажу о себе, знакомство, познакомимся, уже 5-ый (6-ой, 7-ой и т.д.) год преподаю русский язык, хочу поделиться результатами моих учеников, пятерка, 100 баллов, максимальный балл, высокие баллы, 7521 ученик набрал 90+, 513 моих учеников получили 100 баллов по русскому языку.*

Указанное точное количество лет работы в профессии, конкретное огромное количество успешных учеников показывает уровень профессиональной компетенции педагога, который так продуктивен в своей деятельности, оказывает влияние на слушателей, заставляет поверить, что пришел на урок не зря, что учитель поможет достичь успеха. А это очень важно таким прагматичным людям, как нынешние ученики.

3. Тактика самопродвижения. Цель – развить, продвигать свое дело. В нашем случае речь идет о расширении круга подписчиков, о получении большего количества лайков, что впоследствии явится причиной новых просмотров и появления новых подписчиков. Языковыми маркерами данной тактики являются единицы: *ставьте лайки, нажмите на колокольчик, подписывайтесь на наш канал, присоединяйтесь.*

4. Тактика обещания. Цель – информировать о последующих шагах, которые помогут слушателям. Языковым маркером этой тактики является глагол *обещать*. Например: *«... я вам обещаю, что там мои помощники расскажут обо всем подроб-*

нее» (Анастасия Гласная). Еще пример: *«Здравствуйте! Меня зовут Юлия Михайловна. Я преподаватель русского языка онлайн-школы «TutorOnline» и сегодня я вам расскажу, как справиться с фразеологизмами»*. Выделенный фрагмент демонстрирует понимание учителем проблемы, стоящей перед учащимися, желание и обещание помочь в трудной ситуации.

5. Тактика значимости действий. Цель – показать важность и необходимость изучения материала урока. Языковыми маркерами этой тактики будут оценочные слова. Например: *достаточно серьезное задание; если вы хотите получить высокие баллы; сегодняшний урок будет полезен всем; сделаем это правильно, четко; есть четыре важнейшие причины; ключевой момент; очень хитрое задание; поговорим про секретную технику выполнения этого задания, благо, она есть*.

«Привет! Этот очень короткий, но безумно содержательный ролик призван исключить самую популярную ошибку в русском языке из твоей жизни! Если честно, расскажу о причинах, почему я решил записать этот короткий ролик. Потому что при проверке большого количества сочинений мы четко поняли с кураторами, что одна из самых популярных орфографических ошибок наравне с ТЬСЯ–ТСЯ, не смейся, но это правда так, это, конечно, правописание ЧТОБЫ, ТОЖЕ, ТАКЖЕ. Поэтому очень быстро, очень четко мы этот момент подытожим...» (Александр Долгих).

Отметим, что на сегодня отсутствует полный список тактик самопрезентации. На основании исследованного материала, выявлено пять тактик, однако это далеко не исчерпывающий список. Причем не все тактики самопрезентации, описанные в научной литературе, были встречены при анализе онлайн-уроков по русскому языку. Например, маркеры таких тактик, как «запугивание», «пояснение примером», «мольба» и других, не были обнаружены в речи учителей онлайн-школ.

Библиографический список

Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Омск.: Изд-во Омск. гос. ун-та, 2008. 284 с.

Куралева Т. В. Самопрезентация как коммуникативная стратегия в английском диалоге // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии: сб. ст. по материалам междунар. науч.-практ. конф. Вып. 7(50). Новосибирск: СибАК, 2016. С. 30–36.

Мурашов А. А. Речевой аспект профессионального имиджа педагога // Образовательные технологии. 2013. № 2. С. 140–144.

Расцупкина К. С. Основные составляющие стратегии самопрезентации в учебном дискурсе // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2015. № 4. С. 72–74. Режим доступа: http://tverlingua.ru/archive/041/10_41 (дата обращения: 05.01.2024.)

Шкуратова И. П. Самопредъявление личности в общении: монография. Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2009. 192 с.

И. В. Михайлова

*Дальневосточный федеральный университет
г. Владивосток, Россия
педагог дополнительного образования*

Irina V. Mikhailova

*Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia
Supplementary Education Teacher*

ИНТЕРАКТИВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ПРИ ОБУЧЕНИИ РКИ КАК СРЕДСТВО МОТИВАЦИИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ К ОБУЧЕНИЮ

INTERACTIVE TECHNOLOGIES IN TEACHING RFL AS A MEANS OF MOTIVATING FOREIGN STUDENTS FOR TRAINING

Аннотация. Статья посвящена вопросу использования интерактивных технологий как способу мотивации иностранных студентов при обучении русскому языку как иностранному в техническом вузе. Указываются некоторые интерактивные приемы и виды интерактивных заданий. В статье рассматриваются этапы работы и виды заданий при проведении видеоурока как одного из видов интерактивного обучения. Делается вывод о перспективах использования интерактивных технологий в методике преподавания РКИ.

Ключевые слова: процесс обучения, русский язык как иностранный, мотивация, способы и методы мотивации, технология интерактивного обучения.

Abstract. The article is devoted to the issue of using interactive technologies as a way to motivate foreign students when teaching Russian as a foreign language at a technical university. Some interactive techniques and types of interactive tasks are indicated. The article discusses the stages of work and types of tasks when conducting a video lesson as one of the types

of interactive learning. A conclusion is drawn about the prospects for using interactive technologies in the methodology of teaching RFL

Keywords: learning process, Russian as a foreign language, motivation, methods and methods of motivation, interactive learning technology

В настоящее время интерес к изучению русского языка не ослабевает, особенно он популярен среди жителей из Азиатских стран, прежде всего Китая, Кореи и Вьетнама. Иностранцы получают высшее профессиональное образование в России, либо приезжают обучаться на курсах русского языка, так как в дальнейшем зачастую хотят связать свою профессиональную деятельность с экономикой России.

В связи с этим методика преподавания русского языка как иностранного очень активно развивается. Очень многие преподаватели занимаются поисками таких методов, способов и технологий обучения, которые позволят в краткие сроки увеличить эффективность изучения русского языка. Бесспорно, при обучении РКИ выбор образовательных технологий имеет первостепенное значение.

В данном случае использование интерактивных технологий на уроках русского языка является оправданным и продуктивным. «Суть интерактивного обучения состоит в том, что учебный процесс происходит в условиях постоянного, активного взаимодействия» [Ковалева 2015: 2]. На занятиях по русскому языку происходит взаимодействие студентов и преподавателя, а также у студентов возникает возможность обучать друг друга при активном взаимодействии между собой. В процессе такого обучения происходит не только усвоение необходимого материала, но и развитие коммуникативных навыков и творческих способностей иностранных учащихся. Использование интерактивных технологий формирует навыки активной самостоятельной деятельности, а также позволяет обучать иностранных учащихся командной работе.

Многие лингвисты в своих работах уделяли внимание вопросам использования интерактивных технологий. В частности,

М. В. Васенкова, А. В. Ковалёва, Н. В. Гончаренко, М. В. Коновалова и другие. Преподаватели русского языка как иностранного активно используют различные интерактивные методы на практических занятиях по русскому языку.

Каждый преподаватель имеет свой арсенал таких методов, выбирая необходимые приемы в зависимости от учебной ситуации, контингента учащихся, сроков обучения и так далее. Как правило, интерактивные способы обучения вызывают интерес у иностранцев и мотивируют их к учебной деятельности. Студенты на занятиях не просто играют, соревнуются, участвуют в различных видах учебной деятельности, они получают необходимые знания, умения и навыки, применяют полученную информацию на практике.

Интерактивные технологии могут использоваться как в качестве отдельного фрагмента урока, так и представлять собой все занятие целиком. Существует огромное количество разных интерактивных методик. Конечно, же наиболее часто применимыми оказываются, на наш взгляд, ролевые и деловые игры. Студенты очень любят применять к себе различные роли и участвовать в различных играх. Эти игры могут проводиться практически сразу с момента начала обучения русскому языку. Сначала на уровне минимальных бытовых диалогов, далее, по мере изучения русского языка, сценарии игр усложняются, перед участниками ставятся более сложные задачи. Так, например, на начальном этапе продуктивными считаются диалоги «Знакомство», «В магазине», «У врача», на среднем этапе «В магазине одежды», «В регистратуре поликлиники», «В кассе». На продвинутом этапе предлагаются различные деловые игры, такие как «На совещании», «Круглый стол», «Гражданское слушание» и т. п.

Помимо ролевых и деловых игр на занятиях могут применяться и другие виды интерактивных технологий. Такие как работа в группах и парах, дискуссия, мозговой штурм, пресс-конференции, тематические и лингвистические олимпиады, а также различные Интернет и мультимедийные технологии, ра-

бота с русскими фильмами. Что касается работы над русскими фильмами, то это один самых эффективных и любимых студентами видов уроков, на которых могут проводиться как лингвистический, так грамматический тренинг.

Так студентам предлагаются фильмы, которые их увлекают, интересуют, способствуют желанию понять увиденное, применяя свои знания и умения на практике. Это может быть и «Кавказская пленница», и «Бриллиантовая рука», «Иван Васильевич меняет профессию», «Не может быть» и т. п.

Работа, связанная с просмотром фильмов, должна быть предварительно продумана и организована. Сначала проводится предтекстовая работа: студентам предлагается список слов, которые они будут часто слышать в фильме, затем проводится необходимая грамматическая работа, например, анализируются некоторые новые грамматические конструкции. Далее студентам могут быть предложены вопросы, которые, с одной стороны, упрощают понимание, с другой, заставляют студентов внимательно вслушиваться в реплики, произносимые героями, понимать их, тем самым повышают эффективность самой учебной деятельности. Это могут быть такие вопросы:

- 1) Кто является главным героем фильма?
- 2) Как зовут главного и других героев?
- 3) Кто является положительным, а кто отрицательным героем и почему?
- 4) Почему фильм закончился именно так?
- 5) Может быть у фильма другой финал?
- 6) Если бы вы были режиссёром фильма, что бы вы изменили в нём?

После просмотра фильма проводится послетекстовая работа, которая тоже может представлять собой различные виды интерактивных заданий: студенты могут разыграть диалоги, инсценировать наиболее понравившиеся им сцены, описать понравившегося им героя (остальные студенты должны отгадать, кто это?) Помимо этого, можно провести состязание /олимпиаду на

лучшее понимание фильма, лучшее представление героев фильма, предложить кроссворды, составленные по фильму, предложить написать сочинение по поводу увиденного и т. п.

Таким образом, технологии интерактивного обучения заставляют студентов активно взаимодействовать друг с другом, сотрудничать и соревноваться, таким образом не только усиливают их мотивацию к обучению, но и развивают интеллектуальные способности студентов, формируют их коммуникативные навыки и умения, способность понимать, думать и говорить на русском языке.

Многие лингвисты и преподаватели говорят о том, что при использовании интерактивных технологий усвоение учебного материала происходит гораздо быстрее и эффективнее, так как студент вынужден использовать все свои знания в различных коммуникативных ситуациях, а иногда и сам моделировать ситуацию, в которой он может применить свои речевые навыки.

Кроме того, следует согласиться с утверждением Гончаренко Н. В., что «современная методика РКИ представляет собой постоянно развивающийся и обновляемый уровень существующих методов и приёмов, предлагающий довольно широкий спектр интерактивных технологий, при этом каждый преподаватель может самостоятельно разрабатывать и подбирать новые, комбинировать и адаптировать существующие в зависимости от языкового уровня студентов, их способностей и мотивации» [Гончаренко 2013, 2014: 4].

Как показывает наша практика преподавания РКИ иностранным студентам, использование интерактивных технологий для повышения мотивации студентов к изучению русского языка является оправданным и продуктивным и позволяет достичь желаемых результатов учебной деятельности в кратчайшие сроки.

Библиографический список

Гончаренко Н. В. Интерактивные формы работы с текстом по специальности при обучении русскому языку иностранных студентов-медиков // Сборники конференций НИЦ «Социосфера». 2013. № 42. С. 194–197.

Гончаренко Н. В. РКИ для студентов-медиков: активные и интерактивные формы обучения // Русский язык за рубежом. 2014. № 5 (246). С. 4–28.

Ковалёва А. В. Интерактивные педагогические технологии при обучении иностранных учащихся лексике русского языка 13.00.02 – теория и методика обучения и воспитания (русский язык как иностранный) [Электронный ресурс]: автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2015. Режим доступа: <http://www1.pushkin.edu.ru/publ/elib/di5>

Ковалёва А. В. Интерактивные педагогические технологии при обучении иностранных учащихся лексике русского языка 13.00.02 – теория и методика обучения и воспитания (русский язык как иностранный) [Электронный ресурс]: автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2015. Режим доступа: <http://www1.pushkin.edu.ru/publ/elib/dissovet/833.ssovet/833>.

К. С. Мухамбеткалиева

*Казахстанский университет инновационных
и телекоммуникационных систем
г. Уральск, Казахстан
старший преподаватель кафедры
общественно-гуманитарных дисциплин*

Karima S. Mukhambetkaliyeva

*Kazakhstan University of Innovative
and Telecommunication Systems,
Uralsk, Kazakhstan
Senior Lecturer of the Department
of Social Sciences and Humanities*

АДАПТАЦИЯ СТУДЕНТОВ-ПЕРВОКУРСНИКОВ К ОБУЧЕНИЮ В ВУЗЕ

ADAPTATION OF FRESH-YEAR STUDENTS TO STUDYING AT A UNIVERSITY

Аннотация. Данная статья исследует процесс адаптации первокурсников к учебе в высшем учебном заведении. В статье рассмотрены различные аспекты адаптации, эмоциональное состояние студентов, а также стратегии и программы, способствующие успешной адаптации к университетской жизни. Показаны результаты анкетирования и отмечены основные проблемы, которые вызывают у студентов затруднения в прохождении адаптационного периода. Результаты исследования могут быть полезны для разработки эффективных методов поддержки новых студентов и снижения стресса, связанного с переходом в высшее учебное заведение. Основной акцент делается на необходимости создания благоприятной образовательной среды, способствующей комфортному и уверенному обучению. Также обращается внимание на важность готовности студентов к изменениям, их открытость для нового опыта, активное участие в учебном процессе и желание к само-

развитию и карьерному росту. Подчеркивается, что адаптация требует усилий как со стороны университета, так и со стороны студентов, и что создание условий для успешной адаптации – это важный процесс, требующий поддержки и внимания.

Ключевые слова: адаптация, студент, университет, анкетирование, тренинг.

Abstract. This article explores the process of adaptation of first-year students to study at a higher educational institution. The article examines various aspects of adaptation, the emotional state of students, as well as strategies and programs that contribute to successful adaptation to university life. The results of the survey are shown and the main problems that cause students difficulties in passing the adaptation period are noted. The results of the study can be useful for developing effective methods to support new students and reduce the stress associated with the transition to higher education. The main emphasis is on the need to create a favorable educational environment conducive to comfortable and confident learning. Attention is also drawn to the importance of students' readiness for change, their openness to new experiences, active participation in the educational process and a desire for self-development and career growth. It is emphasized that adaptation requires efforts on the part of both the university and the students, and that creating conditions for successful adaptation is an important process that requires support and attention.

Keywords: adaptation, student, university, questionnaire, training.

Адаптация – это процесс приспособления организма или системы к новым условиям или окружающей среде. В биологии адаптация может означать изменение структуры или функции организма, чтобы лучше соответствовать определенным условиям существования. В контексте психологии и социологии адаптация может означать приспособление человека к новым условиям жизни или изменение поведения под воздействием новой среды.

Психологическая адаптация – это процесс, при котором человек приспособляется к новым условиям или ситуациям, приобретая навыки, знания и стратегии, чтобы лучше справиться с изменениями в своей жизни. В психологии это понятие

также может относиться к процессу перехода от одной жизненной ситуации к другой, например, от школы к университету, от работы к пенсии, от одного места жительства к другому, и т.д. Психологическая адаптация может быть как позитивной, то есть приводящей к улучшению благополучия и удовлетворенности, так и отрицательной, вызывающей стресс и дискомфорт [Крысько 2007: 93].

Авторы, которые исследовали психологическую адаптацию студентов-первокурсников к обучению в высшем учебном заведении, могут включать в себя таких ученых, как Джон Хупер, Роберт Крафт, Кэтискабриал, Линда Шейн Вей, Лейла Абу-Легод, Дэвид Хантер (David Hunter), Лорен Шекари и др.

Каждый из этих авторов внес свой вклад в изучение и понимание процессов адаптации студентов к новой учебной среде и выяснил факторы, влияющие на психологическую адаптацию.

Для адаптации студентов-первокурсников к обучению в вузе можно использовать несколько подходов:

Организационная поддержка: Важно предоставить студентам всю необходимую информацию о правилах, ресурсах и услугах, доступных в университете. Это поможет им быстрее освоиться и уменьшит страх перед неизвестностью.

Менторская программа: Создание программы, в рамках которой опытные студенты могут помогать новичкам освоиться в новой среде, поделиться своим опытом и ответить на вопросы.

Активное вовлечение: Включение студентов-первокурсников в активное участие в учебных и внеклассовых мероприятиях может помочь им быстрее адаптироваться и почувствовать себя частью университетского сообщества.

Психологическая поддержка: Обеспечение доступа к услугам психологической помощи и консультирования для поддержания психологического благополучия студентов.

Программа ориентации: Проведение специальной программы ориентации для первокурсников, включающей в себя знакомство с учебными заведениями, их историей, особенностями и культурой.

Эти подходы могут помочь новым студентам успешно адаптироваться к обучению в вузе и создать благоприятную среду для учебы и саморазвития [Извольская 2010: 179].

Теории психологической адаптации построены на различных подходах, таких как поведенческий, когнитивный, биологический и т.д. Ниже представлены некоторые из них:

Модель стресса и адаптации Ричарда Лазаруса: Согласно этой модели, стресс возникает в результате непосредственной реакции на требования окружающей среды. Лазарус выделяет два типа стрессоров: основные и вторичные. Основной стрессор – это само событие или ситуация, а вторичный – это способ, которым человек интерпретирует и реагирует на него. По мнению Лазаруса, психологическая адаптация основана на внутренних субъективных оценках ситуации и ресурсах, которыми человек располагает.

Теория сравнения социальной адаптации Леона Фестингера: Согласно этой теории, человек сравнивает свои достижения и результаты со своими ожиданиями или с желаемыми целями. По мере того как результаты не соответствуют ожиданиям, возникает неудовлетворение и стресс, который стимулирует человека к коррекции своего поведения и стремления к новым целям, что способствует адаптации.

Теория самоопределения Эдварда Деси: Согласно этой теории, психологическая адаптация зависит от того, насколько человек чувствует себя компетентным, автономным и связанным с другими людьми. Если у человека есть возможность самоопределения и самореализации, то он будет более успешно адаптироваться к изменяющимся условиям.

Это лишь некоторые из теорий психологической адаптации, которые помогают понять процессы приспособления чело-

века к изменяющимся условиям [<https://www.psychologies.ru/glossary/01/adaptatsiya>].

Существует несколько методик исследования психологической адаптации, которые позволяют изучить процессы приспособления человека к новым условиям.

Анкетирование и опросы: Использование стандартизированных опросников и анкет позволяет собирать качественные и количественные данные о психологической адаптации индивидов. Опросники также могут включать вопросы о стрессе, уровне удовлетворенности, и социальной поддержке.

Наблюдение: Наблюдение за поведением и реакциями человека в новых условиях может дать ценную информацию о его адаптации. Этот метод часто используется в клинических исследованиях.

Интервью: Квалифицированные исследователи могут проводить беседы с участниками исследования, чтобы более глубоко изучить их опыт адаптации и факторы, влияющие на него.

Психологическое тестирование: Использование различных психометрических тестов для оценки уровня стресса, тревожности, депрессии, уровня самооценки и других показателей, связанных с психологической адаптацией.

Эти методики могут быть комбинированы для получения наиболее полного понимания процессов психологической адаптации [Власова 2009: 85].

Для диагностики адаптации студентов 1 курса к студенческой жизни была составлена анкета с открытыми и закрытыми вопросами. В анкетировании участвовали 130 студентов первого курса с казахским и русским языком обучения. Из 130 студентов у 16 студентов, были трудности в прохождении адаптационного периода.

По результатам анкетирования студенты отметили основные аспекты, которые вызывают дискомфорт в учебном процессе. В рисунке показаны основные проблемы.

Рис. Основные проблемы в адаптационном периоде

Основная проблема студентов заключалась в том, что сам процесс адаптации проходил трудно, так как студенты были в основном иногородние.

Адаптация иногородних студентов к жизни и учебе в новом городе и университете важна для их успешной учебы и общего благополучия.

Иногородние студенты сталкиваются с различными вызовами, такими как поиск жилья, адаптация к новой социальной среде, налаживание новых отношений и привыкание к новой учебной среде. Также студенты отметили, что выбранная специальность не подходит. Немалую роль играет долгое установление эффективной межличностной коммуникации с одногруппниками.

Новые формы преподавания, контроля и усвоения знаний полностью отличается от школьной системы, поэтому это приводит к стрессу и долгому привыканию к новой учебной системе.

Поступление в ВУЗ и процесс обучения в нем почти всегда связаны с включением первокурсников в новую культурную и образовательную среду.

Именно с этого момента начинается социальная адаптация, от которой в дальнейшем во многом будет зависеть успешность и эффективность процесса обучения [Григорьевская 2013: 125].

По результатам анкетирования со студентами проводилась профилактическая работа. Техники и упражнения, использован-

ные в ходе тренинга, способствовали развитию у его участников навыков эффективного межличностного взаимодействия, наблюдательности и принятия студентами норм и ценностей группы. Информативная часть состояла из объяснений определения «Адаптация», сложности и аспекты прохождения адаптационного периода, а также рекомендации по преодолению трудностей, возникающих в период адаптации. Были проведены следующие упражнения: «Мой портрет в лучах солнца», «Комплимент», «Чего я хочу достичь» и т.д.

В завершение тренинга студенты получили Памятки по эффективному взаимодействию в социальной группе, студенты сплоченно работали в группе, открыто выражали свои мысли, активно участвовали и выполняли все упражнения с интересом.

Таким образом, адаптация первокурсников к обучению в вузе – это процесс, требующий внимательного внимания и готовности со стороны как студентов, так и преподавателей. Успешная адаптация способствует формированию у студентов устойчивых учебных навыков, социальной адаптации, а также налаживанию партнерских отношений с преподавателями.

Важно помнить, что каждый студент уникален, и ему может потребоваться индивидуальный подход в процессе адаптации. Поддержка со стороны университета, а также взаимодействие студентов между собой, играют важную роль в успешной адаптации.

Библиографический список

Крысько В. Г. Социальная психология: Учебник для вузов. 2-е изд.: [Электронный ресурс].

Извольская А. А. Возрастные особенности развития личности студента как фактор адаптации к процессу обучения в вузе // Молодой ученый. 2010. № 6. URL:[https://www.psychologies.ru/glossary/01/adaptatsiya/\(23.12.2023\)](https://www.psychologies.ru/glossary/01/adaptatsiya/(23.12.2023)).

Власова Т. А. Социально-психологическая адаптация студентов младших курсов к условиям обучения в вузе // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2009. № 1.

Григорьевская И. В. Факторы адаптации студентов к образовательной среде колледжа // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2013. № 11.

УДК 372.881.161.1
ББК 74.26

Н. Н. Сафонова
Сургутский государственный педагогический университет
г. Сургут, Россия
к. филол. н., доцент кафедры филологического образования
и журналистики

Natalia N. Safonova
Surgut State Pedagogical University, Surgut, Russia
Ph.D., Associate Professor of the Department of Philological
Education
and Journalism

ВИЗУАЛИЗАЦИЯ УЧЕБНОЙ ИНФОРМАЦИИ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА

VISUALIZATION OF EDUCATIONAL INFORMATION IN RUSSIAN LANGUAGE LESSONS

Аннотация. В статье описан метод визуализации как активный метод в современном образовании, систематизированы графические формы представления учебной информации, определены наиболее эффективные из них, рекомендуемые для применения на уроках русского языка в школе. Материалы статьи могут быть полезны практикующим учителям и студентам педагогических направлений образования.

Ключевые слова: метод визуализации; графические формы представления учебной информации; урок русского языка.

Abstract. The article describes the visualization method as an active method in modern education, systematizes graphical forms of presentation of educational information, identifies the most effective of them, recommended for use in Russian language lessons at school. The materials of the

article may be useful for practicing teachers and students of pedagogical areas of education.

Keywords: visualization method; graphical forms of presentation of educational information; Russian language lesson.

С каждым годом в педагогике появляются новые методы, приемы, технологии преподавания. И современному педагогу необходимо развиваться вместе со временем, анализировать появление новых педагогических и методических разработок, вникать в главную идею каждой «новинки» и, конечно же, продумывать, как эти современные методы и приемы внедрить в урок, применить на практике со своими обучающимися. Современный урок призван активизировать познавательную деятельность обучающихся, развивать их критическое мышление, что также входит в требования ФГОС. С этой целью сейчас многие учителя эффективно используют активные методы обучения, представляя свой положительный опыт в виде методических статей и конспектов занятий на многочисленных сайтах для педагогов. Е. В. Мангура в статье «Активные методы обучения как условие современного образования» пишет: «Новизна современного занятия заключается в организации индивидуальных и групповых форм работы на занятии с использованием активных, интерактивных методов обучения и инновационных технологий. Это напрямую прописано в статье 20 Федерального закона РФ «Об образовании в Российской Федерации»» [Мангура 2018: 109].

Мы живем в век не только большого информационного потока, но и визуального. Современных школьников больше увлекает наглядное представление информации, нежели сплошной текст, который они встречают на уроках в учебниках. Современные учащиеся – визуалы, им важно также самим представить или изобразить учебный материал таким образом, чтобы они сами могли объяснить и смысл представляемого, и его значимость в обучении. Учитывая эту потребность в восприятии информации, учителя могут использовать на каждом уроке метод визуализации учебной информации, с помощью которого

учебный материал представляется в графических формах организации информации, способствующих запоминанию, собственному осмыслению и проработке теории.

К. Д. Ушинский, выдающийся педагог и психолог, выделял несколько важных дидактических принципов, одним из которых является принцип наглядности обучения. Об этом он писал в своих педагогических сочинениях «Проблемы русской школы»: «Что такое наглядное обучение? Да это такое ученье, которое строится не на отвлеченных представлениях и словах, а на конкретных образах, непосредственно воспринятых ребенком...» [Ушинский 1974: 288]. «Детская природа ясно требует наглядности. Учите ребенка каким-нибудь пяти неизвестным ему словам, и он будет долго и напрасно мучиться над ними; но свяжите с картинками двадцать таких слов и – ребенок усвоит их на лету» [Ушинский 1974: 290].

Разработкой опорных конспектов в советские времена занимался В. Ф. Шаталов, который отмечал необходимость использования наглядности на уроках, считая образы важным компонентом мыслительной деятельности людей, основанной на опорных сигналах, положенных в основу составления опорных конспектов с целью упрощения запоминания учебного материала. Опорный сигнал В. Ф. Шаталов охарактеризовал как «ассоциативный символ, заменяющий некое смысловое значение; он способен мгновенно восстановить в памяти известную и ранее понятую информацию» [Шаталов 1988].

Позднее работу по наглядному представлению учебного материала продолжил Ю. С. Меженко, создавший «Школьный курс русского языка в опорных конспектах» [Меженко 2012]. Е. А. Иванова так определяет сущность методики Ю. С. Меженко: «...во-первых, теоретический материал группируется в крупные блоки, и появляется возможность значительно увеличить объём изучаемого на уроке материала без перегрузки учащихся; во-вторых, кодирование учебной информации, умение читать опорные сигналы, представить материал то в сжатом,

то в развёрнутом виде – это важные навыки творческого процесса, позволяющие реализовать требования развивающего обучения» [Иванова 2022: 2]. Методика опорных конспектов появилась задолго до популярного в настоящее время метода визуализации как активного метода обучения. Значимость применения наглядности на уроках по темам, содержащим большой объём учебного материала, необходимого к заучиванию и пониманию, отмечалась методистами давно.

О визуализации как об активном методе обучения писали исследователи Т. А. Сырина, Е. А. Артемьева, Р. И. Куклин и др. О применении визуализации на уроках русского языка говорится в исследованиях Н. В. Казанской, Е. С. Волковой, Ю. М. Калининной и др. Описание способов визуализации отражено в исследованиях Е. А. Ивановой и Л. М. Стефановой (об опорных конспектах), Ю. Л. Мокшиной (об инфографике), Д. А. Рахмоновой (о кластере), Г. О. Унисихиной (об интеллект-карте) и др. Так, Т. А. Сырина отмечает, что с помощью визуализации «совершенствуются способы кодирования и переработки информации, следовательно, изменяется форма восприятия нового знания: мышление современного человека гораздо эффективнее воспринимает образы, нежели вербальные средства» [Сырина 2016: 81]. О влиянии метода визуализации на психические процессы человека (память, мышление и восприятие) пишет М. М. Рахимов: «Наглядность<...>активизирует умственную деятельность учащихся и содействует наиболее успешному усвоению, запоминанию и осмыслению учебного материала» [Рахимов 2017: 380]. По мнению И. С. Бороздиной, «визуальные ассоциации и их графическое отображение в виде рисунка или схемы должны стать объектом самого пристального внимания, поскольку на современном этапе развития науки о языке наблюдается своеобразный замкнутый круг – структуры, лежащие за языком, изучаются через язык» [Бороздина 2017: 8].

В исследовании Е. А. Артемьевой выделены следующие педагогические задачи, которые решает прием визуализации в

обучении: «обеспечить эффективность обучения; активизировать учебную и познавательную деятельность; способствовать образному представлению знаний; сформировать и развить критическое мышление у обучающихся; повысить визуальную грамотность и визуальную культуру школьников» [Артемьева 2020: 106].

Визуализация формирует у школьников такие способности и умения, как:

- способность к самостоятельности выполнения учебного задания;

- умение четко среди большого потока информации выделять главное;

- умение в наглядной форме отражать основное и важное содержание учебного материала;

- способность структурировать материал и представлять его в логической последовательности;

- умение проявлять собственные творческие и креативные идеи;

- способность проявлять умеренность в создании наглядных образов, чтобы материал соответствовал учебному, а не был отвлекающим на уроках.

В исследовании С. В. Арановой [Аранова 2017: 100] представлены принципы визуального графического представления учебной информации, которые необходимо учитывать при переработке текстового учебного материала в визуальный:

1. Интерес к восприятию информации учащимися. Созданное учащимся графическое представление должно вызывать интерес у него и мотивировать к учению, побуждать к новым идеям визуализации материала.

2. Модульность учебной информации. Визуально представленный учебный материал должен быть отражен логично и структурированно. Все содержимое в наглядном представлении должно иметь взаимосвязь и выделение главного компонента, раскрывающего суть учебной информации.

3. Модальность. Данный принцип определяет авторский стиль каждого учащегося: то, что школьник визуализирует, и есть его оценка действительности, его отношение к наглядной информации.

4. Необходимость и достаточность. Данный принцип предполагает, что во всем должен быть баланс. Школьникам важно научиться выделять главную информацию, уметь при необходимости ее сокращать и правильно преподносить визуально.

5. Привлекательность. Визуальное представление должно иметь привлекательный вид. Это важно не столько для красоты созданного образа, а сколько для самовыражения каждого школьника. Создавая свой наглядный материал, учащийся проявляет свои творческие способности, развивает фантазию.

6. Модельность. Данный принцип является обобщающим среди перечисленных, так как в совокупности принципы образуют некую модель визуального представления. Учитывая интерес школьника к восприятию информации, его авторский стиль, его понимание необходимости и достаточности визуализируемого материала, творческие способности, учитель помогает создать учащемуся собственную модель построения учебного материала в наглядном виде. У ученика в сознании формируется алгоритм процесса визуализации учебной информации – от замысла до конечного результата.

Рассмотренные принципы визуализации могут стать руководством для начинающих учеников-визуалов, которые хотят научиться представлять учебный материал в наглядном виде. Придерживаясь принципов визуализации, обучающиеся выстраивают собственную модель визуального представления информации, свой авторский стиль, где будут выражаться творческие фантазии и образуется свой алгоритм работы с информационным материалом, который нужно преобразовать в наглядный.

На уроках русского языка, где предполагается изучение учебного материала с большим количеством информации, метод

визуализации доказал свою эффективность. Рассмотрим наиболее актуальные графические формы представления учебной информации, рекомендуемые к применению на уроках русского языка.

Интеллект-карта (или ментальная карта) – это графический способ представления информации, которая излагается на листе в виде рисунка, где главная мысль, идея располагается в центре иллюстрации, а все второстепенное и дополнительное вокруг от центра. «Такой способ представления информации позволяет наглядно отобразить смысловые, причинно-следственные, ассоциативные связи между понятиями, а также структурировать изучаемую лингвистическую информацию, воспроизводить в словесно-вербальной форме знаково-графические символы и изображения, что способствует развитию знаково-символических УУД» [Унисихина 2021: 80]. Например, на обобщающем уроке по теме «Имя прилагательное» можно предложить детям перенести все изученные правила на один лист и таким образом создать интеллект-карту [Интеллект-карта].

Можно использовать *кластер*. «Кластер (от англ. cluster - «гроздь», «группа») – это графический прием систематизации материала, но данный прием можно применять не только для систематизации, но и для введения, контроля, обобщения ранее изученного материала» [Рахмонова 2020: 334]. Например, так выглядит кластер по теме «Правописание приставок» [Кластер].

Также целесообразно использовать на уроках русского языка и традиционные *таблицы*. Применять таблицы можно как на уроке открытия нового знания, так и на обобщающем уроке и на уроке-контроле. В таблицах можно фиксировать учебный материал в двух вариантах: учитель создает таблицу, которую школьникам необходимо заполнить или дополнить, или же учитель предлагает учащимся самостоятельно составить таблицу по теме занятия, отразив важный теоретический материал.

Популярна у школьников *инфографика* – графический способ представления информации в виде картинок, блоков, схем. Инфографику можно создавать на цифровых ресурсах, например: <https://www.canva.com/>; <http://piktochart.com/>; <https://visual.ly/>. «Инфографика как современный инструмент визуальной коммуникации на уроках русского языка и литературы может выполнять ряд функций: она может способствовать быстрому усвоению и запоминанию информации, акцентируя внимание на главном; повышать эффективность усвоения знаний; быть инструментом развития навыков проектной, исследовательской и творческой деятельности, а также навыков критического мышления» [Мокшина 2018: 198]. Например, учащимся можно в качестве домашнего задания предложить создать с помощью цифровых ресурсов собственную инфографику на тему «Правописание Ъ в глаголах на -ТСЯ и –ТЬСЯ» [Инфографика].

Эффективный традиционный способ представления информации – *опорные схемы (или опорные конспекты)*. Опорные схемы представляют «особую организацию теоретического материала в форме краткого графического изображения, которое обнажает и зрительно подчеркивает соотношение и зависимость явлений, характеризующих определённую языковую проблему» [Катаева 2021]. Опорные схемы составляются как последовательный и логичный поток мыслей учеников после ознакомления с правилом, то есть представляют собой некие краткие выводы после изученного. «Самостоятельное составление опорных схем, в свою очередь, приводит к тому, что учащиеся привыкают к логичному и связному изложению учебного материала» [Стефанова 2014: 29]. Такая схема будет школьникам опорой при ответах по теоретическому материалу, при выполнении практических заданий как в классе, так и дома. Например, опорная схема по правописанию согласных [Опорная схема].

На уроках русского языка следует обратить внимание и на графический способ «*Облако слов*». Облако слов – визуальный способ представления ключевых, самых важных понятий, взаи-

мосвязанных между собой общей темой. Создаются облака слов в специальных онлайн-сервисах (например, <https://wordart.com/>, <https://wordsccloud.pythonanywhere.com/>), где вводятся ключевые понятия, выбирается цвет и форма облака, также шрифт и стиль. Облако слов можно создать в любой форме, например, в форме рисунка с изображением сердца, карты, цветка и др. Применять данный способ можно на любых этапах урока: на мотивационном этапе, чтобы подготовить учащихся к мыслительной деятельности; на этапе постановки целей и задач урока, чтобы по ключевым понятиям определить и сформулировать цели и задачи; на этапе актуализации знаний можно по словам из облака подойти к теме занятия и повторить теоретический материал. Облако слов предполагает концентрацию внимания учащихся, а также побуждает к поиску информации. Облако слов способно «развивать у учащихся умение всматриваться, наблюдать, выявлять, соотносить, выделять основное или главное, анализировать; вызывать устойчивый интерес к изучаемой теме; мотивировать учеников к учебной деятельности; активизировать познавательную деятельность, критическое мышление» [Прядко 2022]. Например, на этапе актуализации знаний можно применить облако слов по ключевым понятиям имени прилагательного, чтобы учащиеся их рассмотрели и определили, к какой части речи относятся данные понятия и объяснили их значение, вспоминая правила по теме [Облако слов].

Следующий визуальный способ *фишбоун (рыбная кость)* – визуальный прием представления учебного материала в виде рыбного скелета, состоящего из головы, верхних и нижних косточек и хвоста. Правила в фишбоуне по русскому языку можно зафиксировать таким образом: в голове рыбы – тема урока (или вопрос по теме), на верхних косточках записываются основные ключевые понятия по теме, а на нижних – расшифровываются, объясняются данные понятия, в хвосте рыбы делается вывод по теме (или если в голове был поставлен вопрос, то в хвосте дается ответ на этот вопрос). Эффективнее будет применять фишбо-

ун на уроках обобщения и систематизации знаний. «Суть данного методического приема – установление причинно-следственных взаимосвязей между объектом анализа и влияющими на него факторами, совершение обоснованного выбора. Дополнительно метод позволяет развивать навыки работы с информацией и умение ставить и решать проблемы» [Бойко 2015]. Например, фишбоун по частям речи [Фишбоун].

Занимательный способ визуализации «*Кроссенс* – ассоциативная головоломка нового поколения. Слово «кроссенс» означает «пересечение смыслов» и придумано по аналогии со словом «кроссворд», которое в переводе с английского языка означает «пересечение слов»» [Теляшова 2019]. Задача учеников – разгадать кроссенс, который состоит из 8-9 ассоциативных изображений, связанных между собой одной темой/идеей. Кроссенс учащиеся могут создавать и сами, например, в качестве домашнего задания, чтобы на следующем уроке загадать его своим одноклассникам, тем самым повторяя изученный материал. Данный способ также эффективно будет применять на этапе постановки целей и задач урока: с помощью взаимосвязанных изображений учащиеся смогут определить тему урока, его цели и задачи. И на итоговом этапе, где с помощью изображений, в которых представлены ключевые моменты темы урока, можно закрепить теоретические понятия по теме занятия. «Дети не только находят связи между предметами и явлениями, они углубляют свои знания, раскрывают новые грани понимания привычных вещей» [Деревянко 2022]. Например, кроссенс по фразеологизмам [Кроссенс].

Интересен визуальный способ *скрайбинг*. «Скрайбинг – новейшая техника презентации (от английского "scribe" – набрасывать эскизы или рисунки); искусство отражать свою речь, звучащий текст в рисунках, процесс происходит параллельно с чтением, с докладом говорящего» [Хохлова 2023]. Данный способ предназначен больше для устных выступлений, и созданный учениками скрайбинг является в этом помощником. В нём

должно быть минимум информации, но она должна быть ключевой, опорной для слушателя или выступающего. Скрайбинг должен наглядно представлять структурированный теоретический учебный материал по теме так, чтобы его можно было воспроизвести понятно и доступно. Он позволяет ученикам свободно фантазировать в рамках темы и проявлять творческие способности креативно: рисовать, записывать важные тезисы, цитаты. Например, скрайбинг по теме «Однозначные и многозначные слова» [Скрайбинг].

Эффективно применение на уроках русского языка *денотатного графа*. «Это схема-дерево, которая определенным образом описывает понятие, раскрывая его аспекты. От понятия-ствола отходят ветки-глаголы, а от них — веточки-имена. Глаголы – это основные действия и отношения, присущие понятию; имена – те понятия и явления, с которыми основное понятие связано» [Сафонова 2017]. Данный способ позволяет раскрыть правило/понятие с разных позиций, благодаря этому у учащихся вырабатывается умение работать с текстом/учебным материалом, выделять главное и ключевое в работе с текстом. Правила русского языка особенно эффективно будет представлять в денотатном графе на обобщающем уроке по нескольким большим разделам, чтобы представить наглядно целостную картину по всей теме. Представленное правило таким образом будет лучше усвоено и быстрее запомнится. Например, денотатный граф «Словоизменение глаголов» [Денотатный граф].

Все рассмотренные графические способы представления информации на уроках русского языка позволяют учащимся структурировать и обобщать учебный материал, способствуют запоминанию, стимулируют мотивацию к обучению, делают его разнообразным и интересным. Учитель русского языка может предлагать готовые графические схемы при изучении теоретического материала и представлять учебный материал по-разному, а не так, как он изложен в учебнике. Нужно обучать школьников принципам визуализации, знакомить со схемами,

для того чтобы они самостоятельно могли представлять изучаемый материал визуально.

Визуализация активизирует познавательную и учебную деятельность учащихся, развивает самостоятельность и творческий потенциал каждого ученика, логическое, ассоциативное, критическое мышление, все психические процессы, необходимые для формирования полноценной личности современного школьника. Это эффективный метод реализации системно-деятельностного подхода в обучении.

Библиографический список

Аранова С. В. К вопросу о принципах визуального представления учебной информации // Известия российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2017. №185. С. 96–102.

Артемяева Е. А. Роль визуализации учебной информации в образовательном процессе // Педагогика и психология в современном мире. Грозный, 2020. С. 105–109.

Бойко О. Метод «Фишбоун» (Рыбий скелет): что это такое, формы работы на уроке и примеры. [Электронный ресурс] URL: <https://pedsovet.su/metodika/priemu/5714> (дата обращения 20.12.2023).

Бороздина И. С. От слова к ментальной репрезентации: перспективы использования визуализации в исследовании содержания концептов // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2017. № 2 (25). С. 8–17.

Деревянко С. С. Мастер-класс «Кроссенс как инновационный прием на уроках русского языка и литературы». [Электронный ресурс] URL: <https://nsportal.ru/shkola/raznoe/library/2022/08/16/master-klass-krossens-kak-innovatsionnyu-priem-na-urokah-russkogo> (дата обращения 20.12.2023).

Денотатный граф «Словоизменение глаголов». [Электронный ресурс] URL: <https://shareslide.ru/img/thumbs/b6f25df87467a3493ff4c83b2a8e5baf-800x.jpg> (дата обращения 20.12.2023).

Иванова Е. А. Опорный конспект как один из способов представления информации на уроках русского языка // Наука, образование, общество: тенденции и перспективы развития. 2022. С. 90–92.

Интеллект-карта «Имя прилагательное». [Электронный ресурс] URL: <https://i.pinimg.com/originals/e4/e1/53/e4e1537e2c05574be8a4229b8ce7b10e.jpg> (дата обращения 20.12.2023).

Инфографика «Правописание Ъ в глаголах на -ТСЯ и –ТЬСЯ». [Электронный ресурс] URL: <https://fsd.kopilkaurokov.ru/up/html/2018/10/>

31/k_5bd92ef652fc1/img_user_file_5bd92ef6e68b5_1_3.jpg(дата обращения 20.12.2023).

Катаева О. А. Опорные схемы по русскому языку как средство повышения эффективности усвоения учебного материала. [Электронный ресурс] URL: <https://nsportal.ru/shkola/russkiy-yazyk/library/2021/06/05/statya-na-temu-opornye-shemy-po-russkomu-yazyku-kak-sredstvo> (дата обращения 20.12.2023).

Кластер «Правописание приставок». [Электронный ресурс]URL: https://fsd.videouroki.net/html/2018/02/01/v_5a734b912ba6f/img2.jpg(дата обращения 20.12.2023).

Кроссенс «Фразеологизмы». [Электронный ресурс] URL: <https://shareslide.ru/img/thumbs/b43d60af3f21f16e30366c9aa61586dd-800x.jpg> (дата обращения 20.12.2023).

Мангура Е. В. Активные методы обучения как условие современного образования // Педагогические проблемы в образовании: теория и практика. Димитровград, 2018. С. 109–111.

Меженко Ю. С. Школьный курс русского языка в опорных контекстах. Житомир: ФОП Евенок А.А., 2012. 128 с.

Мокишина Ю. Л. Инфографика как современный инструмент визуальной коммуникации на уроках русского языка и литературы // Инновационные научные исследования: теория, методология, практика. 2018. С. 193–198.

Облако слов «Имя прилагательное». [Электронный ресурс] URL:<https://files.lurok.ru/images/5fa4dc719787770d13de361a5b5ed74c94444f80.jpg> (дата обращения 20.12.2023).

Опорная схема «Правописание согласных». [Электронный ресурс] URL: https://fsd.multiurok.ru/html/2022/11/06/s_636797ee103cd/phpUkLoJT_Опорные-конспекты-по-russkomu-yazyku_html_16a4fe05fdf06933.jpg (дата обращения 20.12.2023).

Прядко А. Г. Визуализация образовательных материалов на уроках русского языка. Сервис «Облако слов». [Электронный ресурс] URL: <https://www.lurok.ru/categories/14/articles/50112>(дата обращения 20.12.2023).

Рахимов М. М. Дидактические основы активизации учебно-познавательной деятельности учащихся // Балтийский гуманитарный журнал. 2017. № 4 (21). С. 379– 382.

Рахронова Д. А. Применение приёма «кластер» для развития речемыслительной деятельности на уроках русского языка // Мировая наука. 2020. №6 (39). [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/primeneniye-priema-klaster-dlya-razvitiya-rechemyslitelnoy-deyatelnosti-na-urokah-russkogo-yazyka>(дата обращения 20.12.2023).

Сафонова Е. Прием денотатный граф: учение с осмыслением. Как помочь ученикам структурировать большой объем информации. [Электронный ресурс] URL: https://pedsovet.su/metodika/priemu/6649_denotatny_graf(дата обращения 20.12.2023).

Скрайбинг «Однозначные и многозначные слова». [Электронный ресурс] URL: <https://ng-press.by/wp-content/uploads/2022/07/SSH-1-g.-Novogrudka-primer-vypolnennogo-skrajb-proekta-1024x672.jpg> (дата обращения 20.12.2023).

Стефанова Л. М. Работа по опорным схемам на уроках русского языка // Русский язык в школе. 2014. № 10. С. 29–31.

Сырина Т. А. Когнитивная визуализация: сущность понятия и его роль в обучении языку // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2016. № 7 (172). С. 81–85.

Теляшова Е. В. Методическая разработка мастер-класса на тему «Кроссенс как метод креативного мышления на уроках русского языка и литературы». [Электронный ресурс] URL: <https://videouroki.net/razrabotki/mietodichieskaia-razrabotka-mastier-klassa-na-tiemu-krossiens-kak-mietod-krieati.html> (дата обращения 20.12.2023).

Унисихина Г. О. Развитие знаково-символических универсальных учебных действий младших школьников посредством использования интеллект-карт на уроках русского языка // Наука и общество: взгляд молодых исследователей. 2021. С. 79–80.

Ушинский К. Д. Избранные педагогические сочинения: в 2-х т.; ред. А. И. Пискунов. Том 2. Проблемы русской школы. М.: Педагогика, 1974. 439 с.

Фишбоун «Части речи». [Электронный ресурс] URL: <https://fs.znania.ru/d5af0e/1c/5c/cf95ce65bd64e371732e52f5728c993d87.jpg> (дата обращения 20.12.2023).

Хохлова С. Н. Скрайбинг на уроках русского языка и литературы: создание визуального конспекта. [Электронный ресурс] URL: <https://urok.1sept.ru/articles/697901>(дата обращения 20.12.2023).

Шаталов В. Ф. Учить всех, учить каждого. М.: Педагогика, 1998. 560 с.

Е. В. Сидоренко

*Нижегородский государственный лингвистический
университет им. Н. А. Добролюбова,
г. Нижний Новгород, Россия
магистрант*

Elizabeth V. Sidorenko

*Nizhny Novgorod State Linguistic University
named after N. A. Dobrolyubov, Nizhny Novgorod, Russia
Undergraduate Student*

**РЕГИОНАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ
НА ЗАНЯТИЯХ ПО РКИ:
НИЖНИЙ НОВГОРОД КАК КОНЦЕПТ
РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ**

**REGIONAL COMPONENT IN TEACHING
RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE:
N. NOVGOROD AS A CONCEPT OF RUSSIAN CULTURE**

Аннотация. Статья посвящена обоснованию включения регионального компонента, на основе которого ведется обучение русскому языку как иностранному. Делается акцент на концептуальном подходе к обучению иностранных студентов. Нижегородский край рассматривается как концепт русской культуры. Приводится разработка систем заданий и упражнений по освоению данного концепта.

Ключевые слова: язык, культура, региональный компонент, РКИ, концепт, Нижний Новгород

Abstract. The article is devoted to the justification of the inclusion of a regional component, on the basis of which Russian is taught as a foreign language. The emphasis is on a conceptual approach to teaching foreign students. Nizhny Novgorod Region is considered as a concept of Russian culture. The development of systems of tasks and exercises for the development of this concept is given.

Keywords: language, culture, regional component, Russian as a foreign language, concept, Nizhny Novgorod.

Современная методика преподавания русского языка как иностранного связывает эффективность обучения с формированием лингвокультурологической компетенции у студентов. В рамках названной компетенции у обучаемых складывается представление о национальных обычаях, традициях, реалиях страны изучаемого языка, а также региона проживания и обучения.

Региональный компонент играет огромное значение, потому что он, с одной стороны, помогает более полно постичь общенациональную культуру, а с другой, знакомит иностранных студентов с региональными реалиями.

Источниками региональных фоновых знаний о Нижегородском крае могут послужить – фильмы, видео и аудио материалы, местные СМИ, локальные художественные произведения, а также упоминания региона в классической литературе, топонимы, местные фразеологизмы и др. [Пушко 2016: 325–329].

Нижний Новгород как регион, в котором иностранные студенты проходят обучение, может быть назван концептом русской культуры, так как он значим не только в жизни Нижегородского края, но и всей России.

По мнению Ю. С. Степанова, “концепт – это как бы сгусток культуры в сознании человека”. Концепты помогают людям проникать в новую для инофонов культуру, и культуре проникать в ментальный мир человека, находить в нем отражение [Степанов 2004].

Концепт является планом содержания языкового знака, под ним скрываются представления людей, ассоциации, накопленные веками.

Нижегородский край представляет большой потенциал для изучения культуры, истории и традиций России. Нижний Новгород – один из древнейших городов России, богатый источник культурной и исторической информации. Расположен-

ный на слиянии двух рек Оки и Волги, Н. Новгород является одним из важнейших промышленных, транспортных и культурных центров страны. В последнее время Н. Новгород приобрел широкую известность, что делает его привлекательным в туристическом аспекте.

Иностранные студенты, которые приезжают в Нижний Новгород, должны быть вовлечены не только в жизнь учебной группы и/или учебного заведения, но и в жизнь города, так как данная интеграция облегчает процесс адаптации и привыкания к новому месту жительства, а также помогает осознать особенности как региона, так и страны в целом [Аксёнова, Коньшева 2021: 247–251].

На территории Нижнего Новгорода расположено более 600 уникальных исторических, архитектурных и культурных памятников, а также около 200 учреждений культуры.

Нижний Новгород связан с такими ассоциациями, как “карман России”, Макарьевская ярмарка, Козьма Минин, Дмитрий Пожарский, река Волга и др. [Бердникова и др. 2020: 5–11].

Также Нижний Новгород связан с именами А. С. Пушкина, В. И. Даля, М. Горького, И. П. Кулибина, Н. А. Добролюбова, Е. А. Евстигнеева, Н. И. Лобачевского, Н. Н. Блохина и др.

За Нижним Новгородом закреплён образ столицы закатов, данный статус подкрепляется федеральными СМИ, которые называют закаты ещё одной достопримечательностью города. По итогам Федерального конкурса 2023 года Н. Новгород был провозглашён молодежной столицей России, в этом году город получил звание культурной столицы.

Пример работы по освоению Нижнего Новгорода как концепта русской культуры. Тема занятия: “Пролетая над Нижним Новгородом”

Работа с видеоматериалом

Перед уроком разделить студентов на 2 группы и предложить им познакомиться с данными видео. Целью урока будет рассказ друг другу о местах, про которые они слышали и о том, какое здание понравилось им больше всего, поделиться своими впечатлениями от архитектуры Н. Новгорода.

<https://www.youtube.com/watch?v=mbVUP-HjUNw>
<https://youtu.be/4C72RHJDp5o?si=ft2PDZ6PHeeFVnSQ>

Работа с инфографикой

Наиболее интересное строение Нижнего Новгорода – Кремль. Целесообразно познакомить студентов с данным сооружением.

Рис. Нижегородский кремль

Знакомство с Кремлем можно провести “на объекте” совместно с использованием инфографики, прогулка по кремлев-

ской стене будет не только ярким воспоминанием, но и эффективным способом изучения нового материала.

Работа с текстовым материалом

1) Прочитайте текст, скажите, что показалось вам самым необычным.

Интересные факты о Нижнем Новгороде

1. В Нижнем Новгороде находится самая длинная лестница в России. Она называется “Чкаловская”, она начинается от памятника Валерию Чкалову и заканчивается на Нижневолжской набережной. Лестница построена в виде цифры “восемь”. В ней 560 ступеней. Нижегородцы занимаются на ней спортом и используют для поздравлений. Например, около тысячи нижегородских мужчин превратили Чкаловскую лестницу в открытку к празднику 8 марта.

2. В Нижнем Новгороде самая высокая в России набережная Волги. Она называется Верхневолжская. Ее высота 80 метров.

3. В Нижнем Новгороде находится самая длинная в Европе Канатная дорога. Ее длина 3 километра. Нижегородская “канатка” является также транспортом, которым пользуются люди, чтобы доехать до города Бор.

4. В историческом центре Нижнего Новгорода есть Большая Покровская улица. На ней находится смешная и милая статуя Козы-Дерезы, или «весёлая коза». Этот памятник появился недавно, но уже стал популярен среди жителей и гостей города.

5. Нижний Новгород связан с именем Александра Сергеевича Пушкина. Когда поэт приехал в город, все подумали, что он ревизор. Этот случай показался Пушкину смешным, и он рассказал о нём Гоголю. Позже история стала основой комедии “Ревизор”.

1) Что самое интересное есть в вашем городе?

2) Посмотрите на предложения. Объясните, в чем разница между глаголами “использовать - пользоваться”.

Нижегородцы занимаются на ней спортом и *используют* для поздравлений.

Нижегородская “канатка” является также транспортом, которым *пользуются* люди, чтобы доехать до города Бор.

3) Какие знакомые знаменитые имена встретились вам в тексте? Назовите известных людей, которые жили в вашем городе.

4) Проектная работа. Расскажите интересные факты про ваш город, подготовьте биографии известных личностей.

5) Что бы вы рассказали о Нижнем Новгороде вашему другу, который хочет его посетить?

6) Представьте самые значимые и интересные здания в вашем родном городе, объясните, почему вы выбрали именно их.

7) Прочитайте текст. Выделите незнакомые слова, определите их значение по словарям (В. И. Даль «Толковый словарь живого великорусского языка», С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова «Толковый словарь русского языка»).

Музеи Нижнего Новгорода

Нижний Новгород – большой культурный центр. В центре города можно найти много достопримечательностей – скульптур, памятников архитектуры XVII –XXI веков. С другими произведениями русского искусства и памятниками русской архитектуры можно познакомиться в музеях и галереях города.

Если вы интересуетесь живописью, посетите Государственный художественный музей. Там вы увидите богатую коллекцию иконописи и картин известных русских художников. Современное искусство представлено в картинных галереях. Это Галерея 2x2 на площади Минина, Галерея Юркова на улице Большой Покровской, Емелина галерея на улице Ванеева. Кроме того, каждый день на улице Большой Покровской художники выставляют свои работы для продажи.

Для тех, кто увлекается историей, будет интересно посетить Музей архитектуры и быта народов нижегородского Поволжья. Вы увидите старинные русские дома – избы, узнаете о русских традициях.

Нижний Новгород – центр народных промыслов. Если вас интересуют вещи, сделанные своими руками, по старым традициям, для вас открыт специальный музей. Он находится на улице Большая Покровская, над магазином «Художественные промыслы».

Нижний Новгород – это родина многих известных людей. В городе родился известный русский писатель А. М. Горький. В память о нем Нижний Новгород назывался в советское время Горький. Если вы хотите побольше узнать о жизни и творчестве писателя, посетите “Домик Каширина” и Музей-квартиру А. М. Горького.

Экскурсия по русскому городу и поход в музей – хороший способ познакомиться с культурой России!

1. В какой музей вы бы хотели сходить? Почему?
2. Согласны ли вы с тем, что «экскурсия по городу – хороший способ познакомиться с культурой страны»? Какие другие способы вы знаете (назовите минимум 3)? Какие способы знакомства с другой страной (культурой, другим городом) предпочитаете?

Интерактивные формы работы

Ролевая игра. Вы создаете портал (форум, блог) «Нижний Новгород» для всех иностранных студентов. Вам нужно решить, что вы расскажете о Нижнем Новгороде и какие вопросы будете обсуждать. Каждый должен предложить одну-две идеи. Ваши высказывания должны быть не меньше 8 предложений. В конце обсуждения вы должны представить план (схему) портала (форума, блога).

Включение регионального компонента в процесс изучения русского языка как иностранного способствует формированию лингвокультурологической компетенции и социокультурной адаптации иностранных студентов.

Библиографический список

Аксенова М. В., Коньшева Ю. Р. Региональный компонент в преподавании РКИ на примере курса о Нижнем Новгороде // Сборник научных статей участников 19 Международной научно-практической конференции “Язык, культура, менталитет: проблемы изучения в иностранной аудитории”. СПб, 2021. С. 247–251.

Бердникова А. И., Крылова Т. В., Лелекова А. В., Семёнышева М. А. Культурный аспект в имидже Нижнего Новгорода // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2020. № 2 (44). С. 5–11.

Пушко О. К. Региональный аспект лингвострановедения в преподавании РКИ // Россия в мировом сообществе: смысловое пространство диалога культур. 2016. С. 325–329.

Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. М.: Академический проект, 2004.

Н. В. Соловьева

*Пермский государственный национальный
исследовательский университет, г. Пермь, Россия
к.филол.н., доцент кафедры русского языка и стилистики*

Natalya V. Solovyova

*Perm State University, Perm, Russia
Ph.D., Associate Professor in the Department of
Russian Language and Stylistics*

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ТЕКСТА КАК ВИД УЧЕБНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ-ГУМАНИТАРИЕВ

LINGVOCULTURAL ANALYSIS OF TEXT AS A TYPE OF HUMANITIES STUDENTS' EDUCATIONAL AND RESEARCH ACTIVITY

Аннотация. В статье рассмотрены специфика лингвокультурологического анализа текста и возможности его использования в учебной деятельности студентов гуманитарных специальностей. Определены задачи и алгоритм анализа, предложены задания по лингвокультурологическому изучению художественных текстов. Подчеркнута социокультурная важность лингвокультурологического анализа текста как способа познания и понимания национальной картины мира.

Ключевые слова: лингвокультурологический анализ текста; лингвокультурология; национальная картина мира; концепт; лингвокультурологическое исследование; гуманитарное образование.

Abstract. The article deals with the specifics of linguocultural analysis of the text and the possibilities of its use in the educational activity of humanitarian specialties' students. The objectives and algorithm of analysis are defined. Tasks for linguocultural study of fiction texts are proposed. The

sociocultural importance of the text's linguocultural analysis as a way of cognition and understanding of the world's national picture is emphasized.

Keywords: linguocultural analysis of text; linguoculturology; national picture of the world; concept; linguocultural research; humanitarian education.

Введение

Формирование лингвокультурологической компетенции является одной из приоритетных задач обучения русскому языку как в школе, так и в вузе (см. ФГОС СОО, ФГОС ВО). Для достижения этой задачи необходимо понимать национально-культурную специфику лингвокультурологических единиц, что невозможно без глубоких знаний истории народа, его культуры, мифологии, традиций и ценностей, а также умений выделять и интерпретировать национально-культурные смыслы. Всему этому учит лингвокультурология – «филологическая наука, которая исследует различные способы представления знаний о мире носителей того или иного языка через изучение языковых единиц разных уровней, речевой деятельности, речевого поведения, дискурса» [Зиновьева, Юрков 2009: 15].

Целью преподавания этой дисциплины в магистратуре филологического факультета ПГНИУ является формирование исследователя, осведомленного в изучении взаимодействия фактов языка и культуры; развитие у магистрантов антропоцентрически ориентированного представления о языке как основной части культуры, как способе передачи социокультурной информации и репрезентации национальных картин мира.

Цель статьи – раскрыть содержание и специфику лингвокультурологического анализа текста как метода филологического исследования; рассмотреть этапы реализации лингвокультурологического анализа произведения; обосновать роль лингвокультурологического анализа текста в преподавании гуманитарных дисциплин в вузе.

Содержание и методы лингвокультурологии

В связи с тем, что направление лингвокультурологии еще относительно «молодое», многие вопросы, связанные с ведением этой дисциплины, требуют от преподавателя определенных решений в отношении как содержательной части, так и практической составляющей и контроля.

Так, мною был подготовлен курс «Теоретические и прикладные аспекты лингвокультурологии», разделы которого включают изучение истории и современного состояния этого направления, методологии, а также центральных понятий:

1. Лингвокультурология как направление современной лингвистики: история и теоретические основания.

2. Проблема «язык – культура» в мировой и отечественной науке. Школы и направления лингвокультурологии.

3. Репрезентация культуры в языке. Языковая картина мира и концепт.

4. Методология и методы лингвокультурологического исследования языка.

5. Языковая личность как уровень проявления и формирования культуры.

6. Коммуникативное поведение как предмет лингвокультурологического описания.

7. Дискурсивная картина мира: основные направления исследования.

Так как лингвокультурология является интегративной наукой, ее собственные методы частично или полностью совпадают с методами других родственных наук и вследствие этого нередко имеют широкую формулировку. В. А. Маслова определяет методы лингвокультурологии как «совокупность аналитических приемов, операций и процедур, используемых при анализе взаимосвязи языка и культуры» [Маслова 2004: 34].

Обобщая все имеющиеся тезисы об особенностях методов лингвокультурологии, З. И. Комарова формулирует определение собственно лингвокультурологического метода: «инте-

грация методик, приемов и процедур исследования, направленных на изучение взаимосвязи и взаимодействия культуры и языка с целью установления и объяснения того, каким образом осуществляется одна из фундаментальных функций языка – быть орудием сознания, развития, хранения и трансляции культуры» [Комарова 2012: 538].

При таком – широком – подходе выбор метода (методов) в лингвокультурологическом исследовании будет соотноситься с целями, задачами и конкретным материалом. Основное требование к применению того или иного метода – его возможность выявить культурную семантику лингвокультурологических единиц.

Каким методам отдать предпочтение? С учетом того, что с методологической точки зрения лингвокультурология понимается как искусство и теория истолкования языковых текстов, а также того, что на современном этапе основным материалом для лингвокультурологических исследований служат именно тексты, наиболее эффективным методом считаем лингвокультурологический анализ текста.

Лингвокультурологический анализ текста (далее ЛАТ) – это особый метод обучения, который обеспечивает восприятие текста как целостного системного образования через призму его языковых, речевых и культурологических характеристик. ЛАТ характеризуется комплексностью, интегративностью и универсальностью. Текст полностью фиксирует «мир» той культуры, на языке которой создан. Внимательное изучение текста помогает глубже проникнуть в культуру своей страны или страны изучаемого языка; раскрыть смыслы, стоящие за теми или иными языковыми единицами; понять ценностные установки отражаемой культуры и в результате сформировать представление о картине мира, существующей в этой культуре.

ЛАТ предполагает рассмотрение текста в контексте культуры, т.е. не как отдельно взятое произведение, а как единицу дискурса. Главным объектом исследования при таком подходе будет не просто денотативное значение определенных язы-

ковых единиц, а их культурный компонент, который зависит от представлений носителей определенной этнокультуры. Изучение коннотативной информации – задача, требующая обращения к экстралингвистическим факторам, без которых понимание культурно-исторического содержания языковых единиц и текста в целом невозможно.

Преимущества ЛАТ, на наш взгляд, заключаются в следующих положениях:

1) возможен на всех уровнях текста (структурном, содержательном, прагматическом, лингвистическом и др.);

2) позволяет учитывать не только лексико-синтаксическую структуру текста, но и то, *когда, где, кем* текст был написан, *к кому* обращен, *с какой целью*, каковы оценочные, идеологические *установки автора*.

По сути ЛАТ имеет много общего с дискурсивным анализом, направленным на установление того, «что говорится в том, что сказано?» [Фуко 1996: 29].

На первый план выступает, конечно же, обращение к художественному тексту, именно художественный текст является аккумулятором и хранителем смыслов и констант культуры, отражает культурные реалии определенной эпохи и сам является произведением культуры.

Вопрос о необходимости разработки методики лингвокультурологического анализа художественного текста впервые подняла академик Л. И. Мацько. По ее мнению, «лингвокультурологический анализ художественного текста предполагает хорошую общелингвистическую ориентацию в тексте и требует знания теоретических основ лингвокультурологии, ее методологии и методики анализа основных понятий лингвокультурологии: лингвокультурный концепт, национальная лингвокультурная ментальность, лингвокультурема, культурная сема, культурная коннотация, культурный фон, культурное пространство, культурная традиция, культурное наследие, культурная парадигма» [Мацько 2011: 61]. Исходя из изложенного, отметим, что

такая комплексная работа в основном возможна в вузовской практике [Щербашина и др. 2022], в школьной практике также используется ЛАТ [Рябченко, Санькова 2020] или его элемент – лингвокультурологический комментарий / лингвокультурологическое комментирование [Дёмичева и др. 2017].

Этапы лингвокультурологического анализа текста:

1. Первое прочтение и дискурсивный анализ текста.

Восприятие текста читателем начинается с первого прочтения текста и обращения к имени автора и заголовку. Поэтому начальным этапом является изучение биографии автора, культурно-исторической эпохи (в которой создавалось произведение), особенностей национальной культуры (к которой автор себя относит, о которой пишет), осмысление жанра и стиля произведения в связи с его заголовком.

2. Повторное чтение и выявление лингвокультурологических единиц. На этапе осмысленного чтения особое внимание следует обращать на «константы» (Ю. С. Степанов) – наиболее значимые для конкретной этнокультуры концепты, запечатленные в тексте. К константам следует относить единицы, которые играют наиболее важную роль в культуре и являются частотными. Кроме констант, необходимо учитывать и наличие в тексте других лингвокультурологических единиц, содержащих культурные коннотации (лингвокультурем, мифологем, паремий, фразеологизмов, эталонов, стереотипов, символов, метафор и образов).

3. Дискурсивный анализ лингвокультурологических единиц. На этом (основном) этапе необходимо обращение к экстралингвистическим факторам для установления культурной семантики выявленных лингвокультурологических единиц, их происхождения и места в конкретной культуре.

4. Заключительное чтение и определение роли лингвокультурологических единиц в анализируемом тексте. Завершающим этапом ЛАТ будут ответы на вопросы о том, какое место занимают обнаруженные лингвокультурологические единицы в

тексте, какое значение им придает автор и с какой целью он их использует в своем произведении.

Практическим результатом всех этапов ЛАТ является полученное в итоге исследования *новое научное знание*. Это знание будет новым, так как оно каждый раз индивидуальное, зависимое от глубины понимания текста обучающимся, его кругозора, возможностей привлечь к анализу дополнительные материалы (словари, другие тексты). Поэтому критерий глубины понимания текста считаем важным при оценивании работ студентов. Это знание является научным, так как для получения информации о лингвокультурологических единицах студенты применяют научные методы исследования: лингвистический, стилистический, дискурсивный анализ и др.

Приведем пример задания для ЛАТ.

Выполните лингвокультурологический анализ предложенного текста. Выявите лингвокультурологические единицы и опишите культурно значимые смыслы. Определите роль лингвокультурологических единиц в анализируемом тексте. На основании полученной информации сформулируйте вывод о специфике русской языковой картины мира.

Текст 1.

Кончились майские холода, стало тепло, и зажухла черемуха. Зато наметились бутоны рябины и расцветает сирень. Зацветет рябина, и кончится весна, а когда рябина покраснеет, кончится лето, и тогда осенью мы откроем охоту и до самой зимы будем на охоте встречаться с красными ягодами рябины.

Сказать, какой именно запах у черемухи, невозможно не с чем сравнить, и не скажешь. В первый раз, когда весной я нюхаю, мне вспоминается детство, мои родные, и я думаю о них, что ведь и они тоже нюхали черемуху и не могли, как и я, сказать, чем она пахнет. И деды, и прадеды, и те, что жили в то время, когда пелась былина о полку Игореве, и много еще раньше, в совсем забытые времена – все была черемуха, и пел соловей, и было множество разных трав, и цветов, и певчих

птиц, и связанных с ними разных чувств и переживаний, составляющих наше чувство родины. В запахе одной только черемухи соединяешься со всем прошлым. И вот она отцветает. В последний раз я хочу поднести цветы к себе – в последней и напрасной надежде понять наконец-то, чем все-таки пахнет черемуха. С удивлением чувствую, что цветы пахнут медом. Да, вот я вспомнил, перед самым концом своим, цветы черемухи пахнут не собой, как мы привыкли, а медом, и это говорит мне, что не даром были цветы. Пусть они теперь падают, но зато сколько же собрано меду! (М. Пришвин «Мёд» // «Лесная капель»).

Текст 2.

*Я покинул родимый дом,
Голубую оставил Русь.
В три звезды березняк над прудом
Теплит матери старой грусть.
Золотую лягушкой луна
Распласталась на тихой воде.
Словно яблонный цвет, седина
У отца пролилась в бороде.
Я не скоро, не скоро вернусь!
Долго петь и звенеть пурге.
Стережет голубую Русь
Старый клен на одной ноге.
И я знаю, есть радость в нем
Тем, кто листьев целует дождь,
Оттого, что тот старый клен
Головой на меня похож.*

(С. Есенин, 1918).

Заключение

Организация и проведение подобной комплексной работы с текстом формирует у учащихся особое отношение к тексту как культурному феномену, содержащему национально-

культурный код, отражающему ментальность носителей языка, их национальную языковую картину мира.

В связи с активным взаимодействием представителей различных этнокультур возникает социокультурная потребность в изучении традиций и обычаев разных этносов. Источником познания в этом случае также могут служить художественные произведения, через лингвокультурологический анализ которых можно научиться понимать другую картину мира.

С учетом приведенных аргументов сформулируем вывод о том, что ЛАТ – это и разновидность работы с текстом, и вид учебной и научно-исследовательской деятельности, и способ понимания картины мира, соотносимой с определенным этносом. Иначе говоря, это широкое поле для интеллектуальной деятельности студентов-гуманитариев, которая может быть успешно реализована в практике преподавания лингвистических дисциплин и станет основой для осуществления дальнейших научных исследований (например: [Гаврилов 2022]).

Библиографический список

Гаврилов В. В. Лингвокультурологический анализ журналистских текстов как критерий их эффективности // Известия УрФУ. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2022. Т. 28. № 2. С. 52–61.

Дёмичева В. В., Ерёмченко О. И., Яковлева Т. В. К проблеме использования лингвокультурологического комментирования художественных текстов на уроках литературного чтения // Начальная школа. 2017. № 4. С. 29–39.

Зиновьева Е. И., Юрков Е. Е. Лингвокультурология: теория и практика. СПб.: Издательский дом «МИРС», 2009. 291 с.

Комарова З. И. Методология, метод, методика и технология исследований в лингвистике: учеб. пособие. Екатеринбург: Изд-во Уральского федерального университета им. Первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2012. 818 с.

Маслова В. А. Лингвокультурология: учеб. пособие. М.: Academia, 2004. 208 с.

Мацько Л. И. Лінгвокультурологічний аналіз художнього тексту // Культура слова. 2011. Вип. 75. С. 56–66.

Рябченко Н. Н., Санькова А. А. Лингвокультурологический анализ художественного текста на уроках русского языка и литературы в старших классах // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 5. Вып. 2. С. 202–206.

Фуко М. Археология знания. Пер. с фр. С. Митина, Д. Стасова / Общ. ред. Бр. Левченко. Киев: Ника-Центр, 1996. 208 с.

Щербашина И. В., Уракова Ф. К., Жажева Д. Д., Пханаева С. Н. Теоретико-методические основания использования лингвокультурологического анализа художественного текста в практике преподавания языковых дисциплин // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2022. Т. 14. № 4. С. 146–158.

Л. С. Тихомирова

*Пермский государственный национальный
исследовательский университет, г. Пермь, Россия
к. филол. н., доцент кафедры русского языка
и стилистики*

Е. С. Батуева

*Пермский государственный национальный
исследовательский университет, г. Пермь, Россия
магистрант*

Larisa S. Tikhomirova

*Perm State National Research University,
Perm, Russia
Ph.D., Associate Professor of the Department of
Russian Language and Stylistics*

Elena S. Batueva

*Perm State National Research University,
Perm, Russia
Undergraduate Student*

**ИГРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ
НА УРОКАХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА
ПРИ ОБУЧЕНИИ ДЕТЕЙ С ОГРАНИЧЕННЫМИ
ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ (ОВЗ)**

**GAME TECHNOLOGIES IN ENGLISH LESSONS
FOR TEACHING CHILDREN WITH DISABILITIES (HIA)**

Аннотация. В данной статье описывается специфика обучения детей с ОВЗ в рамках инклюзивной школы; представлены игровые технологии и алгоритмы обучения детей с ОВЗ в начальных, средних и старших классах. Актуальность данной работы заключается в использовании эффективных игровых технологий в образовательном процес-

се как фактора, влияющего на качество преподавания английского языка в школе. Ученик становится центром образовательного процесса именно во время урока, на котором используются игровые технологии.

Ключевые слова: учащиеся с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ), инклюзивная школа, игровые технологии.

Annotation. This article describes the specifics of teaching children with disabilities in an inclusive school; game technologies and algorithms for teaching children with disabilities in primary, secondary and senior grades are presented. The relevance of this work lies in the use of effective gaming technologies in the educational process as a factor affecting the quality of teaching English at school. The student becomes the center of the educational process precisely during the lesson, which uses game technology.

Keywords: students with disabilities in health (HIA), inclusive school, game technologies.

В Конституции РФ и Законе «Об образовании» [Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации», 2012] сказано, что дети с проблемами в развитии имеют равные со всеми права на образование. В связи с этим обеспечение реализации права детей с ограниченными возможностями здоровья на полное образование рассматривается как одна из важнейших задач государственной политики и современной педагогики.

Инклюзивное образование – это процесс воспитания и обучения лиц с ОВЗ совместно с нормально развивающимися сверстниками. *Задачей* инклюзивного обучения является осуществление индивидуального подхода к учащимся с ограниченными возможностями здоровья с целью их совершенства в социально-личностном развитии. Одним из методов реализации эффективной формы работы с подобными детьми является **игра**.

В связи с переходом системы специального образования на качественно новый этап развития возникла необходимость переосмыслить соотношение образовательных достижений ребенка и достижений в области социальной компетенции, роли и

места личностного, социального развития ребенка с ограниченными возможностями здоровья в сфере образования.

В процессе взаимодействия педагога с таким ребенком возникают проблемы, связанные с влиянием на личность школьника огромного количества внешних и внутренних факторов. Чтобы эффективно управлять этим процессом, надо знать его специфику, положительные и негативные стороны, предвидеть результаты воздействия и своевременно вносить коррективы в образовательный процесс.

Согласно исследованиям С. В. Алехиной, «обучающиеся с особыми образовательными потребностями – это обучающиеся, нуждающиеся в получении специальной психолого-педагогической помощи и организации особых условий при их воспитании и обучении» [Алехина 2013: 76].

Процесс социальной реабилитации протекает только в деятельности, которая обеспечивает познание ребенком окружающего мира, порождает новые потребности, стимулирует возникновение у детей чувств, активизирует волю.

Профессиональные навыки учителей должны быть направлены не только на удовлетворение базовых знаний и потребностей, но и на укрепление мотивации учеников с помощью специальных технологий. Каждый ребенок с ОВЗ обязан развиваться по мере своих возможностей.

Формирование особой образовательной среды в рамках инклюзивной школы требует соблюдения правил, поскольку ученики с ОВЗ – это особая группа учащихся.

Современный урок, наряду со всем вышесказанным, должен постоянно включать в себя что-то мотивационно интересное и новое, так как однообразная и монотонная работа детей вряд ли сможет удержать их внимание и сформировать положительное отношение к учебному процессу. Таким инструментом может стать *игра*. Она позволяет быть на равных всем участникам образовательного процесса. Всем известная истина: чем активнее участники образовательного процесса, тем эффективнее

обучение. Игра помогает сделать учебный процесс более динамичным, создаёт благоприятную эмоциональную атмосферу, позволяет проявить лучшие качества ученика, способствует развитию познавательных интересов, творческих способностей, самостоятельности, помогает выстроить взаимоотношения в коллективе.

Игровая технология основывается на раскрытии потенциала и развитии творческого мышления учащихся во время совместного рассмотрения и решения поставленных задач.

По определению Г. К. Селевко, игровая технология – «это вид деятельности в условиях ситуаций, направленных на воссоздание и усвоение общественного опыта, в котором складывается и совершенствуется самоуправление» [Селевко 1998: 65].

Игровые технологии имеют различную направленность:

1) дидактическую – формирование определённых умений и навыков, необходимых в практической деятельности;

2) воспитывающую – воспитание самостоятельности, формирование определённых позиций, сотрудничества, коммуникабельности;

3) развивающую – развитие внимания, речи, мышления, рефлексии, мотивации учебной деятельности;

4) социализирующую – приобщение к нормам и ценностям общества; адаптация к условиям среды, саморегуляция.

Л. В. Петрановская в своей книге «Игры на уроках» выделяет несколько видов игр [Петрановская 2010]:

- учебные
- комбинаторные
- аналитические
- ассоциативные
- контекстные
- языковые
- творческие задания

В рамках инклюзивного обучения можно выделить ещё одну классификацию эффективных игр [Шмаков 2014]:

- предметные игры
- сюжетно-ролевые игры
- дидактические игры
- трудовые игры
- интеллектуальные игры

Таким образом, игровая технология обладает средствами, активизирующими познавательную деятельность, способствующими усилению мотивации, стимулирующими речевую деятельность. Учитель призван и обучать, и воспитывать, и развивать ребенка, побуждая его к самоанализу и самовоспитанию.

Овладение лексическим материалом требует многократного повторения, что является трудностью для детей с ОВЗ. Дидактические игры дают возможность изучать лексический материал в ситуации непосредственного общения, что существенно повышает мотивацию к изучению иностранного языка.

Дидактические игры – это вид учебных занятий, организуемых в виде учебных игр, «реализующих ряд принципов игрового, активного обучения и отличающихся наличием правил, фиксированной структуры игровой деятельности и системы оценивания» [Кругликов 2023:54]

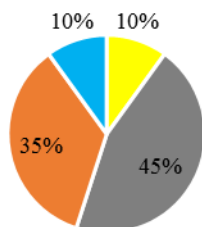
Обязательными условиями для организации интерактивного обучения являются:

- доверительные, позитивные отношения между обучающим и учащимися; – демократический стиль общения;
- сотрудничество в процессе общения;
- опора на личный («педагогический») опыт учащихся, включение в учебный процесс ярких примеров, фактов, образов;
- многообразие форм и методов представления информации, форм деятельности учащихся, их мобильность;
- включение внешней и внутренней мотивации деятельности, а также взаимомотивации учащихся [Сафонова 2018: 34].

На последнем этапе исследования нами был проведен эксперимент. Так, были выбраны две фокус-группы детей 5 класса,

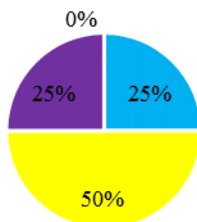
которым объяснялся материал по лексике в традиционной системе обучения (исключительно по учебнику) и в игровой форме. Результаты контрольного мероприятия были следующие:

Результаты традиционного объяснения материала

■ Оценка "2" ■ Оценка "3" ■ Оценка "4" ■ Оценка "5"

Результаты объяснения материала с применением игровых технологий

■ Оценка "2" ■ Оценка "3" ■ Оценка "4" ■ Оценка "5"

В рамках проведения исследования выяснилось, что использование игровых технологий на занятиях английского языка существенно влияет на образовательный процесс. При объяснении материала без использования игровых технологий среднее значение правильных ответов учащихся составило 45 %. В то время, как с использованием игры на уроках объяснения и закрепления, правильность ответов учащихся составила 75 %.

Таким образом, учитель должен постоянно внедрять в процесс обучения новые компоненты, которые с интересом бу-

дут восприниматься его учениками. Игра остаётся игрой только для ребёнка. Для преподавателя – это серьёзный инструмент для более лёгкого усвоения детьми серьёзного материала. Игра служит мостом между целями, поставленными учителем, и результатом, полученным учеником.

Библиографический список

Алехина С. В. Инклюзивное образование для детей с ограниченными возможностями здоровья. Красноярск: Сибирский федеральный университет, Красноярский ун-т им. В. П. Астафьева, 2013. 123 с.

Селевко Г. К. Современные образовательные технологии. М.: Народное образование, 1998. 256 с.

Кругликов В. Н., Оленникова М. В. Интерактивные образовательные технологии. М.: Научная книга, 2023. 355 с.

Писнова О. Ю. Квест-игра как технология интерактивного обучения при формировании исследовательской активности учащихся // Инновационные педагогические технологии: материалы IX Междунар. науч. конф. (г. Казань, март 2019 г.). Казань: Молодой ученый, 2019. С. 8–11. URL: <https://moluch.ru/conf/ped/archive/326/14899/> (дата обращения 22.01.2023).

Сафонова Е. В. Образовательный квест: смысл, содержание, технологические приёмы. М.: Народное образование, 2018. 84 с.

Полат Е. С. Новые педагогические и информационные технологии в системе образования: учебное пос. М.: Издательский центр «Академия», 2005. 272 с.

О. С. Туманова

*Пермский государственный национальный
исследовательский университет, г. Пермь, Россия
к. филол. н., старший преподаватель кафедры
русского языка и стилистики*

Olga S. Tumanova

*Perm State National Research University, Perm, Russia
Ph.D., Senior Lecturer of the Department of
Russian Language and Stylistics*

ПРЕПОДАВАНИЕ АКАДЕМИЧЕСКОГО ПИСЬМА В СТАРШИХ КЛАССАХ: ОПЫТ ЛИЦЕЯ ПГНИУ

TEACHING ACADEMIC WRITING IN HIGH SCHOOL: EXPERIENCE OF PSU LYCEUM

Аннотация. Современные требования к молодому исследователю, касающиеся академической мобильности и публикационной активности, предъявляются еще на первых курсах университета. В то же время практика показывает, что вчерашние школьники не всегда преуспевают в создании оригинальных научных текстов. На наш взгляд, это не столько индивидуальная проблема, сколько серьезная лакуна в школьном образовании. В большинстве вузов на первых курсах часто вовсе не предусмотрены занятия по академическому или креативному письму, хотя с самого начала обучения студентам приходится сдавать много письменных работ и заниматься академической работой в целом: взаимодействовать с соавторами, переписываться с научными журналами и организационными комитетами конференций, работать с замечаниями рецензентов. Однако любые элементы академического письма в школе способны скорректировать эту проблему и максимизировать эффективность школьного образования как «в моменте», так и в обозримом университетском будущем. Опыт работы с академическим письмом в старшей школе – реферирование и аннотирование тек-

ста, научное редактирование, работа с источниками, продуцирование собственных научных текстов различных жанров (эссе, статья и пр.), работа над индивидуальным исследовательским проектом и многое другое – позволяет современному школьнику увидеть тотальную текстуальность мира вокруг, обрести умение считывать различные культурные коды и смыслы, уверенно ощущать себя в мейнстриме современного научного знания, воспринимать предметы школьной программы в сложной взаимосвязи, нестандартно мыслить, эффективно решать учебные задачи и делать более осознанный профессиональный выбор в будущем. Настоящее исследование посвящено опыту преподавания академического письма старшеклассникам одной из пермских школ для одарённых детей. This study is devoted to the experience of teaching academic writing to high school students in one of the Perm schools for gifted children.

Ключевые слова: академическое письмо; методика преподавания русского языка; русский язык в старшей школе; развитие одарённости; профильные школы при вузах.

Abstract. Modern requirements for a young researcher regarding academic mobility and publication activity are imposed even in the first years of university. At the same time, practice shows that yesterday's schoolchildren do not always succeed in creating original scientific texts. In our opinion, this is not so much an individual problem as a serious lacuna in school education. In most universities, in the first years, classes on academic or creative writing are often not provided at all, although from the very beginning of their studies, students have to submit a lot of written work and engage in academic work in general: interact with co-authors, correspond with scientific journals and organizing committees of conferences, work with comments from reviewers. However, any elements of academic writing at school can correct this problem and maximize the effectiveness of school education both “in the moment” and in the foreseeable university future. Experience of working with academic writing in high school - summarizing and annotating text, scientific editing, working with sources, producing their own scientific texts of various genres (essays, articles, etc.), working on an individual research project and much more - allows the modern student to see the total the textuality of the world around, gain the ability to read various cultural codes and meanings, feel confident in the mainstream of modern scientific knowledge, perceive school curriculum subjects in a complex

relationship, think outside the box, effectively solve educational problems and make more informed professional choices in the future.

Keywords: academic writing; methods of teaching the Russian language; Russian language in high school; development of giftedness; specialized schools at universities.

Лицей Пермского государственного национального исследовательского университета (далее – Лицей ПГНИУ) был открыт 15 марта 2022 года согласно постановлению Правительства Пермского края от 25 ноября 2021 г. № 934-п «Об утверждении Порядка предоставления грантов в форме субсидий из бюджета Пермского края образовательным организациям высшего образования на реализацию пилотного проекта «Профильные школы при вузах Пермского края». В лицее существует три профиля: социально-гуманитарный (с углублённым изучением истории и географии), естественнонаучный (с углублённым изучением химии и биологии), технологический (с углублённым изучением физики, математики и информатики).

Пермский государственный национальный исследовательский университет заинтересован в подготовленных абитуриентах, интересующихся наукой или даже уже имеющих некоторый личный опыт научных изысканий. Поэтому работа над индивидуальным проектом (им может быть как научное исследование, так и прикладная разработка или продукт) – важный, если не важнейший компонент обучения в Лицее ПГНИУ. Работа над индивидуальным проектом предполагает, во-первых, активное сотрудничество с научным руководителем из состава профессорско-преподавательского состава ПГНИУ, во-вторых, обязательный исследовательский компонент, в-третьих, апробацию результатов работы. Апробация премируется дополнительными защитными баллами при защите проекта (которая проходит каждое полугодие). За два года обучения в Лицее ПГНИУ обучающемуся желательно принять участие минимум в двух научно-практических конференциях, причём в случае успешного выступления на конференции со своим индивидуальным проектом

(диплом победителя, призёра или лауреата) лицеист освобождается от защиты работы с автоматическим выставлением отметки «отлично».

Однако качественная работа над индивидуальным проектом предполагает не только методологическую сбалансированность и новизну содержательного компонента, но и высокое качество научного текста, которого сложно добиться от молодого неподготовленного исследователя. Как иронично замечал У. Эко, «Первый импульс у любого студента – написать такой диплом, где говорилось бы сразу о многом» [Эко 2023: 27]. Иными словами, для лицеиста-десятиклассника оказывается одинаково важен вопрос как «о чём писать исследование?», так и «как писать исследование?». С 2022 года в школе для старшеклассников «Лицей Пермского университета» для социально-гуманитарного, естественнонаучного и технологического классов читается специально разработанный для старшеклассников курс «Академическое письмо». Этот курс создан в помощь лицеисту и органично дополняет дисциплину «Индивидуальный исследовательский проект».

В отечественной традиции академического письма *в высшей школе* за последние два десятилетия уже сформировались определенные каноны. В 2000–2010-е издаются как отдельные методические рекомендации [Радаев 2001], так и полноценные учебные пособия для студентов, направленные на совершенствование навыков создания как собственных, так и вторичных научных текстов [см. Маркушевская, Цапаева 2008; Колесникова 2011]. Так, например, А. В. Марков обстоятельно описывает опыт преподавания аспирантам курса академического письма, уделяя особенное внимание поощрению публикационной активности [Марков 2023: 107]. В то же время Ю. Э. Бут отмечает ограниченность практики преподавания академического письма в региональных вузах: «В связи с тем, что студентов не учат навыкам академического письма, им приходится писать свои эссе, доклады, проекты, выпускные работы и научные статьи по

наитию, имея слабое представление о техниках письма, нормах структурирования и обязательных компонентах разных типов научных текстов» [Бут 2019: 5]. Тем более важным нам представлялось выстроить курс академического письма *в старшей школе* таким образом, чтобы обозначенные Ю. Э. Бутом лакуны оказались эффективно закрыты.

Академическое письмо как таковое – это всегда нахождение определенного баланса между использованием чужих работ и внесением собственного вклада. При малейшем изменении этого хрупкого равновесия работа из исследования превращается либо в реферат, либо в околону научную спекуляцию. Ни то, ни другое не является приемлемым для Лицея ПГНИУ. Поэтому миссия курса «Академическое письмо» – подготовить будущего исследователя, который будет иметь навык навигации в современном академическом пространстве, знаком с научной этикой, готов к непрерывному образованию (в том числе и самообразованию), способен ясно, логично и точно излагать свою точку зрения, использовать для этого адекватные языковые средства, а также корректно работать с источниками.

Основная цель курса – формирование у лицеистов профессиональной компетенции по анализу и написанию академического текста, создание представления о типах и структуре научного текста, требованиях к метаданным и библиографии. Результаты освоения курса требуют от учащихся, как минимум, владеть методикой анализа текста, способствующей точному восприятию исходного высказывания, как максимум – владеть методикой работы с текстом, включая поиск информации в справочной, специальной литературе и компьютерных сетях. По окончании освоения курса лицеист должен владеть приемами смыслового анализа текста, методикой коммуникативного анализа текста, жанрами аннотации, реферата, эссе, рецензии и научной статьи.

Всего на курс «Академическое письмо», который входит в вариативную часть учебного плана, выделяется 18 часов в 10

классе и 16 часов в 11 классе. Тематическое планирование курса было организовано следующим образом (см. таблицу 1):

Таблица 1

Тематическое планирование курса

№	Тема	Количество часов		
		Всего	Теория	Практика
1.	Специфика научного стиля речи	4	2	2
2.	Работа с источниками. Библиографическое описание	4	2	2
3.	Аннотирование и реферирование текста	6	2	4
4.	Редакторская правка текста	4	1	3
5.	Написание эссе	3	1	2
6.	Написание рецензии	3	1	2
7.	Написание научной статьи	10	4	6

Хотя летом 2024 года Лицею ПГНИУ еще только предстоит выпустить свой первый набор, уже можно подвести некоторые предварительные итоги, касающиеся эффективности организации исследовательской работы лицеистов. Следующие статистические данные были получены в 2023-2024 годах, референтной группой стал первый набор лицеистов 2022 года. Из 69 обучающихся участниками региональных и всероссийских научно-практических конференций стало 22 лицеиста (32% обучающихся Лицея). См. рис. 1:

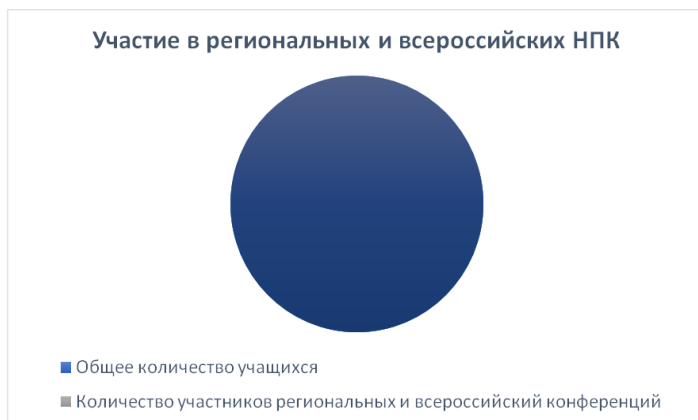

Рис. 1

Из 22 участников победителями и призёрами региональных и всероссийских научно-практических конференций стало 15 лицеистов (68% от количества участников и 22% от общего количества обучающихся). См. рис. 2:

Рис. 2

На наш взгляд, эти результаты даже на столь раннем этапе позволяют говорить об успешной реализации курса «Академическое письмо» в старшей школе и максимизации результатов освоения дисциплины «Индивидуальный проект учащегося». В дальнейшем нам представляется перспективным рассмотреть,

как будут меняться эти цифры от выпуска к выпуску, проследить, существует ли какая-либо корреляция между уровнем академической мобильности учащихся и их профилем, каков процент призеров ВСОШ и перечневых олимпиад среди победителей и призеров региональных и всероссийских НПК из числа лицейстов. Наконец, было бы любопытно узнать, сохранят ли эти 22% обучающихся прежнюю академическую мобильность в студенческой жизни.

Библиографический список

Бут Ю. Е. Академическое письмо для историков: учебное пособие для студентов, обучающихся по программе магистратуры по направлению подготовки 46.04.01 «История». Екатеринбург: Издательский отдел УрГПУ, 2019. 224 с.

Колесникова Н. И. От конспекта к диссертации: учеб. пособие по развитию навыков письменной речи. М.: Флинта, 2011. 288 с.

Марков А. В. Поощрение публикационной активности студентов на занятиях по академическому письму // Гуманитарный акцент. 2023. № 1. С. 107–129.

Маркушевская Л. П., Цапаева Ю. А. Аннотирование и реферирование (Методические рекомендации для самостоятельной работы студентов). СПб: СПб ГУ ИТМО, 2008. 51 с.

Радаев В. В. Как организовать и представить исследовательский проект: 75 простых правил. М.: ГУ-ВШЭ: ИНФРА-М, 2001. 201с.

Эко У. Как написать дипломную работу: гуманитарные науки. М.: Corpus, 2023.

У Цюн

*Аньхойский университет, г. Аньхой, Китай
преподаватель*

Wu Qiong

*Anhui University, Anhui, China
Lecturer*

**СИСТЕМА ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ
И ЛИТЕРАТУРЕ
В КИТАЙСКИХ УНИВЕРСИТЕТАХ**

**THE SYSTEM OF TEACHING THE RUSSIAN LANGUAGE
AND LITERATURE AT CHINESE UNIVERSITIES**

Аннотация. В статье раскрывается место русского языка в современных высших учебных заведениях Китая, анализируется история обучения русскому Языку в Китае, сложившаяся в настоящее время система обучения русскому языку и существующий государственный стандарт. Показываются основные принципы работы преподавателей со студентами, формы учебной деятельности и способы контроля знаний студентов.

Ключевые слова: русский язык, университеты Китая, методика изучения, система образования.

Abstract. This article mainly analyzes the place of the Russian language in modern higher educational institutions of China, the history of teaching the Russian language in China, the current system of teaching the Russian language and the existing state standard. The basic principles of the work of teachers with students, forms of educational activity and methods of monitoring knowledge of students are revealed in the last part of this article.

Keywords: the Russian language, Universities of China, methodology of study, education system.

Обучение русскому языку в Китае началось в период поздней династии Цин (XVIII в.). В этой трёхсотлетней истории можно выделить *четыре этапа*, каждый из которых имел свою специфику, обусловленную различными общественными условиями. *Первый этап* начался в 1708 г., когда была основана первая школа русского языка, называвшаяся «Институт языка России», и продолжался до момента создания КНР в 1949 г. *Второй этап* был связан с созданием КНР, конкретно – с 1950-ми гг., – и для этого времени характерен наиболее бурный и напряженный процесс развития обучения русскому языку. *Третий этап* был обусловлен продвижением «политики реформ и открытости», проходившим с 1970-х по 1990-е гг.) [Вань Минъюй 2022: 2]. *Четвёртый этап* начался после подписания Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Россией и Китаем в 2001 г., и этот период длится до сих пор.

В данной статье рассматривается ситуация обучения русскому языку в Китае, сложившаяся в настоящее время.

Обучение русскому языку в Китае имеет очень хорошую базу в связи с обретённым за долгие годы опытом, сложившимися традициями и всегда играет большую роль в системе обучения иностранным языкам в Китае, особенно с начала 1950-х гг. [Гу Цзяци 2012: 136]. В настоящее время русский язык преподаётся в трёх типах образовательных заведений: 1) частных организациях по обучению иностранным языкам; 2) средних школах и 3) университетах и иных вузах.

В настоящее время в Китае имеется 168 университетов, в которых преподаётся русский язык и литература. Количество студентов, изучающих русский язык в вузах, превысило 26,000 человек, а число университетских преподавателей (профессоров, доцентов и лекторов), связанных с русским языком, составляет примерно 1 600 человек [Вань Минъюй 2022: 4].

В Китае университетская специальность называется «Русский язык и литература». Обычно по результатам китайского ЕГЭ абитуриенты могут выбирать университет и специальность, куда они хотят поступить. Если количество абитуриентов, же-

лающих обучаться на какой-либо специальности, превышает количество мест, имеющихся в университете, то студентами становятся те, кто имеет более высокий балл ЕГЭ. Те, кто не прошёл на ту специальность, куда хотел поступить, имеет возможность поступать на специальность, где желающих не хватает, поэтому студентов на факультете русского языка можно поделить на две группы: те, кто был принят по собственному желанию, и те, кто был вынужден поступить на эту специальность из-за того, что не прошёл по конкурсу на другие специальности. Обычно на факультет русского языка и литературы каждый год принимается по 25 человек, кроме Северо-Восточной части Китая, где количество мест на данном факультете обычно в 2 или 3 раза больше.

Методы преподавания русского языка в Китае в разных высших и средних учебных заведениях не сильно отличаются, поскольку действует Единый Государственный Стандарт (далее – «Стандарт»). Первый Стандарт для специальности «Русский язык и литература» был составлен в 1987 г. В дальнейшем требования к условиям обучения неоднократно изменялись. В 2007 г. Комитетом по управлению обучением русскому языку Китая было решено исправить и дополнить Стандарт. Дважды – в 2008 и 2009 г. проводились специальные конференции по исправлению Стандарта, а работе которых участвовали представители 30 вузов [Янь Хунбо 1999: 4]. В настоящее время в Китае действует Новый Единый Государственный Стандарт 2012 г., общий объём которого 389 страниц. Новый Стандарт включает в себя 4 раздела:

Раздел I – главные руководящие идеи и общие положения Стандарта: для кого он предназначен, какими навыками и умением должны овладеть студенты, какие главные методы по обучению следует использовать. В конце Стандарта почеркнуто, что результаты его выполнения будут отражены в Государственном тестировании Уровня 4 и Уровня 8.

В соответствии со Стандартом в обучении русскому языку выделяются два уровня: «базовый» и «продвинутый». На усвоение каждого уровня необходимы два года.

Раздел 2 – учебная программа базового этапа. В этом разделе определены основные учебные цели и требования к студентам, указана система предметов, обеспечивающих выполнение требований, названы виды тестирования и методы оценки знаний. Программа базового этапа предназначена для студентов первого и второго курсов с целью определения базовой лексики, фонетических и грамматических правил, базового умения говорить, слушать, читать и общаться по-русски на повседневные темы. Общее требование к студентам: усвоить на протяжении периода 3500–3800 слов, при этом 2200–2400 из них надо уметь активно уметь использовать.

Раздел 3 – учебная программа для продвинутого этапа. В данном разделе конкретно определены основные учебные цели и требования, система предметов, виды тестирования и методы оценок. Продвинутый этап рассчитан на третий и четвертый курсы.

Раздел 4 – приложение к Стандарту. В этом разделе объединены все темы, затронутые в учебниках, грамматические и стилистические правила, фразеологизмы, пословицы и аббревиатуры, особенности этикета, принятые в русской культуре.

В Китае продолжительность обучения в бакалавриате составляет 4 года (8 учебных семестров). На факультете русского языка первый учебный год предназначен для освоения алфавита и произношения. Одновременно изучается грамматика, устная разговорная практика и аудирование, чтобы в конце первого года студенты умели писать и говорить по-русски на простые темы: «В Кино», «День рождения», «Моя семья» и так далее. Обычно в первом семестре изучается всего 5 предметов – основной курс русского языка, грамматика, устная разговорная практика, аудирование и чтение. В данной системе остальные предметы должно вести в соответствии с темой и содержанием

предмета «Основной русский язык», то есть обычно все предметы ориентированы на один и тот же учебник, в котором есть разные разделы. Преподаватель предмета «Основной русский язык» обычно ведет раздел «Алфавит, произношение, диалог и новые слова» и предлагает студентам новые слова и речевые образцы по разным темам. После этого преподаватель по аудированию и устной практике тренируют студентов, используя уже изученные ими языковые ресурсы, а преподаватель по грамматике объясняет на их примере элементарные грамматические правила, связанные с родом и числом имен существительных русского языка.

В Китае имеется много разных учебников по грамматике русского языка. Профессор Чжан Хуэйсэн перевёл с русского на китайский язык «Академическую грамматику» 1980-х гг. и на её основе адаптировал курс грамматики русского языка, чтобы он стал более доступным для китайских студентов. В настоящее время много издательств напечатали собственные сборники упражнений по грамматике русского языка.

К концу первого учебного семестра на занятиях по «Основному русскому языку» добавляются более длинные и сложные тексты. В этот учебный период предметов, имеющих единую учебную цель, довольно много, и часов по этим предметам тоже много. На «Основной русский язык» выделено 8 часов в неделю, 4 часа – на «Граматику», остальные три предмета имеют по 2 часа в неделю.

Во втором учебном семестре ведутся те же предметы, что создаёт хорошую базу для дальнейшего развития языковых навыков, но со второго семестра начинаются тренировки письма на русском языке по разным темам и речевым жанрам (повествовательный текст, описательный текст, аргументированный текст, письмо, объявление и т.д.).

К концу первого учебного года студенты должны усвоить произношение гласных и согласных, постановку ударений, 6 главных интонаций русского языка, научиться читать тексты

на разные темы, выучить основные морфологические правила. В конце первого курса студенты изучают важный текст – «Москвичи и покупки».

Во время второго учебного года более напряженно изучаются новые слова и грамматические правила; особенно большое внимание уделяется синтаксису. Продолжаются предметы первого курса (в том же объёме), но «Общее чтение» превращается в «Критическое чтение». Со второго курса студенты должны размышлять, основываясь на данном материале и тренироваться в выражении личного мнения.

Как мы уже отмечали, государственный стандарт определяет первые два года как базовый уровень изучения русского языка. В конце второго учебного года все студенты должны пройти через единое государственное тестирование по русскому языку четвертого уровня. Данный экзамен включают в себя диктант, сочинение, проверку знания лексики и грамматики, умения читать и писать.

Третий и четвертый учебные годы определены в качестве продвинутого этапа изучения русского языка. Этот период сосредоточен на развитии навыков перевода, умения размышлять и выражать мысли по разным проблемам культуры. В это время добавляются новые предметы: «Практика перевода с русского языка на китайский» и «Практика перевода с китайского языка на русский», «Страноведение России» и «Русская литература». «Основной русский язык» трансформируется в «Высший русский язык»; на занятиях студенты изучают тексты и выполняют задания по темам «Брак и семья», «Выбор профессии», «Транспортная проблема и путь ее решения», «Экономика и общество», «Русская ментальность», «Восток и Запад», «Русская всемирная отзывчивость» и так далее. Для аудирования, критического чтения и разговорной практики выбираются материалы по политическим, экономическим и общественным темам. Преподаватели имеют право добавить разные подходящие по проблематике материалы.

Для изучения страноведения России изданы многочисленные пособия, в том числе серия учебников, составленных профессором Пекинского Университета иностранных языков Ли Иньнань (дочерью одного из основателей основателя Компартии КНР Ли Лисаня и Елизаветы Кишкиной [китайское имя – Ли Ша], также являвшейся профессором факультета русского языка). Данная серия включает в себя 4 книги: «Исторический Путь России», «Культура России», «География России» и «Страноведение России». На основе этих четырёх книг составляются многие тесты по страноведению.

Для изучения русской литературы в Китае изданы разные книги. Самым популярным и авторитетным учебником является «История русской литературы», которая была опубликована Издательством Пекинского Университета, одним из самых престижных университетов Китая. Данный учебник раскрывает полную картину развития русской литературы начиная с летописи «Повесть Временных лет» до её современного состояния. Главы и разделы учебника отражают периодизацию литературы; имеются монографические разделы, посвящённые отдельным писателям. Монографические разделы имеют обычно следующую структуру: биография и обзор творчества писателя, краткая информация о сюжете его основных произведений, оценка главных произведений писателя в критике. Одного учебного года для изучения всего материала, изложенного в учебнике, обычно не хватает. Чаще выбираются самые необходимые писатели, – такие, как как Фонвизин, Державин, Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Тургенев, Некрасов, Достоевский, Толстой, Чехов, Блок, Ахматова, Горький, Бунин, Есенин.

Студенты не только ходят на лекции и практические занятия, но и сами занимаются научной работой. Студенты могут подать заявку на получение гранта на государственном и университетском уровнях, которые предоставляются ежегодно. Например, студенты факультета русского языка Аньхойского университета переводили буклет Музея Провинции Аньхой с

китайского языка на русский. В 2023 г. студентка Аньхойского университета получила грант на участие в международной студенческой конференции «В мире русского языка и русской культуры».

Чтобы способствовать популяризации обучения русскому языку, развить умения и навыки использования русского языка, в Китае каждый год проводятся разные конкурсы по русскому языку. По инициативе Министерства образования ежегодно организуется Всекитайский Конкурс русского языка, который включает 4 части: письменный экзамен, выступление с докладом на определённую тему, говорение и устный перевод. Победители конкурса получают не только дипломы, но и возможность учиться в России за счёт государства. Проходят и другие конкурсы по устному и письменному переводу и межкультурной коммуникации.

Помимо конкурсов студенты активно участвуют в разных мероприятиях, направленных на развитие практики использования русского языка. Например, студенты Аньхойского Университета в 2015–2018 гг. работали волонтерами на «Семинаре по обучению российских чиновников», организовывавшимся Правительством провинции. Каждый год между Провинцией Китая и городами-побратимами из России идёт активное общение, поэтому студенты помогают профессиональным переводчикам и много переводят сами.

В свободное от занятий время студенты участвуют в разнообразных мероприятиях. В университете действуют студенческие сообщества: спортивные, литературные, оперные и другие; для проведения каждого из них выделены специальные помещения. Например, в Аньхойском Университете работает Студенческий Центр, где студенты танцуют, исполняют оперные арии, ведут свои бизнесы. В Корпусе иностранных языков Аньхойского Университета на первом этаже имеется специальное помещение для кружков иностранных языков. На этой площадке два раза в месяц проводятся заседания кружка русского языка (так

называемом «Уголке русского языка»), куда приглашают российских студентов и преподавателей, с которыми китайские русисты общаются на разные темы и тем самым улучшают свои навыки практического использования русского языка.

Помимо занятий по своей специальности, студенты должны изучать другие дисциплины, способствующие их всестороннему развитию. Эти дисциплины тоже делятся на две группы: первая группа – обязательные предметы, вторая – те предметы, которые студенты могут выбрать по собственному желанию (факультативы, элективы). Первая группа включает историко-политологические предметы и английский язык; вторая группа включают разные предметы: историю, философию, экономику, менеджмент, кулинарию, диетологию и т. д. Всего из 30 часов аудиторных занятий в неделю у студентов предметы по специальности занимают обычно 18 часов, остальные предметы – 12 часов.

В университетах студенты могут изучать не только ту специальность, на которую они поступили. Со второго года они имеют право посещать занятия по второй дополнительной специальности. Например, студенты факультета ИНЯК обычно в качестве второй специальности часто выбирают «Правоведение» или «Экономику». Лекции и семинары по второй специальности проводятся обычно в дни, свободные от других предметов.

Помимо лекций и семинаров, китайские студенты должны во время учёбы в университете пройти практику. Практика может быть разнообразной: работа на предприятиях, ведение собственного бизнеса в свободное от занятий время. Например, каждый год на факультете русского языка Аньхойского Университета студенты работают в Компании iFLYTEK, занимающейся изучением технологии искусственного интеллекта и речи на материале разных языков). Высоко ценится участие студентов в волонтерской деятельности. Студенты работают волонтерами на международных, правительственных и университетских меро-

приятнях. Например, на Зимних Олимпийских Играх 2022 года принимали участие многие студенты (особенно изучающие иностранные языки). В 2023 году в городе Хэфэ проводилась серия выставок, посвящённых «Дню Космонавтики», на которых работали студенты-волонтеры из разных вузов.

Помимо учебных заведений, в которых преподаётся русский язык, в Китае существуют разнообразные учреждения, занимающиеся управлением и организацией обучения русскому языку. Главным среди них является Управление по обучению и изучению русского языка, которое было создано в Шанхае в 1981 г. совместными усилиями Пекинского Университета, Пекинского Университета иностранных языков, Шанхайского Университета иностранных языков, Восточно-Китайского Педагогического Университета и т. д. При данном Управлении был основан специальный журнал, посвящённый изучению русского языка и его обучению. Под руководством Министерства образования Китая функционирует Комитет по управлению обучением иностранным языкам, а при этом Комитете работает Офис русского языка, занимающийся составлением Государственного Стандарта и Программ по обучению русскому языку, который руководит обучением и изучением русского языка во всем Китае.

В заключение можно сказать, что обучение русскому языку в Китае пользуется огромной поддержкой со стороны государства и последние годы развивается очень продуктивно.

Библиографический список

Вань Минъюй. Исторический процесс реформы по дисциплине русского языка в системе обязательного образования // Русский язык в Китае. 2022. № 3. С. 1–14 [王铭玉. 义务教育俄语课程改革的历史进程[J]. 中国俄语教学, 2022 (4) : 1-14].

Гу Цзяци. Историческое и настоящее положение развития обучения русскому языку в Китае // Образование для взрослых. 2012. № 5.

С. 136–137 [顾佳琪. 中国俄语教学的历史与现状.[J]. 中成人教育, 2012 (5) : 136-137].

Янь Хунбо. Специфики обучения русскому языку с точки зрения исторического пути развития // Русский язык в Китае. 1999. № 4. С. 1–7 [闫洪波. 从历史回顾中看中国俄语教学的特点. [J]. 中国俄语教学, 1999 (4) : 1-7].

Нин Ци. Семидесятилетнее развитие дела обучения русскому языку и его перспективы// Вестник Шанхайского Транспортного Университета. 2019. Октябрь. № 129. С. 76–88 [宁琦. 中国俄语教育 70 年回顾与展望[J]. 上海交通大学学报, 2019 (129): 76-88].

Хао Шуци. Обучение русскому языку в Столичной школе иностранных языков // Русский язык в Китае. 2004. № 2. С. 58–62 [郝淑霞. 京师同文馆的俄语教学[J]. 中国俄语教学, 2004 (2) : 58-62].

Научное издание

**Русский язык и ценностные ориентиры
современного мира**

Сборник материалов
международной научно-практической конференции
(Пермь, ПГНИУ, 2–3 февраля 2024 г.)

Издается в авторской редакции
Компьютерная верстка: *Н. В. Данилевская*

Объем данных 3,48 Мб
Подписано к использованию 30.05.2024

Размещено в открытом доступе
на сайте www.psu.ru
в разделе НАУКА / Электронные публикации
и в электронной мультимедийной библиотеке ELiS

Управление издательской деятельности
Пермского государственного
национального исследовательского университета
614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15